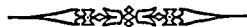

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XVIII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*П. Н. Третьяков (ответственный редактор),
С. Б. Бернштейн, И. К. Бунина, Л. Б. Валев,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
И. Н. Мельникова, И. С. Миллер, С. А. Никитин, С. В. Никольский*

И. Н. Мельникова

КЛАССОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ БУРЖУАЗИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА (1924—1925)

В 1924 г. Чехословакия вступила в период частичной стабилизации капитализма, продолжавшейся до 1929 г. В это время наблюдался рост промышленного производства, укреплялось экономическое и политическое господство буржуазии. Однако частичная стабилизация капитализма в Чехословакии с самого начала приобрела относительный и неустойчивый характер. Это проявлялось как в экономике, так и в политической жизни страны. Сама сущность капиталистической стабилизации, развивавшейся в условиях общего кризиса капитализма, пути и средства, которыми буржуазия добивалась восстановления и расширения капиталистического хозяйства и упрочения своего классового господства, неминуемо вели к обострению и углублению внутренних противоречий капитализма, к дальнейшему развитию классовой борьбы, что подрывало частичную стабилизацию буржуазного строя в самой ее основе и в конечном счете вело не к усилению, а к ослаблению капиталистической системы.

Главным источником частичной стабилизации капитализма в Чехословакии было усиление всех форм капиталистической эксплуатации и ограбление трудящихся масс, представлявших подавляющее большинство населения страны, монополистическим капиталом. Накопление богатства на одном полюсе общества и рост нищеты на другом углубляли пропасть между трудящимися массами и господствующим меньшинством и неизбежно вели к обострению классовых противоречий и усилению классовой борьбы.

Наряду с основным противоречием капиталистического общества, противоречием между трудом и капиталом, между рабочим классом и буржуазией, временная стабилизация капитализма в Чехословакии сопровождалась внутренними противоречиями в лагере самой буржуазии, между различными ее группировками. И хотя эти противоречия имели второстепенное значение по сравнению со все более усиливавшимися классовыми противоречиями, однако временами они достигали большой остроты, приводили к правительственным кризисам и серьезно осложняли внутривнутриполитическую обстановку в стране. Развитие экономических, социальных, национальных и

иных противоречий в тот период вынуждало чехословацкую буржуазию менять свою тактику, искать новые пути и средства для того, чтобы удерживать свое господство и противостоять нараставшему возмущению трудящихся масс антинародной, угнетательской политикой господствующих классов.

Характер и развитие частичной стабилизации в каждой отдельно взятой стране капиталистического мира определялись как общими закономерностями развития капитализма, так и конкретными историческими, экономическими и политическими условиями той или иной страны. В данной работе анализируется внутривнутриполитическое положение Чехословакии в первые два года частичной стабилизации капитализма, показывается расстановка классовых сил и рост классовых противоречий, борьба трудящихся против наступления буржуазии на их экономические и политические права.

АНТИНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА в 1924—1925 гг.

Чехословацкая республика образовалась в 1918 г. как буржуазное империалистическое государство. Чехословацкой буржуазии с помощью правого руководства социал-демократической партии удалось обмануть трудящиеся массы лозунгами демократизма и национальной свободы и утвердить в новом государстве свое классовое господство.

Однако в первые годы существования республики буржуазия не могла не учитывать соотношение классовых сил, сложившееся в ходе борьбы за самостоятельное государство, решающую роль в этой борьбе рабочего класса и его революционные настроения. Именно это заставило буржуазию пойти на некоторые уступки пролетариату, чтобы не допустить дальнейшего развития революции. В числе вынужденных уступок были: декреты о 8-часовом рабочем дне и государственных пособиях безработным, обещание установления рабочего контроля над производством и национализации основных отраслей промышленности и др.

Для успокоения крестьян было обещано проведение демократической аграрной реформы. Но как только буржуазия почувствовала себя достаточно сильной, чтобы укрепить свое господствующее положение, она перешла от политики вынужденных уступок к наступлению на рабочий класс. Началом такого наступления был декабрь 1920 г., когда буржуазии удалось нанести крупное поражение чехословацкому пролетариату во время его всеобщей забастовки.

В годы послевоенного экономического кризиса (1921—1923) чехословацкая буржуазия предприняла планомерное наступление не только на жизненный уровень, но и на политические права трудящихся. Это привело к резкому ухудшению жизненного положения народных масс и ограничению их демократических прав, особенно после принятия в 1923 г. реакционного закона «Об охране республики», предоставлявшего правительству неограниченные полномочия в «пресечении» всякой критики политики правительства и деятельности государственных органов. Закон «Об охране республики» был направлен против демократических, прогрессивных сил и прежде всего против чехословацкого пролетариата и его революционного авангарда — коммунистической партии.

Антинародная политика господствующих классов особенно ярко проявилась с наступлением частичной стабилизации капитализма.

У власти в то время находилось правительство, представлявшее коалицию пяти чешских буржуазных и «социалистических» партий — аграрной, национально-демократической, народной (католической), социалистической

(национальные социалисты) и социал-демократической¹. Возглавлял правительство лидер аграрной партии А. Швегла. Вся внутренняя и внешняя политика этого правительства была направлена на укрепление экономических и политических позиций чешской буржуазии, на стабилизацию и упрочение капиталистического строя в стране.

Тесное сотрудничество в правительственной коалиции «социалистических» министров с реакционными представителями буржуазии было закономерным продолжением предательской политики по отношению к рабочему классу, которую правые социалисты вели с первых дней существования Чехословацкой республики. Свое участие в буржуазном правительстве реформистские вожди социалистических партий оправдывали тем, что в правительстве они будто бы защищают интересы рабочего класса. Они утверждали, что соглашение с буржуазией о проведении социальных реформ является лучшим путем для осуществления требований рабочего класса. Реформистские лидеры направляли свои усилия на то, чтобы удержать массы от участия в революционной борьбе. Играв на национальных чувствах, они старались убедить чешских и словацких трудящихся, что их классовая борьба против «своей» буржуазии ослабит Чехословацкую республику, поставит под удар национальную независимость.

Правосоциалистические лидеры с гордостью на их звали о своих заслугах перед буржуазным государством. Так, один из них, правый социал-демократ Мейснер, выступая в палате депутатов в ноябре 1924 г., сказал: «Нужна была огромная работа по идейной переориентации социал-демократических рабочих, которые в Австрии десятилетиями воспитывались в антигосударственном духе и которые теперь должны мыслить и действовать в духе государственном. Мы этого достигли, и это с точки зрения государственной огромный плюс»². Мейснер сильно переоценил тут успехи, достигнутые правыми социалистами в смысле «переориентации» чехословацкого пролетариата. Однако, несомненно, оппортунистическая деятельность правых социалистов — отказ от революционной борьбы за диктатуру пролетариата и безоговорочное признание буржуазной законности, полное доверие к буржуазии, проповедь среди рабочих идеи сотрудничества классов, политика подчинения классовых интересов пролетариата интересам буржуазии — заражала реформизмом отсталые слои рабочего класса, ослабляла революционные силы трудящихся масс. Роль оппортунистических партий при империализме В. И. Ленин характеризовал так: «Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа»³.

С наступлением частичной стабилизации капитализма правые лидеры социалистических партий стали особенно ревностно защищать буржуазию и оправдывать все ее действия проявляемой якобы капиталистами «заботой об общенародном благе». Они утверждали, что начало стабилизации будто бы означает «оздоровление» капитализма, вступление его на путь «процветания», рисовали перспективы полного исчезновения экономических кризисов и призывали пролетариат соблюдать «классовый мир» и

¹ В составе правительства представители аграрной партии занимали посты премьера и министров внутренних дел, национальной обороны, земледелия; национально-демократической партии — министров финансов, торговли; народной (католической) партии — министров юстиции, здравоохранения; социалистической партии — министров иностранных дел, снабжения, почт, железных дорог; социал-демократической партии — министров социального попечения, общественных работ, школ и по делам Словакии.

² Těsnopisecké zprávy o schůzích poslanecké sněmovny Národního shromáždění republiky Československé. I. volební období, 10. zasedání, 302. schůze, 20.XI 1924.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 206.

«трудиться на благо республики». Такая пропаганда идеологически оправдывала политику угнетения пролетариата господствующими классами, всецело отвечала интересам капиталистических монополий, отравляла сознание рабочих ядом реформизма. Вскрывая антирабочую, реформистскую направленность политики соглашательских социалистических партий в Чехословакии в эти годы, К. Готвальд указывал: «Объективная роль руководящей верхушки этих партий состоит в том, чтобы сделать рабочих послушным орудием буржуазии, поставить их на службу капиталистической стабилизации»⁴.

Господствовавшая в стране чешская монополистическая буржуазия не без основания рассчитывала на то, что участие социалистических партий в правительстве усилит в массах иллюзии относительно демократических порядков и «национального единства» в Чехословацкой республике, создаст видимость «надклассового» характера чехословацкого государства и тем самым будет способствовать осуществлению планов капиталистической стабилизации.

В то время чешская буржуазия считала необходимым участие социалистических партий в правительстве и потому, что без этого она не могла обеспечить себе прочного большинства в парламенте, учитывая довольно многочисленную оппозицию из депутатов буржуазных и социалистических партий нечешских национальностей. Эта оппозиция была выражением противоречий, существовавших между чешской буржуазией и буржуазией других национальностей Чехословакии — немецкой, словацкой, венгерской и т. д., основой которых была конкурентная экономическая борьба и прежде всего борьба за наибольшую долю в получении прибыли от эксплуатации чешских, словацких, немецких, венгерских, украинских и польских трудящихся.

В конкурентной борьбе с чешской буржуазией немецкие, венгерские, словацкие и другие капиталисты использовали естественный протест народных масс против национального гнета и старались представить собственные своекорыстные интересы как «общенациональные». Но всякий раз, когда речь шла о классовых интересах буржуазии, когда создавалась угроза ослабления капиталистического господства, национальные распри в буржуазном лагере отступали на задний план.

Существовали определенные противоречия и внутри правительственной коалиции, между чешскими буржуазными партиями, каждая из которых защищала интересы той или иной группы капиталистов.

Аграрная партия, сохранявшая свое официальное название «Республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского люда», все в большей степени становилась партией одной из влиятельных группировок чешского финансового капитала, возглавляемой Аграрным банком, — выразительницей интересов крупных обуржуазившихся помещиков, участвовавших в банковских и промышленных монополиях, а также кулачества.

Другая партия коалиции — национально-демократическая — была партией финансовой группировки Живностенского банка и представляла крупную чешскую финансово-промышленную буржуазию.

Так называемая народная партия, руководимая высшим католическим духовенством, была связана с крупным землевладением, а также с банковским и промышленным капиталом (главным образом через Моравский аграрно-промышленный банк и другие банки в Моравии). В то же время по своему социальному составу партия была чрезвычайно пестрой, объединяя католическое духовенство и католические элементы средней и мелкой

⁴ K. Gottwald, Spisy, sv. I, str. 74.

городской и сельской буржуазии и некоторую, наиболее отсталую часть рабочих.

Чехословацкая социалистическая партия имела социальной базой среднюю и мелкую городскую буржуазию и националистически настроенную верхушку чешского пролетариата, но в то же время эта партия через свое руководство была тесно связана с промышленными и финансовыми кругами, представляемыми Живнотенским банком.

В составе социал-демократической рабочей партии также имелась значительная мелкобуржуазная прослойка, а руководство партии было прямо связано с промышленными, банковскими и аграрными кругами буржуазии. Среди депутатов и сенаторов, представлявших социал-демократическую рабочую партию в Национальном собрании, не было ни одного рабочего, зато многие из них владели акциями капиталистических предприятий, входили в административные советы банковских и промышленных монополий, являлись владельцами «остаточных» имений, приобретенных во время проведения земельной реформы⁵. Прямая экономическая и политическая связь правых социал-демократических лидеров с монополиями, а также подкуп буржуазией верхушки рабочего класса и определяли соглашательскую политику руководства социал-демократической партии, предательство им интересов рабочего класса.

С полного одобрения и при прямом участии социалистических министров в правительстве и депутатов социалистических партий в парламенте буржуазия повела наступление на рабочий класс, стараясь свести на нет все его социальные завоевания и отнять у него одну за другой те уступки, на которые она вынуждена была пойти в первые годы существования республики под давлением нараставшего в стране революционного движения.

Предпринимая наступление на рабочий класс, на его экономические и политические права, чехословацкая буржуазия прибегла к демократическим маневрам, надеясь таким образом хотя бы на время ввести в заблуждение трудящиеся массы и ослабить их сопротивление осуществлению планов капиталистической стабилизации.

Буржуазия сулила рабочему классу всякие выгоды от капиталистической рационализации производства и участие в прибылях, возраставших с улучшением экономической конъюнктуры. Из среды рабочего класса капиталисты выделяли небольшой верхушечный слой — так называемую рабочую аристократию. Системой различных поощрений (более высокие оклады, премии и т. п.) буржуазия ставила эту малочисленную категорию в привилегированное положение и использовала ее как свою опору в наступлении на жизненный уровень подавляющего большинства пролетариата,

⁵ Приведем лишь несколько примеров. Председатель социал-демократической партии Гампла являлся вице-президентом акционерного общества «Центральные электрические предприятия», членом административного совета акционерного общества металлургических заводов («Erzvenický železárny») и председателем правления центральной страховки. Один из руководящих деятелей с.-д. партии, депутат парламента Стивин, был членом административных советов «Всеобщего кооперативного банка» и типографско-издательского акционерного общества «Орбис»; другой видный правосоциалистический деятель, депутат Дерер, занимавший одно время пост министра по делам Словакии, сидел в административном совете акционерного общества «Урания»; с.-д. депутат и министр коалиционного правительства Маркович был вице-президентом «Банка чехословацких легионеров»; с.-д. депутат Прокеш председательствовал в акционерном обществе «Моравские местные дороги» и, кроме того, был членом административных советов еще двух акционерных обществ; депутат Пик, возглавлявший пльзенскую организацию социал-демократической партии, был акционером и членом административного совета заводов Шкода и т. д. (Archiv Ústavu dějin Komunistické strany Československa (далее — AUD KSC), 1925/153; R. Wagner. *Panství kapitalistických monopolů v Československu*. Praha, 1958, str. 105—106).

ограбляемого капиталистами. Привилегированная рабочая верхушка получила выгоды при улучшении экономической конъюнктуры, и именно это способствовало усилению реформистских и оппортунистических тенденций в рабочем движении в годы временной стабилизации капитализма.

Ловким маневром, осуществленным чехословацкой буржуазией в 1924 г., было принятие закона о социальном страховании. Требования улучшения существовавшего еще со времен Австро-Венгрии страхования на случай болезней и производственных травм и введения страхования по старости и инвалидности выдвигались пролетариатом в числе других социальных требований сразу же после образования Чехословацкой республики. Но правительство под различными предлогами (неподготовленность статистики и т. п.) уклонялось от обсуждения этого вопроса, понимая, что в условиях революционного подъема его трудно решить так, чтобы никоим образом не затронуть интересы капиталистов. И только в июле 1923 г., когда буржуазия почувствовала себя уже достаточно сильной, соответствующий законопроект был внесен правительством на обсуждение парламента.

Буржуазные и социал-соглашательские партии в течение нескольких месяцев вели широкую демагогическую кампанию, стараясь уверить рабочих, что подготовленный законопроект всецело отвечает интересам трудящихся и является свидетельством «социальной справедливости». Один из авторов этого законопроекта, министр социального попечения правый социал-демократ Габрманн, выступая в палате депутатов 16 сентября 1924 г., заявил, что социальное страхование является «продуктом социальной политики, понявшей опасность, которая угрожает обществу с возрастанием классовых противоречий между трудом и собственностью, и старается эти противоречия уменьшить или совсем устранить»⁶. В унисон с «рабочим» министром выступил крупнейший промышленник Крамарж. Он много говорил о «социальной справедливости» и «демократизме» в Чехословацкой республике и существующей якобы в ней «общности» интересов рабочих и капиталистов. Законопроект о социальном страховании Крамарж называл «последним камнем... великого здания социального законодательства», которое создано для того, чтобы «социальная жизнь народа и государства протекала без бурь и потрясений»⁷. С особым удовлетворением Крамарж отмечал полное взаимопонимание и единодушие партий правительственной коалиции в решении социальных вопросов: «...нашей гордостью является то, — сказал Крамарж, — что мы это дело выполнили сообща, без всякого принуждения с какой-либо стороны — между собой мы имеем полное согласие, что в основных требованиях и линиях политики между нами нет различий»⁸.

Уже такого признания единства взглядов и действий буржуазных и социалистических партий достаточно для того, чтобы по достоинству оценить значение не только принятого 9 октября 1924 г. закона о социальном страховании, но и всех последующих социальных мероприятий коалиционного правительства, в котором портфели обоих министров по социальным делам — министра социального попечения и министра общественных работ — принадлежали правым социал-демократам.

Что же дал чехословацким рабочим закон о социальном страховании, принятый 9 октября 1924 г.? По этому закону пособие по старости и инвалидности рабочий мог получить только после уплаты страховых взносов

⁶ «Těsnoписecké zprávy... NSRČ», I. volební období, 9. zasedání, 286. schůze, 16.IX 1924.

⁷ «Těsnoписecké zprávy... NSRČ», I. volební období, 9. zasedání, 287. schůze, 17.IX 1924.

⁸ Там же.

в течение трех лет, а размер пособия был намного ниже прожиточного минимума. Значительную часть рабочего класса — всех лиц старше 60 лет и большую категорию сезонных и сельскохозяйственных рабочих — закон вовсе лишил права на страхование. Законом ухудшалось действовавшее больничное страхование, снижался размер пособия. Страховые ставились под контроль «наблюдательного комитета», в котором восемь мест предоставлялось предпринимателями и только два места страхующимся. В правление Центральной страховки должны были войти 12 представителей страхующихся, 12 предпринимателей и 16 «специалистов», назначенных правительством; председатель правления назначался президентом республики⁹. Кроме того, деятельность Центральной страховки контролировалась министерством социального попечения и министерством финансов¹⁰. Понятно, что при таком положении рабочие лишались всякого участия в решении вопросов социального страхования, а страховые фонды отдавались в распоряжение капиталистов и буржуазного государства. Расходы по социальному страхованию в основном ложились на плечи самих рабочих. Владельцы предприятий отчисляли на страхование небольшие суммы, которые не составляли и 0,5% производственных издержек.

Как только появился проект этого закона, Коммунистическая партия Чехословакии подвергла его резкой критике, указывая на то, что намеченные законопроектом мероприятия ни в коей мере не могут удовлетворить рабочий класс. «Целью этого закона, — говорил в парламенте депутат-коммунист К. Крейбих, — является не обеспечение больных, инвалидов и престарелых рабочих, а подкуп чехословацкого пролетариата, чтобы он примирился со всей грязной коалиционной политикой. Смысл правительственного законопроекта социального страхования — коррупция в масштабе классовом»¹¹.

Коммунистическая партия выдвинула в парламенте свои предложения и призвала все другие партии, называвшие себя рабочими, к совместной борьбе за такое социальное страхование, которое бы отвечало интересам рабочих, а не капиталистов¹².

Но правосоциалистические лидеры, которые сами являлись инициаторами правительственного законопроекта, естественно, отвергли эти предложения. Правые социалисты и социал-демократы не только помогли буржуазии провести этот закон в парламенте, но и сделали все, чтобы обмануть рабочих, представить им принятый закон как «дар» рабочему классу. Из парламентских речей депутатов буржуазных партий было ясно, что за этот «дар» буржуазия в скором времени потребует от рабочих расплаты. Именно в этом и заключался смысл всей той комедии, которая была разыграна при активном участии правых лидеров социалистических партий вокруг законопроекта о социальном страховании.

Закон о социальном страховании был принят в тот момент, когда правительство намеревалось осуществить ряд важных мероприятий в интересах капиталистов, когда для буржуазии было очень важно отвлечь

⁹ На этом посту многие годы находился один из лидеров социал-демократической партии А. Гампла, а его заместителями были аграрий Я. Дубицкий, известный своими спекулятивными махинациями с «остаточными» именными при проведении земельной реформы, национальный социалист А. Тучны и управляющий Витковицких заводов Ф. Кучера (Z. Popel. *Boj dělnictva o sociální pojištění v době předmnichovské republiky*. Praha, 1953, str. 15).

¹⁰ «Sbírka zákonů a nařízení státu Československého», R. 1924, č. 221.

¹¹ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ». I. volební období, 9. zasedání, 288. schůze, 18.IX 1924.

¹² «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ». I. volební období, 9. zasedání, 287—288. schůze, 17—18.IX 1924.

внимание рабочего класса от готовящегося наступления на его социальные завоевания. Закон о социальном страховании, по определению К. Готвальда, был «обглоданной костью», которая была брошена пролетариату для того, чтобы увести его с пути классовой борьбы¹³. И прежде чем этот закон вступил в силу (закон начинал действовать с июля 1926 г.), чехословацкому пролетариату пришлось заплатить за него буржуазии немалую цену.

Улучшение экономической конъюнктуры для чехословацкой промышленности с наступлением частичной стабилизации принесло капиталистам значительный рост прибылей¹⁴. Однако пролетариат ничего не получил в результате роста прибылей капиталистов, стремившихся к максимальному увеличению своих доходов в первую очередь за счет дальнейшего усиления эксплуатации пролетариата и ограбления широких народных масс.

Предприниматели были заинтересованы в сохранении многочисленной постоянной армии безработных, так как наличие десятков тысяч безработных пролетариев за воротами предприятий и их нищенское положение давали возможность капиталистам снижать заработки трудящихся, ухудшать условия труда рабочих, занятых в производстве.

В 1924 г. число безработных в Чехословакии составляло около 200 тыс.¹⁵, затем, в связи с улучшением экономической конъюнктуры, оно несколько сократилось, но никогда не было меньше 100 тыс., хотя официальная статистика давала более низкие цифры. Всякие колебания в экономической конъюнктуре в сторону ее ухудшения, столь частые в период частичной стабилизации, сразу же приводили к увеличению числа безработных. Так было в Чехословакии в 1924—1925 гг., когда на улицу были выброшены десятки тысяч рабочих-горняков, металлургов, текстильщиков. Капиталисты производили массовые увольнения и в период относительно благоприятной экономической конъюнктуры. Пример этому подало само правительство, объявив об увольнении в 1924—1925 гг. 10% всех государственных служащих (около 40 тыс. человек) и о снижении жалования мелким чиновникам на 40%. Причем это был лишь первый этап осуществления принятых в парламенте законов об обеспечении государственных служащих, по которым в дальнейшем число уволенных служащих должно было достигнуть 120—125 тыс.¹⁶

В марте 1924 г. парламентом было принято решение о введении в действие изданного еще в 1921 г. закона о гентской системе, устанавливавшего новый порядок выплаты пособий по безработице. До этого времени пособия безработным выплачивало государство. По новому закону правительство принимало на себя оплату лишь третьей части пособия, а основная его часть — две трети — должна была оплачиваться профсоюзами. Этот закон, во много раз сокращая расходы правительства на помощь безработным, преследовал также цель подчинения профсоюзов буржуазному государству. Правительство получало право контроля над выплатой пособий и могло лишить профсоюзные организации причитающихся им дотаций. Право на получение пособия по новому закону получали только те рабочие, которые состояли не менее одного года в профсоюзе. Таким образом, организованные рабочие противопоставлялись неорганизованному, что, по замыслу пра-

¹³ K. Gottwald. Spisy, sv. I, str. 55.

¹⁴ См. И. Н. Мельникова. Экономическое развитие Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929). — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XVI, 1958, стр. 43—45.

¹⁵ «Rudé právo», 20.XI 1924.

¹⁶ «Sbírka zákonů...», R. 1929, č. 286. За счет увольнения десятков тысяч государственных служащих и снижения жалования низшим категориям повышались жалование и пенсии высокопоставленным чиновникам государственного аппарата.

вительства, должно было служить определенным препятствием к объединению пролетариата. Полностью лишились пособий сезонные рабочие, составлявшие большую часть пролетариата Словакии и Закарпатской Украины. Официально гентская система вступала в силу с 1 апреля 1925 г. Но уже в 1924 г. правительство провело резкое снижение ассигнований на помощь безработным, в результате чего число получающих пособия сократилось более чем в два раза. Уменьшен был и размер пособия по безработице: в населенных пунктах с числом жителей свыше 7 тыс. — с 8 до 6 крон в день, а с числом жителей до 7 тыс. — с 10 до 7,5 кроны в день. Такое пособие безработный мог получать только семь месяцев. По истечении этого срока размер пособия снижался наполовину, а через девять месяцев выплата пособия прекращалась¹⁷. Общая сумма ассигнований на пособия безработным снизилась с 390 млн. крон в 1923 г. до 136 млн. в 1924 г.¹⁸ С введением гентской системы расходы государства на помощь безработным сократились во много раз. За первый квартал 1925 г. эти расходы составляли 34 млн. крон, а за следующие три квартала, когда новый закон вступил в силу, — всего 3 млн. 157 тыс. крон¹⁹. Гентская система дала возможность капиталистам и буржуазному государству получить большую экономию на социальных расходах.

В этот же период было начато наступление на закон о 8-часовом рабочем дне. Правительство санкционировало нарушение этого закона капиталистами. Государственной фабрично-заводской инспекции было предоставлено право давать владельцам предприятий разрешение на продление рабочего дня путем введения сверхурочной работы. В 1925 г. сверхурочная работа в промышленности составила почти 15 млн. часов²⁰, несмотря на то, что за воротами предприятий были десятки тысяч безработных. Предприниматели грубо нарушали закон о 8-часовом рабочем дне и путем распределения 48 часов полной рабочей недели на 4—5 дней, что фактически удлиняло рабочий день до 10—12 часов. С 1924 г. в чехословацком парламенте со скамей буржуазных депутатов стали все чаще открыто раздаваться голоса за отмену закона о 8-часовом рабочем дне. Так, например, депутат от аграрной партии Срдинко, выступая в палате депутатов при обсуждении бюджета на 1925 г., заявил, что социальное законодательство должно быть «гибким» и что в интересах «конкурентоспособности чехословацкого хозяйства» в связи с экономическим возрождением Германии «необходимо пересмотреть закон о 8-часовом рабочем дне»²¹. В таком же духе выступил в газете «Vorwärts» и министр социального попечения правый социал-демократ Габрмани, заявивший, что «отмена 8-часового рабочего дня является само собой разумеющейся экономической необходимостью»²².

На помощь капиталистам была призвана и буржуазная наука. Проблемой продолжительности рабочего дня занялся Психотехнический институт Академии труда, который проводил «научные исследования», имевшие целью доказать, что ограничение рабочего дня восьмью часами наносит вред государству и... самим рабочим, что работа в продолжение

¹⁷ «Tisky k tésnopiseckým správám o schůzích poslanecké sněmovny NSRČ», I. volební období, sv. XXIII, tisk 4780.

¹⁸ «Statistická příručka republiky Československé», III, Praha, 1928, str. 365.

¹⁹ «Socialní revue», R. X, 1929, str. 6.

²⁰ «Těsnopisecké správy... NSRČ», II. volební období, 4. zasedání, 79. schůze, 3.VI 1927.

²¹ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 10. zasedání, 307. schůze, 27.XI 1924.

²² См. «Rudé právo», 19.III 1925.

9—10 часов более продуктивна и с «психотехнической» стороны полезнее для рабочих²³.

Наряду с наступлением на 8-часовой рабочий день капиталисты ухудшали условия труда рабочих, грубо нарушая ранее принятые законы о запрещении ночной работы в ряде отраслей промышленности, об охране труда женщин и подростков и т. д. Под флагом капиталистической «рационализации» производства проводилась жестокая интенсификация труда. При поддержке правительства предприниматели продолжали начатое в 1921 г. наступление на зарплату рабочих. В свою очередь правительство осуществляло ряд мероприятий, снижавших реальную заработную плату и жизненный уровень рабочих. Одним из таких мероприятий был принятый в 1926 г. закон, которым значительно повышалась квартирная плата²⁴. В результате усиления капиталистической эксплуатации и повышения стоимости на предметы массового потребления реальная заработная плата рабочих в Чехии за 1924—1925 гг. снизилась на 6% по сравнению с 1923 г., а в Словакии — более чем на 10%²⁵.

Вся антирабочая политика чехословацкого правительства свидетельствовала о том, что буржуазия воспользовалась временным ослаблением рабочего класса для того, чтобы под прикрытием начатой с помощью социал-реформистов широкой пропаганды лозунгов «демократизма», «классового мира», «оздоровления капитализма» отнять у пролетариата одну за другой все те уступки, которые она вынуждена была дать ему в предшествующий период революционного подъема.

Отстаивая классовые интересы буржуазии в целом, чехословацкое правительство сосредоточивало свои усилия прежде всего на обеспечении сверхприбылей монополистической верхушки класса капиталистов — финансовой олигархии. И это было вполне закономерным, так как чехословацкое буржуазное государство, как и всякое другое империалистическое государство, с ростом и усилением монополий все в большей степени подчинялось их господству, а государственный аппарат становился все более зависимым от монополистического капитала.

В 1924—1925 гг. в интересах финансовой олигархии был издан ряд законов, отражавших и сильно возросшие за эти годы в Чехословакии государственно-монополистические тенденции. Наиболее важными из этих законов были:

1. Закон о специальном фонде для санирования («оздоровления») банков²⁶. По этому закону банки, страховые общества и ссудные кассы отчисляли 10% своих годовых прибылей (на общую сумму в 26 млн. крон), а государство принимало на себя обязательство в течение 40 лет делать ежегодный взнос в 50 млн. Полученный таким образом годовой фонд в 76 млн. крон должен был служить для поддержки банков и страховых обществ за счет государственных субсидий и обеспечить банкирам проведение финансовых спекуляций.

2. Закон об обеспечении долговых исков по военным поставкам²⁷. Правительство принимало на себя военные долги австрийского милитаризма и обязывалось уплатить 700 млн. крон из государственной казны капиталистам, поставлявшим военные материалы Австро-Венгерской империи. Из 700 млн. крон, уплачиваемых по искам военных поставщиков, 400 млн. крон

²³ См. «Komunistická revue», 1924, № 24, str. 657.

²⁴ «Sbírka zákonů...», R. 1924, č. 85.

²⁵ «Za bolševickou orientaci KSC, Sbornik dokumentů k I. svazku Spisů Klementa Gottwalda», Praha, 1953, str. 265.

²⁶ «Sbírka zákonů...», R. 1924, č. 237, 238.

²⁷ Там же, закон 236.

должны были получить заводы Шкода, финансировавшиеся Живностенским банком совместно с французским концерном Шнейдер—Крезю. Для уплаты военных долгов чехословацкое правительство выпускало на каждые 100 крон долгового иска 3% облигации достоинством в 50 крон, в результате чего возникал новый государственный долг в 350 млн. крон с уплатой 3% в течение 90 лет; это изымало из бюджета республики ежегодно 115 млн. крон²⁸.

3. Закон об оплате старых австро-венгерских военных займов²⁹, для расчетов по которым правительство выпустило 3% внутренний заем в 3 млрд. крон сроком на 90 лет, отягощая им ежегодно государственный бюджет почти на 100 млн. крон.

Принятием этих трех законов государственный долг Чехословацкой республики, составлявший в 1924 г. свыше 35 млрд. крон, увеличивался еще почти на 4,5 млрд. крон³⁰. Соответственно возрастали и расходы по бюджету на его покрытие, что вело к дальнейшему повышению налогов на трудящихся.

Кроме того, правительством был подготовлен осуществленный позднее (в 1926 г.) закон об основании Национального эмиссионного банка, которому поручались поддержание курса чехословацкой кроны и расчеты по внешним займам. Государство располагало в Национальном банке только третью акционерного капитала, а $\frac{2}{3}$ принадлежали частным акционерам, главным образом из финансовой группы Живностенского банка. Частному капиталу предоставлялись широкие возможности вмешательства в государственные финансы и в то же время гарантировались высокие прибыли — 6% годовых от предоставляемых кредитов. Расчеты по иностранным займам и другие финансовые операции, проводимые от имени государства, создавали крупным банкам благоприятные условия для осуществления выгодных им внешних операций, для вывоза капитала. В правление банка на правах «финансового комиссара» с контрольными функциями получал доступ представлять иностранного капитала, предоставлявшего заем Чехословакии³¹. Такой заем (в 50 млн. долл.) был получен из Соединенных Штатов Америки³².

Создание Национального банка отвечало интересам монополистических кругов, так как в буржуазном государстве эмиссионные банки служат целям обогащения монополий. Играя первоначально роль финансовых учреждений для эмиссии банкнот и предоставления государству кредитов, эмиссионные банки в дальнейшем принимают все более широкое участие в промышленности и других отраслях хозяйства страны и в мероприятиях по вложению капиталов в государственные займы. Таким образом, они становятся центром капиталистической кредитной системы. Эмиссионные банки, где соединяются государственные и частные капиталы, государственное и частное финансирование, представляют собой одно из важнейших государственно-капиталистических предприятий, а их основание свидетельствует о развитии в стране государственно-монополистического капитализма.

В серию финансовых законоположений 1924—1925 гг. вошли также законы: о запрещении финансовым учреждениям принимать вклады без разрешения государственных органов (такое разрешение могли получать только банки, существующие не менее трех лет, имеющие оплаченный

²⁸ «Rudé právo», 30.X 1925.

²⁹ «Sbírka zákonů...», R. 1924, č. 216.

³⁰ «Ročenka Československé republiky», 1925, str. 133—141.

³¹ «Sbírka zákonů...», R. 1925, č. 102.

³² См. «Mezinárodní tisková korespondence», 1925, № 45.

акционерный капитал не менее 5 млн. крон и резервы для покрытия возможных убытков в размере не менее 10% акционерного капитала), об ограничении права банков открывать филиалы, о порядке ревизии банков³³.

Все эти законы были мерами государственного «регулирования» банковской системы и средством для еще большего обогащения финансовой олигархии. Они содействовали дальнейшей концентрации капитала, усилению банковских монополий и в то же время ограничивали права и ущемляли интересы мелких финансовых учреждений.

Подобные мероприятия, равно как и вся финансовая политика буржуазного правительства, проводившаяся под диктовку крупного капитала, вызывали недовольство в средних и мелких слоях буржуазии. Именно это заставляло живнostenскую партию, представлявшую интересы мелкой и средней торговой и промышленной буржуазии, ремесленников и т. п., оставаться пока что в оппозиции и не участвовать в правительственной коалиции, объединявшей все другие чешские буржуазные партии.

В период частичной стабилизации буржуазная Чехословацкая республика в результате пережитого экономического кризиса, дефляции и больших долгов иностранному и внутреннему финансовому капиталу вступила с пассивным государственным бюджетом. Дефицит в 1924 г. исчислялся суммой в 602,6 млн. крон³⁴. Правительство старалось снизить дефицит и сделать бюджет активным. Уже в 1925 г. ему удалось уменьшить дефицит до 272 млн.³⁵ Достигнуто это было путем увеличения налогов и сокращения расходов на школьное образование, социальное страхование, пособия безработным, здравоохранение и иные общенародные нужды. В то же время возросли расходы на армию, вооружение, полицию, жандармерию, оплату внутренних и внешних займов³⁶.

Ссылаясь на «тяжелые последствия» кризиса, буржуазия добивалась от правительства издания законов, по которым помещики, капиталисты и банкиры освобождались бы от уплаты значительной части налогов. От трудящихся же — рабочих, крестьян, ремесленников — правительство требовало не только уплаты текущих налогов, но и погашения всей задолженности по налогам за предыдущие 1919—1923 гг. Непосильное налоговое бремя тяжело отражалось на жизненном уровне трудящихся³⁷.

С наступлением частичной стабилизации капитализма буржуазия постаралась не только оставить без изменения низкие заработки рабочих и служащих, установленные в период кризиса, но и добиться дальнейшего их снижения. Кроме того, уже к концу 1921 г. по сравнению с 1923 г. цены на продовольствие, в результате спекулятивной политики аграрной

³³ «Sbírka zákonů...», R. 1924, č. 239.

³⁴ См. «Rudé právo», 5.VIII 1924.

³⁵ «Ročenka Československé republiky», 1925, str. 150.

³⁶ Достаточно красноречиво говорил об этом бюджет Чехословацкой республики на 1925 г. Из общей суммы расходной части государственного бюджета в 9 млрд. 574 млн. крон на уплату государственного долга по внутренним и иностранным займам ассигновывалось 2 млрд. 128 млн. крон, на министерство национальной обороны — 1 млрд. 815 млн. крон, на полицию — 135 млн. крон, на жандармерию — 233 млн. крон. В то же время на народное образование бюджетом отпускалось всего 135 млн. (вместо 206 млн. в 1924 г.), на социальное страхование — 8 млн., на пособия безработным — 44 млн. и т. д. Сумма прямых налогов составляла по бюджету 1 млрд. 817 млн. крон, а косвенных — в 3,5 раза больше (5 млрд. 19 млн.). Вся тяжесть налогового бремени падала на плечи трудящихся, которым приходилось уплачивать не только всю сумму косвенных налогов, но и $\frac{4}{5}$ прямых налогов («Ročenka Československé republiky», 1925, str. 150; «Rudé právo», 20.XI 1924).

³⁷ О высоком налогообложении в Чехословакии свидетельствуют такие сравнительные данные: в 1924 г. сумма налогов на душу населения составляла в Чехословакии 1260 крон, во Франции — 1030 крон, в Италии — 820 крон, в Швейцарии — 770 крон, в Австрии — 480 крон («Rudé právo», 30.IX 1924).

буржуазии поднялись на 25—30%. Рост цен на продовольствие сопровождался вздорожанием и других предметов потребления — обуви, тканей и т. п., а также повышением квартирной платы на 80—150%³⁸.

Особенно усилилась дороговизна после введения в июне 1925 г. так называемых скользящих аграрных пошлин. Сельское хозяйство Чехословакии могло удовлетворить только часть потребностей населения в продовольствии. Даже в наиболее урожайные годы надо было ввозить из-за границы не менее половины нужного для потребления хлеба и около $\frac{3}{4}$ необходимого количества жиров. Это было использовано аграриями для увеличения своих прибылей за счет спекуляции продовольствием. Аграрный протекционизм и должен был служить средством, облегчающим и поощряющим такие спекуляции. Настойчиво добиваясь в течение двух лет введения аграрных пошлин, крупные помещики и торговцы хлебом через министров-аграриев получали от правительства разрешения на вывоз хлеба из страны при одновременном ограничении ввоза. Сокращая таким образом запасы хлеба на внутреннем рынке, аграрии все более взвинчивали цены на продовольствие и вызвали общий рост дороговизны. Оставалось только законодательным путем закрепить неограниченное право аграриев на установление продовольственных цен. Этому и должно было служить изданное правительством в июне 1925 г. распоряжение об аграрных пошлинах. За основу брался старый австро-венгерский таможенный тариф, повышенный в шесть раз. Согласно распоряжению, ввозные пошлины на продовольствие устанавливались «скользящими», т. е. их уровень мог колебаться в зависимости от внутренних цен³⁹.

Повышение аграрных пошлин влекло за собой рост цен на ввозимые сельскохозяйственные продукты в оптовой и особенно в розничной торговле. Аграрии получили возможность устанавливать монопольные цены на все виды продовольствия. Общая сумма дополнительных прибылей, получаемых аграриями в результате введения скользящих аграрных пошлин, составляла 1 млрд. крон в год⁴⁰. Кроме того, резко возрастали прибыли капиталистов перерабатывающей сельскохозяйственной продукции в промышленности — владельцев сахароваренных, пивоваренных заводов и т. п. В то же время аграрные пошлины ложились новым тяжелым бременем на плечи трудящихся, вызывая рост дороговизны и дальнейшее снижение уровня жизни пролетариата.

Цены на сельскохозяйственные продукты в Чехословакии повышались в среднем на 20—30% по сравнению с ценами на мировом рынке.

Аграрная буржуазия, добиваясь введения аграрных пошлин, представляла дело таким образом, что это будет одинаково выгодно всем категориям сельскохозяйственных производителей, в том числе и мелким земледельцам. В действительности же аграрные пошлины принесли прибыли только крупным помещичьим и кулацким хозяйствам, производившим основную массу товарного хлеба. Что же касается мелких крестьянских хозяйств (с площадью не более 5 га каждое), составлявших около 80% всех сельских хозяйств страны, то они сами прикупали значительную часть хлеба и поэтому не могли быть заинтересованы в высоких аграрных пошлинах.

Аграрный протекционизм ухудшал жизненное положение трудящихся слоев деревни, которое и без того было тяжелым. Проводившаяся в стране аграрная реформа была орудием ограбления крестьянских масс и усиления

³⁸ AUD KSC I — 1/303. «První celostátní sjezd závodních výborů a rad v Československu», str. 15.

³⁹ «Sbírka zákonů...», R. 1925, č. 111.

⁴⁰ «Rudé právo», 17.VI 1925.

господства аграрной буржуазии⁴¹. В 1924 г. был издан новый закон о земельной аренде, ухудшавший положение мелких арендаторов⁴². Финансовый капитал все глубже проникал в сельскохозяйственное производство, закабалял мелкие и средние слои деревни.

Введение скользящих аграрных пошлин лишь частично удовлетворило требования аграриев, которые имели намерение пойти еще дальше в политике аграрного протекционизма, но не могли это сделать сразу, без соответствующей подготовки и определенного компромисса с другими партиями правительственной коалиции.

Частичная стабилизация капитализма была использована буржуазией в интересах укрепления своих политических позиций, своего классового господства, в целях увеличения своих прибылей.

Чехословацкая буржуазная республика становится все более ярко выраженной формой господства финансового капитала с подчинением государственного аппарата монополиям. Основой такого подчинения была личная уния между монополиями и правительством, что достигалось вовлечением представителей правительства в правления монополистических объединений, проникновением в государственный аппарат агентов монополий и, наконец, занятием монополистами важных государственных постов. Естественно, что монополисты стремились прежде всего к непосредственному руководству теми звеньями государственного аппарата, которые обеспечивали им наибольшие выгоды.

Наиболее влиятельная в то время финансовая группа Живностенского банка целиком завладела министерствами финансов и торговли, взяв в свои руки монополию денежного обращения и государственного кредита. На посту министра финансов находился бывший президент Живностенского банка Бечка, который был членом правления нескольких акционерных обществ⁴³.

Финансовая группа Аграрного банка завладела министерством земледелия, что давало возможность аграрной буржуазии наживать капиталы на спекуляциях, связанных с проведением земельной реформы, аграрным протекционизмом, распределением государственных субсидий на мелиорацию, электрификацию сельского хозяйства и т. п. Руководители всех партий правительственной коалиции были непосредственно связаны с монополиями. В Чехословацкой республике в то время каждый четвертый депутат парламента являлся членом правления банков или крупных промышленных акционерных обществ⁴⁴.

В свое время Энгельс писал, что «буржуазная республика — это республика капиталистических дельцов, где политика такое же коммерческое предприятие, как и все другое...»⁴⁵. Эти слова наглядно подтверждаются на примере буржуазной Чехословакии и прежде всего фактом широкого распространения политической коррупции.

Зависимость правительства и всех важнейших звеньев государственного аппарата от монополий, связь с монополиями руководителей политических партий, входивших в правительственную коалицию, неизбежно порождали продажность и подкуп в самых широких размерах. «Панамой» грандиозного масштаба была спекуляция землей во время проведения аграрной ре-

⁴¹ См. И. Н. Мельникова. Экономическое развитие Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929). — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XVI, 1958, стр. 58—62.

⁴² «Sbírka zákonů...», R. 1924, č. 204.

⁴³ AUD KSC, 1925/153.

⁴⁴ AUD KSC, IX/I—I/303.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, стр. 179.

формы. В 1924—1925 гг. в Чехословакии был раскрыт ряд крупных спекулятивных афер («спиртовая», «бензиновая», «угольная», «табачная» и др.), к которым оказались причастны министры, высокопоставленные чиновники, видные буржуазные и правосоциалистические политические деятели, являвшиеся депутатами и сенаторами Национального собрания. В большой политической скандал превратилось разоблачение так называемой спиртовой аферы. В Чехословакии существовала государственная спиртовая монополия. Она-то и явилась источником для колоссальных спекуляций, которые осуществили спиртозаводчики, добившись от правительства повышения цен на скупаемый у них спирт в 4—5 раз по сравнению с ценами на мировом рынке. На этом капиталисты-аграрии заработали более 500 млн. крон, из которых 33 млн. было истрачено на подкуп министров, сенаторов, депутатов парламента, правительственных чиновников, а также политических организаций и печати⁴⁶. Активными участниками спиртовой аферы оказались такие видные деятели аграрной партии, как сам премьер-министр Швегла, председатель сената Прашек и др.⁴⁷ Не менее скандальной была бензиновая афера. Подкупая правительственных чиновников из Министерства национальной обороны, владельцы акционерных компаний по производству и продаже бензина добивались льготных условий при поставке автомобильного и авиационного горючего на нужды чехословацкой армии (непомерно высоких цен, получения денег до выполнения поставок, освобождения от проверки качества бензина и т. д.) и таким образом сделали государственную казну источником своего обогащения.

Эти и другие аферы, свидетельствовавшие об ограблении государства капиталистами, а также о продажности и разложении государственного аппарата и верхушки представленных в правительстве партий, вызвали взрыв возмущения в стране. Однако, когда вопрос о раскрытых аферах в марте 1924 г. был поставлен на обсуждение парламента и коммунистическая партия выступила с разоблачением преступных связей правительственных кругов с монополиями, буржуазное большинство парламента встало на защиту коррупционистов, а премьер-министр Швегла в своей речи с циничной наглостью заявил, что коррупция существует повсюду, во всех государствах, и он не понимает, почему Чехословакия должна быть в этом исключением⁴⁸.

Результатом всепобеда банков и монополий и подчинения им государственного аппарата было то, что важнейшие вопросы государственной политики решались не парламентом и правительством, а крупнейшими финансовыми магнатами, банкирами и промышленниками. Одним из самых влиятельных лиц в государстве был в то время генеральный директор Живнотенского банка Прейс, который одновременно являлся председателем Совета чехословацких банков и председателем Центрального союза чехословацких промышленников, а также членом административных советов

⁴⁶ При расследовании было обнаружено, что из учрежденного организацией спиртозаводчиков тайного коррупционного фонда в 33 млн. получили: аграрная партия — 4434 тыс. крон, социалистическая — 5230 тыс. крон, социал-демократическая — 2560 тыс. крон, национально-демократическая — 1180 тыс. крон, словацкая людовая партия — 3480 тыс. крон, чехословацкая народная партия — 560 тыс. крон. Правительственным учреждениям за соответствующие «услуги» было выплачено 2326 тыс. крон. Кроме того, было ассигновано в «социальный фонд» президента Масарика 3710 тыс. крон, религиозным обществам, ведущим пропаганду о «безвредине алкоголя», — 400 тыс. крон и на различные мероприятия пропагандистского характера (финансирование газет, журналов и т. п.) — 7350 тыс. крон («Rudé právo», 6.VI 1924).

⁴⁷ «Rudé právo», 23.II 1924.

⁴⁸ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 9. zasedání, 248. schůze, 7.III 1924.

нескольких десятков крупных акционерных обществ⁴⁹. Прейс был близок к президенту Масарику, который, как правило, обсуждал с ним все важнейшие экономические и политические вопросы. Масарик часто бывал у Прейса, где регулярно встречались министры и другие видные политические деятели различных буржуазных партий с крупнейшими промышленниками и финансистами⁵⁰. Именно в этих кругах сформировалась так называемая группировка Града⁵¹, которая представляла политическое направление в рядах чехословацкой буржуазии, выражавшее интересы финансового капитала, но маскировавшее эти прямые цели своей приверженностью к демократизму и парламентским формам управления государством. Во главе этой политической группировки стоял сам Масарик. Имя Масарика, вокруг которого был создан ореол «великого гуманиста и демократа», «президента-освободителя» и «друга народа», было для чехословацкой буржуазии своего рода политическим знаменем, которое использовалось ею для того, чтобы завуалировать классовый угнетательский характер буржуазного государства, обмануть трудящихся демократическими лозунгами, отвлечь их внимание от действительных антинародных замыслов правящих классов.

По выражению К. Готвальда, Масарик был «отличным буржуазным идеологом»⁵². Он обладал большим опытом политического демагога и в совершенстве владел методами обмана масс всякими псевдодемократическими идеями. Под личиной «демократии» и «заботы о благе народа» скрывалось подлинное лицо Масарика, ярого защитника буржуазного строя и капиталистической эксплуатации. «Демократизм» и «гуманизм» Масарика не мешали ему твердо проводить политику, отвечавшую интересам кучки монополистов, и поэтому чехословацкие капиталисты считали Масарика по-настоящему своим человеком и возлагали на него большие надежды. В одном из рождественских поздравлений Прейс от лица близких ему кругов, называя Масарика «гарантией будущего», писал ему: «Наше время и брожение в нашем народе предъявляют к вам огромные требования, но я уверен, что под вашим руководством все успокоится, что отвечает нашим интересам» (курсив мой. — И. М.)⁵³. Чехословацкие промышленники и банкиры не только «уповали» на способности и авторитет Масарика, но и предоставляли ему щедрую материальную поддержку, что было своего рода платой за те услуги, которые он им оказывал. Монополии отпускали большие деньги как на личные нужды Масарика⁵⁴, так и на его «общественные дела», имея в виду прежде всего специальные реакционные мероприятия во внутренней и внешней политике (субсидии буржуазным и «социалисти-

⁴⁹ AUD KSC, 1925/153.

⁵⁰ На этих встречах бывали премьер-министр и лидер аграрной партии Швегла, министры Бенеш, Новак, Энглиш, Стржибны, Бехине, крупные финансисты — директора Живнostenского банка Тилле и Белогрибек, правительственный комиссар в Национальном банке Поспишил, крупные промышленники — генеральный секретарь Союза чехословацких промышленников Годач, директор Чехословацкой компании сахарозаводчиков Гартман, генералы Чечек и Сыровы, близкие сотрудники Масарика Шамал, Шейнер и др. Сам Масарик называл подобные встречи, на которых обсуждались политические вопросы, собраниями «Новой мафии» (см. «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика». Изд-во иностранной лит., М., 1954, стр. 102, 103, 135, 145, 161—164, 166, 178—183, 213, 228, 229, 233—235).

⁵¹ Град — пражский кремль, резиденция президента Чехословацкой республики.

⁵² K. Gottwald. Spisy, sv. 1, str. 286.

⁵³ Archiv Kanceláře presidenta republiky (далее — АКРР), Н 432/22.

⁵⁴ В 1921 г., например, Прейс из капиталов Живнostenского банка ассигновал 2 млн. крон для поездки Масарика и близких ему лиц на Капри (АКРР, Т. 488/21, Т. 654/21). В марте 1924 г. банкирский дом «Печек и К°» перевел в «личный фонд» Масарика 250 тыс. крон (АКРР, Т. 281/24). К 80-летию Масарика капиталисты приготовили ему дар «по крайней мере 50 млн. крон» (АКРР, Т. 190/30).

ческим» партиям, антисоветская пропаганда, борьба против коммунистической партии, забастовочного движения и т. д.)⁵⁵.

Об усилении диктатуры финансового капитала в Чехословакии свидетельствовала все возрастающая роль так называемой политической пятерки — «петки». Этот узкий неконституционный орган, составленный из лидеров пяти партий правительственной коалиции, имел прямые связи с Градом⁵⁶ и по сути являлся вторым правительством Чехословакии. Здесь решались все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, решались так, как это было нужно влиятельным группам монополистического капитала. «Пятерка» становится над официальным правительством и над парламентом. Без ее согласия партиями правительственной коалиции не мог быть вынесен на обсуждение парламента ни один сколько-нибудь важный вопрос. Подчинив своему влиянию руководящие органы Национального собрания (президиум палаты депутатов и сената и т. д.), «пятерка» через них лишила оппозиционные партии возможности влиять на определение повестки заседаний парламента, а все проекты, вносимые оппозиционными партиями, по воле «пятерки» неизменно отклонялись парламентским большинством коалиционных партий. Таким образом, функции парламента последовательно сводились к роли простой машины голосования. Для депутатов оппозиционных партий оставалась только парламентская трибуна, но и ей нельзя было пользоваться в полной мере, так как произнесенные в парламенте речи подвергались цензуре, парламентские обструкции пресекались полицейскими мерами, лишением парламентского иммунитета и т. п. Все эти методы ограничения политических прав особенно широко применялись против коммунистической партии, единственной партии, действительно представлявшей интересы трудящихся. Против парламентской и, еще в большей степени, внепарламентской деятельности КПЧ правительство использовало принятый в 1923 г. закон «Об охране республики», дававший правительству право подавлять всякие оппозиционные выступления и преследовать политических противников как уголовных преступников.

Все это было закономерным для буржуазного государства, ибо со времени первой мировой войны, как указывал В. И. Ленин, обнаружилось «начало краха буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма»⁵⁷. Кризис буржуазного демократизма был одним из политических проявлений развивавшегося общего кризиса капитализма. Поскольку рабочий класс и его авангард, коммунистическая партия, старались использовать существование буржуазно-демократических свобод в интересах освободительной борьбы против капиталистического господства, в интересах широких слоев народа, буржуазия старалась как можно больше ограничить демократические права народа, свести на нет демократические свободы, формально провозглашенные конституцией.

Так было и в буржуазной Чехословацкой республике, особенно с наступлением частичной стабилизации капитализма. Несмотря на широко-

⁵⁵ Владельцы крупнейших предприятий регулярно переводили Масарику определенные суммы на «жандармские мероприятия». Так, например, есть документы, свидетельствующие, что в октябре 1924 г. очередные взносы сделали акционерные общества «Poldina Hut» в Кладно (500 крон), «Pražská železářská společnost» (1 тыс. крон), «Česká grafická unie» (5 тыс. крон) и др. (AUD KSC, 1924/72; AKPR, Т. 57/24); несколько позже, в 1927 г., по инициативе самого Масарика создается «специальный секретный фонд президента», счет которого был открыт в Живностенском банке. Предполагалось, что ежегодные поступления на этот счет должны составлять около 15 млн. крон (AKPR, Т. 228/27; 614/27).

⁵⁶ Имеется в виду президент Масарик и его ближайшее окружение — Преис и др.

⁵⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 276.

вещательные заявления лидеров буржуазных и «социалистических» партий о расширении демократизма, свобода слова, собраний, политических объединений и другие демократические свободы становились все более иллюзорными. В 1924 г. был ограничен парламентский иммунитет, принят реакционный закон о печати, готовилось изменение закона о всеобщем избирательном праве.

Важным средством упрочения экономического и политического господства чешской империалистической буржуазии было национальное угнетение других народов. Угнетение трудящихся масс национальных меньшинств чешским финансовым капиталом и составляло социальное содержание национального вопроса в буржуазной Чехословацкой республике. Конкурентная борьба между капиталистами различных национальностей играла второстепенную роль, так как взаимоотношения между ними определялись не только законом капиталистической конкуренции, но и общими интересами в упрочении капиталистического строя; в подавлении революционного движения трудящихся масс. При этом общность классовых интересов имела решающее значение.

В общественно-политической жизни национальный гнет в эти годы проявлялся в усилении централизаторской политики чешской буржуазии, все большем ограничении прав органов государственного самоуправления в национальных областях, увольнении местных служащих и насаждении чешских чиновников, чехизации школ, в ограничении пользования политическими свободами, установленными конституцией, в более остром, чем в чешских областях, полицейском терроре.

Колонизаторская политика чешской буржуазии особенно усиленно проводилась в Словакии и Закарпатской Украине. Об этом достаточно красноречиво говорил и бюджет Чехословацкой республики, в котором Словакии и Закарпатской Украине, по сравнению с чешскими областями, отводились мизерные ассигнования на экономические и культурные нужды. В то же время совершенно иным было соотношение ассигнований на содержание органов политического управления — полиции и жандармерии. На эти расходы для Словакии и Закарпатской Украины ассигновывалось по бюджету почти столько же, сколько для Чехии и Моравии, хотя по соотношению количества населения эти ассигнования должны были бы быть для Словакии и Закарпатской Украины в четыре раза меньшими⁵⁸. Государственный аппарат, войско, полиция и жандармерия являлись для чешской буржуазии основной опорой при проведении колонизаторской политики в восточных областях, где были особенно сильны революционные настроения масс и влияние коммунистической партии.

На Закарпатской Украине режим военной диктатуры, установленной при оккупации ее чешскими войсками, был отменен только в 1923 г. Но и после этого правительство не намеревалось выполнять обязательства, взятые по Сен-Жерменскому договору, и предоставлять какую-либо политическую самостоятельность Закарпатской Украине. Оно хотело лишь придать конституционные «демократические» формы своей колонизаторской политике. Именно из этих соображений и было принято решение о проведении в Закарпатье в марте 1924 г. выборов в чехословацкий парламент⁵⁹.

Партии правительственной коалиции, особенно аграрии, затратили

⁵⁸ «Těsnopisecké zprávy... NSRC», II. volební období, 7. zasedání, 170. schůze, 25.X 1928.

⁵⁹ О проведении парламентских выборов на Закарпатской Украине в 1924 г. см.: И. Н. Мельникова. Из истории революционного движения на Закарпатской Украине в 1921—1924 гг. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. VI, М., 1952, стр. 37—47.

много средств и приложили немало усилий к тому, чтобы с помощью закарпато-украинской буржуазии добиться победы на выборах и укрепить свои политические позиции в Закарпатье. Однако результаты выборов не оправдали надежд правящих кругов чешской империалистической буржуазии.

Выборы показали, что закарпато-украинские трудящиеся не смирились с насильственным включением Закарпатской Украины в состав буржуазной Чехословацкой республики, что они готовы продолжать революционную борьбу за социальное и национальное освобождение, что у них есть организатор и руководитель этой борьбы — коммунистическая партия, ставшая самой массовой и самой влиятельной политической партией в Закарпатье.

Коммунистическая партия одержала на выборах блестящую победу. Об этом свидетельствовали даже официальные данные о результатах выборов. Коммунисты получили почти 40% всех голосов, в то время как все партии правительственной коалиции вместе взятые собрали менее 30%. Против колонизаторской политики чехословацкого правительства проголосовало около 70% населения Закарпатской Украины⁶⁰. Самое большое поражение потерпела аграрная партия. Число собранных ею голосов по сравнению с общинными выборами 1923 г. упало с 111 до 15 тыс.⁶¹ Из 13 мандатов в Национальное собрание коммунисты получили шесть (четыре в палату и два в сенат). Ни одна из остальных 12 партий, участвовавших в выборах, не собрала необходимого для получения мандата количества голосов. Правда, путем различных комбинаций остальные мандаты были поделены между наиболее влиятельными буржуазными партиями и социал-демократами⁶², однако полное поражение на выборах партий правительственной коалиции и победа коммунистической партии оставались неопровержимым фактом. Даже органы чехословацкой администрации, руководившие выборами, должны были признать, что «выборы знаменовали победу коммунистической идеи и поражение идей государственных, именно правительственных»⁶³. Буржуазная и правосоциалистическая чехословацкая печать в один голос заявляли об «оплошности» правительства, допустившего выборы в Закарпатье. Чехословацкая буржуазия требовала от правительства принятия решительных мер против «красного Подкарпатья».

Трудящиеся Чехословакии встретили весть о победе коммунистической партии на парламентских выборах на Закарпатской Украине с огромным воодушевлением. В Праге и ряде промышленных центров республики состоялись митинги, на которых чешский пролетариат горячо приветствовал коммунистов и всех трудящихся Закарпатской Украины с победой⁶⁴.

Депутаты от КПЧ в Национальном собрании сделали запрос правительству о том, какие выводы оно намерено сделать в связи с проявленной на парламентских выборах волей населения Закарпатья⁶⁵. Министр внутренних дел Малипетр ответил, что, по мнению чехословацкого правительства, населению Закарпатья «было очень тяжело с должным пониманием и сознательной обдуманностью исполнить выборный акт» и что причина этого в его «культурной отсталости» и «недостаточном демократическом сознании». Поэтому правительство, говорил Малипетр, считает важнейшей

⁶⁰ ЦГИА УССР, ф. 88, оп. 1, д. 3, лл. 31—32.

⁶¹ Там же.

⁶² Аграрная, социал-демократическая и трудовая партии получили по одному мандату, венгерская национальная партия — два, автономно-земледельческий союз — два (см. V. Z a d ě r a, Politické strany v Národním Shromáždění. Praha, str. 36—37).

⁶³ Государственный архив Закарпатской области (далее — ГАЗО), ф. 29, д. 310, л. 38.

⁶⁴ «Правда», 23.III 1924.

⁶⁵ «Tisky... PS NSRC», I. volební období, sv. XXII, tisk 4545.

задачей «последовательно укреплять в этом крае демократические основы республики»⁶⁶. Ответ министра внутренних дел, как отмечали депутаты-коммунисты в своей новой парламентской интерпелляции от 9 апреля 1924 г., был наполнен «плохо скрываемой и бессильной злобой правительства против подкарпатско-русского народа за то, что на выборах он осудил его антинародный, террористический и колониальный режим». Отвергая провокационную клевету, с которой Малипетр выступил по адресу народа Закарпатья, высказавшегося в своем большинстве за коммунистическую партию, парламентская фракция КПЧ заявила: «Своим избранием этот народ доказал, что он действительно очень хорошо понимает нужды края... Он доказал, что является намного больше политически зрелым, чем его нынешние самозванные правители»⁶⁷.

Внушительная победа коммунистической партии на выборах и солидарность пролетариата всей Чехословакии с трудящимися угнетенной Закарпатской Украины представляли серьезную угрозу господству чешской империалистической буржуазии в Закарпатье. Понимая это, чехословацкое правительство решило во что бы то ни стало сломить революционные силы и подорвать влияние коммунистической партии в Закарпатье. Для этого были использованы все средства — полицейский террор против коммунистов и революционных рабочих и крестьян, увольнения с предприятий закарпато-украинских рабочих и замена их чешскими рабочими, привозимыми из центральных районов страны (только на государственных соляных копях в Солотвино за несколько месяцев было уволено более 300 рабочих)⁶⁸, широкий подкуп крестьян за счет государственного земельного фонда, усиленная колонизация пограничных районов чешскими легионерами и создание довольно сильной кулацкой прослойки в деревне, широкая демагогическая кампания в связи с проведением аграрной реформы. В своем наступлении на трудящихся Закарпатья чешская буржуазия получала поддержку со стороны закарпато-украинской буржуазии, которая старалась обмануть массы националистическими лозунгами и этим отвлечь трудящихся от революционной борьбы.

Таким образом, внутренняя политика, которую проводило буржуазное правительство Чехословакии в 1924—1925 гг., имела ярко выраженный антинародный характер, так как она основывалась на эксплуатации широких трудящихся масс, на экономическом, политическом и национальном гнете.

Реакционное направление внутренней политики находило свое продолжение и во внешнеполитической деятельности правительства.

В период частичной стабилизации капитализма, как и в предшествующие годы, внешняя политика чехословацкого правительства определялась двумя факторами: империалистическими интересами монополистических кругов чехословацкой буржуазии, стремлением чехословацкого финансового капитала к расширению своего внешнего влияния, к завоеванию рынков для вывоза товаров и капиталов, и зависимостью Чехословакии от крупных империалистических держав, которая возникла с момента образования буржуазной Чехословацкой республики и с годами все более усиливалась.

Являясь одним из звеньев послевоенной версальской системы, Чехословакия ориентировалась главным образом на Францию, как наиболее влиятельную после войны европейскую державу. С Францией Чехословакию связывала прежде всего заинтересованность в сохранении в Европе им-

⁶⁶ «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXII, tisk 4548.

⁶⁷ «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXII, tisk 4566.

⁶⁸ «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXVII, tisk 5338/XVII.

империалистического мира и установленных им государственных границ. Чехословацкое правительство активно участвовало в создании Малой Антанты, которая была орудием империалистической политики Франции. Чехословакия, обладавшая высоко развитой промышленностью, в экономическом и военном отношении стала ведущей силой Малой Антанты, ее арсеналом. Это создавало благоприятные условия для расширения внешней экономической экспансии чешского капитала. Антисоветская направленность Малой Антанты вполне соответствовала империалистическим стремлениям реакционных кругов чехословацкой буржуазии.

Ориентация Чехословакии на Францию не исключала влияния на нее и со стороны других империалистических держав — Англии и США. Степень влияния определялась усиливающимся проникновением капитала этих стран в экономику Чехословакии и меняющимся соотношением политических сил на международной арене.

Существенные изменения международной обстановки в Западной Европе начались с принятием «плана Дауэса», продиктованного правящими кругами Англии и США и рассчитанного на восстановление военно-промышленного потенциала Германии, ограбление немецкого народа, экономическое закабаление европейских стран и направление экспансии германского империализма на восток, прежде всего против СССР. «План Дауэса» ухудшил экономическое положение ряда европейских капиталистических стран, в том числе и Чехословакии. Западноевропейские государства были принуждены, напрягая до предела свои экономические ресурсы, расплачиваться за военные долги. Иски по военным долгам были предъявлены и Чехословакии. В общей сложности она обязана была уплатить США, Англии, Франции и Италии 750 млн. франков, или 35 млрд. крон, за свое «освобождение»⁶⁹. Неизбежным следствием усиливавшегося закабаления Западной Европы финансовым капиталом Соединенных Штатов Америки явилось резкое ухудшение жизненного положения трудящихся европейских стран, повышение налогового бремени.

Принятие «плана Дауэса» значительно изменило и политическую обстановку в Западной Европе. Франция, с таким упорством стремившаяся в течение всего послевоенного времени к установлению своей гегемонии на европейском континенте, должна была отступить перед американско-английским империализмом. Прямое участие английских монополий в разработке и осуществлении «плана Дауэса» усиливало позиции Англии в ее соперничестве с Францией. Крушение французской оккупации Рура лишило Францию материальной базы для военной и политической гегемонии в Европе, ухудшило ее международное положение. Это оказывало влияние и на Чехословакию, так как сохранение зависимости от империалистической Франции, в условиях действия «плана Дауэса» со всеми его последствиями, еще более осложняло внешнеполитическое положение Чехословакии.

Опасаясь дальнейшего ослабления своих позиций в международных делах, Франция после неудавшейся оккупации Рура старалась сохранить влияние на зависимые от нее страны Малой Антанты. В январе 1924 г. между Францией и Чехословакией был заключен договор, по которому обе стороны обязывались взаимно консультироваться и согласовывать свои действия по вопросам европейской политики, стремясь к сохранению положения, установленного послевоенными мирными договорами⁷⁰. Франко-чехословацкий договор являлся военно-политическим соглашением,

⁶⁹ «*Rudé právo*», 28.II 1924.

⁷⁰ «*O československé zahraniční politice. 1918—1939. Sborník statí*». — *Statní nakladatelství politické literatury* (далее — SNPL), Praha, 1956, str. 120.

усиливавшим зависимость Чехословакии от Франции. Подобные же соглашения были заключены Францией и с другими странами Малой Антанты — Румынией и Югославией, после чего в июне 1924 г. в Праге состоялась конференция министров иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии, на которой были обсуждены вопросы, касающиеся участия этих стран в общих империалистических планах, и подтверждена их антисоветская направленность⁷¹.

Являясь активным членом Малой Антанты и ориентируясь на Францию, чехословацкое правительство проводило реакционную внешнюю политику, характеризующуюся прежде всего враждебным отношением к Советскому Союзу. Вдохновителем антисоветской политики был сам президент Масарик. Ориентация Масарика и Бенеша, бывшего в то время министром иностранных дел Чехословакии, на западные империалистические державы, их враждебное отношение к СССР ярко проявились в покровительстве русской и украинской контрреволюционной эмиграции. На содержание белоэмигрантов, бежавших из Советской России и нашедших пристанище в буржуазной Чехословакии, чехословацкое правительство ежегодно ассигновывало десятки миллионов крон. В Праге с его ведома был создан ряд белоэмигрантских организаций, которые вели разнузданную пропаганду, участвовали в подготовке различных антисоветских провокаций и открыто призывали к свержению советской власти. В правительственных газетах свободно печатались клеветнические антисоветские измышления главарей эмиграции, в то время как публикация правдивой информации о Советской стране в демократической печати подвергалась строжайшим запретам цензуры. Правительственные органы преследовали чехословацких граждан за всякое проявление симпатий к Советскому Союзу. По закону «Об охране республики» тот, кто произносил слова «Да здравствует Советский Союз!» или «Да здравствует Красная Армия!», обвинялся в «преступлении перед государством» и подвергался тюремному заключению⁷².

Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш был одним из самых ярких противников признания СССР. Даже после того как крупнейшие европейские страны империализма — Англия и Франция потерпели поражение в своих попытках изолировать СССР и должны были, считаясь с усилением международного удельного веса Советского Союза, пойти на установление с ним дипломатических отношений, Бенеш все еще призывал «воздержаться» от признания СССР и «ждать более удобного момента»⁷³. Эта позиция Бенеша отражала интересы самых реакционных кругов чехословацкой буржуазии: финансовых и промышленных магнатов, связанных с производством вооружения и наживавших огромные прибыли на поставках оружия странам, участвовавшим в различных антисоветских блоках, крупных аграриев, не заинтересованных в развитии торговли с СССР, реакционного генералитета, высшего католического духовенства и т. п.

В то же время Бенеш являлся одним из самых рьяных проповедников пацифизма и выступал в роли «миротворца». При его деятельном участии в октябре 1924 г. Лигой наций был принят так называемый Женевский протокол о мирном урегулировании международных конфликтов, инициатором которого являлась Франция, стремившаяся сохранить свое

⁷¹ «Rudé právo», 17.VII 1926.

⁷² Jindřich Veselý. Z prvních bojů KSČ (1921—1924). — SNPL, 1958, str. 117.

⁷³ «Těsnoписecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 10. zasedání, 294. schůze, 30.X 1924.

положение, определенное Версальским договором. По этому протоколу подписавшие его государства — члены Лиги наций — обязались частично сократить вооружения, не прибегать к войне, а в случае возникновения конфликта подчиниться решениям арбитража или Совета Лиги наций. Агрессором объявлялось не только государство, вызвавшее конфликт, но и то, которое не подчинится решениям арбитража и Совета Лиги наций⁷⁴. Эта часть Женевского протокола оставляла его инициаторам полную возможность использовать арбитражную процедуру и Устав Лиги наций для борьбы против СССР, не входившего в Лигу наций. Такова была «гарантия» мирного решения международных вопросов.

Чехословакия была первым государством, ратифицировавшим Женевский протокол. Однако он не мог вступить в силу, так как Англия, добивавшаяся политического ослабления Франции, отказалась поставить под ним свою подпись. Ее примеру последовала Италия. Без согласия этих двух государств, являвшихся постоянными членами Совета Лиги наций, Женевский протокол утрачивал силу.

Английское правительство консерваторов, пришедшее к власти осенью 1924 г., взяло курс на создание в Западной Европе единого антисоветского блока, в котором участвовала бы и Германия, и добивалось замены коллективных обязательств, принимаемых в рамках Лиги наций, заключением общего договора великих держав о гарантии существующих границ. Германия поспешила воспользоваться этим предложением и после консультаций с английским правительством представила европейским государствам свой проект так называемого Рейнского гарантийного пакта, соглашаясь признать неприкосновенными установленные Версальским договором границы Германии с ее западными соседями. О восточных границах Германии в проекте гарантийного пакта не упоминалось. Это обстоятельство должно было обеспокоить восточных соседей Германии — Польшу и Чехословакию. В связи с этим наметилось польско-чехословацкое сближение, которому содействовала Франция. По ее инициативе в апреле 1925 г. был заключен ряд польско-чехословацких договоров (торговый, транзитный, арбитражный и др.) и приняты компромиссные решения по спорным пограничным вопросам⁷⁵. В торговый польско-чехословацкий договор, имевший в общем экономический характер, был включен пункт о взаимном согласии на провоз военных материалов как на Запад, так и на Восток. Этот пункт имел прежде всего антисоветскую направленность. Чехословакия соглашалась в случае войны или напряженного международного положения рассматривать Польшу как государство, примыкающее к Малой Антанте. Во всем этом была прямо заинтересована Франция, которой было нужно чехословацко-польское сближение и для того, чтобы при помощи Чехословакии осуществить вооружение Польши, рассматриваемой французским империализмом как плацдарм для новой антисоветской интервенции.

Франция старалась сохранить и расширить свое влияние на малые европейские страны, связанные версальской системой. С этой целью правительство Франции предложило, чтобы были гарантированы не только западные, но и восточные и южные границы Германии. Но в этом вопросе Франция не нашла поддержки. Англия и Германия выступили против, к ним присоединились Италия, а также правительство США. Соединенные Штаты Америки формально не участвовали в подготовке гарантийного пакта, но всячески содействовали его осуществлению, так как включение Германии

⁷⁴ «История дипломатии», т. III. М.—Л., 1945, стр. 312—313.

⁷⁵ «O československé zahraniční politice, 1918—1939», SNPL, str. 131.

в общеевропейский блок открывало более широкую дорогу в Европу американскому капиталу, которому, как известно, принадлежала решающая роль в намеченном «планом Дауэса» возрождении Германии.

Что касается Чехословакии, то тут Англия и США имели особенно благоприятную возможность диктовать ей свои условия, пользуясь тем, что как раз в это время чехословацкое правительство вело переговоры с английскими и американскими финансовыми кругами о получении довольно крупного займа⁷⁶.

После предварительных переговоров между Англией, Францией и Германией в октябре 1925 г. была созвана Локарнская конференция. «Локарно» явилось своеобразной политической надстройкой над «планом Дауэса». Главной целью подписанных в Локарно соглашений были изоляция Советского Союза и подготовка почвы для новой антисоветской интервенции. В Локарно заключен был общий «гарантийный пакт», которым подтверждалась нерушимость западных германских границ (между Германией и Францией, Германией и Бельгией) и в то же время ничем не гарантировалось сохранение установленных Версальским договором восточных германских границ. Таким образом, открывался путь агрессии германского империализма в сторону восточных соседей Германии, что было очень опасно для Чехословакии, особенно если учесть то обстоятельство, что внутри страны, в северо-западных пограничных районах, националистически настроенные круги немецкой буржуазии вели против нее враждебную подрывную деятельность. Подписание тогда же, в октябре 1925 г., германо-чехословацкого «арбитражного» договора⁷⁷, конечно, не могло быть действительной гарантией неприкосновенности чехословацких границ. Несмотря на это, чехословацкое правительство присоединилось к «Локарно», что еще более осложнило внешнеполитическое положение Чехословацкой республики. Присоединившись к «Локарно», Чехословакия связала себя с империалистической политикой Англии, не освобождаясь в то же время и от влияния империалистической Франции, усилившегося после подписания в 1924 г. франко-чехословацкого военно-политического договора.

Принятие локарнских соглашений существенным образом изменило обстановку в Европе. С политической гегемонией Франции было покончено. Решающую роль стала играть Англия, которая при этом выгодно использовала противоречия между Францией и Германией. Германия должна была отказаться от расширения своего влияния на Западе, но зато получала свободу для действий в направлении Востока. Таким образом, уже тогда западные империалистические державы начали расстановку сил для будущей мировой войны.

Чехословацкое правительство, присоединившись к Локарно, вновь подтвердило антисоветский курс своей внешней политики.

Между тем вопрос об отношении к Советскому Союзу приобрел исключительно важное значение для Чехословакии. Установление нормальных отношений с СССР являлось жизненной необходимостью для Чехословацкой республики, ибо сближение с СССР значительно укрепило бы ее политическое положение и в то же время открыло бы для нее перспективы выгодного экономического сотрудничества. Трудящиеся массы и вся демократическая общественность республики все больше убеждались в необходимости установления дипломатических отношений и

⁷⁶ «О československé zahraniční politice. 1918—1939», SNPL, str. 132—133.

⁷⁷ Там же, стр. 134—135.

прочного сотрудничества между Чехословакией и СССР и все настойчивее требовали от правительства прекращения антисоветской политики и признания Советского государства.

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СТРАНЕ И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ БУРЖУАЗИИ

Реакционная внутренняя и внешняя политика, проводимая буржуазным чехословацким правительством в период начавшейся частичной стабилизации капитализма, неизбежно вела к обострению классовых противоречий в стране, к росту возмущения пролетариата, к нарастанию борьбы народных масс против наступления буржуазии на их экономические и политические права.

Руководство этой борьбой приняла на себя коммунистическая партия, единственная партия в Чехословакии, представлявшая и защищавшая интересы трудового народа. Коммунистическая партия, выросшая из массового революционного движения и организационно оформившаяся в 1921 г., уже имела некоторый опыт руководства классовыми боями. В 1921—1923 гг. рабочий класс Чехословакии вел упорные оборонительные бои против начавшегося наступления буржуазии. В условиях развивавшегося в стране экономического кризиса большого размаха достигло забастовочное движение чехословацкого пролетариата, охватившее сотни тысяч рабочих. В одной из самых крупных забастовок этих лет — всеобщей забастовке горняков в феврале 1922 г. — участвовало около 150 тыс. человек. Рабочий класс Чехословакии под руководством коммунистической партии проявлял большое мужество в отражении атак буржуазии на его жизненный уровень и в завоевании своих прав.

Однако в силу ряда причин пролетариат потерпел в этой борьбе поражение. Оборонительные бои рабочего класса проходили в условиях начавшегося отлива революционной волны. Обстановка углублявшегося экономического кризиса давала буржуазии широкие возможности усиливать капиталистическую эксплуатацию и в то же время требовала от пролетариата, поставленного в крайне тяжелые жизненные условия, особенно большой выдержки, организованности и мужества. Силы пролетариата были ослаблены отсутствием единства в его рядах, вызванным расколом профсоюзного движения. Предательская деятельность реформистов облегчала буржуазии наступление на позиции пролетариата. Буржуазия смогла использовать против трудящихся находившийся в ее распоряжении государственный аппарат. В этих сложных и трудных условиях коммунистическая партия, еще не имевшая достаточного революционного опыта, не сумела обеспечить должную организационную и политическую подготовку массовых пролетарских выступлений. Большой слабостью КПЧ было то, что она еще не в полной мере осознала предательскую роль реформистских партий и недостаточно разоблачала их предательство перед рабочими массами. Это мешало борьбе за пролетарское единство, затрудняло КПЧ завоевание большинства пролетариата и привлечение его на путь революционной борьбы⁷⁸.

Однако, несмотря на эти слабые стороны в деятельности КПЧ, она с самого момента своего образования повела мужественную борьбу против капиталистического гнета и не позволила правящим кругам

⁷⁸ Jindřich Veselý. Z prvních bojů KSC (1921—1924). — SNPL, 1958, str. 49—50, 168.

чехословацкой буржуазии осуществить многие намеченные ими реакционные мероприятия.

Опыт, приобретенный КПЧ в 1921—1923 гг., был использован партией в последующие годы, когда новая обстановка, характеризовавшаяся окончанием революционного подъема и наступлением временного затишья, потребовала от коммунистической партии больших усилий в борьбе за массы и подготовке их к новым революционным боям.

В условиях наступившей частичной стабилизации капитализма Коммунистическая партия Чехословакии считала своей главной задачей борьбу за улучшение жизненного положения пролетариата и всех трудящихся, рассматривая ее как часть общей борьбы против господства буржуазии, за диктатуру пролетариата.

В первые годы частичной стабилизации капитализма рабочий класс Чехословакии, ослабленный поражением, которое нанесла ему буржуазия в предшествующий период, еще не был готов к серьезным выступлениям. Но классовая борьба пролетариата не прекращалась и в период временного отлива революционной волны. Главными формами ее проявления в конкретных исторических условиях начавшейся временной капиталистической стабилизации были оборонительные экономические бои рабочего класса, движение протеста против наступления буржуазии на жизненный уровень трудящихся.

В 1924 г. забастовочное движение охватило многие отрасли промышленности. В первые месяцы это были главным образом забастовки против грубого нарушения капиталистами закона о 8-часовом рабочем дне, ухудшения условий труда на производстве и начавшегося снижения заработной платы. Если обратиться к хронике забастовочного движения, то можно видеть, что забастовки раньше всего начались на предприятиях текстильной, стекольной, керамической, химической промышленности, а также среди сельскохозяйственных рабочих в пограничных немецких районах Чехии, в Словакии и Закарпатской Украине. И это было вполне закономерно, так как положение пролетариата национальных окраин было более тяжелым, чем положение чешских рабочих промышленного центра страны. В результате продолжавшегося наступления чешской монополистической буржуазии на экономические позиции немецкого, венгерского и другого нечешского капитала ограничивалась деятельность промышленных предприятий в национальных районах и безработица здесь была значительно больше, чем в чешских районах страны. Немецкие, словацкие, венгерские, украинские, польские рабочие национальных окраин подвергались более жестокой эксплуатации, так как в повышении степени эксплуатации пролетариата окраин капиталисты видели возможность некоторого возмещения тех потерь, которые приходилось им нести в конкурентной борьбе с чешской монополистической буржуазией.

Особенно тяжелым было положение пролетариата Словакии и Закарпатской Украины. Заработная плата рабочих здесь была значительно ниже, а цены на предметы потребления, в особенности промышленные изделия, выше, чем в Чехии. В Словакии и Закарпатье продолжали действовать некоторые старые венгерские законы, ставившие рабочих в бесправное положение, которые в Чехии в 1918 г. были отменены. Если рабочий был уволен с предприятия за участие в забастовке, в его трудовой книжке делалась пометка, с которой ему трудно было устроиться на другую работу. На подавляющем большинстве предприятий не существовало коллективных договоров между рабочими и предпринимателями и своеволие капиталистов ничем не ограничивалось. Социальное законодательство, изданное в Чехословацкой республике, не всегда распростра-

нялось на Словакию и Закарпатскую Украину. Закон о 8-часовом рабочем дне здесь, как правило, не соблюдался. Сезонные рабочие, составлявшие значительную часть словацких и закарпатских рабочих, были исключены из социального страхования и лишены пособий по безработице. Тяжелое положение пролетариата Словакии, Закарпатской Украины, немецких рабочих на северо-западе Чехии и было причиной того, что именно с этих районов начало развиваться в 1924 г. забастовочное движение.

Наиболее крупной забастовкой в первой половине 1924 г. была апрельско-майская забастовка 3 тыс. словацких рабочих на фабриках текстильного концерна в Жилине. Выдержав пятидневную борьбу, рабочие двух фабрик в Жилине и Опатове, где забастовкой руководил красный профсоюз текстильщиков, добились полной победы и не позволили капиталистам провести намеченное снижение зарплаты. На фабрике в Райце борьба была сорвана предательскими действиями реформистов из социал-демократического профсоюза текстильщиков и людовцами⁷⁹.

В знак протеста против снижения заработной платы весной 1924 г. бастовали также текстильщики Танвальда, металлисты в Дечинском округе, стекольщики в Изерских горах, рабочие кирпичных и керамических заводов Крновского и Фривальдовского округов в Силезии и Берегова в Закарпатье, химики и деревообделочники Свалявы, сельскохозяйственные рабочие в ряде округов и т. д.⁸⁰

Во многих городах состоялись выступления безработных, протестовавших против введения гентской системы и требовавших от правительства принятия мер для сокращения безработицы и предоставления достаточных пособий всем не имеющим работы. Об их требованиях можно судить по резолюции, принятой на собрании безработных Моравской Остравы 15 февраля 1924 г. От руководства профсоюзов и рабочих партий безработные добивались принятия таких мер, чтобы закон, снижающий пособия безработным, не вступил в силу. Обращаясь к правительству, безработные требовали предоставления им работы, запрещения сверхурочной и воскресной работы, установления нормальных экономических отношений с Советской Россией, которые бы расширили экспортные возможности для чехословацкой промышленности⁸¹.

Забастовочное движение в Чехословакии значительно усилилось во второй половине 1924 г.

Иллюзии о том, что с наступлением капиталистической стабилизации повысится жизненный уровень рабочего класса, возникавшие среди рабочих под влиянием социал-реформистской пропаганды, постепенно рассеивались. Сама буржуазия всей своей антинародной политикой помогала пролетариату убедиться в том, чего стоили на деле реформистские лозунги «социальной справедливости» и «классового мира». Влияние реформистов даже там, где их позиции были наиболее прочными (например, в Остраве, Пльзене), заметно ослабевало. Это показали выборы в заводские советы и заводские комитеты, проходившие в 1924 г. В Остравско-Карвинском угольном бассейне, где еще два года назад на предыдущих выборах в заводские советы горняков большинство мандатов получило социал-демократическое профсоюзное объединение, в 1924 г.

⁷⁹ AUD KSC, IX/I—I/247; «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXII, tisk 4551/XI.

⁸⁰ AUD KSC, IX/I—I/247; AKPR. Politické zprávy situační z Čech (далее — PzSČ), 1924 г., 6—7. зпр.; AKPR. Politické zprávy situační ze Slezska (далее — PzS) 1924 г., 15, 19. зпр.

⁸¹ AKPR. PzS, 1924 г., 7. зпр.

победу одержала секция горняков объединения красных профсоюзов (МОС), увеличив число своих мандатов с 158 до 181. В то же время реформисты потеряли 30 мандатов⁸². На крупнейшем промышленном предприятии страны — заводах Шкода в Пльзене при выборах заводского комитета в 1924 г. красный профсоюз металлистов впервые выдвинул свой отдельный список и получил семь мандатов, всего на один меньше, чем социал-демократический профсоюз, имевший до этого среди рабочих «Шкодовки» преобладающее влияние⁸³. Об ослаблении позиций правых социал-демократов среди пролетариата свидетельствовал и тот факт, что число членов пльзенской организации социал-демократической партии по сравнению с 1921 г., по данным 1925 г., уменьшилось почти на 22%⁸⁴.

Ослабление влияния реформистских лидеров и руководимых ими организаций в то же время означало усиление влияния в массах КПЧ и красных профсоюзов.

Рост капиталистической эксплуатации на предприятиях, наступление на социальное законодательство, осуществление правительством в 1924 г. ряда антинародных мероприятий, отвечавших интересам узкого круга монополистов, — все это, естественно, не могло не вызвать возмущения чехословацкого пролетариата, роста его боевой активности. В этих условиях социал-реформистским лидерам становилось все труднее удерживать рабочих от участия в забастовках или ограничивать начавшиеся забастовки выдвиганием незначительных требований, таких, как частичные надбавки к заработной плате на дороговизну и т. п. С осени 1924 г. чехословацкий пролетариат повсеместно начал борьбу за повышение заработной платы. Требуя повышения заработной платы в среднем на 15—20%, забастовали горняки Остравы и Гандлова⁸⁵, текстильщики Праги, Либерецкой области, Брно, Фулкена, Нового Йичина, металлисты Пшерова, рабочие-швейники в Брно и Клатовах, стекольщики на севере Чехии, строители в Кошице⁸⁶, более 14 тыс. рабочих предприятий фарфоровой промышленности на северо-западе Чехии⁸⁷, химики и деревообделочники Свалявы и Перечина в Закарпатье⁸⁸ и т. д.

Во многих случаях борьба между предпринимателями и рабочими принимала упорный характер. Капиталисты в своем наступлении на пролетариат опирались на поддержку правительства и всего государственного аппарата. «Во всех спорах по вопросам заработной платы, социальным и политическим вопросам государственный аппарат в Чехословацкой республике становится на сторону капиталистической буржуазии», — писала газета «Руде право» в статье о «демократических» порядках в чехословацком государстве⁸⁹.

Все более обычным явлением становились в Чехословакии случаи прямого участия полиции и жандармерии в подавлении забастовок, особенно на восточных окраинах республики — в Словакии и Закарпатской Украине. Примером могут служить события, происшедшие осенью 1924 г. в словацком городе Тренчине, во время забастовки рабочих-текстильщиков

⁸² «Rudé právo», 6.XI 1924.

⁸³ K. Pichlík, K. Bartošek. Z dějin dělnického hnutí na Plzeňsku. O úloze právicových sociálních demokratů. Praha, 1954, str. 59.

⁸⁴ Там же, стр. 97.

⁸⁵ AUD KSC, IX/1—I/247.

⁸⁶ «Rudé právo», 28.X 1924.

⁸⁷ AKPR. PzšČ, 1924 г. 41. zpr.

⁸⁸ ГАЗО, ф. 29, д. 331, лл. 74, 97; д. 294, л. 16.

⁸⁹ «Rudé právo». 24.X 1924 (конфиск.); «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXV, tisk 5154/III.

на фабрике, принадлежавшей акционерному обществу французских, чешских и словацких капиталистов («Гибергхин и Филс»). Условия труда на этом предприятии, справедливо называвшемся рабочими «фабрикой ту-беркулеза», были исключительно тяжелыми. Не было никакой охраны труда и безопасности рабочих, на тяжелых физических и ночных работах использовался низкооплачиваемый женский и детский труд. Многочисленные штрафы резко снижали заработную плату рабочих. Дело дошло до того, что в одну из недель после вычетов штрафов 60 рабочих вовсе не получили заработной платы. Большинство рабочих получало от 10 до 70 крон за полную рабочую неделю, хотя официально средняя недельная заработная плата на фабрике была установлена фирмой в 120 крон⁹⁰. В сентябре 1924 г. с санкции промышленной инспекции рабочий день на фабрике был удлиннен до 10 часов. Рабочие потребовали дополнительной оплаты за два часа сверхурочной работы. Фирма отвергла это требование и сразу же уволила 280 рабочих, среди которых были все рабочие уполномоченные и члены заводского комитета. По настоянию профсоюзной организации фабрики министерство социального попечения начало разбирательство возникшего между фирмой и рабочими конфликта. Но разбирательство не дало никаких результатов, и 22 сентября на фабрике началась забастовка, в которой приняло участие около 1,5 тыс. текстильщиков.

Против забастовки рьяно выступили местные заправилы людовой партии и особенно тренчинский католический декан, который являлся акционером фирмы «Гибергхин и Филс». За спиной рабочих руководители христианско-социалистического профсоюза подписали с фирмой соглашение о прекращении забастовки. Однако бастующие отказались его признать. 24 сентября в Тренчине состоялся митинг, в котором участвовало около 3 тыс. человек. Бастующим была обещана поддержка всего трудящегося населения Тренчина.

При всех стараниях людовцам удалось нанебровать только 42 штрейкбрехера, но и те не могли попасть на фабрику, охраняемую бастующими. Тогда фирма обратилась за помощью к властям. 8 октября на фабрику явился жандармский отряд, арестовавший забастовочный пикет. А когда сотни рабочих собрались у ворот фабрики, требуя освобождения арестованных товарищей, по ним был открыт ружейный огонь. 52-летний рабочий Дрко был убит, многие были ранены, избиты прикладами, исколоты штыками. В тот же день в Тренчине было объявлено чрезвычайное положение, запрещены собрания и митинги и участие в похоронах убитого рабочего Дрка. 46 рабочих и работниц, участников забастовки, были арестованы, заключены в тюрьму и подвергнуты денежному штрафу. Над восемью участниками забастовки был назначен суд⁹¹.

Кровопролитие в Тренчине вызвало возмущение трудящихся всей Чехословакии. Исполком КПЧ в своем обращении по поводу событий в Тренчине призвал чехословацкий пролетариат бороться за классовую солидарность рабочих всех национальностей, живущих в республике, подчеркивая, что без такой солидарности рабочий класс Чехословакии не сможет одержать победу над буржуазией. «Каждый выстрел жандармских ружей в словацкого и подкарпатского рабочего и крестьянина, — говорилось в этом обращении, — пролетариат Чехии, Моравии, Силезии должен чувствовать, как выстрел в свое тело», чешский пролетариат должен

⁹⁰ «Tisky... PS NSRC», I. volební období, sv. XXIII, tisk 4885/III; sv. XXIV, tisk 490.

⁹¹ «Tisky... PS NSRC», I. volební období, sv. XXV, tisk 5133/IX.

показать, что «страдания словацкого и подкарпатского народа есть его страдания, что кровь рабочих и крестьян, пролитая в восточной части Чехословацкой республики, есть его кровь, что борьба словацкого и подкарпатского рабочего и крестьянина за хлеб, за землю, за свободу, за власть трудового народа против капиталистической диктатуры есть его борьба»⁹².

По призыву коммунистической партии по всей республике прошли митинги протеста, выносившие резолюции с требованием наказания виновных в кровавой расправе над словацкими рабочими в Тренчине и отмены террора и насилий в угнетённых национальных областях. Однако единственным ответом чехословацкого правительства на все эти протесты и интерpellации депутатов-коммунистов в парламенте было краткое заявление от 30 октября, в котором вся вина за тренчинское кровопролитие возлагалась на бастовавших рабочих⁹³. Таким ответом правительство Чехословацкой республики давало понять, что оно и впредь намерено поддерживать предпринимателей в их борьбе против всяких «незаконных» требований, выдвигаемых рабочими.

Всего в Чехословакии в 1924 г. правительственной статистикой было зарегистрировано 322 забастовки и 12 локаутов на 1182 предприятиях с участием 98 263 рабочих. Из 322 забастовок 216 были объявлены в результате конфликтов, возникших между рабочими и предпринимателями по вопросам заработной платы. Победой рабочих закончилось только 40 забастовок. В 121 забастовке рабочие добились лишь частичного удовлетворения своих требований, а в 55 потерпели полное поражение⁹⁴. Сказывалось то, что чехословацкий пролетариат еще не имел опыта ведения забастовочной борьбы в условиях начавшейся частичной стабилизации капитализма и что среди части рабочих все еще было сильным влияние реформистов.

Одной из самых серьезных причин, тормозивших успешное развитие революционного рабочего движения в Чехословакии, являлось отсутствие единства в рядах пролетариата, раскол профсоюзного движения. В Чехословакии в то время существовало 14 профсоюзных центров, объединявших сотни профсоюзов. Были и такие союзы, которые не входили ни в одно из объединений и считали себя самостоятельными. Свои профсоюзные центры создали все крупнейшие политические партии (за исключением аграрной). Наиболее многочисленными были профсоюзные объединения чехословацкой социал-демократической партии — «Чехословацкое профсоюзное объединение» — 347 352 члена, чехословацкой национально-социалистической партии — «Чехословацкая рабочая община» — 307 296 членов, немецкой социал-демократической партии — «Центральная комиссия немецких профсоюзов» — 226 654 члена и Коммунистической партии Чехословакии — «Межнациональный общепрофессиональный союз». Руководимые КПЧ красные профсоюзы объединяли 201 035 человек, что составляло только около 12% общего числа организованных в профсоюзы рабочих⁹⁵. Таким образом, основная масса чехословацких рабочих оставалась в реформистских профсоюзных организациях. Чтобы завоевать на свою сторону большинство рабочего класса, коммунисты должны были развернуть широкую и систематическую работу внутри реформистских профсоюзов по высвобождению трудящихся масс из-под влияния социал-соглашателей.

⁹² «Rudé právo», 24.X.1924.

⁹³ «Tisky... PS NSRC», I. volební období, sv. XXIV, tisk 7914.

⁹⁴ «Statistická příručka republiky Československé». III. Praha, 1928, str. 372—373.

⁹⁵ A. Zapotocký. Boj o jednotu odborů. 1927—1938. Praha, 1949, str. 26.

Раздробленность профсоюзного движения ослабляла силы рабочего класса Чехословакии, затрудняла его борьбу против наступления буржуазии в защиту своих жизненных интересов. Руководство социал-соглашательских партий и реформистских профсоюзов в угоду буржуазии вело линию на углубление раскола в рядах рабочего класса, противодействуя всяким попыткам установления единства действий пролетариата.

Между тем в рабочих массах, в том числе и среди рядовых членов социалистических партий и примыкавших к ним профсоюзов, усиливалось стремление к единству. Это стремление выразилось в движении за объединение и единство действий заводских комитетов и заводских советов⁹⁶.

По инициативе коммунистической партии и красных профсоюзов летом 1924 г. были проведены конференции заводских советов и заводских комитетов по отраслям промышленности, а также в масштабе целых промышленных районов и областей. На этих конференциях обсуждались вопросы экономического положения пролетариата, задачи борьбы против наступления буржуазии на жизненный уровень рабочего класса; выдвигались требования изменить существовавший в Чехословакии закон о заводских комитетах и предоставить им права контроля над производством; ставился вопрос о необходимости установления единства действия заводских комитетов и советов в общегосударственном масштабе.

Конференция заводских комитетов центральных районов Чехии, происходившая в Праге в июне 1924 г., взяла на себя инициативу в объединении заводских комитетов и избрала комитет («Комитет 17») для подготовки общегосударственного съезда⁹⁷. Эта инициатива была поддержана пролетариатом всей республики. Повсюду началась деятельная подготовка к съезду.

Руководство соглашательских партий и реформистских профсоюзов всячески противодействовало развитию движения за пролетарское единство и старалось сорвать готовившийся съезд заводских комитетов. Членам социал-демократической и социалистической партий было запрещено участвовать в конференциях, на которых избирались делегаты на съезд. Избранным делегатам реформисты угрожали исключением из профсоюзов и увольнением с работы. Однако угрозы слабо действовали на рабочих. Движение за объединение заводских комитетов развернулось и в тех областях, где значительное число заводских комитетов находилось под непосредственным влиянием социал-соглашательских партий, например в Остравской области.

14 сентября в Витковицах состоялся съезд заводских комитетов и заводских советов всей Моравско-Силезской жупы. На съезд прибыло 142 делегата от шахт Остравско-Карвинского угольного бассейна, 51 делегат от предприятий металлопромышленности, 43 — от предприятий химической промышленности, семь — от рабочих-пищевиков, шесть — от рабочих-древообделочников, два — от текстильщиков, один — от рабочих-керамиков, один — от рабочих-стекольщиков и пять — от сельскохозяйственных рабочих. Всего на съезде присутствовал 261 делегат от 94 промышленных предприятий; 50 делегатов являлись членами социал-демократических, национально-социалистических и христианско-социалистических

⁹⁶ Заводские рабочие советы стали стихийно создаваться в Чехословакии с 1918 г. В 1920 г. был издан закон, которым советы были легализованы только в горной промышленности, при этом права и полномочия их были строго ограничены. Для всех других отраслей промышленности в 1921 г. был издан закон о создании заводских комитетов, еще более ограниченных в правах.

⁹⁷ «Rudé právo», 11.VI 1924; AUD KSC, 1925/161.

профсоюзных организаций и прибыли на съезд, несмотря на строгий запрет своего руководства⁹⁸.

Делегаты съезда выдвинули требование пересмотра законов о заводских советах и комитетах в сторону предоставления им больших прав и полномочий и единодушно одобрили предложение о созыве общегосударственного съезда; резолюция по этому вопросу заканчивалась словами: «Да здравствует единый фронт пролетариата Чехословакии!»⁹⁹.

Кроме того, на съезде были приняты резолюции по важнейшим вопросам, касавшимся жизненного положения рабочего класса. Резолюция «Против дороговизны, за повышение зарплаток» призывала руководство всех профсоюзных организаций к расторжению существовавших коллективных договоров и выдвижению требования повышения заработной платы в соответствии с вздорожанием средств потребления. Съезд призвал рабочих всех шахт и заводов Оставской области, чтобы они оказали «самое сильное давление» на руководящие профсоюзные органы и заставили их добиваться заключения новых коллективных договоров. Было решено провести 30 сентября во всей Оставской области демонстрации протеста против дороговизны, за повышение заработной платы¹⁰⁰. Съезд поручал заводским советам и комитетам вести решительную борьбу со всякими нарушениями закона о 8-часовом рабочем дне, с увольнениями рабочих с предприятий. В специальной резолюции о положении трудящейся молодежи выдвигались требования строгого соблюдения законов об охране и оплате труда молодежи, о введении 6-часового рабочего дня для подростков до 18 лет, предоставления молодым рабочим с 18 лет активного и пассивного права выборов в заводские советы и комитеты. Съезд обращался к парламентским клубам всех рабочих партий, призывая их добиваться осуществления законов об охране коллективных договоров и о социальном страховании, освобождения рабочих от уплаты всей задолженности по налогам¹⁰¹. Эти и другие требования улучшения жизненного положения рабочего класса были выдвинуты на конференциях заводских комитетов и в других районах страны.

Осенью 1924 г. в Чехословакии началось массовое движение пролетариата против растущей дороговизны.

4 сентября депутаты-коммунисты выступили в парламенте с интерpellацией, в которой обращали внимание на резкое ухудшение жизненных условий народных масс в результате повышения цен на продовольствие; коммунисты запрашивали правительство, какие меры оно намерено принять для пресечения спекуляции предметами первой необходимости¹⁰². Не ожидая каких-либо радикальных действий от правительства, которое покровительствовало спекулянтам, коммунистическая партия начала организовывать вне парламента движение протеста против роста дороговизны.

Началом массовых выступлений против дороговизны была демонстрация в Праге 17 сентября 1924 г. Несмотря на то, что руководители социал-соглашательских партий приняли все меры, чтобы удержать рабочих от участия в демонстрации, а правительство заполнило улицы Праги войсками,

⁹⁸ AUD KSC, IX/I—I/237; AKPR. PzsS, 1924 г., 37 zpr.

⁹⁹ AUD KSC, IX/I—I/237.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXIII, tisk 4820. В интерpellации приводились цифры, из которых видно, что с августа 1923 г. по август 1924 г. картофель вздорожал на 200 %, ячмень — на 130 %, рожь — на 93 %, пшеница — на 61 %, импортное сало — на 40 %, мясо — на 20 % и т. д.

в демонстрации на Староместской площади участвовало до 10 тыс. трудящихся. Тысячи рабочих из фабричных предместий Смихова, Злихова и Голешовиц не были пропущены войсками, занявшими все мосты через Влтаву, в центр города на Староместскую площадь. Через коммунистов-приматоров (членов городского представительства) пражским пролетариатом были предъявлены требования к городскому совету о принятии мер для борьбы с дороговизной (снижение цен на продукты питания, установление контроля министерства снабжения и народных комитетов над движением цен), о повышении зарплат, о выделении ассигнований на строительство жилищ для рабочих и закупку продовольствия за границей и т. д. После митинга на Староместской площади, закончившегося пением «Интернационала», демонстранты двинулись к зданию парламента, где в это время обсуждался проект закона о социальном страховании. Парламент в этот день усиленно охранялся полицией и жандармерией. Делегация женщин — участниц демонстрации через полицейские кордоны проникла в зал заседаний парламента и потребовала, чтобы правительство взяло назад подготовленные законопроекты, ведущие к усилению дороговизны. Председатель парламента немедленно закрыл заседание, а делегация пражских женщин была полицией удалена. По распоряжению правительства демонстрация пражских трудящихся была разогнана полицией и жандармерией. Этот террор санкционировали «социалистические» министры¹⁰³.

Вслед за демонстрацией в Праге с протестом против роста дороговизны выступил пролетариат во многих промышленных центрах республики. В Братиславе 19 сентября 15 тыс. словацких рабочих оставили работу на заводах и вышли на улицу, требуя снижения цен на продовольствие и повышения заработной платы на 25%¹⁰⁴. 24 сентября состоялась демонстрация в Чешских Будейовицах, в которой участвовало около 5 тыс. рабочих. На митинге, созванном КПЧ, присутствовало 700 человек, причем половину из них составляли рабочие, не являвшиеся членами коммунистической партии и красных профсоюзов. Выступивший на митинге представитель ЦК КПЧ Й. Гакен подверг критике внутреннюю политику правительства и особенно последние принятые под диктовку крупных аграриев и финансового капитала законы, которые вызвали рост дороговизны и общее ухудшение жизненного положения трудящихся. От имени коммунистической партии Й. Гакен заявил, что для отражения наступления буржуазии на жизненный уровень и демократические права трудящихся неотложной задачей является создание единого пролетарского фронта, и призвал рабочих Чешских Будейовиц к борьбе за единство рабочего класса¹⁰⁵.

Бурные выступления произошли в промышленной Остравской области. По решению съезда заводских комитетов и советов Остравско-Силезской жупы на 30 сентября в Остравской области было назначено проведение демонстрации и забастовки протеста против дороговизны, за повышение заработной платы. Коммунисты развернули на предприятиях Остравы деятельную подготовку к этому событию. Руководители же социал-демократической организации и реформистских профсоюзов старались сорвать выступление остравского пролетариата. На собраниях, в печати, в специально выпущенных листовках они выступили с клеветническими заявлениями, обвиняя коммунистическую партию в подготовке «путча», уговаривая

¹⁰³ «Rudé právo», 17.IX, 18.IX 1924.

¹⁰⁴ «Rudé právo», 20.IX 1924.

¹⁰⁵ AUD KSC, 1924/22; «Rudé právo», 25.IX 1924.

рабочих не принимать участия в забастовке и демонстрации. В своем предательстве правые социал-демократы дошли до того, что обратились к правительству с просьбой прислать в Оставу военную помощь.

Накануне 30 сентября Острада представляла собой военный лагерь. Со всех концов Моравии и Силезии сюда были стянуты тысячи жандармов и полицейских. Крупные вооруженные отряды были размещены прямо на предприятиях.

Несмотря на проведенные военные приготовления, угрозы капиталистов о массовых увольнениях и предательство социал-реформистов, 30 сентября около 15 тыс. рабочих и безработных с женами двинулись по улицам Остравы на митинг. Впереди демонстранты несли плакат «Объявляем дороговизне войну! Требуем повышения зарплат!». В центре Остравы состоялся митинг, на котором была принята резолюция, требовавшая от правительства принятия мер против роста дороговизны и спекуляции продовольствием; снижения налогового бремени; общего повышения заработной платы; расширения прав и полномочий заводских комитетов и советов; установления рабочего контроля над производством и проведения социализации промышленности; строгого соблюдения закона о 8-часовом рабочем дне. Резолюция заканчивалась призывом к созданию единого пролетарского фронта¹⁰⁶. В тот же день массовые демонстрации пролетариата против дороговизны происходили в Орлове, Богумине, Карлове Гуте и других промышленных центрах Остравской области. В общей сложности в этих выступлениях участвовало более 45 тыс. трудящихся¹⁰⁷. Однако значительная часть рабочих не приняла участия в демонстрациях, а забастовка была начата только на некоторых предприятиях. Неудача забастовки была прежде всего следствием предательской деятельности социал-реформистов и особенно руководителей остравской организации социал-демократической партии. В официальном отчете о политическом положении в Моравско-Силезской жупе, в котором сообщалось об организации 30 сентября коммунистической партией выступлений против дороговизны и принятии полицейским управлением Моравской Остравы «всех необходимых мер безопасности», подчеркивалось, что «наибольшую заинтересованность в поражении этой акции коммунистической партии проявили, само собой разумеется, социал-демократы...»¹⁰⁸.

Руководители социал-соглашательских партий в реформистских профсоюзах в это время прилагали все усилия к тому, чтобы удержать рядовых членов своих организаций от участия в выступлениях, организуемых коммунистами, помешать развитию начавшегося в рядах рабочего класса движения за пролетарское единство. Однако вопреки их желанию это движение приобретало все более широкий характер.

4 октября 1924 г. в Праге собрался Общегосударственный съезд заводских комитетов и советов. На съезд прибыло 1334 делегата, представлявших заводские комитеты более половины всех промышленных предприятий Чехословакии. Подавляющее число делегатов являлись членами революционных профсоюзов, но среди них было и 296 членов реформистских профсоюзов, прибывших на съезд, несмотря на запрет своего руководства¹⁰⁹. Наиболее многочисленными на съезде были группы делегатов от рабочих текстильной, горной, металлургической и химической отраслей

¹⁰⁶ AKPR. PzS, 1924 г., 38—39. zpr.

¹⁰⁷ «Rudé právo», 2.X. 1924.

¹⁰⁸ AKPR. PzS, 1924 г., 40. zpr.

¹⁰⁹ «První celostátní sjezd závodních výborů a rad v Československu». Praha, 1924, str. 6.

промышленности. Это был первый рабочий съезд в Чехословакии, в котором приняли участие представители всех отраслей промышленности страны. Среди делегатов съезда были рабочие разных национальностей, разных политических убеждений, из различных профсоюзов. Их объединяло стремление к единству действий в борьбе за жизненные интересы пролетариата.

Важнейшими вопросами, стоявшими в повестке дня съезда, являлись: 1) борьба против дороговизны и обнищания пролетариата, за повышение заработной платы и общего жизненного уровня рабочих; 2) борьба против наступления капиталистов на 8-часовой рабочий день; 3) борьба за расширение прав заводских комитетов и улучшение всего социального законодательства; 4) выборы Общегосударственного рабочего комитета.

Обсудив вопрос об экономическом положении пролетариата в условиях наступившей частичной стабилизации капитализма, съезд отметил, что буржуазия перешла в наступление на пролетариат, на его жизненный уровень и социальное законодательство с той целью, чтобы за счет трудящихся максимально увеличить свои прибыли и укрепить капиталистический строй.

Особо было указано на усиливающиеся атаки буржуазии против закона о 8-часовом рабочем дне.

Съезд признал, что существующий в Чехословакии раскол профсоюзного движения ослабляет силы рабочего класса в борьбе против наступления буржуазии. Важнейшей задачей, подчеркнул съезд, является преодоление этого раскола, чтобы «противопоставить объединенному капиталу объединенные силы пролетариата»¹¹⁰. Все заводские комитеты и советы, говорилось в резолюции съезда, должны развить самую энергичную агитационную кампанию с целью объединения профсоюзов под лозунгом: «одно предприятие — один профсоюз»¹¹¹. Съездом были приняты также важные решения о борьбе за сохранение 8-часового рабочего дня, за повышение заработной платы, против усиливающейся дороговизны и роста налогового бремени.

В своем Манифесте к рабочему классу Чехословакии съезд призвал всех рабочих страны объединиться для борьбы против ухудшения их положения, условий труда и ограничения политических прав. «Мы знаем, — говорилось в Манифесте, — что наши экономические бои вырастут в грандиозную борьбу между капиталом и трудящимися за политическую власть. Этому нас учат все великие мыслители-социалисты, этому нас учит наш тяжелый каждодневный опыт»¹¹².

Съезд избрал Общегосударственный рабочий комитет из 36 человек (22 представителя от революционных профсоюзов и 14 от реформистских) во главе с Й. Кольским. Комитету поручалось добиваться объединения всех профсоюзов и издания нового закона о заводских комитетах в целях установления действительного рабочего контроля над производством.

Общегосударственным съездом фабзавкомов был сделан серьезный шаг к преодолению раскола в профсоюзном движении, к созданию единого пролетарского фронта. Но руководство социал-соглашательских партий и реформистских профсоюзов не только не поддержало этой инициативы, а, наоборот, еще более усилило свою предательскую деятельность, углублявшую раскол рабочего движения, ослаблявшую классовые силы пролетариата. Обращение избранного на съезде Общегосударственного рабочего

¹¹⁰ Там же, стр. 4—5.

¹¹¹ Там же, стр. 6.

¹¹² «Rudé právo», 7.X 1924.

комитета к руководству всех профсоюзов об установлении единства действий, о совместной организации борьбы в защиту жизненных интересов трудящихся руководство реформистских организаций оставило без ответа.

Раскольническая линия социал-реформистских лидеров вызывала все большее возмущение среди рабочих, которые стремились объединить свои силы и одобряли решения съезда заводских комитетов. Учитывая это, Общегосударственный рабочий комитет решил действовать через голову реформистского руководства. На пленарном заседании комитета, состоявшемся 9 ноября 1924 г., был принят план организационного укрепления движения заводских комитетов и советов. Было решено провести городские, районные и областные конференции членов заводских комитетов и советов. На этих конференциях предполагалось избрать городские, районные и областные рабочие комитеты. Их задачей являлась организация единых выступлений пролетариата по вопросам заработной платы, условий труда, налогообложения, социального страхования, заключения колдоговоров и т. п. В течение октября-ноября 1924 г. в Моравской Остраве, Кладно, Брно и других крупных промышленных центрах были созданы областные рабочие комитеты, в которые вошли члены различных профсоюзов, а также неорганизованные рабочие. Несмотря на то, что в комитетах представители красных профсоюзов часто были в меньшинстве, коммунисты являлись ведущей силой в борьбе за экономические интересы и политические права всего рабочего класса.

В ноябре 1924 г. коммунистическая партия через своих депутатов выступила в парламенте с рядом законопроектов, направленных на улучшение жизненного положения трудящихся. Для борьбы с ростом дороговизны депутаты-коммунисты требовали отмены пошлин на ввоз продовольствия из-за границы и принятия самых строгих мер против спекулянтов. В целях сокращения безработицы предлагалось увеличить государственные ассигнования на строительство и издать закон о судебной ответственности предпринимателей за самовольное сокращение производства, незаконные увольнения рабочих и нарушения закона о 8-часовом рабочем дне. Для улучшения положения безработных коммунисты требовали упразднения гентской системы и издания закона об обеспечении всех безработных государственными пособиями в размере прожиточного минимума. Выступая в защиту интересов многочисленной категории государственных служащих, коммунисты добивались прекращения начатого увольнения мелких чиновников, повышения им жалованья и пенсии. В интересах всех слоев трудящихся выдвигалось требование снижения налогов, установления свободного от налогообложения годового прожиточного минимума в размере 12 тыс. крон для одиноких и 18 тыс. — для семейных, переложения основной тяжести налогового бремени на буржуазию¹¹³. Коммунистическая партия призвала трудящихся Чехословакии развернуть борьбу и за эти требования.

1 декабря в Праге, Кладно, Мосте, Оломоуце, Братиславе, Усти-на-Лабе, Страконицах, Пршерове, Годонине, Подебрадах, Банской Быстрице и многих других промышленных центрах страны КПЧ организовала демонстрации протеста против безработицы. Десятки тысяч рабочих, занятых на производстве, и безработных, участвовавших в этих демонстрациях, выдвинули сформулированные коммунистической партией требования строгого соблюдения закона о 8-часовом рабочем дне, запрещения сокращения производства и увольнения рабочих с предприятий без согласия заводских

¹¹³ AUD KSC, 1925/161; «Rudé právo», 28.XI 1924.

комитетов, отмены гентской системы и обеспечения достаточными пособиями всех безработных¹¹⁴.

Коммунистическая партия придавала большое значение совместным выступлениям рабочих, имеющих работу, и безработных. «Сегодняшняя судьба безработных является завтрашней судьбой работающих...», — говорилось в обращении Исполкома КПЧ к пролетариату Чехословакии. — Только полная солидарность рабочих с заводам со своими товарищами, которые временно находятся вне заводов, обеспечит рабочему классу успех. Общее наступление работающих и безработных является важной частью единого боевого пролетарского фронта»¹¹⁵.

Движение протеста против роста дороговизны и снижения жизненного уровня трудящихся неизбежно должно было захватить и некоторые непролетарские слои городского населения, и прежде всего многочисленную категорию мелких государственных служащих. Среди мелких чиновников и трудовой интеллигенции большое недовольство вызывали мероприятия правительства по «экономии» в общественном управлении путем увольнения большого числа государственных служащих и снижения жалованья низшим категориям.

11 декабря 1924 г. в Праге состоялось собрание железнодорожных служащих и мелких чиновников различных учреждений. Была принята резолюция с требованием улучшения жизненного положения низших категорий государственных служащих. Избранной здесь депутации поручалось передать эту резолюцию правительству и парламенту. Сразу же после собрания, в сопровождении всех его участников, депутация направилась в парламент. Но по пути демонстрация была разогнана полицией. Это и был ответ правительства на законные требования государственных служащих. На следующий день газета «Руде право», обращаясь к мелким служащим, писала, что покорными петициями в адрес правительства они ничего не добьются и что только объединившись с пролетариатом для совместной борьбы против наступления буржуазии они могут улучшить свое положение¹¹⁶.

В связи с продолжавшимся повышением цен на предметы первой необходимости 29 января 1925 г. коммунистическая партия еще раз обратилась с запросом в парламент. В новой интерpellации коммунистических депутатов прямо указывалось, что правительство само участвует в ограблении народных масс, действуя заодно со спекулянтами. «Такая политика правительства, — говорилось в интерpellации, — возбуждает всеобщее недоверие к нему в самых широких кругах населения». Депутаты-коммунисты настойчиво требовали от правительства, чтобы оно «всеми мерами воспрепятствовало росту дороговизны и позаботилось о снижении стоимости жизненных средств»¹¹⁷. Эта интерpellация, как и многие предыдущие обращения депутатов-коммунистов к правительству, осталась без ответа. Между тем вздорожание жизни, усиление капиталистической эксплуатации на предприятиях и антинародные мероприятия правительства вызывали все большее недовольство пролетариата. Выступления против дороговизны вылились в широкое движение, охватившее всю страну. В начале февраля 1925 г. только в Оставской области было проведено 80 собраний рабочих, принявших резолюции протеста против роста дороговизны, увольнений с предприятий, снижения заработной платы¹¹⁸. В Праге 4 февраля 1925 г.

¹¹⁴ «Rudé právo», 4.XII 1924.

¹¹⁵ «Rudé právo», 20.XI 1924.

¹¹⁶ «Rudé právo», 12.XII 1924.

¹¹⁷ «Tiský... PS NSRC», I. volební období, sv. XXIV, tisk 5043.

¹¹⁸ «Rudé právo», 10.II 1925.

Общегосударственный рабочий комитет назначил собрание для обсуждения вопроса о единстве действий пролетариата в борьбе против дороговизны и за повышение заработной платы. Правое руководство социал-демократической партии пыталось сорвать собрание, запретив участвовать в нем рабочим — социал-демократам. Но эта попытка не удалась. На собрание пришло столько рабочих, что только часть из них поместилась в большом зале «Продуктовой биржи». Для остальных было организовано собрание на площади Гавличка¹¹⁹. Массовые митинги, собрания и демонстрации протеста против роста дороговизны в начале февраля 1925 г. состоялись в Кладно, Таборе, Банской Быстрице и других городах¹²⁰.

Движение протеста приобретало такой размах, что правительство с целью успокоения масс вынуждено было на 11 февраля назначить обсуждение в парламенте вопроса о дороговизне.

Коммунистическая партия сразу же разоблачила этот маневр буржуазного правительства. В обращении КПЧ к трудящимся Чехословакии, опубликованном 6 февраля 1925 г. в газете «Руде право», по поводу предстоявших парламентских дебатов говорилось: «...будут произнесены речи, и, конечно, будет принята резолюция и, может быть, дело дойдет до образования нового комитета, но практически все прекрасно останется по-старому...». Коммунистическая партия призвала трудящихся не полагаться на парламент и самим развертывать борьбу за свои жизненные интересы: «Ростовщики, крупные землевладельцы, крупные промышленники и банки уступят лишь в том случае, если будут знать, что имеют дело не только с бумажными заявлениями парламента, но и с решительным отпором широких слоев... Рабочие, работницы, чиновники, служащие и безземельные крестьяне, демонстрируйте против ростовщиков и эксплуататоров! Демонстрируйте против кровопийц-промышленников, торговцев и аграриев!».

Накануне заседания парламента, 10 февраля 1925 г., коммунистическая партия решила провести в Праге на Староместской площади демонстрацию трудящихся против дороговизны. В этот день с раннего утра в столице чувствовалась напряженная обстановка. Стихийно собравшаяся толпа женщин проникла в здание «Продуктовой биржи», чтобы выразить свое возмущение торговцам-оптовикам, взвинчивающим цены на продовольствие. После того как прибывший отряд полиции удалил женщин из помещения биржи, они направились к ратуше и там устроили демонстрацию протеста¹²¹. Вечером на Староместской площади собралось до 20 тыс. рабочих и работниц Праги. Перед собравшимися выступили председатель Общегосударственного рабочего комитета Й. Кольский и председатель Исполкома КПЧ Й. Гакен. Они сформулировали требования, которые были адресованы правительству и парламенту, поставили задачи борьбы всех пролетариев и трудящихся в едином фронте против усилившегося наступления буржуазии на жизненный уровень трудящихся.

В заключение своей речи Й. Гакен от имени коммунистической партии обратился к рабочим Праги с призывом: «Поднимайтесь на борьбу с дороговизной за требования рабочих, поднимайтесь на борьбу за повышение заработной платы, за человеческие условия существования для рабочих, поднимайтесь на борьбу против капиталистического строя, поднимайтесь на борьбу против буржуазного капиталистического класса, который не перестанет нас эксплуатировать, пока мы его не свергнем!»¹²².

¹¹⁹ «Rudé právo», 5.II 1925.

¹²⁰ «Rudé právo», 9.II 1925.

¹²¹ AUD KSC, 1925/161.

¹²² «Rudé právo», 11.II 1925.

После митинга тысячи рабочих двинулись по направлению к Вацлавской площади. Во главе демонстрации шли коммунисты — депутаты парламента. На площади демонстрация подверглась нападению полиции и жандармерии, открывших ружейный огонь по безоружным рабочим. Несколько рабочих было тяжело ранено. И все-таки демонстранты отступили лишь после того, как на площадь прибыли новые отряды солдат, полиции и жандармерии. Поздно вечером 10 февраля Вацлавская площадь приняла вид военного лагеря. Под охрану полиции было взято и здание Национального собрания, где на следующий день должен был обсуждаться вопрос о дороговизне.

Кровопролитие в Праге, учиненное буржуазией с ведома и согласия «социалистических» министров, вызвало возмущение пролетариата всей республики. Уже на следующий день, 11 февраля, в ряде городов прошли кратковременные стачки и демонстрации протеста.

Заседание парламента 11 февраля началось с обструкции депутатов-коммунистов правительству, виновному в кровавой расправе над безоружными рабочими. Заместитель премьер-министра правый социалист Стржибрны, который должен был выступить с правительственным заявлением по вопросу о дороговизне, смог начать свою речь только после того, как появившиеся в зале полицейские насильно удалили с заседания нескольких депутатов-коммунистов. Повышение цен на предметы массового потребления, прежде всего на продовольствие, было настолько очевидным, что правительство уже и не пыталось отрицать этот факт. Правительство теперь стремилось при помощи фальсификации статистических данных показать приуменьшенным рост дороговизны и оправдать свою политику снижения жизненного уровня народных масс. Так, Стржибрны корень дороговизны усматривал в «международной спекуляции» и поэтому считал необходимым «торговой и таможенной политикой охранять внутреннее производство»¹²³.

В качестве практической меры, которой правительство собиралось поддержать рост дороговизны, предлагалось создание частного акционерного общества для закупки большого количества продовольствия за границей. Этому обществу правительство поручало обеспечить потребность населения Чехословакии в продовольствии и «регулировать» цены на внутреннем рынке. Что могло выйти из такого «регулирования» цен — нетрудно представить. Опять предоставлялась возможность компании крупных аграриев и биржевиков диктовать цены и хорошо наживаться на спекуляции продовольствием. Правый социалист Стржибрны изложил с парламентской трибуны план, рассчитанный не на борьбу с дороговизной и облегчение условий трудящихся масс, а на увеличение прибылей капиталистов-аграриев, добивавшихся расширения мер аграрного протекционизма.

По поводу происшедших накануне событий на Вацлавской площади Стржибрны целиком воспроизвел официальный полицейский отчет, обвинявший демонстрантов в нападении на полицию, заявив, что правительство и впредь будет подавлять подобные выступления «строжайшим образом в самом зародыше всеми законными средствами»¹²⁴. Таким образом, «социалист» Стржибрны считал расстрел безоружных рабочих, требовавших улучшения условий своей жизни, мерой, вполне отвечающей нормам «законности» Чехословацкой республики. Заявление Стржибрны ничем не отличалось от выступления видного деятеля аграрной партии

¹²³ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 10. zasedání, 322. schůze, 11. II. 1925.

¹²⁴ Там же.

реакционера Срдинко, который выразил благодарность правительству и полицейским органам за «энергичные действия... против нарушения общественного порядка и спокойствия» и уверенность в том, что «правительство всегда будет действовать твердой и сильной рукой»¹²⁵.

Выступивший на заседании парламента от имени коммунистической партии депутат Богумир Шмераль разоблачил клеветнические измышления буржуазной и реформистской печати, старавшейся взвалить на коммунистов вину за кровавые события на Вацлавской площади. Он указал, что за пролитую кровь ответственна коалиция и прежде всего входящие в правительство социалистические партии, с ведома которых был отдан приказ полиции стрелять в рабочих. Перейдя затем к обсуждавшемуся вопросу о дороговизне, Б. Шмераль разоблачил коалиционное правительство Швеглы как орудие в руках спекулянтов и ростовщиков, помогающее капиталистам грабить трудовой народ, и заявил, что коммунистическая партия будет бороться не только против отдельных реакционных мероприятий правительства, но и за полное освобождение трудящихся от капиталистического гнета. «Господин министр Стржибрны, — сказал Б. Шмераль, — от имени правительства закончил свое выступление не угрозой по адресу ростовщиков и спекулянтов, а очень сильными словами против нас, организующих борьбу с ростовщичеством, спекуляцией и дороговизной. Мы этим не удивлены. Мы знаем, что имеем дело с буржуазным правительством, особенно наглым потому, что у него на службе находятся восемь министров, выдающих себя за социалистов... Накануне они скомандовали стрелять в рабочих и вчера предоставили право полицейским выволакивать наших товарищей-депутатов из парламента. Мы от своей борьбы не отступим... Мы будем вести борьбу не только против отдельных бед сегодняшнего дня, против дороговизны и за повышение зарплат, но и одновременно бороться против всего нынешнего капиталистического строя за освобождение трудящихся из капиталистического угнетения, за довершение национальной революции 28 октября, за социалистическую республику... От этой борьбы мы не откажемся и победим»¹²⁶.

Разоблачив в парламенте антинародную политику коалиционного правительства и потребовав наказания виновников пражского кровопролития, коммунистическая партия организовала по всей стране митинги, забастовки и демонстрации протеста против дороговизны и полицейского террора.

Большой митинг протеста был назначен на 13 февраля в Праге. ЦК КПЧ принял решение о проведении его, несмотря на запрет властей. Но в этот ответственный момент против решения ЦК выступили правоопортунистические элементы, находившиеся в руководстве Пражским областным комитетом (Бубник и др.), которые своим саботажем сорвали проведение демонстрации.

Предательство правых капитулянтов, выступивших в роли агентуры буржуазии, не могло помешать революционному пролетариату Чехословакии выразить свой негодующий протест против преступной политики буржуазии и ее «социалистических» слуг. Несмотря на вторичное запрещение правительства, демонстрация в Праге была успешно проведена двумя днями позже — 15 февраля. В ней участвовало более 20 тыс. пражских рабочих, прошедших на Вацлавскую площадь сквозь полицейские

¹²⁵ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 10. zasedání, 328. schůze, 11/II 1925.

¹²⁶ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 10. zasedání, 323. schůze, 12.II 1925.

кордоны. Прежде чем полиция получила подкрепление, на площади в нескольких местах были организованы короткие митинги, на которых выступили руководящие деятели коммунистической партии. Прибывшие вскоре отряды конной полиции заставили демонстрантов разойтись, но на этот раз пустить в ход оружие полиция не посмела¹²⁷. Массовые митинги и демонстрации состоялись в Остраве, Мосте, Усти-на-Лабее, Градце Кралове, Годонине, Брно, Братиславе, Ужгороде и многих других городах республики. В ряде мест — на севере Чехии, в Простейове, Бланске, Банской Быстрице — были проведены кратковременные забастовки протеста¹²⁸. Повсюду пролетариат выражал возмущение полицейской расправой над рабочими Праги и требовал, чтобы правительство приняло меры для улучшения материального положения трудящихся.

Характерной чертой организованных КПЧ массовых демонстраций против дороговизны было то, что вместе с коммунистами и членами красных профсоюзов в них участвовали и многие члены реформистских профсоюзов, а также неорганизованные рабочие и безработные. В Кладно, Либерце, Раковнике, Мосте, Усти-на-Лабее, в Словакии и Закарпатье в демонстрациях принимали участие и трудящиеся крестьяне.

Митинги и демонстрации протеста против дороговизны и полицейского террора всколыхнули пролетариат всей страны. Повсюду на предприятиях проходили бурные собрания, на которых рабочие, независимо от своих политических убеждений и принадлежности к той или иной организации, заявляли, что борьба против наступления буржуазии на жизненный уровень и демократические права трудящихся должна быть продолжена. При этом собственный опыт убеждал пролетариат в необходимости классового единства и активности действий. Характерным примером может служить решение, принятое 20 февраля на собрании рабочих стекольного завода «Инвальдов» в Праге—Злихове. Присутствовавшие на этом собрании рабочие (среди них были коммунисты, социал-демократы, чешские социалисты и такие, которые не принадлежали ни к одной из этих партий), обсудив вопрос о том, что нужно делать дальше в защиту своих прав, единодушно отметили, что путь у них может быть только один — борьба. В манифесте, с которым они обратились ко всем трудящимся Чехословакии, говорилось: «Добровольно эксплуататоры не откажутся и от малейшей доли своих награбленных прибылей... Только самой острой борьбой на заводах и на улице можно чего-нибудь добиться. Эту борьбу мы, рабочие, без различия партий и национальности, должны вести единым фронтом и со всей решительностью»¹²⁹. Программа этой борьбы определялась рядом тут же выдвинутых конкретных требований, как, например: снижение цен на все важнейшие предметы потребления; отмена косвенных налогов; реквизиция продовольствия у крупных аграриев, спекулянтов и передача его кооперативам для распределения по льготным ценам среди нуждающихся; повышение заработной платы не менее чем на 30%; немедленная конфискация всех свободных помещений и квартирных излишков у богатей для рабочих; строительство жилищ для рабочих на средства капиталистов; немедленное освобождение всех политических заключенных; самое суровое наказание виновников полицейской расправы с рабочими, борющимися против дороговизны жизни, и т. д.¹³⁰

Выдвигая эти требования, злиховские стекольщики обратились с призывом ко всем трудящимся страны: «Создавайте единый фронт для

¹²⁷ «Rudé právo», 17.II 1925.

¹²⁸ AUD KSC, 1925/161.

¹²⁹ «Rudé právo», 22.II 1925.

¹³⁰ AKPR. PzšC, 1925 г., 5. zpr.

борьбы... Только наше правительство, только правительство рабочих и крестьян будет служить интересам рабочего класса. Борьба уже началась. Правительство капиталистов, ростовщиков и спекулянтов отвечает на требование хлеба свинцом... Да здравствует единый боевой фронт всех эксплуатируемых! Да здравствует борьба за интересы рабочих! Долой правительство ростовщиков и спекулянтов, запятнанное кровью! Да здравствует власть рабочих и крестьян!»¹³¹.

Общегосударственный рабочий комитет приветствовал инициативу злиховских стекольщиков и призвал всех рабочих Чехословакии развернуть борьбу за выдвинутые ими требования: «Не должно быть ни одного завода, который бы остался в стороне от разворачивающейся по всей республике грандиозной борьбы за повышение заработной платы и против дороговизны»¹³².

* * *

Успешное проведение коммунистической партией демонстраций против дороговизны в феврале 1925 г. в то же время означало поражение Бубника и других правых капитулянтов, открыто выступивших против революционной линии партии.

В эти годы Коммунистическая партия Чехословакии, как и ряд других коммунистических партий в капиталистических странах, вступала в ответственный и важный период своей истории — период большевизации. Большевизация означала освоение коммунистическими партиями идейных тактических и организационных основ марксизма-ленинизма и правильное применение их с обязательным учетом конкретной исторической обстановки в каждой стране. Большевизация была необходимым условием для превращения коммунистических партий в действительно массовые партии, способные успешно осуществлять свою роль революционного авангарда и руководителя рабочего класса.

Задача большевизации была поставлена перед коммунистическими партиями капиталистических стран V Конгрессом Коминтерна, состоявшимся в июне 1924 г. Конгресс отметил, что важнейшими условиями создания массовых коммунистических партий являются: организационная перестройка на основе демократического централизма и создания коммунистических ячеек на предприятиях, движение за повсеместное создание фабрично-заводских комитетов и правильная постановка деятельности коммунистической партии в профсоюзах, правильная политика в национальном и крестьянском вопросах¹³³.

Наступивший с началом частичной стабилизации капитализма период некоторого затишья в международном революционном движении коммунистические партии должны были использовать для укрепления своих рядов, для превращения себя в действительно массовые марксистско-ленинские партии, способные сплотить вокруг пролетариата всех трудящихся, воспитать их в революционном духе и подготовить к новому революционному подъему.

Задача большевизации стояла и перед Коммунистической партией Чехословакии. Созданная в 1921 г. на базе левого крыла социал-демократической партии и объединения коммунистических групп, возникших на территории Чехословакии в период революционного подъема, вызванного

¹³¹ «Rudé právo», 22.II 1925.

¹³² «Rudé právo», 24.II 1925.

¹³³ «Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. 17—18 июля 1924 г. Стенографический отчет», ч. II. М.—Л., 1925, стр. 39—41.

Великой Октябрьской социалистической революцией, КПЧ стала вождем и организатором революционной борьбы трудящихся масс за освобождение от капиталистического гнета. Но коммунистической партии предстояла еще упорная борьба за освобождение от груза старых социал-демократических традиций, за перестройку своей деятельности на основе идеологических и организационных принципов большевизма.

Чехословацкая коммунистическая партия со времени своего зарождения стала одной из самых массовых коммунистических партий стран Запада, что, несомненно, являлось большим ее преимуществом. В момент образования в рядах КПЧ числилось свыше 400 тыс. членов. Но в этой массовости в то же время заключалась трудность формирования и развития КПЧ, ввиду того что большая часть ее членов (около 70%) вышла из рядов социал-демократии и не могла сразу освободиться от влияния социал-демократических традиций. Уже в первые годы существования КПЧ обнаружилось, что многие из признавших ее программу и заявивших о своей принадлежности к КПЧ не принимали активного участия в партийной работе и тем самым фактически выбыли из рядов партии. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что на I съезде КПЧ в феврале 1923 г. было представлено 132 тыс. членов партии, или в два с половиной раза меньше, чем на Объединительном съезде в 1921 г.¹³⁴

В своем развитии Коммунистическая партия Чехословакии проходила в общем тот же путь, что и другие коммунистические партии Запада. Однако общие закономерности не исключали и специфики, определявшейся конкретными условиями экономического и политического развития Чехословацкого государства и расстановки классовых сил в стране, традициями и особенностями в развитии чешского и словацкого рабочего движения. Известно, что создание в 1918 г. самостоятельного Чехословацкого государства породило среди части чешского пролетариата иллюзии относительно демократического развития страны и о возможности «национального мира» между классами. Среди части чешских рабочих, которым жилось лучше, чем пролетариату угнетенных национальных окраин, имели место националистические настроения. Эти иллюзии и настроения, насаждавшиеся и поддерживавшиеся стараниями социал-реформистских партий, и довольно сильное влияние пережитков социал-демократизма в самой коммунистической партии, а также недостаточный идейный уровень значительной части членов партии создавали почву для правооппортунистического уклона и ослабляли боеспособность КПЧ. В то же время в КПЧ наблюдались и сектантские тенденции «ультралевой» оппозиции, что также мешало партии вести борьбу за массы на основе правильного применения революционной тактики единого фронта.

В первые годы своего существования КПЧ допускала серьезные оппортунистические ошибки. Она уделяла парламентской деятельности больше внимания, чем организации массовых выступлений рабочего класса. В организационном отношении партия не руководствовалась еще ленинским принципом демократического централизма и строила свои первичные организации не по производственному, а по территориальному принципу, следуя старой социал-демократической традиции. КПЧ не вела решительной борьбы против раскола профсоюзного движения и не стремилась привлечь на свою сторону рабочих, остававшихся в рядах реформистских профсоюзов. Без этого невозможно было создание единого революционного

¹³⁴ «Protokol I. řadného sjezdu Komunistické strany Československa», Praha, 1923, str. 31. Формально в партии в начале 1923 г. состояло свыше 250 тыс. человек, но членов партии, регулярно плативших партийные взносы, было только 132 тыс. См. J. Veselý. Z prvních bojů KSČ. — SNPL, str. 92.

пролетарского фронта. Партия не имела революционной программы по аграрному и национальному вопросам и поэтому не могла вовлечь в революционную борьбу широкие массы крестьянства и трудящихся угнетенных национальностей.

С частичной стабилизацией капитализма в Коммунистической партии Чехословакии оживились социал-демократические тенденции, усилилось влияние реформистской идеологии, создавалась угроза потери партией революционной перспективы. Правые оппортунистические элементы — Гула, Ванек, Бубник, Фридрих и др. — старались использовать благоприятную обстановку для того, чтобы ликвидировать КПЧ как самостоятельную революционную партию рабочего класса, подчинить ее соглашательской политике социал-демократии. Оказавшись у руководства некоторых областных и окружных организаций КПЧ, они всеми способами подрывали боеспособность партии, стремились посеять панику и неверие в революционную перспективу и силы партии среди рядовых членов. Гула, Фридрих и другие оппортунисты открыто выступили в печати в защиту антипартийной деятельности троцкистской оппозиции в РКП(б)¹³⁵.

Против социал-демократической идеологии и реформизма выступила здоровая революционная часть партии — левиза, возглавляемая в то время Йозефом Гакеном. Это левое революционное направление в КПЧ представляли прежде всего новые революционные партийные кадры, выросшие из рядов коммунистической молодежи. Они отстаивали марксистско-ленинское революционное учение, пропагандировали его в массах, боролись за то, чтобы Коммунистическая партия Чехословакии шла революционным путем. Сторонники ленинизма в КПЧ получали поддержку Коминтерна.

V Конгресс Коминтерна обратил внимание Коммунистической партии Чехословакии на ее оппортунистические ошибки. Конгресс подверг критике работу среди крестьянства ряда коммунистических партий, в том числе и КПЧ. Коммунистические партии, не сумевшие организовать революционную работу среди крестьянства, говорилось в решениях Конгресса, не могут рассматриваться как массовые коммунистические партии. Проанализировав ошибки некоторых секций Коминтерна в национальном вопросе, Конгресс подчеркнул необходимость усиления работы компартий среди национальных меньшинств и указал, что основной программой партий в национальном вопросе должно быть ленинское положение о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Конгресс обратил особое внимание компартий Чехословакии, Польши и Румынии на ошибочность выдвинутого ими лозунга национальной автономии для угнетенных украинских областей. Этот лозунг вел к образованию коалиции буржуазной верхушки украинского населения с буржуазией господствующей нации и служил усилению экономического и национального угнетения трудящихся украинских областей. Конгресс признал необходимым «провозглашение коммунистическими партиями Польши, Чехословакии и Румынии лозунга соединения разорванных империализмом на части украинских областей в Советскую рабоче-крестьянскую республику»¹³⁶.

Решения V Конгресса Коминтерна требовали от коммунистических партий перестроить работу на основах ленинизма и стать во главе масс, умело сочетая борьбу за конечную революционную цель с борьбой за повседневные требования рабочего класса и всех трудящихся.

¹³⁵ Z. Bradač. *Boj za bolševisaci KSC. I. (1924—1925)*. Praha, 1955, str. 99—100.

¹³⁶ «Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», ч. II, стр. 127.

После V Конгресса Коминтерна в чехословацкой коммунистической партии в августе-сентябре 1924 г. была проведена партийная дискуссия, в ходе которой разгорелась острая борьба между революционными и оппортунистическими элементами в партии.

Твердым опорным пунктом в борьбе за большевизацию КПЧ стала партийная организация Словакии, где в то время редактором коммунистической газеты «Pravda chudoby» был К. Готвальд. Вместе с К. Готвальдом против оппортунизма за большевизацию КПЧ в словацкой партийной организации активно боролись В. Широкий и К. Бацилек. Решительно выступило за большевизацию и большинство партийной организации Закарпатской Украины. Опорой левого революционного направления КПЧ была часть коммунистов пражской организации, где под руководством Й. Гакена выступали за большевизацию тт. Грушка, Кроснарж, Гоудинова, Водичка, Гарус, Ветшина, Кольский и др., Союз коммунистической молодежи, в котором тогда работали тт. Копецкий, Шверма, Бубеничек. Сильные позиции революционное направление завоевало также в немецких областях, в частности в Либереце, где за большевизацию прежде всего боролась революционная молодежь во главе с Б. Келером. В Брненской организации революционные элементы группировались вокруг Й. Юрана¹³⁷. В результате проведенной партийной дискуссии позиции оппортунизма были подорваны, а позиции революционного направления значительно усилились. Об этом свидетельствовал и тот факт, что все без исключения собрания краевых организаций КПЧ, проходившие перед съездом, приняли резолюции, одобрявшие решения V Конгресса Коминтерна¹³⁸. Недостатком дискуссии явилось сравнительно слабое вовлечение в нее широких партийных масс.

II съезд Коммунистической партии Чехословакии, состоявшийся в ноябре 1924 г., осудил оппортунистические ошибки, имевшиеся в деятельности КПЧ, и подавляющим большинством голосов одобрил и принял к руководству решения V Конгресса Коминтерна. Присутствие и выступление на съезде представителя Коминтерна Д. Мануильского помогло последовательным сторонникам ленинизма (левице) повернуть партию в сторону большевизации.

В специальной резолюции съезд принял лозунг права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения в качестве основы программы партии по национальному вопросу. Принятием этого лозунга партия брала на себя задачу воспитания трудящихся масс Чехословакии в духе пролетарского интернационализма, что было особенно важно для преодоления остатков шовинизма в рядах чешских рабочих и освобождения трудящихся угнетенных национальностей от вредного националистического влияния «своей» буржуазии. Правильная линия КПЧ в национальном вопросе должна была служить делу революционного пролетарского единства, сплочению всех трудящихся республики в борьбе за освобождение от гнета капитализма.

В принятой «Директиве к аграрному вопросу» съезд указывал, что главной задачей партии должна быть борьба за создание рабоче-крестьянского союза как неперемennого условия для успешной борьбы за достижение конечной революционной цели. В резолюции говорилось, что КПЧ должна поддерживать борьбу трудящегося крестьянства за землю и за

¹³⁷ J. Kozák. Boj za bolševisaci strany. V. sjezd Komunistické strany Československa (1922—1929). Praha, 1953, str. 18—19; M. Klír. Komunistická strana Československa v období upevňování kapitalistického panství. Počátky bolševisace strany (1921—1925). Praha, 1954, str. 55—56.

¹³⁸ Z. Bradač. Boj za bolševisaci. KSC. I. (1924—1925). Praha, 1955, str. 17.

конкретные жизненные крестьянские требования, терпеливо убеждать трудящихся крестьян в том, что только в союзе с рабочим классом, под его революционным руководством, в результате свержения господства буржуазии они смогут добиться удовлетворения своих основных требований. В резолюции подчеркивалось, что только правильно понимая и поддерживая требования трудящегося крестьянства, постоянно и энергично борясь за их интересы, коммунисты могут привлечь на свою сторону трудящиеся массы деревни и завоевать их доверие к коммунизму и социальной революции¹³⁹.

Задачи работы коммунистов в профсоюзах были сформулированы съездом в «Резолюции о профсоюзном вопросе». В ней указывалось, что главное препятствие на пути объединения рабочего класса в Чехословакии заключается в большой организационной раздробленности профсоюзов, что без устранения этого недостатка нельзя успешно вести борьбу за экономические и политические интересы рабочего класса, за победу диктатуры пролетариата. В резолюции говорилось, что коммунисты не должны выходить из реформистских профсоюзов, а оставаться в них и вести активную борьбу за освобождение их членов от реформистской идеологии и привлечение их на сторону коммунистической партии. Съезд особо подчеркивал, что в борьбе за единство рабочего класса, за массы партия должна больше уделять внимания работе в профсоюзах, что каждый член партии должен обязательно являться членом профсоюза¹⁴⁰ и во всех профсоюзах — как красных, так и реформистских — должны быть созданы коммунистические фракции, которые и осуществляли бы революционную линию коммунистической партии в массах¹⁴¹.

Важное значение имела принятая съездом «Резолюция об агитации и пропаганде ленинизма», в которой подчеркивалось, что без полной идеологической победы марксизма-ленинизма над оппортунизмом II Интернационала и мелкобуржуазной идеологией, без вооружения всей партии марксистско-ленинским революционным учением КПЧ не может стать подлинным руководителем масс и подготовить их к пролетарской революции. Признавая, что до сих пор партия уделяла недостаточно внимания пропаганде марксизма-ленинизма, съезд наметил конкретные меры по улучшению работы партии в этой области (централизация руководства всей пропагандистской и агитационной работой, издание и распространение марксистско-ленинской литературы, улучшение воспитательной работы в рабочих массах, среди женщин, молодежи и т. д.)¹⁴².

Съезд принял новый Устав партии, соответствовавший задачам организационной перестройки КПЧ на основах демократического централизма и перенесения всей тяжести партийной работы на фабрики и заводы путем создания производственных партийных ячеек¹⁴³.

На съезде был избран новый состав Центрального Комитета, в котором большинство получили представители левицы. В состав ЦК вошли также опытные деятели партии из старого руководства — Б. Шмераль, А. Запотоцкий и др. Председателем партии был избран Й. Гакен.

¹³⁹ «Protokol II. řádného sjezdu Komunistické strany Československa», Praha, 1925, str. 112—113.

¹⁴⁰ По данным, приведенным А. Запотоцким в докладе об организационной деятельности партии, в 1924 г. 45% членов КПЧ состояло в красных профсоюзах, 16,9% — в амстердамских и 38,1% не входили ни в какие профсоюзные организации. См. «Zpráva k II. řádnému sjezdu Komunistické strany Československa».

¹⁴¹ Z. Bradač. Boj za bolševisaci KSC. I. str. 191—192.

¹⁴² «Založení Komunistické strany Československa». — «Sborník dokumentů ke vzniku a založení KSC. 1917—1924», SNPL, 1954, str. 169—175.

¹⁴³ Там же, стр. 181—191.

Решения II съезда наметили правильную политическую линию КПЧ по важнейшим программным и тактическим вопросам. Однако идейные разногласия внутри КПЧ еще не были преодолены до конца и правая опасность еще не была ликвидирована. Партии предстояла упорная борьба с правооппортунистическими элементами за осуществление принятых съездом решений, за воплощение принципов марксизма-ленинизма во всей практической партийной деятельности.

Правые, не осмелившиеся на II съезде КПЧ открыто выступить против решений Коминтерна, не собирались складывать оружие. Прикрываясь формальным признанием решений V Конгресса Коминтерна, оппортунисты продолжали вести свою прежнюю реформистскую линию. В рядах Коммунистической партии Чехословакии в то же время действовала группа «ультралевых», сектантская политика которых вела к ослаблению связи партии с массами. Оба уклона наносили вред партии. Но главную опасность представляли тогда правые оппортунисты, тянувшие партию назад, к социал-демократизму.

Штрейкбрехерская политика правых открыто проявилась во время проведения кампании против дороговизны в феврале 1925 г. Предательские действия Бубника явились началом прямой атаки правых оппортунистов против партии. На заседании ЦК КПЧ, состоявшемся после демонстрации в Праге 15 февраля, были приведены доказательства антипартийного поведения Бубника, его фракционной раскольнической деятельности.

Актив пражской организации единодушно осудил антипартийное поведение Бубника, и Центральный Комитет принял решение об исключении его из партии.

Однако при этом была допущена та ошибка, что перед массами не была до конца разоблачена капитулянтская платформа Бубника¹⁴⁴.

Правые оппортунисты использовали исключение Бубника из партии для нападок на ЦК.

В ходе внутрипартийного кризиса в КПЧ определились три направления: левиза, боровшаяся за большевизацию, правооппортунистическая оппозиция и группа «центра», которую представляла часть партийного руководства во главе с Б. Шмералем. Шмераль, как и некоторые другие преданные делу рабочего класса старые деятели партии, воспитанные в прошлом на традициях социал-демократизма, не сразу осознали всю угрозу правой опасности и, заняв позицию «центра» в борьбе левизы против правых оппортунистов, допускали примиренческое отношение к правым¹⁴⁵. Такая их позиция объяснялась отчасти и слабостями самой левизы. Левиза в своей основе была здоровым, революционным направлением. Но под видом борьбы против правых к ней примкнули и некоторые анархистские, мелкобуржуазные элементы, «страстные» выступления которых во время дискуссии никак не помогли делу борьбы за правильную партийную линию. В борьбе против оппортунистического извращения правыми тактики единого фронта у некоторых представителей левизы проявлялась склонность к сектантству, что также настораживало Б. Шмерала, Запотоцкого и других старых деятелей партии, представлявших «центр». Все это создавало дополнительные трудности в борьбе с правой опасностью в КПЧ¹⁴⁶.

¹⁴⁴ «Přehled dějin Komunistické strany Československa. These», Praha, 1957, str. 102.

¹⁴⁵ «Přehled dějin Komunistické strany Československa. These», str. 103; M. Klíř. Komunistická strana Československa v období upevňování kapitalistického panství. Počátky bolševizace strany (1921—1925), str. 69—70.

¹⁴⁶ Z. Nollotikova. Bolševizačný proces KSC v rokoch 1924—1929. — «Historický časopis», Bratislava, 1957, № 2, str. 205.

Объективно орудием фракционной борьбы оказалась Центральная партийная контрольная комиссия, которая на II съезде КПЧ попала в руки правых и возглавлялась Таусиком, ставшим впоследствии ренегатом. В защиту Бубника выступили оппортунисты из руководства пражской, брненской и кладненской областных организаций. Особенно ожесточенную атаку против ЦК предприняло правое брненское руководство (представленное Эчером, Роучком, Ковандой и др.). Правые в Брно захватили в свои руки партийный краевой орган — газету «Ровност»¹⁴⁷ и выпустили так называемый «Брненский меморандум», полный злобы против революционного крыла КПЧ и Коммунистического Интернационала. Этот «меморандум», являвшийся программой правых ренегатов, был документом позорного предательства классовых интересов пролетариата. «Меморандум» был направлен против демократического централизма и организационной перестройки партии, отрицал организующую и руководящую роль революционной партии, выступал против революционной борьбы, проповедовал каутскианство и хвостизм.

Сам Бубник стал еще ожесточеннее бороться против партии. Он выпустил клеветническую листовку против Центрального Комитета и вместе с другими предателями организовал в парламенте «Клуб независимых коммунистов», в противовес парламентской фракции КПЧ. Группа Бубника стала издавать антикоммунистическую газету под демагогическим названием «Глас правды», существовавшую на субсидии буржуазного правительства. Бубниковщина представляла оппортунистическое, ликвидаторское, ренегатское течение в партии, поддерживаемое чехословацкой буржуазией и правыми социал-демократами. Буржуазия и ее «социалистические» слуги намеревались использовать внутрипартийный кризис в КПЧ для раскола коммунистической партии, для ее ослабления и усиления буржуазного, реформистского влияния на чехословацкий пролетариат.

Но враги коммунистической партии просчитались. Брненский меморандум, как и вся предательская деятельность правых ренегатов, был заклеен революционными рабочими. Коммунистическая партия Чехословакии нашла в себе силы, чтобы дать отпор атакам правых оппортунистов на революционную линию, преодолеть внутрипартийный кризис, навязанный партии оппортунистами, и избежать раскола.

Большая помощь Коммунистической партии Чехословакии в преодолении внутрипартийного кризиса была оказана Коминтерном. Вопрос о положении в КПЧ был рассмотрен на V Пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в марте 1925 г. Пленум ИККИ квалифицировал поведение Бубника как политическое предательство и одобрил решение ЦК КПЧ об исключении Бубника и его ближайших приверженцев из партии¹⁴⁸.

Решения пленума ИККИ поставили перед КПЧ конкретные задачи большевизации партии, требовавшие решительной борьбы против правого уклона, оздоровления партийного аппарата путем привлечения к руководству молодых боевых революционных кадров, усиления политической работы в массах, проведения в жизнь революционной линии в национальном и крестьянском вопросах, борьбы за единство профдвижения¹⁴⁹.

Определяя пути преодоления внутрипартийного кризиса, ИККИ ориентировал Коммунистическую партию Чехословакии на объединение всех здоровых, революционных сил в партии для общей борьбы против правой

¹⁴⁷ Státní archiv v Brně (далее — SAB), Fond B. 26, Policejní ředitelství v Brně. Přehled činnosti komunistického hnutí XVI kraje KSC (1925), str. 7—8.

¹⁴⁸ «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 477.

¹⁴⁹ Там же, стр. 490.

спасности, для разоблачения правых оппортунистов перед лицом всей партии. Выход из кризиса был в объединении всех революционных элементов партии, в полном разгроме правого оппортунизма. Только при этом условии КПЧ могла стать боевым руководителем трудящихся.

Партия должна была повышать свою боеспособность путем проведения массовых выступлений трудящихся, памятуя, что революционная борьба пролетариата не может прекращаться и в периоды затишья. Вся деятельность партии должна была быть направлена на подготовку масс к будущим решающим революционным боям.

В решении Пленума ИККИ подчеркивалось, что большевизировать Коммунистическую партию Чехословакии — это значит прежде всего действовать со всей решительностью, бороться внутри партии против тяжелого социал-демократического наследства¹⁵⁰. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обратился ко всем членам КПЧ с призывом «охранять всемерно партийное единство, давая решительный отпор всем тем, кто попытается его взорвать»¹⁵¹.

Решения V Пленума ИККИ дали чехословацким коммунистам правильную ориентацию и помогли им определить пути борьбы против оппортунистической опасности. Решения Коминтерна были с одобрением встречены большинством членов КПЧ. На многочисленных собраниях и конференциях принимались резолюции, осуждавшие антипартийную деятельность правых оппортунистов и выражавшие полное согласие с резолюцией V Пленума ИККИ.

Правые пытались оказать сопротивление принятию этих решений, но потерпели полное поражение и в тех организациях (пражской, кладненской, брненской), где раньше они имели довольно сильные позиции.

Наиболее острая борьба разгорелась в Брненской областной организации. Оппортунисты Роучек, Кованда, Эчер и другие, входившие в состав Областного комитета, отказались подчиниться решениям ИККИ и продолжали враждебную, клеветническую кампанию против ЦК КПЧ и Коминтерна, используя для этого газету «Ровност». Но и здесь им не удалось удержать свои позиции.

«... Самым сильным фактором в ликвидации брненского случая, — писал И. Гакен, — был пролетариат. Значительная часть рабочих с самого начала выступила против областного руководства. Это давление становилось тем сильнее, чем очевиднее было, что дело идет об атаке на линию партии, на Интернационал. И тут пролетариат показал здоровое, классовое понимание, как показал это и в Праге, и не поддержал стремлений оппортунистов и ликвидаторов»¹⁵². Революционные рабочие Брно, и особенно коммунистическая молодежь, решительно выступили против раскольнической антипартийной деятельности правых оппортунистов и изолировали их¹⁵³. Горстка предателей — Роучек, Кржиж, Вотава и др. — вышла из рядов КПЧ и присоединилась к Бубнику. Некоторые из оппортунистов (как, например, Эчер, Кованда), пока что отступили и формально «признали» свои ошибки. Областная партийная конференция отстранила правых от руководства и избрала новый состав Областного комитета. Газета «Ровност» опять стала коммунистическим органом.

Очищение от ликвидаторских, оппортунистических элементов шло и в других партийных организациях.

¹⁵⁰ «Коммунистический Интернационал в документах... 1919—1932», стр. 508.

¹⁵¹ Там же, стр. 511.

¹⁵² «Rovnost», 10.VI 1925.

¹⁵³ SAB, Fond B 26. Policejní ředitelství v Brně. Přehled činnosti komunistického hnutí XVI kraje, 1925 г., стр. 7—8.

Ликвидаторы, изгнанные из рядов КПЧ, открыто перешли на службу буржуазии, получив от правительства денежные субсидии на издание газеты «Глас правды», содержание в парламенте «Клуба независимых коммунистов» и т. п.¹⁵⁴ Пользуясь этой поддержкой, Бубник в июне 1925 г. основал собственную партию «независимых коммунистов», на учредительном съезде которой присутствовало всего 65 человек¹⁵⁵. В качестве своей платформы эта партия приняла программное заявление, изложенное Бубником и группой его приверженцев в первом номере «Гласа правды». «Программа» партии была подвергнута разбору и уничтожающей критике в статье К. Готвальда «Открытое ликвидаторство, которое само себя ликвидировало в глазах рабочих и опасность для партии скрытого ликвидаторства», опубликованной в словацкой коммунистической газете «Глас люду». К. Готвальд оценивал «программу» бубниковцев как «полное расхождение не только со всеми принципами и решениями Коммунистического Интернационала, но и со здравым... пониманием коммунизма вообще»¹⁵⁶.

Считая, что стабилизация означает полное упрочение капитализма, бубниковцы исключали всякую возможность пролетарской революции, выступали против всей революционной стратегии и тактики, против организации массовой борьбы рабочего класса, требовали перенесения борьбы на парламентскую почву и возвращения к реформистской политике и тактике социал-демократии. Определяя «собственный» политический путь, бубниковцы выступали против Коммунистического Интернационала и требовали полной «автономии» для рабочего движения в Чехословакии, намереваясь тем самым оторвать его от международного революционного движения. Они открыто объявляли своей целью ликвидацию коммунистической партии и объединение ее с социал-демократией в «оппозиционную рабоче-социалистическую партию», требовали полной независимости профсоюзов и, наконец, заявляли о своей готовности сотрудничать с руководством «Чехословацкой легионерской общины», ведшей активную антисоветскую деятельность. Программа «независимых коммунистов» означала, как справедливо об этом говорил К. Готвальд, «ликвидацию коммунистической партии и возвращение в лоно «материнской» социал-демократии, к ее тактике и политике и тем самым к ее измене пролетариату»¹⁵⁷.

Острая внутривнутрипартийная борьба в КПЧ, полное одобрение революционным большинством решений V Пленума ИККИ, осуждение раскольнической деятельности правых оппортунистов и изгнание из партии открытых ликвидаторов были доказательством того, что коммунистическая партия в целом решительно отвергала ренегатскую «программу», выдвинутую Бубником и его приверженцами, и оставалась верной марксизму-ленинизму.

Бубниковцы, ставшие на путь открытого ликвидаторства, сами разоблачили себя в глазах партии, в глазах революционных рабочих. Но право-оппортунистическая опасность еще не была полностью устранена. Надо было не только очистить партию от оппортунистических элементов, но и до конца ликвидировать те причины, которые порождали опасность оппортунизма и которые дали возможность «бубниковщине» вырасти до таких размеров. Эти причины, как известно, коренились прежде всего в пережитках социал-демократизма и усилившемся в условиях развивавшейся стабилизации капитализма влиянии реформистской идеологии. Единственной гарантией против оппортунистической опасности, подчеркивал

¹⁵⁴ Z. Bradáč. Boj za bolševisaci KSC. I., str. 250.

¹⁵⁵ «Rudé právo», 23.VI 1925.

¹⁵⁶ «Hlas ludu», 28.V 1925.

¹⁵⁷ Там же.

К. Готвальд в заключение своей статьи, будет «беспощадное и полное идеологическое уничтожение этих корней и причин»¹⁵⁸.

Изгнав из своих рядов открытых ликвидаторов, Коммунистическая партия Чехословакии значительно усилилась как боевой авангард пролетариата. Этому должна была способствовать и начавшаяся организационная перестройка КПЧ на основе создания партийных ячеек по производственному принципу — на фабриках и заводах.

* * *

В 1925 г. Коммунистическая партия Чехословакии уделила большое внимание организации массовых выступлений трудящихся против экономического и политического гнета буржуазии. Рост забастовочного движения, массовые демонстрации трудящихся против дороговизны и реакционной внутренней и внешней политики правительства, многочисленные первомайские демонстрации 1925 г., прошедшие под лозунгами борьбы в защиту экономических и политических прав трудящихся, усиление борьбы за единство рабочего класса свидетельствовали о росте революционной активности масс и усилении руководящей роли КПЧ в стране.

Важнейшим средством давления рабочего класса на буржуазию были забастовки. Забастовочная борьба чехословацкого пролетариата продолжала нарастать. И хотя общее количество забастовок в 1925 г. было меньше, чем в 1924 г., однако по количеству участвовавших в них трудящихся, числу забастовочных дней и сумме заработной платы, потерянной в результате стачек и локаутов, забастовочное движение было значительным. Если в 1924 г., по данным официальной статистики, в Чехословакии было зарегистрировано 334 забастовки и локаута с участием 98 263 рабочих, не работавших в общей сложности 1 361 775 дней и потерявших за это время заработной платы 32 781 тыс. крон, то в 1925 г. в 267 зарегистрированных забастовках и локаутах участвовало 111 196 рабочих, которые в общей сложности не работали 1 682 704 дня и потеряли 46 092 тыс. крон заработной платы¹⁵⁹.

Особенно усилилось забастовочное движение в горной и текстильной промышленности¹⁶⁰, где шло наиболее интенсивное наступление капиталов на жизненный уровень рабочего класса и капиталистическая эксплуатация принимала наиболее грубые формы. Имело значение и то, что

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ «Statistická příručka...», III, str. 372.

¹⁶⁰ Рост забастовочного движения в этих отраслях промышленности характеризуется следующими данными:

	Число забастовок		Число предприятий, охваченных забастовками		Число забастовавших рабочих		Число забастовочных дней		Потеряно заработной платы за время забастовок (в тыс. крон)	
	1924	1925	1924	1925	1924	1925	1924	1925	1924	1925
Горная промышленность . . .	16	17	46	62	21319	39470	32549	213221	1054	7824
Текстильная промышленность .	30	35	47	151	12519	26047	242186	479940	5635	11435

(„Statistická příručka republiky Československé“, III, str. 373).

рабочие этих отраслей промышленности, составляя почти четвертую часть всего чехословацкого пролетариата, были лучше организованы, чем рабочие многих других отраслей промышленности. Среди рабочих-текстильщиков значительное влияние имели красные профсоюзы.

Все более усиливался наступательный характер забастовочного движения. Если до осени 1924 г. чехословацкий пролетариат лишь отражал наступление капиталистов, стараясь сохранить действовавшие коллективные договоры, не допустить снижения заработной платы, и только с осени 1924 г. стал выдвигать требование повышения заработной платы, то в 1925 г. уже большинство забастовок велось за повышение заработной платы и заключение новых коллективных договоров. Новым в забастовочном движении было и то, что от мелких, локальных, разрозненных выступлений оно стало развиваться в направлении организации более крупных выступлений трудящихся, когда рабочие не одного, а нескольких предприятий, а иногда и целых промышленных районов выдвигали общие требования и начинали серьезную борьбу за их осуществление.

Бурные демонстрации пролетариата против дороговизны в начале 1925 г. сопровождалась ростом числа забастовок. По данным коммунистической печати, в феврале 1925 г. в Чехословакии произошло 34 забастовки, в марте — 41, в апреле — 54¹⁶¹. С начала 1925 г. упорную борьбу за повышение заработной платы вели словацкие горняки в Гандлове и стекольщики на севере Чехии в Теплице¹⁶², строители в Праге¹⁶³, рабочие кирпичных заводов в Годонине¹⁶⁴ и т. д.

Одним из самых крупных выступлений чехословацкого пролетариата в 1925 г. была всеобщая забастовка в Оставской области, в которой участвовало 50 тыс. рабочих — горняков, химиков и металлургов.

Оставская область, или, как ее тогда называли, «Черная Острава», была крупнейшим в Чехословакии центром тяжелой индустрии, главным образом угольной и металлургической промышленности. На шахтах Оставско-Карвинского бассейна и металлургических заводах Оставы было занято около 75 тыс. рабочих. Их положение было очень тяжелым. О том, какой степени достигла к тому времени капиталистическая эксплуатация на шахтах Оставско-Карвинского бассейна, можно судить по следующим данным. Производительность труда шахтеров с 1921 по 1924 г. выросла на 40%, и в то же время доля заработной платы рабочих в цене угля снизилась на 60%¹⁶⁵. При снижении номинальной зарплаты и выросшей дороговизне реальная заработная плата оставских шахтеров в 1924 г. была на 70—80% ниже, чем в 1921 г.¹⁶⁶

Прибыли шахтовладельцев за это же время возросли в общей сложности не менее чем на 300 млн. крон в год¹⁶⁷. Достаточно сказать, что дивиденды оставских угольных магнатов в начале 1925 г. достигали 25%¹⁶⁸. Высокой была степень капиталистической эксплуатации и в металлургической промышленности, в результате чего заработная плата рабочих на крупнейших в стране Витковицких металлургических заводах была в среднем наполовину ниже, чем на металлургических предприятиях в некоторых других районах страны, например в Кладно. Только от этой раз-

¹⁶¹ «Rudé právo», 8.IV 1925.

¹⁶² «Rudé právo», 10.II 1925.

¹⁶³ «Rudé právo», 8.III 1925.

¹⁶⁴ «Rudé právo», 20.III 1925.

¹⁶⁵ AUD KSC, 1925/189, str. 14.

¹⁶⁶ «Rudé právo», «Večerník», 3.IV 1925.

¹⁶⁷ AUD KSC, 1925/288.

¹⁶⁸ «Rudé právo», 3.I 1925.

ницы в заработной плате и высокой технической оснащенности своих предприятий владельцы Витковицких заводов Ротшильды и Гутманы получали дополнительной прибыли до 48 млн. крон в год¹⁶⁹.

Положение рабочих на шахтах и металлургических предприятиях Остравской области особенно ухудшилось во второй половине 1924 г., когда в результате действия «плана Дауэса» ряд отраслей чехословацкой индустрии, и прежде всего угольная и металлургическая, стали испытывать серьезные затруднения в сбыте продукции на внешних рынках. Это привело к новому спаду производства, закрытию шахт, к погашению долговых печей, к массовым увольнениям рабочих.

Не считаясь с ухудшением экономической конъюнктуры, остравские владельцы угольных шахт и крупных металлургических предприятий старались не только сохранить, но и умножить свои капиталистические прибыли. Самым верным средством для этого они считали «удешевление производства», сокращение производственных расходов за счет усиления эксплуатации рабочих. На шахтах внедрялась капиталистическая рационализация производства, грубо нарушались правила безопасности, вследствие чего участились аварии, несчастные случаи. В результате только одной аварии на шахте «Габриел» в Карвине было убито 15 горняков и 70 тяжело ранено¹⁷⁰. За один месяц (февраль 1925 г.) на шахтах Остравско-Карвинского бассейна произошло 897 несчастных случаев¹⁷¹. Заработная плата шахтеров снижалась путем повышения нормы выработки и введения аккордных расценок. Так, например, на шахте «Тереза», принадлежавшей Витковицким металлургическим заводам, горняки, не имея возможности выполнить новую норму добычи угля, получали в день всего 10 крон, тогда как средний их дневной заработок должен был составлять 39 крон. Когда же рабочие потребовали отмены аккордных расценок, все они (1427 шахтеров) были уволены, а добыча угля была компенсирована сверхурочной работой на восьми других шахтах¹⁷². Увольнения производились на многих шахтах. В начале 1925 г. было объявлено о предстоящем увольнении в Остравской области 10—12 тыс. шахтеров¹⁷³. Дирекция Витковицких металлургических заводов также заявила, что она намерена уволить не менее тысячи рабочих. Все это делалось капиталистами под предлогом необходимости «удешевления» производства в целях преодоления кризиса сбыта и повышения конкурентоспособности чехословацкой промышленности на внешних рынках.

Положение остравского пролетариата становилось настолько тяжелым, что подавляющая часть рабочих стала сознавать необходимость самой решительной борьбы с капиталистами за свои жизненные права. Инициативу организации выступлений трудящихся взяла на себя коммунистическая партия. 2 декабря 1924 г. руководством Межнационального общепрофессионального союза (МОС) было принято решение предъявить «Объединению шахтовладельцев Остравско-Карвинского бассейна» и «Северо-Моравско-Силезскому союзу промышленников» требование о повышении заработной платы рабочим на 20—30% и выплате единовременного пособия на дороговизну. Эти требования 20 января 1925 г. были одобрены конференцией представителей заводских советов и заводских комитетов Остравской области, высказавшейся за единство действий всех профсоюзов в борьбе за жизненные требования пролетариата. На конференции было

¹⁶⁹ AUD KSC, 1925/89, str. 14.

¹⁷⁰ «Tisky... PS NSRC», I. volební období, sv. XXII, tisk 4584.

¹⁷¹ «Rudé právo», 3.IV 1925.

¹⁷² «Rudé právo», 7.II 1925.

¹⁷³ «Rudé právo», 10.II 1925.

предложено провести на всех предприятиях голосование выдвинутых требований¹⁷⁴.

Борьба против дороговизны, за повышение заработной платы разворачивалась на шахтах и заводах. 10—12 февраля на 77 крупных предприятиях угольной, металлургической и химической промышленности были проведены собрания, на которых рабочие высказывались за предложения КПЧ о борьбе за повышение зарплат¹⁷⁵. 15 февраля в Витковицах на съезде заводских советов и заводских комитетов Остравской области, созванном по инициативе КПЧ, был избран Областной рабочий комитет и принято решение в период с 16 по 21 февраля на всех предприятиях обсудить вопрос о проведении кампании за повышение зарплат, после чего созвать совещание представителей всех профсоюзных организаций для определения дальнейшего плана действий¹⁷⁶.

Голосование показало, что за борьбу и установление единства действий высказалось 99% рабочих предприятий горной и химической промышленности и 93% рабочих предприятий металлопромышленности¹⁷⁷. После этого Областной рабочий комитет приступил к практическим действиям. 12 марта им была созвана конференция всех профсоюзных организаций, проведенная несмотря на противодействие руководства социал-демократических, христианско-социалистических и других реформистских профсоюзов. На конференции был избран «Комитет действия» для руководства борьбой за повышение заработной платы, в который вошли представители различных профсоюзов. Было принято решение требовать от предпринимателей повышения на 20% заработной платы горнякам и на 30% рабочим предприятий химической и металлургической промышленности, заключения новых коллективных договоров и установления рабочего контроля над производством¹⁷⁸.

Конференция шахтовладельцев Остравско-Карвинского бассейна и «Северо-Моравско-Силезский союз промышленников» отвергли эти требования и отказались вести какие-либо переговоры о повышении заработной платы. Тем самым пролетариат Остравской области был поставлен перед необходимостью вступить в борьбу.

Областной рабочий комитет и «Комитет действия» стали готовить всеобщую забастовку. ЦК КПЧ и Общегосударственный рабочий комитет обратились ко всем трудящимся Чехословакии с призывом поддержать остравских рабочих¹⁷⁹.

В то же время руководство соглашательских партий и реформистских профсоюзов предпринимали шаги к срыву готовящейся борьбы. При этом они действовали провокационными методами. Видя, что выдвигаемые коммунистами требования о повышении зарплаты поддерживаются большинством рабочих, реформисты сначала как бы поддерживали эти требования. Выходившая в Остраве их газета «Дух часу» 6 марта 1925 г. писала, что руководители с.-д. союза горняков «ничего не имеют против акции коммунистов за повышение зарплат, и если дело дойдет до борьбы за эти требования, то они проявят солидарность и также выполнят свой рабочий долг». Подобного рода заявления делались и в органе с.-д. союза горняков газете «Наздар». Расчет был на то, чтобы не изолировать себя от масс, сохранить влияние на пролетариат и, пользуясь этим, ослабить размах дви-

¹⁷⁴ AKPR. PzsS, 1925 г., 2. zpr.

¹⁷⁵ AKPR. PzsS, 1925 г., 4. zpr.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же, 5. zpr.

¹⁷⁸ «Rudé právo», 14.III 1925.

¹⁷⁹ «Rudé právo», 18.III 1925.

жения, лишить его революционного характера, направить в сторону компромисса с буржуазией. Реформистские вожаки одновременно с заявлениями, признающими справедливость выдвигаемых рабочими требований, вели свою раскольническую политику, саботируя все мероприятия по установлению боевого единства действий пролетариата. И чем сильнее рабочие шахт и заводов одобряли предложения коммунистов об установлении единства действий всего пролетариата и развертывании борьбы за повышение заработной платы, тем больше усилий прилагали реформистские лидеры к тому, чтобы не допустить такого единства и сорвать борьбу трудящихся.

21 марта в Праге состоялась конференция так называемых коалиционных горняцких профсоюзов, руководство которых было в руках реформистов. На ней голосами реформистской верхушки была принята резолюция, с одной стороны, признававшая справедливость выдвигаемых рабочими на предприятиях требований, а с другой — призывающая рабочих соблюдать действующие коллективные договоры, т. е. не начинать борьбу за повышение заработной платы. Реформистские лидеры отвергли предложения КПЧ и красных профсоюзов о совместных действиях в борьбе за улучшение положения пролетариата.

Эта оппортунистическая резолюция была осуждена представителями остравского пролетариата, собравшимися 22 марта на областную конференцию членов заводских советов и заводских комитетов. 398 делегатов конференции, прибывшие с шахт и заводов, приняли решение начать 30 марта всеобщую забастовку против дороговизны, против увольнений, за повышение заработной платы и заключение новых коллективных договоров¹⁸⁰. В обращении объединенного «Комитета действия» и секретариата МОС, расклеенном 28 марта на всех предприятиях Остравы, говорилось:

«...терпение рабочих иссякло!

Решение принято! Без борьбы не будет победы!

Долгом всех рабочих является проявить солидарность в борьбе и выдержать ее, чтобы их справедливое дело победило.

Жестокости и произволу капиталистов нужно противопоставить железную непоколебимость пролетариата. Только предатели и враги улучшения классового положения пролетариата могут быть штрейкбрехерами.

Один за всех и все за одного!

Пусть здравствует, растет и победит солидарность остравского пролетариата!»¹⁸¹

Это обращение было с одобрением встречено рабочими, готовившимися вступить в забастовку. О своей готовности оказать поддержку остравскому пролетариату в его справедливой борьбе заявили делегаты конференции заводских комитетов текстильщиков Праги, горняки Росицко-Ославанского бассейна, рабочие Ружомберка, Хомутова, Теплице и других промышленных центров¹⁸².

Такое проявление солидарности рабочего класса Чехословакии вызвало большое беспокойство в правящих кругах. Опасаясь, что забастовка, которую начнут рабочие Остравы, распространится и на другие районы страны, правительство произвело специальные полицейские приготовления и, кроме того, обратилось за помощью к руководству социал-соглашательских партий. Президент Масарик пригласил к себе одного из лидеров социал-демократической партии и просил его оказать содействие в предупре-

¹⁸⁰ AUD KSC, 1925/189, str. 15.

¹⁸¹ Там же, str. 16.

¹⁸² «Rudé právo», 27.III 1925.

ждении развития забастовки, «угрожающей оздоровлению государства»¹⁸³. После этой аудиенции последовало совещание исполкомов социал-демократической партии и социал-демократического профсоюзного объединения, на котором были выработаны меры саботажа забастовочной борьбы. В Оставу срочно выехали руководящие реформистские деятели для агитации среди рабочих против участия в забастовке¹⁸⁴. Социал-демократическая газета «Дух часу», та самая, которая не так давно писала о готовности руководства Союза горняков «выполнить свой рабочий долг», 29 марта опубликовала статью, в которой реформисты обрушились на коммунистическую партию, обвинив ее в «подстрекательстве», и выступили с провокационным заявлением, что «члены союза горняков (с.-д. профсоюзов. — И. М.) с объявленной коммунистической стачкой не имеют ничего общего...». Руководство с.-д. союзов горняков разослало своим организациям специальную инструкцию о саботаже забастовки, в которой говорилось: «Призываем еще раз наших членов, чтобы они не участвовали ни в каких акциях, предлагаемых коммунистами, не принимали сами активного участия в забастовке и не допускали избрания совместно с коммунистами каких-либо забастовочных комитетов, потому что ответственность за эту забастовку несут только коммунисты...»¹⁸⁵.

Коммунисты не побоялись ответственности, не отступили перед угрозами буржуазии и возгласили начавшуюся 30 марта забастовку остравского пролетариата. Из 40 крупных шахт Оставско-Карвинского бассейна прекратили работу 35, число вступивших в забастовку горняков достигло 40 тыс., или около 90% всех работавших на шахтах. Менее организованно началась забастовка на химических и металлургических заводах, где из 31 тыс. рабочих в забастовке участвовало только 10 тысяч. Полностью была прекращена работа на металлургических заводах в Карлове Гуте (1500 рабочих) и в Тржинце (6 тыс. рабочих). Но правым социал-демократам удалось сорвать забастовку на крупнейших предприятиях металлургической промышленности — Витковицких заводах, где работало около 17 тыс. рабочих¹⁸⁶. Реформисты имели там $\frac{2}{3}$ мандатов в заводском комитете и, используя свое влияние, ввели рабочих-металлистов в заблуждение обещанием добиться повышения зарплаты без забастовочной борьбы. Всего в Оставской забастовке участвовало свыше 50 тыс. рабочих.

ЦК КПЧ, МОС и Общегосударственный рабочий комитет обратились к пролетариату всей Чехословакии с призывом поддержать бастующих рабочих Оставы. «Оставский пролетариат не должен остаться в борьбе одиноким. Его борьба есть и ваша борьба», — говорилось в обращении. «У всех вас также есть только единственный выход из нужды — борьба... И если вы объедините вашу борьбу с борьбой остравских рабочих, ... этим вы не только поддержите остравских рабочих, но и сможете тогда вашу собственную борьбу за более высокую заработную плату вести с большей энергией и большей эффективностью... Поэтому поднимайтесь на борьбу! Один за всех, все за одного — это наш лозунг!»¹⁸⁷⁻¹⁸⁸.

Горняки Северной Чехии, пражские и либерецкие текстильщики, сельскохозяйственные рабочие Словакии первые заявили о своей солидарности с остравскими рабочими и отработали один час в фонд помощи бастующим.

¹⁸³ AUD KSC, 1925/189, str. 15—16.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ AUD KSC, IX/I—4/32.

¹⁸⁶ AUD KSC, 1925/189, str. 17.

¹⁸⁷⁻¹⁸⁸ «Vorwärts», 1.IV 1925.

шим. Их примеру последовали рабочие других областей. Повсюду проходил сбор средств для поддержки вступившего в борьбу остравского пролетариата. Горняки Кладненского, Ославянского и Мостецкого бассейнов готовились начать забастовку. Текстильщики Восточной Чехии заявили о расторжении старого коллективного договора и потребовали повышения заработной платы. В многочисленных резолюциях на предприятиях Словакии и Закарпатья рабочие заявляли, что они ждут лишь сигнала, для того чтобы вступить в борьбу за повышение заработной платы.

Чувствуя реальную опасность распространения генеральной забастовки, начатой горняками, химиками и металлстами Оставской области, на другие отрасли промышленности и другие районы страны, правительство приняло меры к ее локализации и подавлению. Было издано правительственное распоряжение о запрещении помещать в газетах сообщения о ходе забастовки и откликах на нее рабочих других районов страны. Буржуазная и реформистская печать, на которую это распоряжение не распространялось, с первых же дней пыталась представить Оставскую забастовку как «коммунистический путч». Но это клеветническое измышление опровергалось уже самим составом участников забастовки. В Оставской области было всего 2 тыс. коммунистов и 14 тыс. членов красных профсоюзов. Значит, основную массу бастующих — около 35 тысяч — составляли члены других профсоюзов, прежде всего социал-демократических, и неорганизованные рабочие¹⁸⁹. Они так же, как и коммунисты, считали забастовку своим делом, начатую коммунистами борьбу за повышение заработной платы — своей борьбой.

Борьба в Оставской области между пролетариатом и буржуазией с самого начала приняла чрезвычайно острый характер. В Оставе правительством фактически было введено чрезвычайное положение и сосредоточено около 6 тыс. жандармов. Жандармские отряды круглосуточно патрулировали на шахтах, заводах и др., разгоняли собиравшихся на улицах, арестовывали активных организаторов забастовки. Забастовочные комитеты могли собираться только нелегально. Были запрещены всякие рабочие собрания. Не разрешалось издание коммунистических газет, листовок и т. д.

Несмотря на такой террор, бастующие проявляли большую стойкость. Активное участие в борьбе приняли жены горняков. Они выходили на улицы вместе с детьми, ходили от шахты к шахте и уговаривали не прекративших работу присоединиться к забастовке.

Позорную роль сыграло руководство социал-демократической партии и реформистских профсоюзов, выступившее с открытыми призывами к штрейкбрехерству. Всем членам социал-демократических профсоюзов, участвовавшим в забастовке, было в категорической форме предложено немедленно приступить к работе. Реформистские вожаки организовали вербовку штрейкбрехеров и за пределами Оставской области. Штрейкбрехеры доставлялись на предприятия, охваченные забастовкой, под охраной полиции.

Террор против бастующих усиливался с каждым днем. Правительство не останавливалось перед применением вооруженной силы.

4 апреля в Моравской Оставе и Орлове коммунисты назначили митинг трудящихся, чтобы обсудить ход забастовки и призвать рабочих, еще не оставивших работу, присоединиться к бастующим. В последний момент власти не разрешили проведение таких митингов. В Моравской

¹⁸⁹ AUD KSC, 1925/331. Poučení z Ostravské stavky. Dokumenty zrady socialně demokratických vůdců.

Острове жандармерия заградила путь на площадь Республики и разогнала демонстрацию бастующих. В Орлове, где около 10 тыс. горняков собралось на городской площади, жандармы закрыли с трех сторон выходы с площади и начали избивание рабочих прикладами и дубинками. Преследуя демонстрантов, жандармы открыли ружейный огонь. Два шахтера было убито, пятеро тяжело ранено¹⁹⁰.

Оставские власти считали, что без применения террора дальнейшее развитие забастовки предотвратить было невозможно. В секретном официальном сообщении о политическом положении в Оставской области за первую половину апреля 1925 г. говорилось: «...коммунисты употребили огромную работу на то, чтобы небастующих горняков и рабочих других отраслей промышленности привлечь к забастовке. На многих предприятиях это им действительно удалось сделать и, если бы не было энергичного вмешательства сконцентрированной жандармерии и полиции, ...коммунисты достигли бы своей цели...»¹⁹¹. Сообщая в Прагу о событиях 4 апреля в Моравской Оставе и Орлове, полицейский комиссар Моравско-Силезской жупы писал: «Несомненно, что если бы мы в тот день не приняли против них (коммунистов, бастующих рабочих. — И. М.) энергичных мер, коммунисты намного бы усилили свое политическое влияние и привлекли бы на свою сторону остальных рабочих»¹⁹².

С нападения жандармов на рабочих в Орлове полицейский террор против бастующих еще более усилился. Правые социал-демократы начали вербовать штрейкбрехеров, а оставские капиталисты стали применять санкции против бастующих рабочих (выселение из квартир, увольнения и т. д.). Под давлением этих обстоятельств на ряде предприятий была возобновлена работа.

Для обсуждения создавшегося положения 6 апреля собралась областная конференция членов заводских советов, заводских комитетов и актива профсоюзных организаций МОС. Ввиду чрезвычайно трудной ситуации, сложившейся в результате совместных действий против бастующих правительства, капиталистов и реформистских лидеров, было принято решение об организованном прекращении забастовки. Участники конференции с возмущением клеймили предательство социал-демократических лидеров и верхушки реформистских профсоюзов, которые своей штрейкбрехерской политикой помогли буржуазии сорвать забастовку. «Перед лицом всего пролетариата не только Оставской промышленной области, но и всей Чехословацкой республики заявляем, — говорилось в резолюции конференции, — что социал-демократы совершили неслыханное в рабочем движении предательство... Социал-демократические руководители в сотрудничестве с капиталистами, буржуазией, полицией и вооруженными силами приложили большие усилия для удушения начатой с надеждой на победу борьбы 50 тыс. рабочих за повышение заработной платы»¹⁹³. В принятой на конференции резолюции подчеркивалось, что прекращение забастовки является не поражением, а только отступлением оставского пролетариата. «Мы заверяем всех наших врагов, — говорили рабочие Оставы, — что в начатой борьбе за справедливое повышение заработной платы, за отпор капиталистической реакции выстоим и ни перед каким насилием и предательством наших недругов не отступим!»¹⁹⁴

¹⁹⁰ АКРР. РзсС, 1925 г., 7. зпр.; «Rudé právo». «Večerník», 6.IV 1925 (номер был конфискован).

¹⁹¹ АКРР. РзсС, 1925 г., 7. зпр.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ АУД КСЧ, 1925/189, стр. 31.

¹⁹⁴ Там же, стр. 32.

Оставская забастовка, несмотря на ее поражение, имела большое значение в развитии классовой борьбы чехословацкого пролетариата.

Прежде всего участие в забастовке 50 тыс. рабочих наглядно показало, что и в период стабилизации капитализма возможны организованные массовые выступления рабочего класса. Оставская забастовка была наглядным примером того, что в борьбе за жизненные интересы рабочего класса возможно достижение единства действий пролетариата снизу, на предприятиях, вопреки сопротивлению реформистской верхушки.

В ходе оставской забастовки пролетариат всей Чехословакии увидел, на какое подлое предательство способны лидеры социал-соглашательских партий и реформистских профсоюзов. Своим штрейкбрехерским поведением социал-реформисты показали, что они защищают интересы не пролетариата, а буржуазии, что они поддерживают ее стремления к стабилизации капиталистического строя. Во время этой забастовки, как и в февральских демонстрациях против дороговизны, проявилась подлинная сущность буржуазно-демократического государства — оно встало на защиту интересов капиталистов, а не 50 тыс. оставских пролетариев.

Уроки оставской забастовки помогли чехословацкому пролетариату осознать, что его борьба за экономические интересы неизбежно должна перерасти в борьбу политическую, так как ему противостоят объединенные силы капиталистов, социал-реформистов и буржуазного государственного аппарата.

Оставская забастовка в эти годы была первой крупной забастовкой, организованной и руководимой КПЧ. Опорой коммунистической партии были заводские советы и заводские комитеты, областной «Комитет действия» и другие органы, избранные рабочими. Вместе с тем в ходе забастовки трудящихся обнаружились серьезные недостатки в деятельности партии по организации и руководству массовыми выступлениями. Хотя коммунисты имели значительное влияние в заводских советах и заводских комитетах, но его оказалось недостаточно для того, чтобы добиться единства действий всего пролетариата. Перед коммунистами стояла задача усиления организации работы внутри реформистских профсоюзов, чтобы таким путем усиливать свое влияние в массах. Во время оставской забастовки, проходившей в крайне тяжелых условиях полицейского террора и нажима капиталистов, обнаружилась и недостаточная организационная подготовленность выступления.

Оставская забастовка была ослаблена и тем, что ей не была оказана активная поддержка со стороны пролетариата других промышленных центров, хотя в ряде мест рабочие готовились к выступлению. Оставский пролетариат остался изолированным из-за предательства реформистов и правых элементов, руководивших областными организациями КПЧ некоторых крупных промышленных центров (Кладно, Брно).

Таковы были уроки оставской забастовки, которая, несмотря на свое поражение, явилась сигналом к началу всеобщей борьбы пролетариата Чехословакии за повышение заработной платы.

Вслед за оставской забастовкой разгорелась борьба за заработную плату на предприятиях металлургической промышленности северо-западной Чехии. В ответ на предъявленное рабочими-металлистами требование о повышении заработной платы на 20% и на забастовки, начатые на некоторых заводах в Хебе, Подмоклах, Дечине, Теплице, Карловых Варах и т. д.¹⁹⁵, предприниматели стали производить массовые увольнения.

17 апреля Хомутовский и Теплицкий союзы предпринимателей объявили о своем решении уволить 10—11 тыс. рабочих. Сразу же было уволено около 9 тыс. рабочих на 47-предприятиях, в том числе в Теплице-Шанове — 216, Мосте — 785, Жатеце — 380, Карловых Варах — 128, Хебе — 280, Дечине — 3570, Усти-на-Лабе — 1381 человек¹⁹⁶. Несмотря на увольнения, рабочие не отступали и продолжали добиваться повышения заработной платы.

В поддержку справедливых требований рабочих-металлистов начали забастовку солидарности рабочие электростанций в Подмокле, Теплицах, Горном Литвинове, Мосте¹⁹⁷. В борьбу вступили также металлисты Либерецкой области. Либерецкое отделение Союза промышленников заявило, что если до 18 мая бастующие не возобновят работы, то все фирмы уволят со своих предприятий треть рабочих, а если выступление будет продолжаться, то 28 мая будет уволена вторая треть рабочих и ко 2 июня — все остальные рабочие¹⁹⁸. Капиталисты проявили большую солидарность в борьбе против пролетариата. При этом немецкие капиталисты северо-западных районов и Либерецкой области, так же как и чешские капиталисты, могли рассчитывать на поддержку правительства и всего государственного аппарата.

Тем более было необходимо единство действий пролетариата. К сожалению, оно и на этот раз не было достигнуто. В течение двух месяцев 5 тыс. металлистов на северо-западе Чехии стойко выдерживали борьбу с капиталистами, но были преданы руководством немецких социал-демократических профсоюзов, как и остравские рабочие — чешскими правыми социал-демократами. Реформистское профсоюзное руководство в северо-западной Чехии во время остравской забастовки приложило все усилия к тому, чтобы оттянуть начало стачки. Это была общая линия правых социал-демократов, рассчитанная на изоляцию, а следовательно, на ослабление выступлений пролетариата.

Как только возник конфликт по вопросу заработной платы в металлургической промышленности на северо-западе Чехии, МОС обратился к немецкому социал-демократическому союзу металлистов и Либерецкому центру немецких профсоюзов с предложением договориться о совместных действиях и подготовке генеральной забастовки рабочих-металлистов всей страны. Однако реформистское руководство немецких профсоюзов, объединявших большую часть рабочих северо-западных районов и Либерецкой области, оставило без ответа обращение центра красных профсоюзов, тем самым отвергнув все предложения об установлении единства действий, несмотря на то, что на принятии этих предложений настаивали рабочие, особенно в Либерецкой области. В самый разгар забастовки, 17 мая, конференция немецкого социал-демократического союза в Хомутове приняла резолюцию, выражавшую стремление найти пути примирения рабочих с капиталистами¹⁹⁹. Затем реформистским руководством были приняты меры к прекращению борьбы на отдельных предприятиях, а в середине июня было подписано соглашение с организациями промышленников о прекращении забастовки. Двухмесячная борьба рабочих-металлистов северо-западной Чехии окончилась безрезультатно. Предприниматели оставляли за собой право «свободных рук» в вопросе найма на работу и увольнений и категорически отвергли требование общего повышения

¹⁹⁶ Там же, AKPR. PzsS, 1925 г., 9. zpr.

¹⁹⁷ «Rudé právo», 9.V 1925.

¹⁹⁸ AUD KSC, IX/1—6/25.

¹⁹⁹ «Rudé právo», 21.V 1925.

заработной платы. В протоколе было записано, что повышение заработной платы может проводиться только некоторыми фирмами «в соответствии с их техническими возможностями». Подписав такое соглашение, реформистское руководство немецких профсоюзов полностью капитулировало перед предпринимателями²⁰⁰. В Либереце, где борьба была более упорной, рабочие-металлисты добились незначительного повышения заработной платы (на 5—7%)²⁰¹.

Забастовочная борьба за повышение заработной платы весной 1925 г. ширилась и в других отраслях промышленности. В апреле-мае происходили забастовки рабочих бумажной фабрики «Спиро» у Чешского Крумлова, рабочих-надомников обувных предприятий во Влашине, кирпичников Мостовского округа, рабочих каменоломен в Бланске и Теплицах и т. д. Однако в результате предательской тактики социал-реформистского руководства эти выступления оставались изолированными и чаще всего оканчивались поражением рабочих. Имело значение и то, что правительство оказывало все большую поддержку предпринимателям в их борьбе с пролетариатом. Нередко дело доходило до прямого нападения жандармерии и полиции на бастующих рабочих, особенно на восточных окраинах республики — в Словакии и Закарпатской Украине. Так, например, 31 мая жандармы учинили кровавую расправу с бастующими рабочими кирпичных заводов в Берегове, собравшимися у вокзала к моменту прибытия специального поезда со штрейкбрехерами. Жандармы не допустили делегацию бастующих к вагонам и открыли ружейный огонь. Жандармской пулей была убита работница Ференца Капостишова, мать шестерых детей. Более 20 рабочих было ранено²⁰². Кровавое пролитие в Берегове вызвало возмущение пролетариата всей республики. Депутаты-коммунисты предъявили правительству интерпелляцию, потребовав немедленного расследования и наказания виновных в кровавом пролитии, а также строгого запрещения местным органам власти оказывать поддержку предпринимателям во время забастовок и других конфликтов с рабочими, используя для этого полицию и жандармерию²⁰³.

Все большим препятствием на пути развития борьбы чехословацкого пролетариата за свои права был раскол в рабочем движении. Социал-реформистские лидеры старались сохранить и углубить этот раскол и всячески противодействовали развитию движения за единство рядов рабочего класса. Однако предательские действия социал-реформистов, направленные на срыв выступлений пролетариата, их полный переход на классовые позиции буржуазии и срастание с буржуазным государственным аппаратом, в свою очередь неизбежно вели к разоблачению позорной роли правых социалистов в глазах рабочих, к революционизированию пролетарских масс, к усилению их стремления к единству.

Чтобы создать единый революционный фронт чехословацкого пролетариата, коммунистическая партия должна была до конца разоблачить и разбить социал-реформизм, низвести его до положения ничтожного меньшинства в рабочем классе, а это можно было сделать лишь в ходе повседневной борьбы за конкретные нужды рабочего класса.

Исходя из уроков остравской забастовки и поражения ряда других выступлений чехословацкого пролетариата в первой половине 1925 г., КПЧ усилила борьбу за единый пролетарский фронт. 1 мая 1925 г. МОС,

²⁰⁰ AUD KSC, 1925/163.

²⁰¹ AUD KSC, IX/1—6/25.

²⁰² «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 11. zasedání, 344. schůze, 3.VI 1925.

²⁰³ «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXV, tisk 5196.

объединявший красные профсоюзы, опубликовал обращение ко всему пролетариату Чехословакии «За единство профсоюзного движения»²⁰⁴. В обращении излагался конкретный план создания единых профсоюзных организаций по отраслям производства и выдвигалось предложение о созыве общегосударственного съезда всех профсоюзов для образования единого профсоюзного центра. Особо подчеркивалась необходимость объединения в единых профсоюзных организациях пролетариата всех национальностей, живущих в Чехословакии. Президиум МОС выражал готовность распустить Межнациональный общепрофессиональный союз, чтобы его секции могли объединиться с родственными организациями в единые производственные союзы²⁰⁵. Руководство реформистских профсоюзов и на этот раз отвергло предложение МОС и отказалось от созыва общегосударственного объединительного съезда профсоюзов. Однако такая раскольническая политика не находила одобрения в массах рядовых членов реформистских профсоюзов. Под давлением рабочих были начаты переговоры об объединении секций металлистов Профсоюзного объединения Чехословакии (ПОЧ) (с.-д. профсоюзы) и МОС. На съезде с.-д. союза табачников была принята резолюция, приветствовавшая обращение МОС и требовавшая от руководства ПОЧ принятия соответствующих практических мер²⁰⁶. В поддержку предложений центра красных профсоюзов выступили некоторые областные организации социал-демократического профсоюзного объединения. Так, на происходившей 10 мая 1925 г. конференции с.-д. профсоюзов в Зволене была принята резолюция, в которой говорилось, что «без единства профсоюзов нельзя отразить наступление капиталистов», и предлагалось руководству ПОЧ в ближайшее время установить контакт с МОС для достижения профсоюзного единства²⁰⁷. В сентябре по инициативе МОС была созвана конференция делегатов профсоюзных организаций Либерецкой области (с равным представительством от МОС, чешских с.-д. профсоюзов и немецких с.-д. профсоюзов). Большинство голосов конференция приняла резолюцию о необходимости достижения профсоюзного единства, определив эту задачу как первое и непереносимое условие для успешной борьбы за повышение жизненного уровня пролетариата. «Сознавая, что только единая организация всех профсоюзов, стоящих на почве классовой борьбы, может привести к полной победе рабочего класса, — говорилось в резолюции, — конференция призывает все профсоюзные организации Либерецкой области высказаться на своих собраниях за идею единых организаций»²⁰⁸.

Во всех случаях, когда под давлением рабочих реформистские лидеры не могли прямо отвергнуть предложения, направленные к достижению единства пролетариата, они делали все возможное, чтобы сорвать их практическое осуществление. Так были сорваны начатые переговоры об объединении социал-демократического и красного профсоюза металлистов, «похоронена» резолюция союза табачников, оставлена без ответа резолюция конференции профсоюзных делегатов Либерецкой области и т. п.

Несмотря на упорное противодействие со стороны реформистского руководства, КПЧ удалось в 1925 г. достигнуть некоторых успехов в борьбе за единство профсоюзов. К МОС присоединилось несколько самостоятельных союзов, до этого не входивших ни в какие профсоюзные

²⁰⁴ «Rudé právo», 1.V 1925.

²⁰⁵ AUD KSC, IX/I—I/247.

²⁰⁶ «Rudé odborové hnutí v letech 1923—1924», Praha, 1926, str. 35.

²⁰⁷ Там же, стр. 36.

²⁰⁸ Там же, стр. 37.

объединения, — Международная федерация железнодорожников, Союз рабочих швейной промышленности в Простейове и др. О единстве действий с секцией горняков МОС заявило Объединение горняков в Мосте. В рамках МОС было достигнуто объединение Пражской и Либерецкой секций текстильщиков, что имело важное значение для единства действий чешских и немецких рабочих. Движение за объединение профсоюзов развивалось среди горняков, железнодорожников, металлистов, на предприятиях стекольной и текстильной промышленности.

Стремление пролетариата к единству действий в борьбе за улучшение положения рабочего класса ярко проявилось уже в ходе остравской стачки. С развитием забастовочного движения все чаще рабочие, принадлежащие к различным профсоюзам, выступали совместно, и такие выступления обеспечивали успех борьбы. Так, в результате установленного единства действий снизу при руководстве КПЧ и красных профсоюзов во второй половине 1925 г. окончилась победой пятидневная забастовка рабочих кирпичных заводов в Липковицах, забастовка металлистов в Простейове и Колине, продолжавшиеся свыше четырех месяцев стачки рабочих каменоломен в Светельске и Липнице, забастовка кирпичников в Раковнике.

Стремление пролетариата к единству действий нашло свое яркое выражение и в одном из самых крупных пролетарских выступлений 1925 г. — октябрьской стачке текстильщиков на севере Чехии. В течение всего 1925 г. в текстильной промышленности шла борьба между рабочими и капиталистами по вопросу заработной платы. Для чехословацкой текстильной промышленности в это время сложилась довольно благоприятная конъюнктура, расширились возможности экспорта, что было использовано предпринимателями для увеличения своих прибылей. Дивиденды акционеров текстильных предприятий в 1925 г. достигли 13—17%²⁰⁹. Крупнейшие акционерные общества получали миллионные прибыли. Так, например, чистая прибыль текстильного концерна Маутнера составляла 11 млн. 438 тыс. крон, фирмы «Черних» — 2905 тыс. крон, фирмы «Нейман и сыновья» — 1591 тыс. крон и т. д.²¹⁰ В то же время зарплата рабочих в текстильной промышленности оставалась крайне низкой. Большинство рабочих получало в среднем от 60 до 130 крон в неделю²¹¹, что далеко не обеспечивало даже официальный прожиточный минимум рабочей семьи, особенно в условиях возмставшей дороговизны. На предприятиях текстильной промышленности была чрезвычайно высокой степень капиталистической эксплуатации, широко применялся низкооплачиваемый труд женщин и подростков. Закон о 8-часовом рабочем дне фактически был отменен принудительной сверхурочной работой.

В 1925 г. рабочие-текстильщики в ряде областей страны начали борьбу за заключение новых коллективных договоров и повышение заработной платы. 1 апреля профсоюзные организации заявили о расторжении действовавшего с 1923 г. в северо-восточной Чехии коллективного договора и предъявляли требование повышения заработной платы в среднем на 20%.

После того как длительные переговоры между профсоюзами и «Объединением предпринимателей текстильной промышленности» не дали никаких результатов из-за категорического отказа капиталистов пойти на какие-либо уступки в вопросе заработной платы, на ряде предприятий начались забастовки. Первыми забастовали 23 июня рабочие на прядильной фабрике

²⁰⁹ AUD KSC, 1925/96.

²¹⁰ «Rudé právo», 31.VII 1925.

²¹¹ AUD KSC, 1925/96.

фирмы «Черних» в Дворе Кралове, отказавшиеся от принудительной сверхурочной работы. Фирма ответила локаутом, уволив всех рабочих. Это вызвало возмущение на других предприятиях. На следующий день рабочие всех текстильных фабрик в Дворе Кралове, оставив работу, собрались на городской площади и приняли решение послать депутацию в Окружное политическое управление, чтобы требовать принятия мер против произвола предпринимателей и помощи Министерства социального попечения в удовлетворении законных требований рабочих о повышении заработной платы и заключении нового коллективного договора²¹². «Объединение предпринимателей текстильной промышленности» заявило, что если рабочие фирмы «Черних» и других предприятий в Дворе Кралове не откажутся от своих требований, то будут произведены увольнения всеми фирмами, входящими в «Объединение». Эта угроза 14 августа была приведена в исполнение. Локауту были подвергнуты рабочие более 300 предприятий. Общее число бастующих и локаутированных составляло около 50 тыс. человек²¹³. В ряде районов северо-восточной Чехии создавалось чрезвычайно напряженное положение. Рабочие выражали решимость продолжать борьбу и направляли многочисленные резолюции в окружные политические управления с требованием к правительству, чтобы оно оказало давление на владельцев текстильных фабрик и ускорило разрешение затянувшегося спора о заработной плате, учтя интересы рабочих.

Справедливость требований рабочих о повышении заработной платы и улучшении условий труда должны были признать муниципальные советы Двора Кралова, Находа, Горжиц, Яромержа и других северочешских городов, которые в свою очередь направили в правительство письма, обращающие внимание на тяжелое положение пролетариата и расстройство всей экономической жизни в результате затянувшегося спора о заработной плате в текстильной промышленности²¹⁴. Из Находа, где было уволено 10 тысяч рабочих, окружной начальник с тревогой писал в Земское политическое управление: «если конфликт не будет разрешен в ближайшее время, ситуация может стать критической»²¹⁵.

Рабочих северо-восточной части Чехии поддерживали забастовкой солидарности текстильщики Праги²¹⁶. Складывалась благоприятная обстановка для борьбы северочешских текстильщиков. Однако продолжение борьбы было сорвано реформистскими руководителями профсоюзов, подписавшими 22 августа соглашение с объединением предпринимателей о прекращении забастовки и локаута и возобновления работы на предприятиях на условиях продления старого коллективного договора.

Таким образом, борьба северочешских текстильщиков по существу окончилась полным поражением. В этом поражении отчасти были повинны и руководители секции текстильщиков МОС (разоблаченные впоследствии как ликвидаторы Гайс, Сикора и др.), которые не организовали забастовочной борьбы на предприятиях. Уроки этого поражения должны были быть учтены при организации назревавшей борьбы за повышение заработной платы рабочих-текстильщиков в северо-западных районах Чехии.

Забастовку на северо-западе страны в октябре 1925 г. начали текстильщики Румбука, Цвикау и Варнсдорфа, потребовавшие повышения заработной платы на 15%. С первых же дней забастовка приняла огром-

²¹² AUD KSC, 1925/96.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ AUD KSC, IX/I—15/90.

ные размеры, охватив около 20 тыс. рабочих. Вместе с членами секции текстильщиков МОС в ней участвовали рабочие из христианско-социалистического профсоюза и немецкой социал-демократической профсоюзной унии, а также около 6 тыс. неорганизованных рабочих²¹⁷. На предприятиях были созданы единые забастовочные комитеты. Сообщая о ходе стачки, газета «Руде право» 16 октября 1925 г. писала, что нигде до этого не проявлялось такое стремление к единству в борьбе как в забастовке текстильщиков северо-западной части Чехии. Общее руководство забастовкой осуществляла секция текстильщиков МОС. Реформистские вожаки безуспешно старались дезорганизовать ряды бастующих. Текстильщики Румбрукского округа стойко держались в течение 10 недель, отвергая частичные уступки, которые им предлагали владельцы предприятий. И если бы не предательство руководства немецкой социал-демократической профсоюзной унии, подписавшего за спиной рабочих, без ведома секции текстильщиков МОС, компромиссное соглашение с предпринимателями, борьба текстильщиков могла окончиться полной победой. Забастовка была прекращена 16 ноября на условиях увеличения заработной платы на 9% и принятия на работу всех бастующих²¹⁸.

На примере борьбы северочешских текстильщиков чехословацкий пролетариат увидел, что установление единства действий между рабочими, независимо от их профсоюзной принадлежности, не только возможно, но и необходимо для успешной борьбы за жизненные интересы рабочего класса.

Одновременно с забастовочным движением пролетариата в стране происходили массовые выступления против дороговизны и роста налогового бремени, в которых участвовали все слои трудящихся — рабочие, безработные, мелкие ремесленники, крестьяне. В ряде районов республики имели место демонстративные стачки протеста против налоговой политики чехословацкого правительства.

Со второй половины 1924 г. начинает открыто проявляться недовольство политикой правительства и в чехословацкой деревне, среди трудящегося крестьянства.

До этого времени крестьянские выступления имели место главным образом в Словакии и на Закарпатской Украине. Там с первых лет существования Чехословацкой республики крестьяне боролись за землю, против налогового гнета и других форм капиталистической эксплуатации, против колонизаторской политики чешской буржуазии. Закарпатско-украинские и словацкие трудящиеся крестьяне нередко оказывали открытое сопротивление действиям правительственных органов, как это имело место, например, в украинском селе Горонде 22 мая 1924 г. В этот день здесь была назначена продажа с аукциона леса, который считался собственностью государства, но в течение многих лет использовался жителями Горонды под пастбище. Крестьяне выступили в защиту своих прав и не пустили в лес прибывшую комиссию земельного управления. Чиновники вызвали на помощь жандармов, которые атаковали крестьян, пустив в ход оружие. В результате было убито пять и тяжело ранено семь крестьян²¹⁹. Такая зверская расправа над крестьянами Горонды была вызвана и тем, что на выборах в парламент подавляющая часть жителей этого села отдала свои голоса коммунистам. Результаты парламентских выборов, проведенных в Закарпатье в 1924 г., свидетельствовали о том, что коммунисти-

²¹⁷ «Rudé právo», 16.X 1925.

²¹⁸ «Rudé právo», 18.X 1925.

²¹⁹ «Tisky... PS NSRČ», I. volební období, sv. XXIII, tisk 4841/I.

чешская партия уже в то время имела большое влияние среди закарпатско-украинского трудящегося крестьянства. В Словакии позиции коммунистической партии были несколько слабее: там на крестьянство большое влияние оказывала католическая народная партия («людовцы»), которая использовала в своих интересах недовольство словацких крестьян колонизаторской политикой чешской буржуазии.

На крестьянство чешских областей в первые годы существования республики почти безраздельное влияние имели аграрии, которым удалось обмануть крестьянские массы обещаниями проведения земельной реформы. Кроме своих партийных ячеек, аграрная партия создала в деревне много других организаций с целью охвата ими наибольшего количества крестьян. Такими массовыми организациями были «Домовины», Республиканский союз молодежи, различные союзы (свекловодов, животноводов, деревенских кустарей и т. п.), аграрные кооперативы. Среди сельскохозяйственных рабочих аграрии имели свой желтый профсоюз («Профсоюзное единство»). Через эти организации, широко пропагандируя демагогический лозунг «деревня — одна семья» и разжигая среди отсталых слоев крестьян ненависть к рабочему классу, якобы покушавшемуся на крестьянскую собственность, аграрная партия подчинила своему влиянию значительную часть крестьянства. При этом огромное значение имело и то, что в ведении аграрной партии находилось проведение земельной реформы, ей подчинялись сельскохозяйственные кооперативы, финансово-кредитные учреждения и т. д.

Среди крестьян на Моравии, кроме того, значительным было влияние чешской католической народной партии («лидовцев»). В немецких районах большое влияние среди крестьян имела партия немецкой аграрной буржуазии — «Союз сельских хозяев».

В условиях сильного влияния буржуазных партий в деревне коммунистической партии предстояло решить трудную задачу — завоевать на свою сторону трудящиеся массы крестьянства. Для этого большое значение имело усиление влияния КПЧ среди сельскохозяйственных рабочих. Сельскохозяйственные рабочие являлись, собственно, частью рабочего класса. Но условия труда отличали их от промышленных рабочих и приближали к самым мелким, самым бедным категориям крестьян, которые непрерывно пополняли ряды сельскохозяйственного пролетариата. Если учесть, что в Чехословакии, по данным переписи 1921 г., сельскохозяйственные рабочие составляли примерно 40% занятого в сельском хозяйстве населения, станет ясно, насколько важным для КПЧ было завоевание на свою сторону этого многочисленного и наиболее эксплуатируемого слоя деревни, который являлся связующим звеном между рабочим классом и трудящимся крестьянством. Опорой КПЧ в деревне был входивший с 1923 г. в МОС Союз сельскохозяйственных рабочих, объединявший около 100 тысяч сельских пролетариев.

Однако довольно многочисленные профсоюзные организации среди сельскохозяйственных рабочих имели и правосоциалистические партии, которые своей оппортунистической деятельностью наносили большой вред развитию классовой борьбы в деревне, препятствуя укреплению связей пролетариата с трудящимся крестьянством.

Находясь на ответственных постах в правительстве и Государственном земельном управлении, ведавшем проведением аграрной реформы, видные деятели социал-демократической партии помогали чехословацким помещикам и буржуазии в ограблении трудящегося крестьянства. Надо сказать, что аграрии щедро вознаграждали за все это правых социал-демократов и чешских социалистов предоставлением им «остаточных» имений, денеж-

ных субсидий и т. п. Так, видный деятель социал-демократической партии Халупа признавал, что руководимый им с.-д. союз земледельческих и лесных рабочих получил только от владельцев сахароваренных предприятий 5 млн. крон на приобретение земельных участков и основание «кооперативов». По его же свидетельству, 229 видных членов социал-демократической партии получили во владение «остаточные» имения, которые в общей сложности оценивались в 54 млн. крон²²⁰. Большое количество земли от государства получали с.-д. кооперативы в аренду на льготных условиях. И все это за счет земельного фонда, который по закону о реформе должен был распределяться среди нуждающихся в земле крестьян. Получая такие щедрые подачки от аграрной буржуазии, правые социал-демократы, естественно, не оказывали противодействия угнетательской политике аграриев в деревне, хотя в своих официальных заявлениях и объявляли себя защитниками интересов трудящихся крестьян.

Из всего этого следует, что в борьбе за крестьянские массы коммунистической партии приходилось бороться не только против влияния аграриев и других буржуазных партий, но и против социал-реформистов, поддерживавших это влияние, дезорганизовывавших ряды сельскохозяйственного пролетариата и мешавших созданию единого фронта трудящихся города и деревни в борьбе против капиталистического гнета. Борьба эта была особенно трудна и потому, что в первые годы после своего образования КПЧ не уделяла должного внимания крестьянскому вопросу и тем самым облегчила буржуазным и реформистским партиям распространение их влияния в деревне.

В 1924 г. КПЧ предприняла первые шаги к усилению своего влияния в деревне, используя недовольство трудящихся крестьян методами проведения земельной реформы, растущую оппозицию их против аграриев. В ряде районов коммунистической партией были проведены собрания и конференции трудящихся крестьян с участием представителей различных крестьянских организаций. На этих собраниях выдвигались конкретные задачи борьбы за улучшение жизненного положения трудовых слоев деревни. В июле 1924 г. состоялась конференция батраков, бедняков и середняков в Храштянах (Южная Чехия). В принятой резолюции участники конференции протестовали против антикрестьянского метода проведения земельной реформы, создания «остаточных» имений и налоговой политики правительства, требовали конфискации всех земельных владений размером свыше 50 га, раздела их между мелкими крестьянами, замены многочисленных налогов единым сельскохозяйственным налогом. В резолюции был записан лозунг «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!» и содержался призыв к укреплению сотрудничества рабочего класса и трудового крестьянства²²¹. 6—7 сентября собралась конференция деревенской бедноты в г. Лоунах, в которой приняли участие представители самостоятельных организаций мелких и безземельных крестьян — «Союзов домкарей и малорольников», а также члены различных крестьянских организаций коммунистической, социал-демократической, людовой и аграрной партий. Делегаты конференции обратились с воззванием к трудящимся крестьянам всей Чехословакии, предлагая созвать общегосударственный съезд безземельных и мелких крестьян.

В резолюции, принятой конференцией, говорилось: «Настал час, чтобы мы сказали свое слово. Мы больше не хотим терпеть... Мы не хотим служить промышленным и аграрным капиталистам. Нам принадлежит

²²⁰ AUD KSC, 1927/342.

²²¹ «Rudé právo», 17.VIII 1924.

земля, наши леса, наши фабрики, нам принадлежит власть, чтобы мы могли осуществить дело освобождения трудящихся деревень и городов»²²². Конференции трудящихся крестьян тогда же состоялись в Крапухах, Таборе, Дедицах на Мораве и в ряде мест Словакии и Закарпатской Украины. На конференции в Лученце (Словакия) 14 сентября 1924 г. участвовали представители словацких и венгерских крестьян. Делегаты конференции в своих выступлениях говорили, что трудящиеся крестьяне уже начинают понимать, что буржуазия запугивала их рабочим классом для того, чтобы ослабить силы трудящихся, помешать их объединению для совместной борьбы. В принятой резолюции словацкие крестьяне заявили о своей решимости следовать примеру русских рабочих и крестьян и вести решительную борьбу за освобождение от капиталистического гнета²²³. Резолюции всех этих конференций свидетельствовали о радикализации крестьянских масс, о росте недовольства антинародной политикой правящих кругов и усиливающимся недоверии к аграрной партии.

Оппозиционное движение развивалось и в самой аграрной партии, захватив массовые ее организации — «Домовины». Так, в октябре 1924 г. в Кралове Градецке собралось 108 представителей «Домовины» из 8 округов. Они выступили с протестом против действий руководства аграрной партии²²⁴. В оппозицию к руководству партии стали и молодежные организации²²⁵. Все это создавало благоприятные условия для развертывания деятельности КПЧ в деревне.

После II съезда, наметившего революционную программу в аграрном вопросе, организаторская работа КПЧ в деревне заметно оживилась. Партия привлекла крестьян к участию в кампании против дороговизны, проводившейся по всей стране в начале 1925 г. Трудящиеся крестьяне участвовали 15 февраля в демонстрациях против роста дороговизны в Кладно, Либерце, Раковнике, Мосте, Усти-на-Лабе. В ряде мест (в Турнове, Таборе, Градце Кралове и др.) такие выступления были запрещены властями²²⁶.

Были проведены совместные конференции трудящихся крестьян, сельскохозяйственных рабочих и мелких ремесленников для обсуждения задач борьбы против налоговой политики буржуазного правительства. На одной из таких конференций, состоявшейся 1 марта 1925 г. в Противине, было принято обращение, призывающее трудящихся города и деревни сообща бороться за изменение существующей системы налогообложения, за перенесение тяжести налогового бремени с плеч мелких плательщиков на капиталистов²²⁷.

Крестьяне все больше проникались сознанием необходимости совместной с рабочим классом борьбы против буржуазии. В этом духе было принято решение на конференции безземельных и малоземельных крестьян в Здицах (округ Горжовице) 14 декабря 1924 г.²²⁸ За создание единого фронта трудящихся города и деревни высказались многие крестьянские конференции, проходившие в конце 1924—1925 гг. Только в Словакии было проведено 54 таких конференций²²⁹. Коммунистическая партия под-

²²² «Rovnost», 11.IX 1924.

²²³ J. Menclová. Postoj Komunistické strany Československa k roľníckej otázke v prvých leťoch jejho vývoje, str. 4—7 (рукопись. Институт истории КПЧ).

²²⁴ Там же.

²²⁵ AKPR, PzsČ, 1924 г., 43. зпр.

²²⁶ AKPR, PzsČ, 1925 г., 4. зпр.

²²⁷ «Rudé právo», «Večerník», 4.III 1925.

²²⁸ AKPR, PzsČ, 1924 г., 43. зпр.

²²⁹ Menclová. Указ. соч., стр. 13.

держивала начавшееся движение за создание «Союзов домкаржей и малорольников» (безземельных и мелких крестьян). Организации таких союзов в 1925 г. уже имелись в некоторых округах Пражской области (в Брандысе, Чешском Броде, Прибраме, Колине и др.), в Лоунах, Нимбурке, Градце-Кралове. Активную деятельность развернул «Союз домкаржей и малорольников» в Брно, имевший более 70 групп на территории Моравии и Силезии и издававший свой еженедельный орган «Срп»²³⁰. В августе 1925 г. состоялось учредительное собрание «Союза домкаржей и малорольников» в Пльзенской области²³¹.

Большая работа по созданию «Союза домкаржей и малорольников» велась в Словакии. Созданный там подготовительный комитет, руководимый коммунистами, обратился к сельской бедноте с призывом объединять свои силы для борьбы против капиталистического гнета. В листовке комитета, распространявшейся среди мелких крестьян словацких деревень, говорилось: «... Не давайте себя обманывать... Сплоченность и единство мелких крестьян, сельской бедноты является для богачей бельмом на глазу...

Мы обращаемся к малоземельным крестьянам Словакии!

Долой господ и угнетателей!

Да здравствует единство сельской бедноты!..

Землю, леса и пастбища только тем, кто на них работает!

Изменения конфисковать и разделить их без вознаграждения!

Налоговое бремя пусть несут богачи, а не беднота!

Да здравствует власть малоземельных крестьян и рабочих!»²³².

По всей Словакии проходили собрания безземельных и малоземельных крестьян, на которых обсуждалось это обращение.

Создание «Союзов домкаржей и малорольников» расширяло возможности для усиления позиций КПЧ в деревне. Однако, несмотря на эти первые успехи, влияние коммунистов среди крестьянства было еще очень недостаточным. Аграрная партия по-прежнему оставалась в деревне самой влиятельной, особенно в чешских областях.

Одновременно с борьбой за насущные экономические нужды трудящихся, за повышение их жизненного уровня коммунистическая партия организовала массы на борьбу против наступления реакции в политической жизни, против империалистической политики чехословацкой буржуазии.

В феврале 1924 г., когда из речи министра иностранных дел Бенеша в парламенте стало известно, что Антанта требует с Чехословакии 35 млрд. крон за «освобождение» в 1918 г., по всей республике прокатилась волна митингов и демонстраций. Трудящиеся протестовали против реакционной внутренней и внешней политики чехословацкого правительства, требовали разрыва союза с империалистической Францией и установления дружественных отношений с СССР²³³.

Ненависть трудящихся масс Чехословакии к империалистическим планам буржуазии получила яркое выражение в антивоенных демонстрациях, организованных КПЧ в июле-августе 1924 г. в связи с 10-летием начала первой мировой империалистической войны. В демонстрациях, проходивших под лозунгами борьбы против подготовки международной буржуазией новой империалистической войны, против антисоветской внешней

²³⁰ AUD KSČ, 1925/170.

²³¹ AKPR. PzSČ, 1925 г., 17. зпр.

²³² Archiv Ústavu dějin Komunistické strany Slovenska (далее — AUD KSS), IX.

²³³ «Rudé právo», 28.II 1924.

политики буржуазного чехословацкого правительства участвовали сотни тысяч трудящихся. Многочисленными были демонстрации в Праге, Кладно, Остраве, Чешских Будейовицах, Младе Болеславе, Пардубицах, Фривальдове, Прешове, Кошицах, Тренчине²³⁴.

Мощные антивоенные выступления пролетариата были в северной части Чехии. 2 августа в г. Теплице состоялась большая демонстрация трудящихся. Для участия в ней прибыли рабочие из Хомутова, Моста, Подмокле и других северочешских городов, а также сельскохозяйственные рабочие и трудящиеся крестьяне окрестных районов. Вместе с чехословацкими рабочими хотели выступить 400 красных фронтовиков из пограничных районов Германии, но они были задержаны на границе. Общее число участников демонстрации достигло 20 тыс. человек. В рядах демонстрантов было много молодежи и женщин. Демонстрация в Теплице в то же время была ярким проявлением растущей революционной солидарности чешских и немецких рабочих Северной Чехии²³⁵.

Большой размах приобрели антиимпериалистические выступления трудящихся в Закарпатской Украине, где участвовало более 60 тыс. человек²³⁶. Оккупационные власти старались сорвать проведение этих демонстраций, используя вооруженную силу. Кровавые события произошли 3 августа в украинском селении Свалява. В полдень, когда к центру Свалявы начали стекаться колонны рабочих и крестьян окрестных сел с красными знаменами и антивоенными плакатами, дорогу демонстрантам преградила цепь жандармов. Один из них вырвал знамя из рук рабочего Яна Галаша, а другой нанес ему смертельную рану штыком. Вслед затем жандармский отряд напал на демонстрантов, среди которых были женщины и дети. Жандармы открыли ружейный огонь, стали избивать прикладами, колоть штыками. Трое рабочих было убито, много тяжело ранено. Ночью с 3 на 4 августа были арестованы все руководители свалявской окружной коммунистической организации. Арестованных под сильным конвоем отправили в ужгородскую тюрьму²³⁷.

Весть о кровопролитии в Сваляве облетела всю Чехословакию. Исполком КПЧ принял решение о проведении с 11 по 16 августа недели боевой солидарности чехословацкого пролетариата с трудящимися Закарпатской Украины и обратился ко всем рабочим Чехословакии с призывом: «Выступим на борьбу в защиту человеческих прав пролетариата Подкарпатской Руси! Не прекратим этой борьбы, пока не будем иметь гарантии, что буржуазия отступает перед нашим контрнаступлением!.. Да здравствует солидарность всего пролетариата Чехословакии, без различия национальностей! Да здравствует угнетенный пролетариат Подкарпатской Руси!»²³⁸. В неделю солидарности по всей республике прошли митинги, демонстрации и забастовки протеста против кровавого террора чехословацкой буржуазии в Закарпатье. В Праге 14 августа состоялся митинг на Староместской площади, в котором участвовало 10 тыс. рабочих²³⁹. Многолюдные митинги и демонстрации протеста против кровавого террора в Закарпатье состоялись в промышленных центрах Чехии, Моравии, Словакии. Везде был произведен сбор средств в помощь семьям погибших и арестованных свалявских рабочих.

²³⁴ «Rudé právo», 20.VII, 29.VII, 31.VII 1924.

²³⁵ «Rudé právo», 4.VIII 1924.

²³⁶ ГАЗО, ф. 29, л. 480, л. 20.

²³⁷ «Rudé právo», 7.VIII 1924.

²³⁸ AUD KSC, IX/1—1/47.

²³⁹ «Rudé právo», 15.VIII 1924.

Десятки тысяч пролетариев Чехословакии, участвуя в организованных КПЧ демонстрациях солидарности с угнетенным пролетариатом Закарпатской Украины, в то же время выражали свой протест против усиления реакции и начатого буржуазией наступления на трудящихся во всех областях республики. Коммунистическая газета «Руде право», обращаясь к рабочим Чехословакии, 14 августа писала: «Сегодня мы демонстрируем не только свою боевую солидарность с нашими братьями в Подкарпатской Руси, но пробуждаем также сознательность рабочего класса всего государства. Над свежими могилами свалявских жертв мы призываем рабочих всех партий, чтобы вместе с нами начали борьбу в защиту основных человеческих прав, которым угрожает реакция».

Депутаты-коммунисты выступили в парламенте с разоблачением преступной колонизаторской политики, проводившейся чешской империалистической буржуазией в Закарпатской Украине, требовали отмены террористического режима и наказания виновников свалявского кровопролития²⁴⁰. Все это свидетельствовало о том, что национально-освободительная борьба трудящихся Закарпатской Украины против гнета чешской империалистической буржуазии находила сочувствие и поддержку со стороны рабочего класса всей Чехословацкой республики.

Выражением возросшей революционной активности трудящихся масс Чехословакии были более многочисленные первомайские демонстрации в 1925 г., чем в предыдущие годы. Коммунистическая партия провела эти демонстрации под лозунгом создания единого боевого фронта трудящихся. В одном только Кладненском округе в демонстрации, организованной КПЧ, участвовало 35 тыс. человек, в Либереце — 10 тыс., в Братиславе — 12 тыс., в Сланах — 8 тыс., в Бероуне — 6 тыс., в Мосте — 4 тыс., в Раковнике — 4 тыс., в Усти-на-Лабе — 4 тыс., в Годонине — 6 тыс., в Клатовах — 3 тыс., в Чешском Крумлове — 3 тыс., в Брандысе — 3 тыс., в Жатце — 3 тыс., в Зволене — 2 тыс., в Мукачеве — 1500, в Ужгороде — 1250 и т. д.²⁴¹ Социалистические же партии потерпели на первомайских демонстрациях небывалое еще для них поражение. В ряде мест им пришлось вовсе отменить манифестации; там же, где они состоялись, колонны социалистических партий были очень малочисленными²⁴². Это свидетельствовало о росте влияния коммунистической партии среди трудящихся.

В резолюциях, принятых на первомайских митингах, организованных КПЧ, чехословацкие рабочие выражали протест против проводимой буржуазным коалиционным правительством политики экономического ограбления народных масс, политического террора и военных приготовлений, клеймили предательскую роль правых социалистов, во всем поддерживавших буржуазию и мешавших созданию единства рабочего класса, выражали свою решимость идти за коммунистической партией в бой против роста дороговизны, обнищания масс, против капиталистического произвола и всей антинародной политики коалиционного правительства²⁴³.

Важное место в борьбе рабочего класса Чехословакии в эти годы занимали выступления протеста против империалистической внешней политики правительства, требования признания Советского Союза. Чехословацкая империалистическая буржуазия всеми силами старалась подорвать веру пролетариата в СССР и распространяла злобную клевету о жизни

²⁴⁰ «Těsнопisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 9. zasedání, 282. schůze, 4.IX 1924.

²⁴¹ «Rudé právo», 5.V, 7.V 1925; ГАЗО, ф. 29, оп. 1, д. 383, лл. 103—107.

²⁴² Так, например, в Либереце, где КПЧ собрала на демонстрацию 10 тыс. человек, социал-демократы собрали только 500 человек («Rudé právo», 6.V 1925).

²⁴³ AKPR. PzSČ, 1925 г., 9. zpr.

в Советской стране. Немало помогали ей в этом и правосоциалистические лидеры. Коммунистическая партия Чехословакии много делала для разоблачения этой клеветы и распространения среди трудящихся страны правды о социалистическом строительстве в СССР.

В августе 1925 г. Общегосударственный рабочий комитет предложил послать в Советский Союз делегацию чехословацких рабочих, в которую вошли бы представители от крупных предприятий, от всех партий и профсоюзных организаций. Это предложение нашло горячий отклик среди пролетариата. В течение двух-трех месяцев были собраны средства на посылку делегации, на фабриках и заводах рабочие выдвигали кандидатов для включения в состав делегации. Буржуазные и социалистические партии старались любым путем сорвать поездку делегации, грозили избранным делегатам увольнением, исключением из профсоюзов, предприниматели отказывали им в предоставлении отпусков на время поездки и т. д. Но эти угрозы не действовали, и 1 октября 1925 г. делегация чехословацких рабочих в составе 23 человек (из которых только 4 были коммунистами, а остальные членами социалистических партий или беспартийными) выехала в СССР. Председателем делегации был избран рабочий-металлист из Брно Богумил Кмент, член социал-демократической партии, секретарем — рабочий-кузнец из Праги Йозеф Кольский, председатель Общегосударственного рабочего комитета, коммунист²⁴⁴.

На советской границе, в Негорелом, чехословацкие делегаты, радушно встреченные представителями правительства Белоруссии, профсоюзов и Красной Армии, услышали обращения к ним сердечные и дружественные слова: «Приглашаем вас, братья пролетарии из Чехословакии, в наше свободное отечество, где управляют рабочие и крестьяне сами, открываем вам настежь двери и обещаем показать вам всё, что пожелаете увидеть»²⁴⁵.

За полтора месяца пребывания в СССР делегаты побывали во многих местах Советской страны: в Москве и Ленинграде, в Белоруссии и на Украине, на Урале и в Поволжье, на Кавказе и в Крыму. Они посетили заводы и шахты, рабочие клубы и детские учреждения, санатории и больницы, ознакомились с работой Советов, государственных учреждений, профсоюзов, кооперативов, со всеми сторонами многогранной жизни советского народа. Повсюду в Советском Союзе чехословацкая рабочая делегация встречала братский прием и искреннее, дружественное расположение.

С первых же дней пребывания в СССР члены делегации стали отправлять сообщения на родину; в которых подробно передавали свои впечатления о Советской стране и советских людях. Все эти сообщения были полны восхищения свободной жизнью советского народа, достижениями СССР в области промышленности и сельского хозяйства, социального законодательства и культуры. Члены делегации писали своим товарищам, чтобы они не верили больше лжи, распространяемой о Советском Союзе буржуазной и правосоциалистической печатью, потому что Советская страна — это страна свободной, счастливой, созидательной жизни рабочих и крестьян. Особенно интересны были письма делегатов — членов социалистических партий. Так, рабочий-текстильщик из северной Чехии, член немецкой социал-демократической партии Йозеф Татирек писал из СССР: «Не стыжусь сознаться, что я под влиянием социал-демократической

²⁴⁴ AUD KSC, 1926/178.

²⁴⁵ «Co viděla dělnická delegace v Sovětském Rusku, Zpráva československé dělnické delegace o zájezdu do Svazu sovětských socialistických republik od. 1. října do 12. listopadu 1925». Praha, 1926, str. 15.

печати представлял себе Советский Союз как страну экономически и культурно отсталую. Тем не менее, я пришел к глубокому убеждению, что сообщения социал-демократической печати совершенно клеветнические. То, что я видел, превзошло все ожидания... Нигде нет такого прогрессивного, действительно пролетарского законодательства, как в Советском Союзе, нигде нет такого бурного культурного и хозяйственного развития, как здесь»²⁴⁶.

Другой делегат, социал-демократ Тибор Янош, рабочий-стекольщик из Теплице, закончил свое письмо из СССР такими словами: «Когда приедем домой, должны будем все социал-демократические газеты объявить распространителями лжи»²⁴⁷.

При отъезде из Советского Союза чехословацкая рабочая делегация обратилась с декларацией к рабочим и крестьянам СССР, в которой горячо благодарила за братский прием и предоставленную возможность подробнейшим образом познакомиться с жизнью и трудом советского народа. Делясь своими впечатлениями, полученными за время шестинедельного пребывания в Советской стране, чехословацкие делегаты в заключение говорили: «После всего, что мы у вас видели, мы убедились, что о вашем государстве говорилось много неправды и что большая часть пролетариата была неправильно информирована, даже прямо обманута. Мы сообщим нашим рабочим чистую правду о вашем государстве и о вашем отношении. Мы будем трудиться прежде всего для создания единства профсоюзного движения, чтобы пролетариат мог единством действий обороняться против наступления капитализма.

Мы хотим, чтобы братские отношения, которые мы с вами установили, стали в будущем еще более тесными, чтобы братской солидарностью мы одержали победу над капитализмом и осуществили идею социализма в социальной революции»²⁴⁸.

Возвратившись на родину, члены делегации выступили на многочисленных собраниях со своими отчетами, рассказывая чехословацким рабочим правду о социалистическом строительстве в СССР, о достижениях Советской страны в области промышленности и сельского хозяйства, социального законодательства и культуры, разрешения национального вопроса. Все эти собрания заканчивались принятием резолюций, в которых чехословацкие рабочие требовали от правительства установления с СССР нормальных дипломатических и экономических отношений²⁴⁹.

Вслед за рабочей делегацией СССР посетили делегации чехословацкой молодежи и деятелей культуры.

Все эти поездки имели большое значение для знакомства чехословацкой общественности с СССР, с его экономическими, политическими и культурными достижениями и жизнью советского народа, для разоблачения всяких антисоветских вымыслов, распространявшихся буржуазной и социал-демократической прессой. Рассказы очевидцев еще более усилили борьбу трудящихся и демократической интеллигенции Чехословакии за установление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Активную роль в этой борьбе стало выполнять созданное в 1925 г. в Праге по инициативе профессора Зденека Неедлы «Общество культурного и экономического сближения с новой Россией».

²⁴⁶ «Rudé právo», 5.XI 1925.

²⁴⁷ «Rudé právo», 30.X 1925.

²⁴⁸ «Co viděla dělnická delegace v Sovětském Rusku...», str. 15.

²⁴⁹ «Druhý řadný sjezd Mezinárodního všeodborového svazu v Československé republice... Stenografický protokol», Praha, 1926, str. 91—94.

Необходимость установления нормальных дипломатических отношений с СССР признавалась даже довольно широкими кругами промышленной буржуазии, заинтересованными в развитии торговых отношений и других экономических связей с СССР. Выступая на собрании промышленников северной части Моравии и Силезии в Витковицах 12 декабря 1925 г., генеральный секретарь Союза чехословацких промышленников Годач заявил, что Союз промышленников еще год тому назад обратился в Министерство иностранных дел с требованием установления дипломатических отношений и урегулирования торговых сношений с Советской Россией, ввиду того что «этого категорически требуют интересы промышленности»²⁵⁰.

И только антисоветская внешняя политика буржуазного чехословацкого правительства, отражавшая интересы и настроения самых реакционных кругов чехословацкой буржуазии и проводимая бессменным министром иностранных дел Э. Бенешем, стояла преградой на пути сближения Чехословакии с СССР. Существует немало документов, подтверждающих тот факт, что Бенеш в те годы являлся одним из самых рьяных противников признания СССР и вдохновителем антисоветской политики. Как это видно из записки начальника канцелярии президента Шамала, Бенеш, после того как в 1925 г. из СССР возвратились чехословацкие делегации рабочих, молодежи и деятелей культуры, поставил вопрос о необходимости «каким-либо безопасным и умелым способом» организовать «в некоторых газетах, главным образом в социалистических», публикацию материалов, «опровергающих» рассказы участников поездок о жизни в СССР. Для подготовки такого рода антисоветских фальшивок Бенеш предлагал создать специальный секретариат в руководимом им Министерстве иностранных дел. Этот вопрос, как свидетельствует Шамал, обсуждался президентом республики Масариком и крупнейшим финансовым магнатом страны Прейсом, представлявшим монополистические круги, субсидировавшие многие реакционные мероприятия правительства, буржуазных и «социалистических партий», в том числе и антисоветскую пропаганду²⁵¹.

Трудящиеся Чехословакии во главе с коммунистической партией вели упорную борьбу против реакционной антисоветской политики чехословацкой империалистической буржуазии и требовали установления нормальных дипломатических отношений с СССР, развития экономического, политического и культурного сотрудничества.

Определяя позицию коммунистической партии по отношению к внешней политике Чехословакии, Богумир Шмераль в своем выступлении в парламенте в декабре 1925 г. говорил: «Мы за политику, независимую от великих капиталистических держав, за политику дружбы и экономического сотрудничества с соседями. Мы, само собой разумеется, за самый тесный политический и экономический союз с СССР, с единственной страной, которая освободилась от всех империалистических влияний и свергла у себя господство буржуазии. Вся внешняя чехословацкая политика должна быть, по нашему убеждению, ориентирована в этом направлении»²⁵².

Коммунистическая партия Чехословакии неизменно боролась за сближение и сотрудничество Чехословакии с СССР, воспитывая у трудящихся Чехословацкой республики чувства любви и дружбы к стране социализма, являвшейся единственным и верным оплотом мира и независимости всех народов.

²⁵⁰ AKPR. PzsS, 1925 г., 28. zpr.

²⁵¹ AKPR, T. 216/26.

²⁵² «Těsnopisecké zpravy o schůzích poslanecké sněmovny NSRC», II. volební období, I. zasedání, 3. schůze, 18.XII 1925.

* * *

Рост революционной активности трудящихся масс Чехословакии в борьбе против господства буржуазии был результатом усилившегося влияния коммунистической партии. Помощь Коминтерна помогла КПЧ устранить угрозу раскола партии и изолировать правооппортунистическую группировку. Сплочение вокруг марксистского ядра партии всех подлинно революционных элементов позволило Коммунистической партии Чехословакии преодолеть внутренний кризис и твердо встать на путь большевизации.

Под знаком большевизации и дальнейшей консолидации революционных сил проходил III съезд КПЧ (26—28 сентября 1925 г.). В повестке дня съезда стояли два основных вопроса: доклад Й. Гакена об экономической и политической ситуации в Чехословакии, тактике и дальнейших задачах партии и доклад Б. Шмерала о кризисе партии и его разрешении.

В докладе по первому вопросу Й. Гакен на конкретном анализе внутриполитического и внешнеполитического положения Чехословакии показал, что данная Коминтерном оценка капиталистической стабилизации, как временной и частичной, в полной мере относится и к Чехословакии, где так же, как и в других странах капитала, буржуазия стремится осуществить стабилизацию прежде всего за счет наступления на экономическое положение и политические права трудящихся. Указав, что главной задачей чехословацких коммунистов в сложившихся исторических условиях является организация и мобилизация пролетарских сил, подготовка трудящихся масс к решающим революционным боям, Й. Гакен сформулировал следующие конкретные задачи КПЧ на ближайшее время: 1) дальнейшее укрепление своего влияния в массах трудящихся, дальнейшая борьба за создание единого фронта рабочего класса; 2) борьба за создание революционного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и завоевание на сторону пролетариата других слоев трудящихся; 3) поддержка национально-освободительной борьбы угнетенных национальностей и объединение ее с революционной борьбой пролетариата за свержение политического господства буржуазии; 4) мобилизация всех сил для победы КПЧ на предстоящих парламентских выборах.

В докладе Б. Шмерала был проанализирован опыт борьбы КПЧ за ликвидацию правой опасности и большевизацию своих рядов. Докладчик подчеркнул, что на опыте этой борьбы Коммунистическая партия Чехословакии убедилась прежде всего в том, какое неопценное значение имеет помощь Коминтерна в борьбе за большевизацию коммунистических партий и как важно овладение марксистско-ленинской теорией и использование богатого опыта большевистской партии — РКП(б) — для всех партий, которые хотят быть подлинно революционными, массовыми коммунистическими партиями и с успехом осуществлять руководящую роль в революционной борьбе трудящихся²⁵³. Борьба против правой опасности в период между II и III съездами была для КПЧ большой школой ленинской непримиримости ко всяким проявлениям оппортунизма в собственных рядах.

Съезд одобрил доклады Гакена и Шмерала и в своих решениях дал правильную оценку временной частичной стабилизации капитализма в Чехословакии, сделал выводы из опыта борьбы за преодоление внутрипартийного кризиса, подчеркнув необходимость продолжения борьбы против оппортунизма, определил дальнейшие задачи партии²⁵⁴.

²⁵³ «Protokol III. řadného sjezdu Komunistické strany Československe», Praha, 1925, str. 36—38.

²⁵⁴ «Přehled dějin Komunistické strany Československé. These», str. 104.

Большое внимание уделил съезд вопросу о профсоюзах. Этот вопрос стоял и на II съезде КПЧ, где приняты были важные решения о задачах партии в профсоюзах. Но эти решения на практике осуществлялись слабо. Уроки остравской забастовки и других классовых выступлений чехословацкого пролетариата в 1924—1925 гг. свидетельствовали о том, что отсутствие единства в профсоюзном движении и раскольническая тактика реформистских лидеров по-прежнему оставались основным препятствием в успешном развитии борьбы за улучшение жизненных интересов рабочего класса. Коммунистическая партия в своей практической деятельности все еще недооценивала важность работы как в красных, так и в реформистских профсоюзах.

Большая вина в этом была и руководства МОС, представляемого в то время Гайсом и другими лицами, зараженными реформизмом и саботировавшими проведение в жизнь решений партии о работе в профсоюзах. Группа Гайса продолжала поддерживать осужденный КПЧ метод «усиления красных профсоюзов» путем перехода в них революционно настроенных рабочих из реформистских союзов, выступила против создания коммунистических фракций в профсоюзах, считая их деятельность «бесполезной» в реформистских союзах и «излишней» в революционных, находившихся под влиянием КПЧ, предлагала ограничить задачи профсоюзов борьбой за экономические интересы, создание партийных ячеек на заводах рассматривала как «конкуренцию» профсоюзам и т. п. Все это было не чем иным, как пропагандой старого оппортунистического лозунга о «независимости» профсоюзов от партии. Гайс и его сторонники вели в то время в красных профсоюзах скрытую работу, направленную на отрыв красных профсоюзов от КПЧ и подчинение их реформизму. К чему могла привести недооценка работы партии в профсоюзах, свидетельствовал пример с самостоятельными, не входившими ранее в ни в какое профсоюзное объединение союзами строителей, деревообделочников, транспортных рабочих. Большинство членов этих союзов высказалось за присоединение к Красному профсоюзному интернационалу. Но предатели Тетенка, Тесла и др., захватившие в свои руки руководство этими союзами, всякими обманными путями и клеветнической кампанией против руководства КПЧ сумели воспрепятствовать осуществлению желания большинства рабочих и включить эти организации в реформистское объединение.

Линия, проводившаяся частью руководства МОС (Гайсом и его группой) и объективно содействовавшая реформистской раскольнической политике правых профсоюзных лидеров, была осуждена съездом. В специальных решениях («Направление фракционной работы в профсоюзах» и «О тактике коммунистов в профсоюзном движении») III съезд КПЧ подчеркивал важность создания и деятельности коммунистических фракций в профсоюзах и выдвигал в качестве важнейшей задачи в борьбе за единство рабочего класса в Чехословакии задачу борьбы за единство профсоюзов²⁵⁵.

В принятой съездом резолюции «Об организационном состоянии и задачах КПЧ» были проанализированы результаты работы по организационной перестройке КПЧ за время между II и III съездами и намечены дальнейшие конкретные задачи партии в организационных вопросах. Особое внимание уделялось организации работы заводских партийных ячеек, активизации политической воспитательной работы в массах, руководящей роли коммунистов в борьбе за единство рабочего класса²⁵⁶.

²⁵⁵ Z. Bradač. Boj za bolševisaci KSC..., str. 281—284.

²⁵⁶ «Protokol III. řadného sjezdu Komunistické strany Československa», str. 84—89.

В специальном решении съезд наметил меры по улучшению агитационной и пропагандистской работы, подчеркнув, что повышение идейного уровня всех членов партии является одним из важнейших условий успешной большевизации.

На съезде в состав Коммунистической партии Чехословакии была принята Независимая социалистическая рабочая партия²⁵⁷. Это имело большое историческое значение, так как было шагом на пути политического объединения рабочего класса Чехословакии.

В заключение работы съезда были проведены выборы руководящих органов партии. По предложению словацких делегатов в состав ЦК КПЧ был избран Клемент Готвальд, являвшийся в то время одним из руководителей коммунистического движения в Словакии. Со времени III съезда К. Готвальд стал членом Политбюро ЦК и вскоре возглавил в ЦК Отдел агитации и пропаганды. В последующие годы К. Готвальд становится одним из самых видных и авторитетных руководящих деятелей левого, большевистского направления в КПЧ²⁵⁸.

Своими решениями III съезд закрепил революционную ориентацию КПЧ во всех важнейших вопросах партийной деятельности, и поэтому он знаменовал собой дальнейший шаг по пути большевизации Коммунистической партии Чехословакии.

Укрепление КПЧ привело к усилению ее влияния в массах. Ярким подтверждением этого явились результаты парламентских выборов, состоявшихся осенью 1925 г.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1925 г.

Согласно Конституции Чехословацкой республики, очередные выборы в Национальное собрание должны были состояться в мае 1926 г. Однако обстановка, складывавшаяся в стране, и назревание внутривластного кризиса заставили правящие круги прибегнуть к досрочным парламентским выборам.

Симптомы этого кризиса появились уже давно и находили скрытое выражение в противоречиях между различными группировками буржуазии и разногласиях внутри правительственной коалиции по отдельным вопросам внутренней и внешней политики. Но сами по себе эти разногласия еще не создавали политического кризиса, так как они преодолевались путем компромиссов и взаимных уступок в целях укрепления классового господства буржуазии. Однако уже с середины 1925 г., когда стали обнаруживаться явные признаки непрочности и кратковременности улучшения экономической конъюнктуры, эти разногласия внутри буржуазного лагеря между промышленным и банковским капиталом, промышленной и аграрной буржуазией, монополистическим капиталом и средней и мелкой буржуазией приняли более острый характер. В кругах промышленной буржуазии проявлялось недовольство продолжением дефляционной политики, усиливавшей банковский капитал за счет промышленности, высокими

²⁵⁷ Независимая социалистическая партия возникла в 1923 г., после исключения из Чехословацкой социалистической партии группы левых социалистов во главе с Б. Врбенским и А. Ландовой-Штыховой, отказавшихся голосовать в парламенте за реакционный закон «Об охране республики». Эта группа организовала свою партию, приобретшую значительное влияние среди рабочих, особенно в северной части Чехии, а также среди прогрессивной чехословацкой интеллигенции. На съезде, происходившем в сентябре 1925 г., Независимая социалистическая рабочая партия приняла решение о слиянии с КПЧ.

²⁵⁸ «Přehled dějin Komunistické strany Československa. These», str. 104.

процентами с кредитов и рядом других мероприятий, осуществленных правительством в интересах крупнейших банков. В основе противоречий между промышленной буржуазией и аграриями была политика аграрного протекционизма, которая не отвечала интересам развития промышленности и проведения которой в то же время все более настойчиво добивались аграрии. Экономическая политика, проводившаяся правительством в интересах монополий, вызывала естественное недовольство средней и мелкой буржуазии.

Решающим же фактором, характеризовавшим изменение внутривнутриполитической обстановки, было обострение классовых противоречий в стране, особенно рост сопротивления трудящихся масс осуществлению антинародных планов буржуазии, выражавшийся в забастовочном движении, в массовых демонстрациях протеста против роста дороговизны и налогообложения, против реакционных мероприятий в политической жизни, против империалистической внешней политики чехословацкого правительства. В рядах рабочего класса росло стремление к единому фронту, к объединению всех пролетарских сил для отпора наступлению буржуазии. Предательская политика правого руководства социалистических партий вызывала все большее возмущение среди рабочих. Недовольство политикой сотрудничества лидеров с буржуазией проявилось и среди значительной части рядовых членов социалистических партий. Об этом свидетельствовали, в частности, выступления некоторых делегатов на съезде чехословацкой социал-демократической партии, происходившем в 1924 г. в Острове. С критикой руководства и практической линии партии выступили представители партийных организаций крупных промышленных центров Остравы и Пльзеня, которые долгое время были опорными пунктами правых социал-демократов. Многие из делегатов открыто выражали беспокойство по поводу того, что уступки социал-демократической партии буржуазии и резкое расхождение между ее программными заявлениями и практическими делами ослабляют позиции партии в массах. «...Что должно быть святым для нашей партии, — говорил на съезде делегат из Пльзеня Марек, — это сохранение доверия в рабочем движении. Это доверие подорвано»²⁵⁹. Делегат из Моравской Остравы Чепек заявил, что в будущем с.-д. партия не должна делать уступок, которые «могли бы иметь еще более тяжелые результаты, чем нынешние»²⁶⁰.

Эту нараставшую оппозицию в своих собственных рядах не могло не учитывать руководство социал-демократической партии. Все говорило за то, что в своем сотрудничестве с буржуазией партия зашла уже слишком далеко, что создалась угроза полной потери ею прежнего влияния в рабочих массах.

В массах заметно росло влияние коммунистической партии, которая вопреки надеждам своих неприятелей вышла из борьбы с оппортунизмом во время внутрипартийного кризиса 1924—1925 гг. окрепшей идейно и организационно и теперь более решительно и последовательно разоблачала предательскую политику так называемых социалистических партий, их сотрудничество с буржуазией и обман рабочих.

Ослабление социал-реформизма и укрепление позиций коммунистической партии создавали большие трудности для осуществления дальнейших планов коалиционного правительства, возглавляемого аграриями.

²⁵⁹ «Protokol XIV. řádného sjezdu Československé sociálně demokratické strany dělnické konaného v Moravské Ostravě 19—22 dubna 1924», Praha, 1924, str. 78.

²⁶⁰ Там же, стр. 80—81.

В апреле 1925 г. аграрии вновь поставили перед парламентом вопрос о введении твердых аграрных пошлин. Одновременно должен был обсуждаться законопроект о социальном страховании «самостоятельно хозяйствующих лиц», от которого зависело осуществление закона 1924 г. о страховании занятых на производстве. Аграрная партия заявила, что она согласится на социальное страхование только в том случае, если получит одобрение законопроекта об аграрных пошлинах. Аграрии заявили также, что пока не будут узаконены твердые пошлины на ввоз сельскохозяйственной продукции, они не утверждают ни одного торгового договора с другими государствами.

После обсуждения этого своеобразного ультиматума партиями правительственной коалиции стало ясно, что условия аграриев будут приняты и что вопрос заключается во времени и в том, каковы будут «политические издержки» данного компромисса. С лидовцами и национал-демократами аграрии договорились быстро: лидовцы рассчитывали за свои уступки получить от правительства новые привилегии для католической церкви, а национал-демократы, представлявшие промышленную буржуазию, были заинтересованы в скорейшем заключении давно подготавливаемых торговых договоров с Австрией и Венгрией. Национальные социалисты не высказали возражения против аграрных пошлин. Что касается социал-демократической партии, то ее руководство не могло открыто поддержать требование аграриев, опасаясь усиления оппозиции внутри партии, а еще в большей степени возмущения в народных массах. Но принципиально социал-демократы согласились на аграрные пошлины, сделав оговорку только о том, что они должны быть «умеренными»²⁶¹. Тактика руководства социал-демократической партии была такова: добиваться принятия закона о социальном страховании и этим получить в свои руки козырь перед парламентскими выборами, но в то же время найти пути для отсрочки решения вопроса об аграрных пошлинах.

Закон о социальном страховании требовал от буржуазии очень немногого и поэтому был принят без особых затруднений. Что же касается вопроса об аграрных пошлинах, то вокруг него споры шли в течение нескольких месяцев. Большие дебаты вызвал и поднятый католическими партиями вопрос об отношении церкви к государству. Социал-демократы и национальные социалисты выступили в качестве противников клерикализма, за отделение церкви от государства, преследуя этим демагогические цели. Бурно обсуждался в парламенте внесенный правительством проект бюджета на 1926 г. Дебаты разгорелись по всем основным линиям внутренней и внешней политики, обнаружив такие разногласия, которые свидетельствовали о том, что коалиция исчерпала все свои силы и зашла в тупик²⁶². Возник вопрос о роспуске Национального собрания и досрочном проведении новых выборов. При этом все партии правительственной коалиции рассчитывали на укрепление своих позиций и возрождение коалиционного режима на более широкой основе.

Прежде чем закрыть парламентскую сессию, коалиция добилась принятия нового избирательного закона, по которому значительно затруднилось проведение избирательной кампании оппозиционными партиями (сокращение срока предвыборной кампании, повышение числа голосов, необходимых для получения мандата, передача голосов партий, которые

²⁶¹ AUD KSC, 1925/213.

²⁶² «Těsnoписecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 11. zasedání, 375. schůze, 13.X 1925.

не собрали мандатного числа, правительственным партиям, увеличение расходов, связанных с опубликованием избирательных списков, и т. д.)²⁶³. Последним парламентским актом коалиционных партий было принятие 15 октября закона о больничном страховании государственных служащих²⁶⁴. Это было сделано исключительно в интересах предвыборной агитации. Законопроект, предложенный еще в 1921 г., не рассматривавшийся в течение более четырех лет, теперь утверждался за день до роспуска парламента, причем в урезанном виде.

Новые выборы в Национальное собрание состоялись 15 ноября 1925 г. Им предшествовала острая предвыборная политическая борьба, к которой партии правительственной коалиции готовились уже с лета 1925 г., хотя официально о сроке выборов было объявлено только за месяц до их проведения, а на выдвижение кандидатских списков было отведено всего две недели. Это было сделано в расчете на то, что оппозиционные партии, и прежде всего КПЧ, не сумеют в такой короткий срок развернуть достаточно широкую предвыборную агитацию.

Буржуазные партии правительственной коалиции в своих предвыборных манифестах восхваляли капиталистический строй и свою государственную деятельность и расточали демагогические обещания обеспечить в недалеком будущем «полное процветание страны». Сильнейшая партия коалиции — аграрная — в своей предвыборной программе, опубликованной 28 октября в газете «Венков», выдвинула лозунг «аграрной демократии» и «единого фронта всех земледельцев». Этот лозунг отвечал чаяниям аграрной буржуазии, стремившейся к усилению своих господствующих позиций в экономической и политической жизни страны, особенно в управлении государством. Свою заинтересованность в расширении привилегий для развития сельскохозяйственного производства и предпринимательства в политике аграрного протекционизма, проведения земельной реформы и т. п. аграрная буржуазия старалась представить нужной «всем землевладельцам», повторяя свой излюбленный девиз «деревня — одна семья»²⁶⁵. Национально-демократическая партия, выразительница интересов крупного чешского финансового и промышленного капитала, накануне выборов широко рекламировала свой «национальный» характер и призывала избирателей к «национальной солидарности» для создания в новом парламенте «твердого чехословацкого большинства», которое бы продолжало программу, начатую коалицией. В области внешней политики национально-демократическая партия развивала империалистические планы, выступая за создание сильной армии. Явно в целях демагогии она выдвигала и такие требования, как проведение налоговой реформы. Национал-демократы заявляли, что они считают неприкосновенной частную собственность и требуют полной свободы для «личного предпринимательства»²⁶⁶. Предвыборная программа чехословацкой народной католической партии (лидовцев) была проникнута реакционным духом клерикализма и апологетикой существующего капиталистического строя. Рассчитанная на отсталые слои средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, ремесленников, крестьян и некоторой части рабочих, эта программа призывала избирателей к «христианской солидарности» и проповедовала «божью справедливость», обещая социальные реформы в интересах всех слоев народа. Лидовцы

²⁶³ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 11. zasedání, 375. schůze, 13.X 1925.

²⁶⁴ «Těsnopisecké zprávy... PS NSRČ», I. volební období, 11. zasedání, 378. schůze, 15.X 1925.

²⁶⁵ AKPR. P.Č, 1925 г., 22. zpr.

²⁶⁶ «Národní listy», 18.X 1925.

требовали полной свободы и широких привилегий для католической церкви, невмешательства государства в церковные дела²⁶⁷.

Предвыборные манифесты входивших в коалицию социал-соглашательских партий — социалистической и социал-демократической — всячески восхваляли капиталистический строй, буржуазную республику и ее президента Масарика, умалчивая о подлинном содержании антинародной политики, проводимой буржуазным правительством. Эти партии объявляли себя защитницами интересов трудящихся, прежде всего пролетариата. Обе социалистические партии ставили себе в заслугу «позитивную государственную работу», которую они якобы выполнили за 7 лет участия в правительстве, и выражали готовность продолжать свое сотрудничество в правительственной коалиции «в интересах рабочих»²⁶⁸. Выступая перед рабочими с реформистской программой сотрудничества с буржуазией и отказа от классовой борьбы, правые социал-демократы всю остроту своей предвыборной борьбы направили против коммунистической партии. В секретной инструкции исполкома социал-демократической партии, разосланной местным организациям, предписывалось мобилизовать все для активного ведения избирательной борьбы, для противодействия тем мероприятиям, которые будет проводить коммунистическая партия²⁶⁹.

Предвыборная агитация партий правительственной коалиции, в том числе социал-демократической и социалистической, щедро субсидировалась финансовой, промышленной и аграрной буржуазией. Так, например, Союз чехословацких предпринимателей текстильной промышленности обязал каждую из своих фирм отчислить на нужды предвыборной деятельности правительственных партий не менее 5 тыс. крон. Подобные взносы делались фабрикантами и других отраслей промышленности, банками, различными корпорациями капиталистов²⁷⁰. Таким образом создавались миллионные «избирательные фонды» правительственных партий, что являлось красноречивым свидетельством продажности всей государственной системы буржуазной Чехословацкой республики.

Активную предвыборную деятельность развернули и буржуазные партии, находившиеся в оппозиции.

Чехословацкая живнostenская (торгово-ремесленная) партия критиковала политику правительственной коалиции с позиций средней и мелкой буржуазии. В своей избирательной программе она выступила против всемогущества крупного капитала и потребовала от государства всесторонней поддержки средних слоев промышленников, торговцев, ремесленников. В то же время живнostenская партия давала понять, что она не прочь превратиться из оппозиционной партии в правительственную и сотрудничать вместе с другими чешскими буржуазными партиями²⁷¹.

О своем участии в выборах заявила и так называемая национальная партия труда, выделившаяся из национально-демократической партии почти перед самыми выборами. Эта партия, организованная одним из прежних лидеров национально-демократической партии Странским, впитала в себя и оппозиционные элементы (главным образом из среды интеллигенции и чиновников) из других чешских буржуазных партий, недовольные действиями дискредитировавшей себя правительственной коалиции.

Новая партия провозгласила своей программой борьбу за «прогресс» и «чистоту» государственной жизни, понимая под этим совершенствование

²⁶⁷ «Lidový cisty», 28.X 1925.

²⁶⁸ «Právo lidu», 25.X 1925; «České slovo», 25.X 1925.

²⁶⁹ AUD KSC, 1925/213.

²⁷⁰ «Rudé právo», 27.X 1925.

²⁷¹ AKPR. Pzsc, 1925 г., 22. zpr.

буржуазного государственного аппарата и методов управления, а в области экономической — «научную организацию» капиталистического производства»²⁷². В программе содержалось требование улучшения экономического положения государственных чиновников, свободы религиозных убеждений и отделения церкви от государства и т. д. Во внешней политике партия выступала за признание СССР.

Выдвигая такой пункт в своей предвыборной программе, она прежде всего исходила из экономической заинтересованности определенных буржуазных кругов, а также преследовала демагогические цели, стремясь подчинить своему влиянию средние слои населения страны. По своему политическому направлению новая партия была буржуазно-реформистской. Она сразу объявила себя противницей коммунизма и одобрила действия руководства социал-демократической партии, отрешившегося от революционной борьбы и ставшего на путь сотрудничества с буржуазией.

В Словакии наиболее активную предвыборную деятельность развила словацкая народная католическая партия Глинки (людовцы), представлявшая интересы католического духовенства, связанного с крупным церковным землевладением, а также националистические круги словацкой буржуазии, ведшие конкурентную борьбу с чешским капиталом. В программе этой партии, повторявшей во многом реакционно-клерикальную программу чешской народной католической партии, на первый план выдвигался лозунг национальной автономии Словакии. Этим людовцы умело использовали законное недовольство трудящихся масс и средних слоев населения Словакии национальным гнетом, а также религиозные предрассудки словацкого крестьянства. Для привлечения на свою сторону широких масс людовцы включили в свою предвыборную программу наряду с лозунгом национальной автономии требования замещения должностей в государственных учреждениях на территории Словакии исключительно словаками, строительства новых фабрик и предоставления работы всем словацким безработным, снижения налогов, справедливого проведения земельной реформы, борьбы против коррупции и т. п.²⁷³ Многие требования в предвыборной программе людовцев имели исключительно демагогический характер, так как в действительности националистические круги словацкой буржуазии стремились лишь к осуществлению своих сепаратистских планов и отстаивали свое исключительное право на эксплуатацию словацких трудящихся.

К парламентским выборам готовились и многие другие партии национальной буржуазии: словацкой, немецкой, венгерской, украинской, польской. По своему классовому содержанию их программы мало чем отличались от программ чешских буржуазных партий, но они были проникнуты духом буржуазного национализма. Именно национализм и ставил эти партии в положение оппозиции к коалиции чешских буржуазных и социалистических партий.

Надо сказать, что к этому времени некоторые из буржуазных партий национальных меньшинств, и прежде всего немецкие буржуазные партии — немецкий союз земледельцев (немецкие аграрии), немецкая живнostenская партия, немецкая христианско-социальная партия (немецкие католики) и др., — склонялись к тому, чтобы от оппозиции перейти к «активизму», т. е. к сотрудничеству с чешскими буржуазными партиями. Это объяснялось тем, что определенные группировки немецкой буржуазии, вынужденные признать господствующее положение чешского монополистического

²⁷² «Národní práce», 5.XI 1925.

²⁷³ AUD KSS, 7850/74.

капитала, уже настолько были связаны своими экономическими интересами с чешской буржуазией, что считали для себя более выгодным сотрудничество с ней в правительственной коалиции. «Активистские» настроения стали проявляться и в немецкой социал-демократической партии, которая до этого выступала с довольно резкой критикой по адресу правительства.

Буржуазным и социал-соглашательским партиям, как правительственным, так и оппозиционным, на выборах противостояла коммунистическая партия. Коммунисты не питали иллюзий относительно буржуазного парламента, представлявшего собой демократическую ширму классового господства буржуазии. Они не возлагали надежд на решение в парламенте коренных социальных вопросов, зная, что «буржуазный парламент — чужое учреждение, орудие угнетения пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства»²⁷⁴. Коммунистическая партия шла на выборы, руководствуясь необходимостью использования предвыборной кампании и парламентской трибуны для революционной агитации и для разоблачения буржуазии. В Чехословакии, как и в других капиталистических странах, отсталые слои трудящихся верили в то, что парламент является истинным представителем народа. Чтобы разрушить эту наивную веру трудящихся в буржуазный парламентаризм, коммунисты должны были не отказываться от участия в парламенте, а идти в него и там разоблачать маневры буржуазных и социал-соглашательских партий, показывая обманутым массам истинное лицо буржуазного парламента.

«Пока сколько-нибудь значительное число трудящихся — не только пролетариев, но также и полупролетариев и мелких крестьян — доверяют еще буржуазно-демократическим орудиям обмана рабочих буржуазией, — писал В. И. Ленин австрийским коммунистам в 1920 г., — мы должны разъяснять обман именно с той трибуны, которую отсталые слои рабочих и в особенности непролетарской трудящейся массы считают наиболее существенной, наиболее авторитетной»²⁷⁵.

Парламент в буржуазном государстве представляет собой арену классовой борьбы²⁷⁶. Однако революционная партия, учил В. И. Ленин, не может ограничиваться борьбой внутри парламента. «...Ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента, или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата»²⁷⁷. Участвуя в парламенте и ведя с парламентской трибуны борьбу со своими политическими противниками, революционная партия рабочего класса должна исходить из того, что центр тяжести революционного движения лежит в массовой борьбе. Партия должна уделять главное внимание организации революционных выступлений вне парламента, спланировать вокруг рабочего класса трудящиеся массы для борьбы против господства буржуазии.

Эти ленинские указания о необходимости использования коммунистическими партиями парламентской трибуны в интересах классовой борьбы пролетариата, о сочетании парламентской деятельности с массовой революционной работой вне парламента нашли отражение в решении II конгресса Коминтерна²⁷⁸ и были руководящими для Коммунистической партии Чехословакии во время подготовки к предстоящим выборам в Национальное собрание республики.

²⁷⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 227.

²⁷⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 243.

²⁷⁶ Там же, стр. 231.

²⁷⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 248.

²⁷⁸ «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932», М., 1933, стр. 94—95, 113—120.

В период предвыборной кампании КПЧ развернула широкую агитацию в массах, разоблачая антинародную политику, проводившуюся в течение 7 лет правительственной коалицией чешских буржуазных и социал-соглашательских партий. В предвыборном обращении КПЧ к рабочим, крестьянам, солдатам, мелким служащим и ремесленникам, опубликованном в газете «Руде право» за месяц до выборов²⁷⁹, было показано, как, пользуясь методами социального, политического и национального угнетения, господствующие классы, составляющие ничтожное меньшинство населения, попирают интересы подавляющего большинства и за его счет укрепляют свое господство. Коммунистическая партия в своем предвыборном обращении заклеймила колонизаторскую угнетательскую политику чешской буржуазии по отношению к нечешским народам. В обращении подчеркивалось, что национальная буржуазия нечешских народов (немецкая, словацкая, венгерская, украинская) всегда выступает солидарно с буржуазией господствующей нации, когда речь идет о борьбе против трудящихся и защите интересов господствующих классов, а что касается правых немецких, словацких, венгерских, украинских социал-демократов, то они не менее усердно, чем чешские правые социал-демократы и социалисты, сотрудничают со своей национальной буржуазией. Партия разъясняла трудящимся, что только свержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата принесет трудящимся экономическое, политическое и национальное освобождение. В качестве ближайших задач компартия выдвигала борьбу за единство профсоюзного движения и создание единого революционного фронта трудящихся. Одной из своих важных задач компартия считала организацию масс на борьбу против империалистических планов буржуазии, против антисоветской внешней политики правительства.

Идя на выборы, коммунистическая партия выдвинула программу конкретных требований, отвечавших важнейшим жизненным интересам широких слоев трудящихся. Для рабочих КПЧ требовала: строгого соблюдения закона о 8-часовом рабочем дне, достаточной заработной платы, принятия мер против массовых увольнений и произвола предпринимателей, борьбы с безработицей и обеспечения достаточными пособиями всех безработных за счет государства, рабочего контроля над производством, расширения социального страхования, защиты женщин и молодежи от капиталистической эксплуатации; для трудящихся крестьян: защиты от ограбления их крупными аграриями, капиталистами и банками, снижения налогов, конфискации крупных поместий и раздела их между мелкими крестьянами. В интересах как рабочих, так и непролетарских трудовых слоев выдвигались требования облегчения налогового бремени и перенесения его тяжести на плечи богатей, принятия мер для устранения жилищного кризиса и охраны прав квартиросъемщиков, борьбы с дороговизной и спекуляцией, контроля трудящихся над производством, торговлей, банками и т. д. Кроме этих экономических требований, КПЧ выступила с лозунгами борьбы против национального гнета во всех его проявлениях, против реакции в политической жизни, за отмену всех чрезвычайных законов, за освобождение из тюрем политических заключенных, за действительную свободу слова, собраний, печати. Коммунистическая партия призывала рабочих, крестьян, средние слои города и деревни выступить на выборах с поддержкой этой программы, против господства коалиции буржуазных и соглашательских партий, против всяких буржуазных правительств, за власть рабочих и крестьян.

²⁷⁹ «Rudé právo», 18.X 1925.

В своей предвыборной агитации коммунисты на конкретных фактах и примерах разоблачали антинародную политику как правящих, так и оппозиционных буржуазных партий всех национальностей. Выступая перед рабочими на фабриках и заводах, коммунисты осуждали предательство соглашательских партий, срывавших единство действий в борьбе за жизненные интересы рабочего класса.

Коммунистическая партия старалась пробудить политическую активность среди широких рабочих масс, в том числе среди женщин-работниц и жен рабочих. «...Женщины матери, женщины работницы, женщины домашние хозяйки, предъявите свой счет лживой и продажной коалиции, — говорилось в листовке КПЧ к трудящимся женщинам. — Каждая женщина и мать, которая хочет обеспечить лучшее будущее своим детям, будет и дальше бороться рядом со своим мужем за устранение не только коалиции, но всей капиталистической системы, чтобы по примеру своих русских подруг вместе завоевать справедливую власть рабочих и бедных крестьян...».

Агитационная работа велась коммунистами и в деревне. Большие отклики среди трудящихся крестьян вызвало обращение, подписанное представителями «Союзов домкаржей и малорольников» — Марекон Чуленом из Бродского в Словакии, Иваном Локотой из Великого Бычкова в Закарпатской Украине и др.²⁸⁰⁻²⁸¹

В этом обращении разоблачалась политика аграрной партии, обманувшей крестьян обещаниями земельной реформы, выдвигались насущные требования трудовых слоев деревни, за которые крестьяне должны бороться в союзе с рабочим классом. Трудящиеся крестьяне призывались голосовать на выборах за список КПЧ. «Кого боятся паны, того изберут бедняки. Все на борьбу против налогов и экзекуций! Все на борьбу за требование: земля крестьянам... Сообща с рабочими, которые терпят нужду так же, как и мы, завоюем для себя наши права. Рабочие помогут нам, мы им. Крестьяне и рабочие, объединяйтесь!»²⁸² С призывом голосовать на выборах за кандидатский список КПЧ обратились к крестьянам, входившим в массовые организации аграрной партии, домкаржи и малоземельные крестьяне из «Домовины» в с. Тополне (округ Угерске-Градиште), которые на собственном опыте убедились в обмане аграриев и в том, что единственной партией, защищающей интересы трудового крестьянства, является партия коммунистов. В обращении беднейших крестьян из с. Тополне ко всем членам «Домовин» писалось: «...Республика принадлежит крестьянам, рабочим и всем, кто честно трудится... Да здравствует единый фронт крестьян и рабочих! Да здравствует рабоче-крестьянская республика в Чехословакии! Уходите от тех, которые кормили вас только обещаниями, лгали вам, надували вас и предавали. Голоса всех честных трудящихся людей принадлежат коммунистической партии»²⁸³.

Агитаторы КПЧ вели работу и среди солдат чехословацкой армии. В листовках, распространявшихся нелегально в воинских частях, коммунисты напоминали солдатам, что и в военной форме большинство из них остается представителями рабочего класса и трудового крестьянства и что поэтому их долг — быть солидарными со своими братьями по классу в их борьбе против капиталистического гнета и империалистической реакции. В листовках говорилось, что, голосуя на выборах против буржуазных и соглашательских партий за кандидатов коммунистической партии, солдаты

²⁸⁰⁻²⁸¹ AUD KSC, 1925/97.

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же.

тем самым выступают против всей грабительской капиталистической системы, а значит и «против капиталистической военной системы, против реакционных стремлений генералитета и высших офицеров и вообще против капиталистической реакции, которая прилагает усилия к тому, чтобы лишить солдат гражданских прав (избирательного права) и сделать из них слепое орудие для осуществления своих... реакционных планов порабощения народа»²⁸⁴.

Подготовка к выборам в Национальное собрание была первой массовой кампанией, проведенной КПЧ после ликвидации внутривластного кризиса, и она показала, что партия вышла из кризиса окрепшей, способной активизировать свою работу в массах. За месяц избирательной кампании компартией было проведено около 5 тыс. собраний среди рабочих, молодежи, женщин, трудящихся крестьян, мелких ремесленников, государственных служащих, солдат. Только в последнее воскресенье перед выборами, 8 ноября, компартия организовала свыше тысячи собраний, посвятив их также 8-й годовщине Октябрьской революции и успехам Советской страны.

Правительство делало все возможное, чтобы затруднить КПЧ проведение избирательной кампании и противодействовать растущему влиянию коммунистической партии среди трудящихся. Накануне выборов полицейские власти инспирировали судебные процессы по обвинению коммунистов в «государственной измене», арестовали сотни партийных активистов. Секретарь ЦК КПЧ А. Запотоцкий был заочно приговорен к 9-месячному тюремному заключению и вынужден был перейти на нелегальное положение. В ряде районов страны, особенно в Словакии и на Закарпатской Украине, коммунистической партии приходилось вести предвыборную агитацию в условиях жестокого полицейского террора. Собрания, назначаемые КПЧ, запрещались властями, жандармы срывали плакаты, расклеенные коммунистами, конфисковывали листовки, предвыборное обращение КПЧ. Правительственные партии, и прежде всего аграрии, в широких размерах использовали подкуп избирателей. Газета «Руде право» сообщала о таком факте. В Раховском округе на Закарпатье было объявлено, что каждый, кто согласится вступить в аграрную партию и агитировать за нее на выборах, получает право купить у государственного лесного управления до 2000 м³ дерева за половинную цену²⁸⁵. Приверженцы аграрной партии получали также земельные участки. Пользуясь своим влиянием в органах управления, аграрии требовали отпуска сельских представительств и смены старост в тех селах, где, как это показали парламентские выборы, проходившие на Закарпатье в 1924 г., коммунисты имели особенно большое влияние. Так, было распущено избранное населением представительство в с. Ясеня Раховского округа, где старостой был коммунист Борканюк²⁸⁶.

Против коммунистической партии правительство использовало также подрывную деятельность бубниковцев — оппортунистических элементов, изгнанных из рядов КПЧ.

Но все это не помогло правительственной коалиции. Она потерпела на выборах поражение. В первом туре голосования она не получила большинства и спасла свое положение только при помощи принятого за месяц до выборов нового избирательного закона, позволившего ей в третьем туре присвоить 10 мандатов оппозиционных партий. Но и это дало ей, по

²⁸⁴ AUD KSS, 13220/55.

²⁸⁵ «Rudé právo», 14.X 1925.

²⁸⁶ Там же.

сравнению с оппозицией, большинство всего в 5 голосов, которое, естественно, не могло обеспечить коалиции прочного положения²⁸⁷. Значительного успеха из партий коалиции добились лишь аграрии, использовав свое влияние в деревне и свое главенствующее положение в государственном аппарате. Большое поражение понесла национально-демократическая партия, потерявшая половину своих избирателей. Еще больший урон потерпела социал-демократическая партия.

Из буржуазных партий, находившихся в оппозиции, в районах с немецким населением наибольшее количество голосов получили немецкие аграрии и католики. Они оказались значительно более влиятельными, чем крайне националистические партии немецкой буржуазии. Немецкая социал-демократическая партия из выборов вышла ослабленной.

Большое поражение потерпели партии правительственной коалиции в Словакии, где они не собрали и 30 % голосов. Наибольшего успеха в Словакии добилась словацкая народная католическая партия (людовцы), широко использовавшая в своей предвыборной агитации лозунг борьбы за национальную автономию.

Одним из самых важных результатов выборов, состоявшихся в 1925 г., был успех, достигнутый коммунистической партией. Даже при тех крайне неблагоприятных условиях, в которых ей пришлось проводить избирательную кампанию, КПЧ вышла на второе место среди всех партий, участвовавших на выборах. Она собрала 933 711 голосов²⁸⁸, всего на 36 787 голосов меньше аграриев, которые использовали все преимущества самой сильной правящей партии и, кроме того, присвоили себе немалое количество голосов путем фальсификации результатов выборов. По числу полученных на выборах голосов коммунисты должны были иметь в парламенте 40 мандатов (вместо прежних 19)²⁸⁹. Это была большая победа КПЧ, которая впервые выступала на выборах в Национальное собрание как самостоятельная партия²⁹⁰⁻²⁹¹. Оценивая результаты парламентских выборов, А. Запотоцкий в докладе на конференции КПЧ в январе 1926 г. говорил: «Результат избирательной борьбы для КПЧ, если его рассматривать в общем, вполне удовлетворительный и почетный. Мы доказали, что мы действительно являемся массовой революционной партией, которая концентрирует вокруг своих крепких революционных организаторских кадров большие массы терпящего нужду трудящегося населения городов и деревни».

Попытка бубниковцев, объединившихся после изгнания из КПЧ в так называемую «независимую коммунистическую партию», самостоятельно выступить на выборах окончилась полным провалом. Они с трудом собрали по всей республике 7854 голоса, т. е. всего лишь 0,1 % общего числа голосов²⁹². Потерпев такое поражение, «независимая коммунистическая партия» вскоре после выборов прекратила свое существование и волилась в чехословацкую социал-демократическую партию²⁹³, окончательно скатившись в болото оппортунизма.

Парламентские выборы в ноябре 1925 г. показали, что КПЧ твердо стала на путь завоевания решающего влияния на широкие массы промыш-

²⁸⁷ Партии коалиции имели в новом составе Национального собрания 146 мандатов, а оппозиционные партии — 141 («Komunistická revue», 1925, № 23, str. 692—698).

²⁸⁸ «Zprávy státního úřadu statistického republiky Československe» (далее — ZSUS). R. VI (1925), č. 123.

²⁸⁹ «Rudé právo», 17.XI 1925.

²⁹⁰⁻²⁹¹ На предыдущих выборах в 1920 г. коммунисты выступали с общим списком социал-демократической партии.

²⁹² «ZSUS...», R. VI (1925), č. 123.

²⁹³ AKPR. PzсC, 1925 г., 25. згр.

ленного пролетариата и трудящегося крестьянства. В среднем партия получила на выборах по всей республике 13,1% голосов. Из всех 22 избирательных округов самый высокий процент голосов был получен КПЧ на Закарпатской Украине (30,8%)²⁹⁴. Количество голосов, большее 13%, получили коммунисты еще в восьми избирательных округах: Праге (15,4%), Младе Болеславе (15,2%), Лоуне (21,1%), Угерске-Градиште (16%), Трнаве (13,7%), Нове Замки (20%), Липтовском Микулаше (13,4%) и Кошице (20,8%). В ряде крупных промышленных районов КПЧ завоевала более 1/3 голосов. Так, коммунисты получили в Праге-Смихове 39,3% голосов, в Праге-Карлине — 34,7%, в Кладне — 42,2%, в Сланах — 46,6%, в Ружомберке — 35,2%²⁹⁵⁻²⁹⁶.

Большое значение имели успехи КПЧ на выборах в тех промышленных центрах, которые долгое время считались опорными пунктами социал-реформистов, в частности в Остраве. Политическое управление Моравско-Силезской жупы в своем официальном отчете в Прагу вынуждено было признать, что результаты выборов явились для него «несколько неожиданными», что «коммунистическая партия... вышла из выборов значительно более сильной, чем все другие политические партии...», а «чехословацкая социал-демократическая партия понесла в остравско-карвинском округе самые большие потери»²⁹⁷⁻²⁹⁸. Хотя по всему избирательному округу Моравской Остравы КПЧ получила в среднем всего 11,9% голосов, в некоторых районах Остравской области коммунисты добились большого успеха, собрав 31% голосов в Силезской Остраве, 30,4% в Фриштате, 22,7% в Яблункове, 22,4% в Богумине, 20,9% в Фридеке.

Вместе с тем выборы показали, что значительная часть чехословацкого пролетариата все еще шла за реформистскими партиями. Из общего числа голосов, полученных на выборах коммунистической и социалистическими партиями, КПЧ принадлежало 36%, чехословацкой социал-демократической партии 24%, чехословацкой социалистической 24% и немецкой социал-демократической 16%. Эти сравнительные данные показывают, что КПЧ, бесспорно, оказалась самой влиятельной, однако нельзя не считаться с тем фактом, что три названные социал-реформистские партии в общей сложности получили 64% голосов. В некоторых промышленных центрах (например, Пльзене, Чешске Липе, Карловых Варах) социал-реформисты сохраняли преобладающее влияние. Кроме того, часть рабочих голосов (не менее 10% от общего числа участвовавших в выборах промышленных рабочих) была отдана буржуазным партиям, в частности клерикальным²⁹⁹. Из этих фактов Коммунистическая партия Чехословакии должна была сделать практические выводы — закрепить успехи, достигнутые на выборах, и усилить борьбу за завоевание на свою сторону рабочих масс, за высвобождение их из-под реформистского влияния.

Что касается крестьянских масс, то тут перед КПЧ стояли еще более трудные задачи, так как позиции аграрной и клерикальных партий в деревне все еще были очень сильные, а сама коммунистическая партия только начинала приобретать опыт массовой работы среди крестьянства.

Сразу после выборов коммунистическая партия обратилась к трудя-

²⁹⁴ Некоторое уменьшение количества голосов, полученных КПЧ на Закарпатской Украине, по сравнению с парламентскими выборами 1924 г. крайком КПЧ объяснял исключительно сильным полицейским террором и грубой фальсификацией властями результатов выборов путем извлечения из избирательных урн бюллетеней, поданных за КПЧ, и замены их бюллетенями с номером списка аграрной партии.

²⁹⁵⁻²⁹⁶ «ZSUS...», R. VI (1925), č. 123.

²⁹⁷⁻²⁹⁸ AKPR. PzS, 1925 г., 25, згр.

²⁹⁹ Б. Шмераль. Компартия Чехословакии (к итогам парламентских выборов 1925 г.).

щимся республики с призывом не полагаться на буржуазный парламент, а создавать единый боевой фронт всех трудящихся Чехословакии для борьбы против господства буржуазии, за улучшение жизненного положения и расширение политических прав трудящихся. «Настоящая сила трудового народа города и деревни, — говорилось в обращении КПЧ, — находится вне парламента и заключается в его огромной численности, в его организованности, в его единстве и решимости к борьбе. Чем с большим единством и с большей решительностью мы применим эту силу, чем сильнее будет давление извне, тем большего мы достигнем для трудового народа...»³⁰⁰

Парламентские выборы 1925 г. происходили в условиях напряженной политической борьбы. Эта борьба отражала прежде всего обострение классовых противоречий в стране в процессе развития капиталистической стабилизации. Результаты выборов показали, что антинародная политика правящих партий правительственной коалиции вызывает все большее недовольство в массах. Расчеты коалиции на то, что путем досрочного проведения парламентских выборов можно будет укрепить существующий правительственный режим, не оправдались. Парламентские выборы не только не разрешили внутривнутриполитического кризиса в Чехословакии, а, наоборот, привели к еще более острому и открытому его проявлению.

Развитие и углубление этого кризиса в последующие месяцы привели к полному развалу так называемой общенациональной правительственной коалиции. Эта коалиция, как известно, держалась на сотрудничестве чешских буржуазных и социал-соглашательских партий. Однако после парламентских выборов 1925 г., отразивших существенные сдвиги в расстановке политических сил в Чехословакии, и прежде всего рост влияния коммунистической партии и ослабление позиций социал-реформизма, продолжение такого сотрудничества в прежних формах становилось невозможным. Социал-соглашательские партии из боязни окончательно утратить свое влияние в массах не могли больше открыто поддерживать антинародные реакционные мероприятия и оставаться в правительстве. К тому же в создавшейся обстановке их участие в правительстве становилось для буржуазии малополезным. Чешская буржуазия вынуждена была искать другие пути для расширения политической базы своего господства. Выход из затянувшегося политического кризиса был найден в создании осенью 1926 г. так называемой «панской» коалиции, объединившей в правительстве представителей капиталистов и помещиков всех национальностей. Путем консолидации всех своих политических сил и создания правительства «панской» коалиции чехословацкая буржуазия стремилась преодолеть те большие трудности, с которыми ей пришлось столкнуться в процессе стабилизации капиталистического строя, и добиться дальнейшего упрочения своего классового господства.

* * *

Анализ политической обстановки в Чехословакии в 1924—1925 гг. показывает, что развитие частичной стабилизации капитализма и методы, которыми чехословацкая буржуазия стремилась упрочить и расширить свое экономическое и политическое господство, неизбежно должны были привести и привели к обострению классовых противоречий в стране. Результатом этого явилось нарастание массового движения протеста против наступления буржуазии на экономические права трудящихся, борьба пролетариата против капиталистической стабилизации.

³⁰⁰ AUD KSC, 1925/185.

И. И. Костюшко

К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х ГОДОВ XIX В.

Вопросы крестьянского движения в Царстве Польском во второй половине 40-х годов XIX в. рассматриваются в работе Г. Гринвасера «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Царстве Польском в первой половине XIX в.», являющейся основным исследованием данной проблемы, и в работах других польских историков¹. Однако крестьянское движение этих лет изучено недостаточно. Документальные материалы, хранящиеся в архивах СССР, позволяют полнее и шире представить некоторые аспекты этой проблемы.

В 30—40-х годах XIX в. в Царстве Польском усилился процесс разложения феодальных отношений и развития капитализма. Господствующая в деревне феодальная система хозяйства переживала глубокий кризис и постепенно уступала место новому способу производства, основанному на наемном труде. Помещичье фольварочное хозяйство по мере роста применения в нем наемного труда превращалось в капиталистическое хозяйство.

Развитие торгового и капиталистического земледелия в условиях существования феодальных отношений резко ухудшало положение широких масс крестьянства. Помещики, стремясь расширить фольварочное хозяйство и увеличить свои доходы, присоединяли крестьянские земли к фольваркам, увеличивали барщину и другие повинности, широко применяли так называемые принудительные наймы. Они использовали находившуюся в их руках низшую административную и судебную власть для ограничения личной свободы крестьян и усиления их эксплуатации. Вместе с тем росли и повинности крестьян в пользу государства — прямые и косвенные налоги, другие сборы².

¹ Н. Гринвасер. *Kwestia agrarna i ruch włościan w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku*. Warszawa, 1935; Н. Гринвасер. *Pisma*. Т. II. Wrocław, 1951; Cz. Wycech. *Z dziejów chłopskich walk o społeczne wyzwolenie*. Warszawa, 1949 и др.

² Эти вопросы обстоятельно освещаются в работах: St. Kieniewicz. *Spawa włościańska w powstaniu Styczniowym*. Wrocław, 1953; E. Halicz. *Kwestia chłopska w Królestwie Polskim w dobie powstania styczniowego*. Warszawa, 1955; St. Sreniowski. *Uwłaszczenie chłopów w Polsce*. Warszawa, 1956; I. Willaume. *Z dziejów wsi lubelskiej przed uwłaszczeniem*. — «*Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska*», vol. X. Lublin, 1958; И. И. Костюшко. Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. X, 1954, и др.

Крестьяне в разных формах вели борьбу против феодальных порядков. В 30—начале 40-х годов крестьянское движение, имевшее стихийный и в основном локальный характер, заметно усилилось. Крестьяне несвоевременно и плохо выполняли повинности в пользу помещиков и казны; следствием этого была крайне низкая производительность барщинного труда; работая в помещичьем хозяйстве, они часто действовали во вред помещикам. Крестьяне обращались к властям и помещикам с просьбами об уменьшении повинностей, очиншевании, наделении землей и т. п.; жаловались на угнетение их и произвол помещиков, управляющих имениями, арендаторов и местных властей³; пытались безуспешно защитить свои права в судах; бежали или переселялись в другие места, рассчитывая найти там более сносные условия жизни; отказывались выполнять барщину, платить чинши, окуп и подати⁴; сопротивлялись передаче прав войтов арендаторам казенных фольварков, проводимому властями и помещиками землеустройству, при котором уменьшались наделы крестьян и увеличивались их повинности; поджигали помещичьи дворы и постройки, убивали ненавистных им угнетателей.

Они уклонялись от рекрутского набора и службы в царской армии. В письме, отправленном Николаю I 25 июля (6 августа) 1834 г., Паскевич сообщал, что рекруты в Краковском и Августовском воеводствах разбежались⁵. Среди бежавших рекрутов было, по-видимому, немало и крестьян. Происходили побег конскриптов во время второго рекрутского набора в 1836 г.⁶ В апреле 1841 г. 80 солдат с оружием в руках ушли в Пруссию⁷. В том же году крестьянин гмины Гостонь Конинского повета Петр Ховарзинский, как доносил войт гмины, подговаривал конскриптов к побегу за границу, за что и был арестован⁸. В 1845 г. бежал от рекрутского набора в Галицию крестьянин дер. Станиславице Меховского повета Юзеф Недела⁹.

Иногда крестьяне открыто выражали свое враждебное отношение к царю и царским властям. Солтыс дер. Чахи Ломжинского повета Людвик Шлесинский обзывал царя бранными словами («мошенник», «собачья кровь» и т. п.)¹⁰. В 1844 г. крестьянин дер. Дымина Келецкого повета Станислав Ковальчик говорил: «Когда бы было возмущение, то каждый крестьянин зарезал бы квартирующего у него солдата», а в 1845 г. он несколько раз произносил «дерзкие слова против царя»¹¹.

Враждебное отношение крестьян к своим угнетателям и стремление их к уничтожению феодального строя ярко проявились в деятельности

³ В отчете по управлению Царством Польским за 1842 г., в частности, говорится: «Чаще всего споры встречались в имениях, проданных казною частным лицам, где крестьяне пользовались разными привилегиями» (ЦГИАЛ., ф. 1018, оп. 10, д. 14, л. 2). О спорах колонистов с помещиками сообщается в отчете за 1845 г. (там же, л. 3).

⁴ О двух случаях неповиновения крестьян сообщается в письме Паскевича царю: 14 (26) января 1833 г. он писал, что посланный для усмирения крестьян жандарм был избит ими (там же, оп. 5, д. 586, л. 1); в декабре же 1840 г. доносил о посылке роты солдат в Августовскую губернию для приведения в повиновение крестьян (там же, оп. 6, д. 54, л. 3).

⁵ ЦГИАЛ., ф. 1018, оп. 5, д. 613, л. 1.

⁶ Кн. Шербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. V. СПб., 1896, стр. 174.

⁷ Там же, стр. 262.

⁸ ЦГИАМ., ф. 109, оп. 19, д. л. А. 247, ч. 60, л. 30.

⁹ Там же, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 473—474.

¹⁰ Там же, л. 66; донесение начальника 3-го округа корпуса жандармов Нессельроде шефу жандармов Орлову 16 (28) июня 1844 г.

¹¹ Там же, л. 290.

организации «Люд польский» и крестьянской организации Петра Сцегенного. Эдвард Дембовский, Петр Сцегенный и другие передовые демократы сформулировали революционно-демократическую программу по крестьянскому вопросу. Эта программа предусматривала радикальное уничтожение феодальных отношений: ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земли в собственность народа, т. е. тех, кто ее обрабатывает. Революционные демократы, распространяя свои идеи среди народных масс, создавая подпольные организации из крестьян и ремесленников, сыграли важную роль в развитии крестьянского движения.

Крестьянское движение, идеи революционных демократов оказали влияние на формирование программы шляхетских и буржуазных демократов по аграрному вопросу. Ведя борьбу за национальную независимость и стремясь привлечь крестьян к участию в готовящемся восстании, демократы не могли не считаться с их чаяниями, требованиями и признавали необходимым проведение ряда демократических преобразований. Они высказывались за передачу крестьянам в собственность земли, находившейся в их пользовании, без всякого вознаграждения помещиков. Что же касается помещичьей фольварочной земли, то, по их мнению, она должна была остаться неприкосновенной собственностью ее владельцев. Демократы, отмечая противоречия, существовавшие между крестьянами и помещиками, и отрицательное отношение шляхты к социальным реформам, считали возможным, в случае сопротивления помещиков осуществлению предлагаемой ими меры, применения к ним насилия в рамках законности, которая будет установлена повстанческим правительством. Но, оставаясь на позициях классовой солидарности, они призывали помещиков пойти на уступки крестьянству, а крестьян — к примирению с помещиками, к совместным действиям в национально-освободительном движении.

Волнения крестьян вызвали серьезное беспокойство у помещиков и властей. Свирепо подавляя малейшие проявления крестьянского движения, помещики и власти вынуждены были принимать некоторые меры по переустройству аграрных отношений. Проводилось, хотя и крайне медленно, очиншивание крестьян казенных и частных имений, причем условия его были часто очень тяжелые. Царское правительство интересовалось вопросом очиншивания крестьян частных имений и по политическим соображениям. В записке, датированной 1841 г., говорилось: «Другое средство было бы очиншивание поселян и в частных имениях; таким образом они по возможности были бы в меньшей зависимости от помещика и более привязаны сею благодетельной мерою к правительству»¹². Вследствие постоянных жалоб казенных крестьян власти в 1842 г. назначили особых чиновников для надзора за действиями арендаторов¹³. Правительство пыталось ограничить сгон крестьян с земли; в феврале 1843 г. по этому поводу правительственная комиссия внутренних дел издала циркуляр, однако он не был практически выполнен¹⁴.

Тяжелое положение крестьян в середине 40-х годов еще более усугубилось неурожаями, следовавшими за ними голодовками и эпидемиями.

В феврале 1846 г. началось восстание в Краковской республике и волнения крестьян в Галиции. Сведения о них быстро дошли до крестьян пограничных поватов Царства Польского. Крестьяне деревень, расположенных вблизи границы, сами могли видеть действия повстанцев и крестьян в Галиции. Прибывшие в Царство Польское жители из Краковской респу-

¹² ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 4, д. 91, л. 5.

¹³ «Московские ведомости», 24.VI 1848.

¹⁴ H. Grynwaser. Указ, соч., т. II, стр. 104—105.

блики и Галиции рассказывали о имевших место там происшествиях. По сообщению бургомистра Енджеева, галицийские крестьяне, занимавшиеся перевозкой по реке соли и других продуктов, возвращаясь из Влоцлавка, говорили местным крестьянам: «Мы перерезали наших господ и теперь сделались сами господами и имеем собственные наши земли и много денег». Эти сведения быстро распространились в Келецком и Меховском поветах¹⁵.

Восстание в Краковской республике, крестьянское движение в Галиции и попытки участников тайной организации поднять восстание в некоторых местах Царства Польского произвели сильное впечатление на его жителей¹⁶. Как сообщается в докладной записке начальника 3-го округа корпуса жандармов Нессельроде шефу жандармов Орлову от 11 (23) февраля 1846 г., «жители всех сословий крайне тревожатся происшествиями, происходившими в Кракове и округе оного»¹⁷. В Стопницком повете распространились слухи о том, что 12 (24) февраля произойдет восстание (донесение Нессельроде Орлову от 12 (24) февраля 1846 г.)¹⁸. В апреле в гмине Любельской Пултуского повета опасались, что крестьяне-католики совершат нападение на колонистов-иноверцев и евреев. Эти слухи «произвели такой ужас на немцев колонистов, что они все со своими семьями вышли в леса»¹⁹.

Помещики и власти боялись, что и в Царстве Польском может произойти восстание крестьян. Бургомистр Нового Места Корчина сообщал: «Во всех вообще местах той гмины крайний недостаток жизненных припасов заставляет опасаться, что голодные крестьяне могут решиться на подобные галицийским крестьянам поступки»²⁰.

Тайные организации, состоявшие в основном из мелкой шляхты (мелких владельцев, арендаторов, чиновников, экономов и других служащих имений), подготавливая восстание в Царстве Польском, выдвигали демократическую программу национально-освободительной борьбы народа.

В воззвании, распространяемом в Царстве Польском, говорилось: «Революционное правительство, призывая жителей к вооруженному восстанию, обеспечивает им свободу, общие права (*wspólność praw*) и участие в государственных делах, предоставляет всем крестьянам, жителям деревень, земли, находящиеся ныне в их владении, в наследственную собственность их и их наследников с тем лишь условием, что они встанут для общей защиты национальной свободы». Вместе с тем должны были быть уничтожены существовавшие подати и установлена складка на нужды национального освобождения²¹.

Это была несомненно прогрессивная, революционная программа. Она не могла не оказать влияния на крестьян, не вызвать их сочувствия и поддержки. Однако трудно сказать, в какой степени она была известна крестьянам и какую информацию получали о ней крестьяне от деятелей тайных организаций. Не исключено, что в тех случаях, когда крестьянам говорили об этой программе люди, относившиеся к ним недоброжелательно, они встречали эти сообщения с недоверием или подозрением.

Члены тайных организаций пытались вести агитацию среди крестьян и поднять их на восстание. По показанию Пантелеона Потоцкого, он

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 261.

¹⁶ Ср. Г. Симоненко. Сравнительная статистика Царства Польского и других европейских стран. Т. I. Варшава, 1879, стр. 242.

¹⁷ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 9—10.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же, лл. 279—280, 328—329.

²⁰ Там же, л. 83.

²¹ H. Grupwaser. Указ. соч., т. II, стр. 111; русский перевод этого воззвания имеется в ЦГИАМ (ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 31—32).

собрал крестьян дер. Цис под предлогом рекрутского набора и стал их уговаривать совершить с ним нападение на Седльце. Крестьяне долго не соглашались; только после обещания отдать им в собственность обрабатываемую ими для себя землю и угощения вином выразили согласие на это 8—9 человек. Им была прочитана прокламация, которую они якобы, будучи пьяными, не поняли. Получив оружие, они отправились с Потоцким к Седльцам. По дороге несколько крестьян бежало²². Остальные приняли участие в нападении на Седльце (трое было взято с оружием в руках)²³.

Управляющий имением Иголонии войт Станислав Добжанский направил в повстанческий отряд 18 крестьян²⁴. Эконом дер. Тропишево Тадеуш Янишевский отвез несколько крестьян к повстанцам²⁵. Контролер таможи Иголонии Липинский, находившийся в плену у повстанцев, показывал: «8 [20] февраля Александр Венда и Людвиг Мазараки произвели возмущение в м. Бжеске и в деревнях Гебдове, Вавженицах, Иголонии, Беркове, Люборжице, Лучицах, Мацесовицах и Вжине. Крестьян из сих деревень, вооруженных копиями и косами, проведено через границу в Краков, где сосредотачиваются все мятежники...»²⁶.

Из разговоров, которые 23 февраля (7 марта) вели крестьяне дер. Льсцины Келецкого повета, стало известно, что эконом этой деревни собирал крестьян, читал им воззвание и призывал их к восстанию, причем приказывал никому об этом не рассказывать²⁷.

Арендатор дер. Опатковиц-Мурованый того же повета Голуховский 14 (26) февраля созвал своих работников, а также крестьян деревни и уговаривал их вооружиться косами, вилами и на следующий день отправиться с ним к местечку Пинчову. Он приказал кузнецу приготовить пики для крестьян. Прибывший затем в корчму управляющий имением сказал, что все жители от 18 до 45 лет должны выступить, и зачитал список крестьян, которые должны отправиться к Пинчову. Крестьяне не желали участвовать в этом деле и даже вели между собой разговоры, чтобы собрать складку и послать кого-либо с доносом. Кузнец же, делая вид, что исполняет приказание, сказал, однако, крестьянам, что пик делать не будет. Из разговоров крестьян в корчме выяснилось, что с такой же целью собираются крестьяне деревень Грудзины, Межвина и Белки. Ян Мождзень (по другому документу — Маждзин), работавший у крестьянина этой деревни, 16 (28) февраля донес об этом магистрату в Енджаеве, за что получил 75 руб. сер.²⁸

По сообщению крестьянина дер. Больмин (Келецкий повет) Юзефа Стемпеня, войт гмины Больмин Швыдзинский говорил крестьянам, что нужно в деревне приготовить 40 человек с косами²⁹.

В гмине Грабек Стопницкого повета призывали крестьян к восстанию эконом деревни Руды Гувовский и исправляющий должность войта гмины Кужина. Первый из них, по доносу крестьян Каспера Росала, Стефана Боса, Станислава Юрка и Яна Кубосевича, говорил: «Как придут москали, то

²² ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 1, лл. 132—133.

²³ Там же, д. 36, ч. 2, лл. 3—4; Кн. Щербатов. Указ. соч., стр. 358, 360.

²⁴ Там же, д. 36, ч. 2, л. 479.

²⁵ Там же, лл. 481—482. За участие в национально-освободительном движении были наказаны эконом Янишевский, кузнец Аким Стшелецкий и 16 крестьян из двух деревень (там же, оп. 23, д. 28, л. 17).

²⁶ Там же, оп. 21, д. 36, ч. 1, л. 101.

²⁷ Там же, д. 36, ч. 2, л. 88.

²⁸ Там же, л. 43; д. 36, ч. 1, лл. 97, 100; Н. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 109, 113.

²⁹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 152—153.

возьмите палки, топоры и выгоньте их; я сам буду вам предводительствовать; надо так сделать, как сделали в Кракове». Крестьяне Яков Обора, Владислав Козян и Станислав Гардзина сообщили, что Кужина говорил такие слова: «Как придут солдаты, которые съедали бы наш польский хлеб, то лучше собраться бы вместе с крестьянами, прогнать солдат и крепко защищаться». Предварительное расследование подтвердило доносы крестьян, и Гутовский и Кужина были арестованы³⁰.

В имении Богуцице того же повета эконоом Ян Павловский «подговаривал тамошних крестьян к восстанию» и намеревался собрать толпу людей для помощи повстанцам (донесение полк. Попова Орлову от 5 (17) апреля 1846 г.)³¹.

Арендатор дер. Качковице Феликс Иордан и его брат Юльян Иордан, а также арендатор дер. Добеславице Мечислав Зарембский собрали крестьян дер. Добеславице Меховского повета, читали им прокламацию Краковского повстанческого правительства и понуждали войта подговаривать крестьян к восстанию³². Винценты Пончовский, арендатор дер. Темпочева (Меховский повет), рассказывал крестьянам о восстании в Кракове³³. О подобных действиях помещика Мирошевского доносили крестьяне дер. Вагановице Меховского повета³⁴.

Ксензды Станислав Воронец в дер. Вавженице и Тадеуш Влодек в Бжеске приказывали звонить в колокола, чтобы собрать крестьян для подговора их к восстанию³⁵.

Как показывают эти факты, призывы членов повстанческой организации к крестьянам, их попытки привлечь крестьян к участию в своих начинаниях, за редким исключением, не встречали желаемого отклика. Лишь в немногих местах крестьяне, надеясь приобрести землю в собственность или получить другие выгоды, добровольно, а кое-где по принуждению помещиков или арендаторов приняли участие в восстании (деревни Цис, Иголония). В других местах крестьяне, не доверяя призывам и обещаниям, исходившим не из их среды, не желая участвовать в движении, руководителями которого выступали их владельцы, эконоомы и т. п. — лица, от которых они не могли ожидать ничего хорошего, опасаясь репрессий со стороны властей, остались пассивными. В тех же случаях, где с ними имели дело лица, им ненавистные, они доносили о их действиях властям. Крестьяне задержали трех повстанцев, участвовавших в нападении на Седльце, и передали их в руки властей³⁶; в Августовской губернии они арестовали трех деятелей повстанческой организации³⁷.

Были случаи, когда крестьяне, испытывая сильную ненависть к своим угнетателям-арендаторам, войтам и эконоомам, делали на них, по-видимому, ложные, доносы. Крестьяне дер. Стшемешнице Вельке Олькушского повета Матеуш Козус, Ян Козел и Ян Паперняк, как доносил солтыс, заявили ему, что арендатор этой деревни Добецкий скрывает оружие. При расследовании доноса крестьяне сказали, что ничего такого не говорили солтысу. Производивший расследование штабс-капитан Бжоско, по его словам, «заметил в них дерзость в высшей степени и зародыш возмутительного духа,

³⁰ Там же, лл. 183—184 [донесение полк. Попова Орлову 27 марта (8 апреля) 1846 г.]; Н. Grupwaser. Указ. соч., т. II, стр. 110, 113.

³¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 215—218.

³² Там же, лл. 477—478.

³³ Там же, лл. 478—479.

³⁴ Н. Grupwaser. Указ. соч., стр. 110, 113.

³⁵ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 480—481.

³⁶ Н. Grupwaser. Указ. соч., стр. 109.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 6, д. 132, л. 4.

какой оказали галицийские крестьяне, и сии трое оказали противу своего владельца Добецкого». Эти крестьяне, «не исполняя как следует своих повинностей, возбуждают тамошних крестьян к неповиновению противу своего арендатора и собирают от них денежные складки под видом, что пойдут в Варшаву просить правительство об очиншевании, говоря: «теперь есть наилучшее к тому время».

Сделав донос на Добецкого, они без ведома войта отправились, как говорили, в гор. Мехов, якобы с желанием донести об укрывательстве оружия их арендатором, «а в самом деле они ходили туда для разузнания, как поступают крестьяне в Меховском уезде с шляхтою». По свидетельству Бжоски, Добецкий был человеком спокойным и в политическом отношении благонадежным. Так как Козус, Козел и Паперняк «оказались беспокойного характера, возбуждающими тамошних крестьян к ниспровержению установленного порядка и угрожают своему арендатору», Бжско предложил до последующих распоряжений отдать их под строгий надзор местного войта³⁸.

Эконом дер. Вежбово Ленчицкого повета, по доносу кучера Марцина Коссовского, якобы говорил: «Вся эта беда кончилась бы скорее, если б во всех городах каждый из жителей подрезал своему постояльцу (русскому) горло». Эконом был арестован, а Коссовский отдан под надзор полиции, так как было подозрение, что он сделал донос из мести за понуждение его к работе³⁹. Юзеф Янишевский и Генрик Погорецкий обвинялись крестьянами в подговоре их к восстанию. Обвинение не подтвердилось, и они были освобождены от ареста⁴⁰.

Волнения крестьян усиливались; они собирались большими толпами, сообщали друг другу разные сведения и обсуждали их. В рапорте полк. Попова Орлову от 23 апреля (5 мая), основанном на донесении штабс-капитана Бжоски, сообщалось: «В некоторых гминах Олькушского уезда крестьяне во время ярмонки и когда идут до костела, сходясь кучками, рассуждают о происшествиях, бывших в Галиции, сообщая взаимно один одному разные по тому сведения, для чего также собираются в корчмах и крестьянских домах»⁴¹.

Они открыто выражали свое враждебное отношение к помещикам, арендаторам, войтам, экономам, угрожали им расправой. Военный начальник Радомской губернии полк. Горлов, характеризуя положение в Меховском повете, писал: «Крестьяне злы только на панов. Во многих деревнях имеются упорные и волнующиеся, которые подстрекают других»⁴². В Сандомирском повете, по слухам, крестьяне имели «злые замыслы против дворян, такие точно как происходили в австрийской Галиции». Подобные намерения обнаружили, в частности, крестьяне дер. Некужа⁴³.

Войт гмины Крайно Келецкого повета 2 (14) марта доносил, что крестьянин дер. Крайно Марцин Шлюфен, «известный по делу» П. Сцегенного, говорил крестьянам: «Я не боюсь беды, только бы имел хорошую лошадь, поеду с панами воевать; прежде всего убью эконома и гминного войта, а после поеду далее». Войт посадил Шлюфена под арест до расследования этого дела⁴⁴.

³⁸ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 149—151 [донесение Нессельроде Орлову 18(30) марта 1846 г.]; Н. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 110, 113.

³⁹ Там же, лл. 169—170 [Нессельроде Орлову 21 марта (2 апреля) 1846 г.].

⁴⁰ Там же, лл. 481—482.

⁴¹ Там же, л. 299; Н. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 115.

⁴² Там же, стр. 114.

⁴³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 255 [донесение полк. Попова Орлову 13 (25) апреля 1846 г.]; Н. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 115.

⁴⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 131.

В дер. Коцудзе Замойского повета работник Семен Быстреченский, находясь в корчме, по-видимому, будучи в нетрезвом состоянии, сказал дворовым людям, что когда будут вешать господ, то он первым повесит управляющего именем Константина Лясоцкого. На следующий день Лясоцкий сделал ему выговор за такие слова, на что Быстреченский ответил: «Что ты мне выговариваешь, панов вешают, то и тебя повесят». Быстреченский был арестован и закован в кандалы⁴⁵.

14 (26) марта войт гмины Грабек Стопницкого повета Висневский сообщал, что в дер. Яжембы «уже несколько дней крестьяне собираются вместе и иногда можно слышать их слова: «не поддадимся» и другие еще более буйственные отзывы». 13 (25) марта крестьянин Валенты Пастернак в присутствии нескольких крестьян сказал пришедшему в корчму кузнецу Каролю Маршанку: «Нельзя теперь надевать сюртук и фуражку, и если бы я тебя здесь убил, то это позволяется, ибо теперь будут всем головы срывать». Затем он бросился на кузнеца, нанес побои и ранил его. Кузнец, видимо, угрожал пожаловаться на него, на что Пастернак ответил: «И ты и твой господин опасайтесь, а гминный войт уже арестован». Получив это донесение, начальник жандармской команды капитан Флис взял казачью команду и 20 улан и отправился в дер. Яжембы. По утверждению Флиса, произведенное им расследование подтвердило донесение войта. «Посему, — говорится в докладной записке полк. Попова Орлову 27 марта (8 апреля), — дабы укротить в самом начале буйный дух тамошних крестьян и оказываемое ими неповиновение местной власти, следователи собрали всех крестьян д. Яжембы и в присутствии их велели наказать виновных; чрез то водворилось между ними спокойствие и повиновение начальству»⁴⁶.

Крестьянин дер. Станиславовице Меховского повета Юзеф Неделя, возвратясь из Галиции, куда он бежал в 1845 г. от рекрутского набора, подговаривал местных крестьян к восстанию⁴⁷. В апреле за подговор крестьян к восстанию был наказан крестьянин дер. Стражник Стопницкого повета Антоний Лисек⁴⁸.

Крестьяне собирались толпами (Рафаловице под Яновом), нападали на помещичьи дворы и проезжающих (Добеславице, Злотники под Яновом)⁴⁹, задерживали помещиков, арендаторов, ксендзов, войтов и под охраной отправляли их к местным властям и воинским командам.

Войт гмины Рафаловице Меховского повета Точинский доносил, что, по полученным им 27 февраля (11 марта) сведениям, крестьяне намеревались напасть на господский двор и плебанию в Рафаловицах. С этой целью 22 февраля (6 марта) собралось 30 крестьян верхом на конях. Владелец части имения Донатковице Дрек советовал им не делать этого, и они как будто отказались от своего намерения⁵⁰.

В донесении от 1 (13) марта обер-стражник Барач сообщил, что в дер. Рафаловице перед костелом собралось около 300 крестьян. Все они имели палки в руках, а в костеле находился задержанный ими ксендз Марусинский. Барач пытался успокоить крестьян и предлагал им разойтись, но они бросились на стражников и начали их бить. «Стражники, — говорилось далее в донесении, — дабы настрашать крестьян, выстрелили в них

⁴⁵ Там же, лл. 322—323.

⁴⁶ Там же, лл. 185—186.

⁴⁷ Там же, лл. 473—474.

⁴⁸ H. G r u p w a s e r. Указ. соч., т. II, стр. 115.

⁴⁹ Там же, стр. 113; в донесении о нападении в Добеславицах ничего не говорится об участии в нем крестьян (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 478).

⁵⁰ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 89 [донесение Нессельроде Орлову от 5 (17) марта 1846 г.].

несколько холостых зарядов, но они на то не уважали, все кричали: «ура» и стражники были принуждены отступить». В дер. Филиповице крестьяне арестовали заступающего войта гмины Точинского. Вооруженные палками крестьяне на двух подводах везли Точинского вместе с его вещами в местечко Кошице. Стражники разогнали крестьян и освободили от ареста Точинского. Кроме того, Барач доносил, что «окрестности м-ка Кошиц и вообще надвисленные деревни подвергнуты подобным беспорядкам по близости галицийских крестьян»⁵¹.

Такой же характер имели волнения крестьян деревень Вавженице, Ксенжнице, Лапшова, Чапли, Чернихова Меховского повета. Начальник меховской жандармской команды штабс-капитан Домбровский в рапорте от 26 февраля (10 марта) сообщал: крестьяне «в казенной д. Вавженицах, которую составляют около 250 дворов, и Ксенжницах, также и в частных: Лапшове, Чаплях и Чернихове, над границей Краковского округа положенных [стали] явно оказывать ненависть и дерзость против шляхтичей, а именно владельца сей деревни Кубичка и заступающего войта гмины Махерского доставили арестованных в уездный город и из деревень Чапли и Чернихова заступающих войтов гмин и других официантов под видом якобы наговаривали их к восстанию против правительства. По расспросам же и ближайшему рассмотрению сего предмета оказалось, что крестьяне увлечены единственно мщением решились на такой поступок. В Вавженицах, удалив вышесказанным образом владельца и заступающего войта, которые, не надеясь на военную защиту, не смели возвратиться домой, [крестьяне] присвоили себе власть задерживать и расспрашивать каждого проезжающего, кроме крестьян, нанося притом разного рода неприятности и производя насмешки. Для отклонения сего зла послан туда с распоряжения военного начальника отряд казаков»⁵².

В другом документе говорится, что крестьяне дер. Вавженице, арестовав Кубичка, связали его и затем доставили в казачью команду в Прошовицах, а войт Махерский был по их доносу арестован казаками⁵³. Подобным образом поступили жители местечка Бжеска. Они арестовали содержателя почты Подгурского, связали его и доставили в Прошовице⁵⁴.

25 февраля (9 марта), как доносил владелец дер. Злотники войт Сжедницкий, крестьяне деревень Злотники и Вавженице вместе с казаками, находившимися на постое в Вавженицах, под предлогом поиска скрывающихся лиц ночью напали на его двор и взяли некоторые ценные вещи в доме. Они намеревались вновь напасть на этот двор. На следующий день 26 февраля (10 марта), по сообщению штабс-капитана Домбровского, крестьяне и казаки опять произвели нападение на двор Сжедницкого, но были оттуда прогнаны казачьим патрулем⁵⁵.

Крестьяне отказывались выполнять барщину и другие повинности: в марте в деревнях Ксаны и Виняры, гмине Дядушице и других местах Меховского повета, в апреле в Олькушском повете в «некоторых местах» они (крестьяне этих деревень. — И. К.), — говорилось в донесении, — не хотят отбывать господской работы, и когда понуждают их выходить на бар-

⁵¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 82—83 [докладная записка Нессельроде Орлову 4 (16) марта 1846 г.].

⁵² Там же, лл. 85—86 [Нессельроде Орлову 4 (16) марта 1846 г.].

⁵³ Там же, д. 36, ч. 1, л. 96; Н. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 109, 113 (Кубичек был признан невиновным и освобожден, крестьянам были выданы деньги за донос и арест его). Ср. M. Zychowski. Rok 1846 w Rzeczypospolitej Krakowskiej i Galicji. Warszawa, 1956, str. 256.

⁵⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 1, л. 96.

⁵⁵ Там же, д. 36, ч. 2, лл. 89—90.

щину, делать так, как надлежит, тогда говорят: «го! го! уже прошло то время, как вы нами управляли, как хотели, теперь иначе будет» и тому подобное». В мае в нескольких деревнях Опочинского повета, имений Поток и Шидлув Стопницкого повета наряду с отказом от барщины крестьяне требовали немедленного очиншевания⁵⁶. Они делали порубки в помещичьих, казенных и спорных лесах и оказывали упорное сопротивление лесной охране, пытавшейся задержать или воспрепятствовать им (дер. Ксенжостон Грубешовского повета, местечко Олива и дер. Полоза Седлецкого повета, гор. Сувалки)⁵⁷.

В имении Млодоево Конинского повета крестьяне остро реагировали на попытки владельца имения и местного суда приостановить исполнение решения сената о передаче им спорной земли. Они «так этим были озлоблены, — сообщалось в докладной записке Нессельроде Орлову 8 (20) июня, — что, собравшись в господский двор, настоятельно требовали от подсудка Каневского справедливости, который тайным образом выехал из имения Млодоево в м. Пыздры»⁵⁸.

Попытки тайной организации поднять восстание в Царстве Польском и волнения крестьян вызвали серьезное беспокойство у помещиков и царских властей. Помещики, за немногим исключением, не приняли участия в восстании и так или иначе заявляли о своей лояльности правительству⁵⁹. Имели место случаи, когда помещики и ксендзы доносили властям о приготовлениях к восстанию (помещик Гостомский во Влоцлавском повете, ксендз дер. Трембек Кутновского повета Антоний Виктор)⁶⁰. Опасаясь нападения крестьян, помещики бежали из своих имений (Конинский повет) в Варшаву, просили защиты у властей и брали к себе на постой солдат (Сандомирский повет), принимали меры для задержания лиц, «вредных правительству» (Куявский повет)⁶¹.

В Царстве Польском было объявлено военное положение. Власти, оказывая содействие австрийскому правительству в подавлении восстания в Кракове, приняли меры к усилению охраны границы, увеличению войск в пограничных местах. С большой настороженностью они относились к жителям Галиции, прибывавшим в Царство Польское по разным делам или искавшим убежища в Царстве Польском. Начальник сандомирской жандармской команды капитан Непрский предлагал, чтобы солдаты сопровождали работников, занимавшихся доставкой соли. Этим он рассчитывал помешать установлению их контакта с крестьянами⁶². В связи с прибытием в Сандомир жителей из Галиции, искавших убежища, было решено не впускать в Царство Польское мужчин, чтобы они «не взбунтовали здешних крестьян»⁶³. Из прибывших из Галиции ксендзов один был оставлен под наблюдением, а другой возвращен обратно⁶⁴.

Опасаясь восстания и стремясь парализовать начинания повстанцев в Царстве Польском, власти вначале намеревались использовать антагонизм между крестьянами и помещиками. Призывая крестьян к спокой-

⁵⁶ Н. Грунвасер. Указ. соч., т. II, стр. 113—116; ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 294.

⁵⁷ Н. Грунвасер. Указ. соч., т. II, стр. 114—115.

⁵⁸ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 371—372.

⁵⁹ Н. Грунвасер. Указ. соч., т. II, стр. 112.

⁶⁰ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, лл. 19, 27—29.

⁶¹ Н. Грунвасер. Указ. соч., т. II, стр. 112; ЦГИАМ, ф. 109, оп. 21, д. 36, ч. 2, л. 255.

⁶² Там же, л. 256.

⁶³ Там же, лл. 11—12.

⁶⁴ Там же.

ствию, они наказывали им задерживать повстанцев и передавать их военным командам⁶⁵. Вскоре, однако, обнаружилось, что помещики не считают возможным или не желают принимать участие в восстании, а выступления крестьян носят антипомещичий характер и направлены против существующего социального строя. И власти со всей силой обрушились на крестьянское движение. Посредством уговоров, угроз, экзекуций, арестов и тому подобных мер они подавляли волнения крестьян⁶⁶.

Этими мерами не всегда достигался желаемый результат и, кроме того, ими усиливалась вражда крестьян к властям: По мнению некоторых представителей местной власти, необходимо было предпринять что-либо для облегчения положения крестьян. Военный начальник Калишской губ. А. Голицын предлагал признать за крестьянами право наследственного пользования землей и по возможности скорее провести очиншевание их; люблинский губернатор М. Альбертов предлагал составить дополнительные правила о переселении крестьян и инвентари их повинностей с учетом земельного надела. Предложения Голицына и Альбертова не встретили поддержки со стороны правительственной комиссии внутренних дел и наместника⁶⁷.

В мае 1846 г. в Царство Польское прибыл Николай I. Он проехал по Радомской губернии, беседовал с военным начальником губернии полк. Горловым, который считал необходимым ограничить произвол помещиков в отношении крестьян⁶⁸. Ознакомление с положением в Царстве Польском побудило Николая I принять меры по крестьянскому вопросу. Был срочно выработан и 26 мая (7 июня) 1846 г. подписан Николаем I указ «О земле и повинностях крестьян».

Подтверждая свободу перехода крестьян из одного места в другое, указ запрещал самовольный сгон крестьян, владеющих не менее чем 3 моргами земли, с занимаемых ими участков при условии выполнения ими повинностей и упразднял даремщины и принудительные наймы с 20 декабря 1846 г. (1 января 1947 г.), а в имениях, сданных в аренду, после истечения арендного договора, предусматривал издание правил для рассмотрения споров крестьян с помещиками, помощь и покровительство властей при очиншевании крестьян. Запрещалось увеличение повинностей крестьян и присоединение не занятых крестьянами наделов к фольварочным землям, чиншевые сделки подлежали утверждению властей⁶⁹. Указ, сохраняя в основном существовавшие отношения между крестьянами и помещиками, в известной мере ограничивал произвол владельцев имений. На практике же это ограничение было незначительным.

⁶⁵ Н. G r u n w a s e r. Указ. соч., т. II, стр. 109—110.

⁶⁶ «Русская старина», 1885, т. 48, кн. X, стр. 219, кн. XI, стр. 410; Кн. Щербатов. Указ. соч. Приложение к т. V, СПб., 1896, стр. 560, 561, 566, 591; «Русский архив», 1897, кн. 1, стр. 37—38; Н. G r u n w a s e r. Указ. соч., стр. 111, 117.

⁶⁷ Н. G r u n w a s e r. Указ. соч., т. II, стр. 118, 203—209.

⁶⁸ 18 (30) мая 1846 г. Николай I писал Паскевичу из Радомской губернии: «С Горловым имел весьма любопытный разговор и велел ему, чтоб тебе подробно донес о своих замечаниях. Он мне очень понравился, взгляд его на дела самый правильный и он настаивает на необходимости вступить за мужиков, которых многие помещики немилосердно притесняют по каким-то старым обычаям. Выслушай его, стоит того, за это приняться самодержавной власти, когда здравого рассудка, ни чести нет в помещиках». Письмо Николая I выражает не заботу царизма о польском крестьянстве, а стремление использовать антагонизм крестьян и помещиков для укрепления своего владычества в Царстве Польском (ЦИАЛ, ф. 1018, оп. 5, д. 292, л. 1; Кн. Щербатов. Указ. соч., приложение к т. V, стр. 567—568; «Русский архив», 1897, кн. 1, стр. 39—40; Н. G r u n w a s e r. Указ. соч., т. II, стр. 119).

⁶⁹ «Dziennik praw», т. 38, № 118.

Об издании указа секретно было сообщено войтам гмин. Помещики были недовольны указом, и некоторые из них поспешили до объявления его осуществить сделки, противоречившие указу.

Опасаясь, как бы объявление указа не вызвало волнений крестьян во время уборки урожая, правительство решило отложить его обнародование до осени. Однако сведения о нем разными путями дошли до крестьян; часто они были неточные, иногда с указом крестьяне связывали свои желания и стремления.

В июле-августе в дер. Лойки Августовской губ., дер. Ясени Равского повета, дер. Станиславице Радомского повета, дер. Божихи Седлецкого повета, гмине Пюркув и дер. Воля Семинска Опатовского повета крестьяне, полагая или заявляя, что они освобождены от барщины и других повинностей, отказывались их выполнять. В июле в дер. Попня Равского повета распространились слухи, что помещичья земля будет роздана крестьянам, а оставленную помещикам землю (по 2 вулки) будут обрабатывать сами помещики. Власти, применяя телесные наказания и сгоняя крестьян с земли, подавляли иногда весьма упорное сопротивление крестьян⁷⁰.

Крестьяне бурно реагировали на широко применяемые помещиками, арендаторами и властями телесные наказания. В июле крестьяне Любартова, Вульки Орловской и Кавенчина жаловались на экономов, которые зверски избивали крестьян. В других местах (Слупно Станиславовского повета, Ясень Равского повета, Серпелице Бяльского повета) они препятствовали проведению экзекуций, прогоняли арендаторов и избивали их. Это заставило правительство обратить внимание на действия помещиков и их слуг. Правительственная комиссия внутренних дел в своем циркуляре от 14 (26) сентября, отмечая злоупотребления телесными наказаниями со стороны владельцев и служащих имений, предлагала впредь руководствоваться существовавшими предписаниями о телесных наказаниях⁷¹. Эти предписания предоставляли помещикам достаточно широкие возможности для наказания «непокорных» крестьян.

В конце августа через специальных чиновников указ был объявлен крестьянам. При этом крестьян предупредили, что за отказ от выполнения повинностей они будут строго наказываться. Крестьяне ожидали существенного облегчения их положения, освобождения от барщины и повинностей. Указ же не вносил ощутимых изменений в их положение и тем самым порождал у них разочарование, недоверие к нему, к лицам, объявлявшим его, а в некоторых местах крестьяне считали, что от них скрывают подлинный указ.

Это недовольство проявилось прежде всего в отказе солтысов подписывать протоколы об объявлении указа. По требованию крестьян отказались подписать протоколы солтысы в 87 гминах Люблинской губернии. Солтысы были вызваны в губернское правление; несмотря на нажим со стороны властей, 12 человек вновь отказались подписать протоколы (три солтысы вовсе не явились). В Радомской губернии не подписали протоколы солтысы в 45 гминах. Так же реагировали на объявление указа и крестьяне ряда гмин в Августовской губернии.

Отказываясь подписывать протоколы, ссылаясь на указ или не признавая его, в сентябре—октябре перестали отбывать барщину и выполнять другие повинности крестьяне в гминах Рудавец, Сеправице и Якубовице Конские Люблинского повета, дер. Некужа Сандомирского повета (здесь

⁷⁰ Н. Гупвасер. Указ. соч., т. II, стр. 123—124.

⁷¹ Там же, стр. 124—125.

крестьяне упорно требовали очиншевания), дер. Мшадли гмины Яновец, в гмине Облясы и местечке Яновец, имениях Доргунь и Василевиче и дер. Скордубе Августовского повета, имении Варвишки Сейненского повета, дер. Лойки, дер. Плутыске Мариямпольского повета, дер. Сенцяжки Луковского повета. В некоторых местах крестьяне толпой приходили в помещичьи дворы, прогоняли с работы лиц, занятых обмолотом хлеба, и подговаривали фольварочных рабочих действовать против владельцев (дер. Липск-Мурованный Августовского повета); пахали для себя землю, ранее принадлежавшую им, а затем отнятую у них помещиком (дер. Шепетув-Вавжинец Ломжинского повета); настойчиво требовали от войта ознакомить их с табелью повинностей (дер. Калина-Велька Меховского повета), отказывались выбирать новых солтысов и принимать на себя эти обязанности (гмина Гзихув Олькушского повета), избирали новых солтысов, требуя утверждения их в должности (дер. Сенцяжки Луковского повета), не дали наказать крестьянина (дер. Плутыска Мариямпольского повета)⁷².

В декабре 1846 г. войт гмины Доброводы Стопницкого повета, основываясь, по-видимому, на сообщении ксендза Белачинского, донес «о неблагоприятных выражениях крестьян той же деревни» против помещиков. Крестьяне Винценты Щепанский и Якуб Копеньяк якобы говорили, что при удобном случае были бы первыми против помещиков, а крестьяне дер. Доброводы высказывались в том смысле, что «шляхта вовсе не нужна». Так как ксендз Белачинский не донес сразу, узнав об этом, то расследование было затруднено. Щепанский и Копеньяк заявили, что таких разговоров не вели, но, по мнению лиц, производивших дознание, что-то подобное имело место. Опасных замыслов или связей с галицийскими крестьянами не было обнаружено⁷³.

Царское правительство, при содействии польских помещиков, зверски подавляло крестьянское движение. 24 октября (5 ноября) 1846 г. Николай I, обеспокоенный волнениями крестьян, писал Паскевичу: «Строгими мерами, принятыми к остановлению возникавшего беспорядка в крестьянах, надеюсь, что зло будет остановлено»⁷⁴. Часто попытки властей путем уговоров и угроз привести крестьян в повиновение были безуспешны. В деревни, охваченные волнением, направлялись воинские команды; проводились экзекуции, аресты, причем власти, рассматривая малейшие проявления недовольства крестьян как неповиновение, все более усиливали репрессию против крестьянского движения. Особенно жестоко они преследовали и расправлялись с так называемыми подстрекателями, т. е. инициаторами и руководителями крестьянских выступлений⁷⁵. Опасаясь распространения среди крестьян сведений о бывшем восстании в Галиции лицами, возвращающимися или высылаемыми оттуда, власти устанавливали за ними строгий надзор, а годных к военной службе сдавали в солдаты⁷⁶.

В последующие годы обстановка в деревне была также беспокойной, волнения крестьян продолжались.

В январе 1847 г. поступили сведения, что прибывшие из-за границы люди в Праснышском повете подговаривают крестьян к восстанию. Произ-

⁷² H. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 126—133; St. Śreniowski. Указ. соч., стр. 290—291.

⁷³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. л. А, лл. 1—2 [донесение полк. Попова Орлову 24 декабря 1846 г. (5 января 1847 г.)].

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 5, д. 299, л. 1; Кн. Щербатов. Указ. соч., приложение к т. V, стр. 573.

⁷⁵ H. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 134—135; St. Śreniowski. Указ. соч., стр. 291.

⁷⁶ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. л. А, л. 21.

веденное расследование не открыло следов таких действий, но при этом было обнаружено, что крестьяне гмины Дылево Остроленцкого повета выражают сильное недовольство в связи со штрафами, налагаемыми на них за порубки в казенном лесу⁷⁷. Среди крестьян гмины ходили слухи, что по случаю якобы выхода дочери царя замуж за азиатского князя будут забирать и вывозить молодых людей. Эта весть сильно взволновала крестьян и обеспокоила власти⁷⁸.

В том же месяце в Ленчицком повете распространились слухи, что крестьяне намереваются 8 (20) февраля выступить против помещиков. Попытка начальника жандармской команды выявить источник этих слухов осталась безуспешной. Сообщая об этом, он высказал предположение, что они могли исходить и от самой шляхты, напуганной волнениями крестьян. Данные же наблюдений, установленных за жителями, не подтвердили этой молвы⁷⁹.

Между жителями Сандомирского повета в январе велись разговоры, будто бы галицийские крестьяне хотят прибыть в Царство Польское «для возмущения здешних крестьян», что они «задумывают подняться вновь на своих помещиков», «намерены в день заговения... 5 (17) числа февраля сего года перерезать не только шляхту, но всех чиновников и немцев»⁸⁰.

По донесению войта гмины Янгрот Олькушского повета крестьянин дер. Сухи Франц Майоха, возвратившись из Варшавы, куда был послан громадой (сельским обществом) по ее делам, 24 декабря 1846 г. (5 января 1847 г.) читал крестьянам в корчме какие-то бумаги и рассказывал им что-то. «Вследствие чего во всей сказанной экономии крестьяне стали оказывать некоторого рода дерзость, неповиновение и нерадение в исполнении своих повинностей, а особенно в отношении к гминному войту. Сверх того, без ведома гминного войта сменили с должности радного (гласного) и избрали на его место другого». По распоряжению начальника жандармской команды был произведен обыск у Майохи. У него были найдены: прибавление к № 50 Дневника Варшавской губернии, Официальная газета № 157 (за 1846 г.), воззвание Тадеуша Костюшки к жителям Краковского воеводства от 24 марта 1794 г. и 16 экземпляров возвания Правительственной комиссии (1794 г.). Гминный войт, считая, что такие издания «не должны были находиться в руках простого народа», забрал их и представил жандармскому начальнику. Последний, со своей стороны, заявил, что крестьяне этой экономии «праздны, дерзки»⁸¹.

В феврале начальник конинской жандармской команды капитан Домбровский, отмечая недовольство помещиков указом 1846 г., сообщал об их опасениях. По утверждению помещиков, «крестьяне ожидали особенной какой-то милости, но, не получив таковой, имеют подозрение, что помещики приносят свои их обманывают». «По сим обстоятельствам, — говорилось в его донесении, — ... здешняя шляхта опасается, дабы простой народ с powodu недостатка, имеющегося усилиться с наступлением весны, не допустился каких-либо ощутительных беспорядков»⁸².

До властей дошел слух, якобы Людвиг Гожковский находится в Царстве Польском и в Меховском и Олькушском поветах распространяет идеи «коммунизма между крестьян»⁸³.

⁷⁷ Там же, лл. 39—41.

⁷⁸ Там же, л. 51.

⁷⁹ Там же, лл. 45—46.

⁸⁰ Там же, лл. 20, 47, 50.

⁸¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22 [донесение полк. Попова Орлову 8 (20) января 1847 г.].

⁸² Там же, д. л. А, л. 72; H. Grynwaser. Указ. соч., т. II, стр. 148.

⁸³ Там же, л. 80.

В марте в Олькушском повате велись разговоры, из которых якобы следовало, что в повате действуют эмиссары и что-то должно произойти на пасху (дер. Хрущоброды), что будет вырезана вся шляхта (дер. Стшижув)⁸⁴.

Щербатов, основываясь на письме Паскевича к Николаю I 11 (29) мая, отмечал: «в некоторых имениях крестьяне стали поговаривать, что и они последуют примеру их галицийских соседей»⁸⁵.

Ксендз прихода Стшельце Гостынского повата Войцех Андрушкевич, будучи в сентябре в Гостынине, произнес проповедь в костеле, в котором находилось много помещиков и крестьян. В своей проповеди он между прочим сказал: «Во время первого человека Адама, когда люди начали упрочивать [?] землю, каждый изготавлял для себя поле и был природным владельцем оногo, но впоследствии сильные, угнетая слабых, отняли у сих последних землю, сделались многочисленными вотчинниками оной, т. е. помещиками. А потому помещики должны возвратить слабым своим братьям крестьянам отнятую у них землю; в противном случае падет на них божие наказание». Эти слова, по сообщению бургомистра Гостынина, «произвели ропот между помещиками, а как поняли оное крестьяне, еще неизвестно». Начальник жандармской команды Кутновского повата капитан Заболоцкий, которому, по уверению Андрушкевича, содержание проповеди было известно, получив донесение об этом, распорядился, чтобы Андрушкевич своей проповеди не повторял⁸⁶.

В октябре крестьянин дер. Липин Замойского повата Ян Дерило говорил в корчме: «Шляхта, шляхта, вы все у меня в штанах; я видел, как в Галиции шляхту черти взяли; видел, что делалось со шляхтою, вскоре сбудется это и с вами». Дерило был арестован и отправлен в гор. Люблин⁸⁷.

По донесению войта от 19 ноября (1 декабря), крестьянин дер. Клементовице Люблинского повата Казимир Григоровский после похорон крестьянки этой деревни произнес слова: «...припоминаю вам мои труды, поднятые для вашего блага и что я перенес уже столько трудов и старания для восстановления нашего отечества и уничтожения господ. Надеюсь, что вскоре сего достигну, но помните, чтобы вы мне в том помогали и во всяком случае меня спасали». На что несколько крестьян ответили: «Почему же не так, всеми силами и целым обществом будем защищать и спасать». Расследование выяснило, что на похоронах было около 20 человек, а «Григоровский говорил только в духе неповиновения владельцу и неисполнения крестьянских повинностей»⁸⁸.

Крестьяне обращались с просьбами и требованиями об очиншевании их. Просьбы крестьян казенных имений принимались к рассмотрению, что же касается крестьян частных имений, то власти отвечали им, что очиншевание может быть произведено только по добровольному соглашению их с помещиками⁸⁹. Число жалоб крестьян на помещиков увеличивалось. Стремясь ограничить возможности подачи жалоб центральным властям, Правительственная комиссия внутренних дел в начале 1847 г. издала предписание, которое затрудняло крестьянам получение пропусков в Варшаву. В течение 1847 г. только Правительственная комиссия внутренних дел рассмотрела 61 жалобу крестьян на обременение их повинностями⁹⁰.

⁸⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. л. А, лл. 98—99.

⁸⁵ Кн. Щербатов. Указ. соч., т. V, стр. 396.

⁸⁶ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. л. А, лл. 245—246.

⁸⁷ Там же, л. 262.

⁸⁸ Там же, лл. 269—271.

⁸⁹ Кн. Щербатов. Указ. соч., т. V, стр. 385; Н. Grynwaser. Указ. соч., стр. 152.

⁹⁰ Кн. Щербатов. Указ. соч., приложение к т. V, стр. 597.

В 1847 г. отказывались выполнять повинности крестьяне в деревнях Стара, Зыгмунтув, Шебек и Вежховиска Опочинского повета, в имениях Абрамов и Конты Замойского повета, дер. Воля Косценевидка Бяльского повета, имения Гелгудишки Низшие Мариямпольского повета и многих других местах⁹¹.

Такой же характер имели волнения крестьян в некоторых деревнях Ленчицкого повета: «Крестьяне, — говорится в донесении полк. Попова от 27 января (8 февраля) 1847 г., — с того времени как дарованы им так называемые дармохи, к помещикам своим оказывают неповиновение так, что в некоторых деревнях; кроме сих дармох и повинной барщины, отказываются даже от платежа и самих чиншов». Здесь местным властям, по сообщению начальника жандармской команды, удавалось, «обыкновенно» посредством уговоров, склонять крестьян к повиновению помещикам⁹².

Касаясь крестьянского движения в 1847 г., наместник в своем отчете царю писал: «Недостаточное уразумение некоторыми крестьянами прав и преимуществ, дарованных им высочайшим указом, а более подговоры тайных подушателей и ябедников были поводом в некоторых местах уклонения крестьян от исполнения тех даже повинностей, кои новыми распоряжениями не были отменены. Впрочем, случаи эти не были многочисленны и встретились только в 27 имениях, но и в тех, по принятии принудительных мер, крестьяне возвратились к повиновению, виновные же в их подущении, как оказалось 23 человека, преданы суду для наказания по всей строгости законов»⁹³.

Эти данные, вопреки мнению наместника, свидетельствуют о значительном размахе крестьянского движения в 1847 г. Его силу подтверждает и следующий факт. В течение 1847 г. арендаторы 643 имений вынуждены были в связи с нежеланием или прямым отказом крестьян выполнять даремщины и принудительные наймы согласиться на упразднение этих повинностей до истечения срока аренды⁹⁴.

В 1848—1849 гг. в связи с неурожаем и эпидемиями нищета и бедствия широких масс крестьян еще более усилились. В отчете шефа жандармов за 1848 г. отмечалось: «Крестьяне западных губерний, хотя в крепостном, но в лучшем [?] положении, нежели крестьяне Царства

⁹¹ Подробнее об этом см.: Н. Głupwaser. Указ. соч., стр. 138—142; St. Śreniowski. Указ. соч., стр. 296—297. В дер. Воля Косценевидка некто Матвей Рыбачук (?) говорил крестьянам: «чтобы они не отработывали барщины и, если кто придет понуждать их к тому, то чтобы разбили тому палкою голову... Следствием чего крестьяне... начали было оказывать тамошнему арендатору непослушание в исполнении своих повинностей, но, будучи образумлены ассессором Клопотовским и жандармами, приведены в прежнее повиновение» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. л. А, лл. 114—116). По поводу волнения крестьян в имении Гелгудишки Паскевич писал царю 30 апреля (12 мая) 1847 г.: «Августовской губернии в Мариямпольском уезде в обширном имении Гелгудишках, принадлежащем барону Кейделю, крестьяне отказались было от барщины по превратному толкованию нового постановления о взаимоотношениях между владельцами и поселянами, но по убеждению уездного начальника возвратились к порядку прежде прибытия туда по требованию гражданского губернатора от квартирующих в Сувалках войск одной роты, которая по прибытии на место и расквартирована у 90 хозяев, оказавшихся более виновными» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. 1, лл. 48—49).

⁹² ЦГИАМ, ф. 109, оп. 22, д. л. А, лл. 45—46.

⁹³ Кн. Щербатов. Указ. соч., приложение к т. V, стр. 596—597, т. V, стр. 385; ср. St. Lubicz. Sprawa włościańska w Polsce porozbiorowej. Krakow, 1909, str. 164; T. Gołębiowski. Stosunki gospodarczo-społeczne w Królestwie Polskim w okresie 1815—1846. — «Przegląd socjologiczny», t. IX, str. 243.

⁹⁴ Число имений, в которых были упразднены эти повинности (см. Кн. Щербатов. Указ. соч., т. V, стр. 386).

Польского»⁹⁵. Во многих местах они вынуждены были питаться травой, кореньями, мясом павшего скота⁹⁶.

Революционное движение в соседних польских землях и странах Западной Европы оказало влияние на крестьян. Глухое недовольство, ропот и возбуждение крестьян усилились: они угрожали помещикам расправой, в некоторых местах оказывали им неповиновение, ожидали прихода «кракусов» и т. д.⁹⁷

В деревню проникали издания подпольных революционных организаций; в марте 1848 г. по дороге, ведущей из Клодавы в дер. Каменку (Влоцлавский повет), было найдено воззвание в стихах «Что слышно на свете?» («Co słychać na świecie?»). Это воззвание читал садовник⁹⁸. 28 марта (10 апреля) два лица, проезжавшие через дер. Камень Гостынского повета, дали бумагу мальчику, который передал ее матери, а последняя отнесла ее к корчмарю. Позднее выяснилось, что это было упомянутое выше воззвание⁹⁹. По сообщению лакея Оссовского из Остроленки, он получил стихи «Что слышно на свете?» от крестьянина дер. Милоны Пултуского повета¹⁰⁰. В апреле на шоссе между Влоцлавком и Ковалем было подобрано печатное воззвание, в котором содержался призыв ко всем полякам быть готовыми с пиками и косами к великому празднику. Такие же воззвания нашел 3(15) апреля и экономер дер. Хоцень¹⁰¹.

Члены тайных организаций в некоторых местах вели агитацию среди крестьян, призывали их к восстанию против иноземных угнетателей¹⁰². В дер. Нова Кутновского повета, по донесению лазутчика, владелец участка земли, шляхтич, сообщал «жителям возмутительные сведения» и побуждал их «к принятию участия в предполагаемом освобождении сего края от русских, обещая им впоследствии много благополучия и равный раздел между народом частных и государственных имуществ»¹⁰³. Сын помещика дер. Зеленки Стопницкого повета Юзеф Валешинский в августе уговаривал крестьян дер. Велнино (?) Яна и Стефана Сомцких (?), Франца Мусялу и Себастиана Хмуру бежать вместе с ним за границу и там вступить в ряды повстанцев. Крестьяне донесли об этом жандарму, за что были награждены серебряной медалью «За усердие» и получили каждый по 30 руб. сер. Валешинский же был сдан в солдаты¹⁰⁴.

Делались попытки агитации и среди русских солдат, находившихся в Царстве Польском. В мае в гор. Лукове были найдены воззвания к русским солдатам: «Naród polski do wojska rosyjskiego» («Польский народ к русской армии») и «Do Rosjan!» («К русским!»)¹⁰⁵.

Табачный стражник Ян Козловский, проживавший в Гостынине, говорил солдату Полтавского пехотного полка Ивану (?) Самусенку, что 25 мая (6 июня) или в день праздника св. Троицы в Царстве Польском начнется восстание, «крестьяне не будут щадить ни крови, ни жизни своей и что все состоящие в русской военной службе польские уроженцы

⁹⁵ Крестьянское движение. 1827—1869. Вып. 1. Под ред. Е. А. Мороховец. М., 1931, стр. 85.

⁹⁶ Г. Симоценко. Указ. соч., стр. 240—241.

⁹⁷ A. Minkowska. Królestwo Polskie w latach 1844—1848. — «Wiosna ludów na ziemiach polskich», t. I, str. 381.

⁹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 23, д. 216, лл. 28—29.

⁹⁹ Там же, л. 36.

¹⁰⁰ Там же, л. 153.

¹⁰¹ Там же, л. 61.

¹⁰² St. Sieniewski; Указ. соч., стр. 300.

¹⁰³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 23, д. 216, л. 27 [донесение Нессельроде Орлову 1(13) апреля 1848 г.].

¹⁰⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 23, д. 199, лл. 1, 4, 7.

¹⁰⁵ КСИС, вып. 19, стр. 79 и сл.; St. Sieniewski. Указ. соч., стр. 300.

должны присоединиться» к повстанцам. Козловский предлагал Самусенку, чтобы он призвал своих товарищей в полку к участию в восстании. При допросе Козловский отрицал это, но вместе с тем обнаружилось, что он распространял разные сведения политического характера. Козловский был арестован¹⁰⁶. Житель дер. Пшенцишево Плоцкого повета Мариан Карвонецкий подговаривал отставного солдата Барановского к побегу за границу¹⁰⁷. В апреле распространились слухи о намерении правительства провести рекрутский набор, в связи с чем участились побег за границу лиц, подлежащих набору (Сандомирский и Остроленский поветы), об упразднении барщины в Галиции (Сандомирский повет¹⁰⁸). Освобождение помещиком Закшевским от барщины крестьян дер. Журавины (Радомская губ.) дало, как говорится в официальном донесении, «повод окрестным крестьянам к вредным толкам»¹⁰⁹.

Обнаруживая заметное возбуждение, крестьяне вели разговоры о событиях за границей, ожидали прихода революционных войск и перемен в своем положении. Капитан Пиляхау, основываясь на сообщении бургомистра местечка Юзефова Сухоцкого, 22 марта (3 апреля) доносил: «Расположение и дух крестьян деревень Люблинского и Замостьского уездов, около границы находящихся, не есть благонадежен, ибо они тешатся какою-то надеждою, что в скором времени участь их облегчится и поправится, говоря это со злобою и усмешкою»¹¹⁰. В деревне Покойне гмины Погермонь Марьямпольского повета, как сообщается в докладной записке Нессельроде Орлову 30 марта (11 апреля), в корчме собираются крестьяне из разных мест и «рассуждают в разговорах о событиях, последовавших за границу, но откуда все то им известно, открыть было невозможно». «Простой народ, — говорится далее в записке, — ожидает прибытия французов, а по крайней мере эмисаров; некоторые же крестьяне, питая ненависть к своим господам, намерены тогда их умертвить и имения их разграбить»¹¹¹. По сообщению лазутчика, в дер. Нова Кутновского повета ходили «толки о скором прибытии вооруженных полков под предводительством эмисаров», причем «крестьяне, владеющие землею с уплатою оброка... обнаруживают недоброжелательство к русским (разумеется, царским угнетателям. — И. К.) и готовятся при появлении вооруженных полков возмущать к мятежу»¹¹².

В некоторых местах крестьяне угрожали помещикам расправой. Арендатор имения Будзына в Олькушском повете Станислав Новак, основываясь на сообщении крестьян дер. Хобендзы, 7 (19) марта говорил, что «вся громада той деревни намерена зарезать его Новака и в д. Голче тамошнего приходского ксендза, Вноровского и воспользоваться их имением». В донесении об этом отмечалось, что «крестьяне в тамошних местах дерзкого характера»¹¹³. 21 марта крестьянин дер. Нова Кутновского повета Павел Маевский, будучи на крестинах, сказал владельцу части этой деревни Миколаю Шатковскому: «Послушай! Ты нам запретил пастбище, незадолго

¹⁰⁶ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 23, д. 216, лл. 102—103 (донесение Нессельроде от 27 апреля (9 мая) 1848 г.).

¹⁰⁷ Там же, л. 106.

¹⁰⁸ Там же, лл. 10, 19, 104.

¹⁰⁹ Там же, оп. 23, д. 28, л. 37. Интересно отношение властей к действию помещика. Не имея оснований видеть в нем «злонамеренную цель», они считали, что это было сделано поспешно, неблагоразумно и без разрешения властей. За помещиком был установлен полицейский надзор.

¹¹⁰ Там же, л. 11.

¹¹¹ Там же, д. 216, л. 23.

¹¹² Там же, л. 26 [донесение Нессельроде Орлову 1 (13) апреля 1848 г.].

¹¹³ Там же, лл. 3—4.

поиграем на твоём горле и хотя будешь проситься, но мы тебе не простим»¹¹⁴.

Работник из дер. Погермонки Марьямпольского повета Спронговский в марте говорил крестьянам, шедшим с ним в костел: «Жалко, что вотчинника Якимишок нет дома; приходит время мщения...»¹¹⁵. В том же месяце крестьянин дер. Трушки Ломжинского повета Лев Гжанковский «неоднократно говорил, что как последует перемена в здешнем крае, то он сам повесит своего эконома и помещика и что он будет резать ножом; когда же придут французы, то он определится в военную службу и укажет им, где что у помещика находится, дабы его ограбили». Гжанковский был арестован и отдан под суд¹¹⁶.

28 марта (9 апреля) во время ярмарки в местечке Едвабне крестьяне угрожали евреям-купцам, что заберут их имущество. По сведениям, полученным начальником жандармской команды, и «в других местах Ломжинского уезда крестьяне также явно делают угрозы»¹¹⁷.

В духе, враждебном помещикам, высказывались и некоторые солдаты войск, расположенных в Царстве Польском. В местечке Ядове Станиславовского повета 22 марта (3 апреля), в ярмарочный день в гостиницу пришли унтер-офицер и три солдата 1-й роты 1-го саперного батальона вместе с четырьмя крестьянами, у которых, по-видимому, квартировали, и начали выпивать. Один солдат стал приставать к владельцу дер. Нова-Весь Максимилиану Сонхоцкому, и когда содержатель гостиницы пытался удержать его от этого, то солдаты сказали: «Ты не хочешь, чтобы мужики были вместе с панами, паны шельмы, не заботятся и не любят мужиков, а от них живут; придет время, что мы их всех перережем». Весть об этом распространилась в местечке, и шляхта, опасаясь нападения, покинула ярмарку¹¹⁸.

Волнения крестьян иногда сопровождалось отказом отработывать барщину и нести другие повинности. В двух случаях за невыполнение повинностей крестьяне были удалены с занимаемых усадеб¹¹⁹.

Подобный характер имело крестьянское движение и в 1849 г., однако, по-видимому, оно было слабее, чем в 1848 г. Донесения жандармских властей отмечают только некоторые его проявления, имевшие, с их точки зрения, политическую окраску. Среди крестьян распространялись слухи о поражении царских войск, направленных для подавления революции в Венгрии¹²⁰, велась антиправительственная агитация. В мае в дер. Дембова Клода Радзинского повета эконом Ян Андрушевский говорил крестьянам: «Теперь государь положил подати на всех господских слуг и скоро получено будет распоряжение о увеличении податей и на крестьян; так если бы крестьяне взялись за колья и за что кто может и при ожидаемом проезде его императорского величества чрез Царство и убили бы императора, так не было бы никаких налогов». Андрушевский плохо относился к крестьянам, и они донесли на него¹²¹.

Нередки были побеги крестьян за границу¹²². Особенно участились побеги за границу и укрывательство лиц, подлежавших рекрутскому на-

¹¹⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 23, д. 216, л. 12.

¹¹⁵ Там же, л. 23.

¹¹⁶ Там же, л. 49.

¹¹⁷ Там же, л. 50.

¹¹⁸ Там же, лл. 51—52.

¹¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 10, д. 14, л. 23.

¹²⁰ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 24, д. 15, лл. 92, 95, 152.

¹²¹ Там же, л. 75.

¹²² Там же, д. 15.

бору. В Мариампольском повите намечалось набрать 573 человека, а взято было только 157, остальные бежали. Власти направили 25 казаков, чтобы посредством экзекуции принудить родственников доставить скрывшихся рекрутов¹²³. Нессельроде в докладной записке Орлову 30 октября (11 ноября) сообщал: «...побеги конскриптов (рекрутов. — И. К.) за границу и укрывательство их внутри Царства увеличились в настоящем году до такой степени, что рекрутский набор при всех усилиях рекрутских присутствий не только не был окончен в определенный срок и продолжался почти во всех губерниях до самого выступления партий, но в некоторых губерниях, именно в Плоцкой и Варшавской, собственно в Калишском округе недопринято указанное число людей и потому партии по недопоставлению конскриптов приняты и отправлены неполные; сверх того по необходимости взято много хозяев, людей женатых, оставивших беременных жен и даже детей»¹²⁴.

Крестьяне жаловались на помещиков и арендаторов¹²⁵. Имели место и поджоги помещичьих дворов. Станислав Танский за поджог фольварочных построек в дер. Рембкове Плоцкой губ. был предан суду¹²⁶. Недовольство и протест крестьян против гнета и эксплуатации помещиков и властей проявлялись и в других формах.

В 50—начале 60-х годов XIX в. в связи с дальнейшим развитием процесса разложения феодальных отношений и Крымской войной положение громадных масс крестьянства заметно ухудшилось. В этих условиях недовольство крестьян существующими порядками и их борьба против помещиков и царизма усиливались и охватывали все более широкие массы населения.

Крестьянское движение этих лет не является предметом изучения настоящей работы, отметим здесь только некоторые новые факты или существенные моменты движения. Документы свидетельствуют о бегстве крестьян и конскриптов за границу (Олькушский повет)¹²⁷, о многочисленных жалобах на угнетение и произвол помещиков (по официальным данным, от крестьян Августовского, Сейненского, Кальварийского и Мариампольского поветов с 1845 по 1863 г. поступило 448 жалоб)¹²⁸.

В некоторых местах крестьяне прекращали отбывать барщину и платить чинш. В 1850 г. было 9 случаев отказа крестьян выполнять повинности в пользу помещиков¹²⁹. По сообщению владельца имения Кросно в Праснышском повите Адама Красинского и начальника жандармской команды поручика Колачковского [донесение от 12(24) апреля 1851 г.], прусский подданный Ингерслебен подговаривал крестьян к неповиновению помещикам и писал им жалобы. «По его совету крестьяне дер. Залеса... отказываются от исполнения повинностей, следующих господскому двору по инвентарю». В связи с этим в имение дважды выезжала следственная комиссия; губернское правление приказало крестьянам выполнять повинности согласно табели и запретило Ингерслебену писать прошения, однако это не дало желаемого результата¹³⁰.

Касаясь отношения крестьян к помещикам, Правительственная комиссия внутренних дел в своем отчете за 1855 г. отмечала: «Вообще барщина

¹²³ Там же, л. 129.

¹²⁴ Там же, л. 145.

¹²⁵ «Московские ведомости», 1852, № 145.

¹²⁶ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 24, д. 28, лл. 101—102.

¹²⁷ Там же, оп. 26, д. 35, лл. 61, 62; оп. 27, д. 32, лл. 2, 3, 5.

¹²⁸ ЦГА Литовской ССР, ф. И-378, оп. 71, д. 1751, лл. 49—51.

¹²⁹ «Московские ведомости», 1852, № 145.

¹³⁰ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 26, д. 35, л. 20.

отрабатывалась крестьянами довольно исправно; проявлявшиеся иногда случаи неповиновения в этом отношении устраняемы были обыкновенными понудительными мерами; где, однако ж, меры сии оказались недействительными, там необходимо было прибегнуть к другим средствам обуздания крестьян; и так, трое из них, оказавшие упорное послушание в исполнении барщины, удалены в наказание и в пример другим из прежнего места жительства, двое выселены в другую губернию, наконец, в одном имении телесным наказанием в присутствии всей общины трех главных подстрекателей водворен надлежащий порядок»¹³¹.

В 1858 г. произошло волнение крестьян в казенной дер. Тжебегоща гмины Тромбин Липновского повета. Когда в деревню прибыл землемер в сопровождении воинской команды для измерения леса «Радосне», расположенного на границе казенного имения Тжебегоща и частного владения Злотополь и считавшегося спорным, то крестьяне, собравшись в числе около 150 чел. обоего пола, вооруженные «дрекольем», угрожая «защищать целостность своих границ до последней крови», не разрешили ему составить план лесного участка. Землемер вынужден был ограничиться «лишь обозрением той местности»¹³².

В 1859 г. оказывали неповиновение крестьяне «деревень в окрестностях города Бежуна» Плоцкой губ., которое было подавлено чрезвычайной военной экзекуцией¹³³.

В октябре 1860 г. крестьяне дер. Тжебегоща (Липновский повет) вновь оказали упорное сопротивление властям при попытке провести новую границу между имениями Тжебегоща и Злотополь. Прибывший в деревню начальник жандармской команды с 4 жандармами и 24 солдатами пытался сломить противодействие крестьян, но успеха не имел. Крестьяне, около 130 человек обоего пола, «вооруженные палками, дубинками и заступами, в минуту приближения к тому пункту (месту постановки межевого знака. — И. К.) жандармов на конях и взвода инвалидов с оружием бросились на команду с угрозами, что будут биться на смерть, а не дозвоят занять того пункта». Вместе с тем они пытались нанести удары владельцу имения Злотополь Францу Островскому. «Каждое покушение мое, — сообщал начальник команды, — к арестованию отличавшихся буйством в толпе оставалось безуспешным, ибо едва только который-либо из бунтовщиков был мною схвачен, толпа с дубинами бросалась к арестованному на помощь и силою тотчас же освобождала его из рук жандармов». Граница не была проведена. Начальник жандармской команды, донося об этом, считал, что неповиновение крестьян может быть подавлено лишь посредством военной экзекуции¹³⁴.

В эти годы начинается и массовое движение сельскохозяйственных рабочих. В Ловичском повете в 1859 г. помещики пытались навязать фольварочным батракам и рабочим в винокурнях новые, более тяжелые условия найма. В ответ на это батраки и рабочие отказались работать; помещики вынуждены были принять их требования¹³⁵. Подобные требования предъявляли фольварочные работники и в других местах.

В октябре 1860 г. из Плоцкого повета сообщалось, что там в некоторых местах фольварочные работники предъявляют помещикам «неумеренные» требования и последние не могут заставить их работать¹³⁶.

¹³¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, д. 23, лл. 226—227.

¹³² ЦГИАМ, ф. 109, оп. 200, д. 238, лл. 4—5.

¹³³ Там же, л. 7.

¹³⁴ Там же, лл. 1—7.

¹³⁵ «Roczniki gospodarstwa krajowego» (далее — RGK), t. XXIV, str. 319.

¹³⁶ RGK, t. XLI, str. 432.

В 1861 г. в Царстве Польском развернулось мощное крестьянское движение; с начала апреля по 20 мая не выходили на барщину крестьяне 1076 деревень, насчитывавших более 22 тыс. хозяйств. В деревни, охваченные движением, было послано около 20 рот солдат, 4 эскадрона улан, 4 сотни казаков и другие воинские¹³⁷ и жандармские команды, которые, переходя из одной деревни в другую, силой подавляли волнения крестьян; при этом производились аресты зачинщиков и руководителей крестьянских выступлений, телесные наказания, устанавливались посты воинских команд.

В условиях революционной ситуации, сложившейся в Царстве Польском в начале 60-х годов, массовое крестьянское движение, являвшееся одним из важных ее факторов, могло перерасти в восстание. Правительство под давлением крестьянского движения, о чем прямо говорится в официальных документах, вынуждено было заменить барщину денежным окупом (указ 4 (16) мая 1861 г.).

Указ, имевший целью, не нарушая интересов помещиков, посредством замены ненавистой крестьянам барщины на денежный окуп, ослабить крестьянское движение, представлял собой переходную меру и вместе с тем ясно свидетельствовал об ограниченности царско-помещичьей реформы. Помещики получали возможность постепенно и выгодно произвести перестройку фольварочного хозяйства (размежевание земель, упразднение сервитутов, очиншевание и т. д.). Что же касается крестьян, то указ, ничего не изменяя в их положении до 1 октября, предусматривал в дальнейшем весьма тяжелый, а нередко и вовсе непосильный окуп.

Крестьяне открыто, а иногда и весьма резко выражали свое недовольство указом. Они не являлись на собрания, на которых объявлялись указы; по их требованию, по неполным данным, солтысы в 247 гминах Варшавской губ., в 184 деревнях Августовской губ., в 376 деревнях Радомской губ., в 329 гминах Люблинской губ. и 79 деревнях Плоцкой губ., почти в $\frac{1}{3}$ всех деревень, отказались подписать протоколы об объявлении указа. После издания указа до 1 октября (дня перехода на окуп) прекращали отбывать барщину около 10 тыс. крестьянских хозяйств. Прекратив выполнение барщины, крестьяне отказывались платить окуп, противились установленному обязательному очиншеванию; коморники требовали упразднения барщины и наделения их землей; имели место случаи захвата помещичьей собственности, сопротивления властям и т. п. выступления крестьян¹³⁸.

В январе 1863 г. в Царстве Польском началось восстание, целью которого было завоевание национальной независимости и упразднение феодальных отношений. Это создало новую обстановку в Царстве Польском и вместе с тем определило новые черты в крестьянском движении.

¹³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1299, лл. 35—37, 40—49, 51—54, 56—58.

¹³⁸ H. Grynwazer. Pisma, t. III. Wrocław, 1951; T. Szczechura. Ukaz o okupie pańszczyzny z dnia 16 maja 1861 r. — «Przegląd historyczny», t. 40; RGK, t. XLII, str. 179, 185, 350, 353, 552; t. XLV, str. 348; t. XLVI, str. 155, 157, 160, 164, 345, 346; t. XLVII, str. 178; t. XLIX, str. 168—169.

И. И. Лещиловская

**К ВОПРОСУ О РАЗЛОЖЕНИИ
ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
И РАЗВИТИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ ХОРВАТИИ
И СЛАВОНИИ
В КОНЦЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Проблема первоначального накопления капитала в Хорватии и Славонии до сих пор почти не разработана, несмотря на ее большое значение для исследования истории народа этих областей. Освещение данного вопроса возможно лишь с изучением социально-экономического развития хорватских земель. Настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть с позиций марксистско-ленинской методологии характер эволюции экономической структуры помещичьего хозяйства Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в.

Отдельные вопросы, связанные с изменениями в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии на рубеже XVIII и XIX столетий, затрагивались русскими и зарубежными буржуазными авторами. Однако в подавляющем большинстве случаев эти исследователи приводили лишь случайные, отрывочные данные о состоянии земледелия и скотоводства в феодальных владениях, степени материальной обеспеченности дворян и т. д. и специально интересующей нас проблемой не занимались¹.

Историки и экономисты современной Югославии в последнее время сделали известный вклад в разработку вопроса о характере эволюции помещичьего хозяйства хорватских земель в конце XVIII—первой половине XIX в. Подробные сведения, главным образом о взаимоотношениях помещиков и крестьян в указанное время, содержатся в работе И. Бёзендорфера «Аграрные отношения в Славонии»². Автор собрал большой и важный законодательный материал, свидетельствующий о правах господ и обязанностях кметов. Но И. Бёзендорфер ограничился лишь констатацией фактов и передачей содержания королевских указов и урбаральных законоположений. Он не проанализировал содержание этих законодательных актов, отражавших новые экономические процессы, которые

¹ См. Л. В. Березин. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница, т. I. СПб., 1879; F. Šišić. Ban Josip Jelačić. — «Savremenik», 1909, br. 7; F. Kuralt. Rad hrv.-slav. gospodarskoga društva i njegov razvitak od godine 1841—1883. Zagreb, 1884.

² J. Bösendorfer. Agrarni odnosi u Slavoniji. Zagreb, 1950.

протекали в помещичьем и крестьянском хозяйствах. Автор не определил и классового характера аграрного законодательства той эпохи, защищавшего интересы господствующего класса. Бёзендорфер не сумел поэтому правильно объяснить политику Габсбургов в крестьянском вопросе и вскрыть основу некоторого реформирования феодальных отношений во второй половине XVIII—первой половине XIX в., которое он объяснил гуманными соображениями австрийских императоров. Несомненно интересная по ценности собранного в ней фактического материала монография И. Бёзендорфера требует к себе строго критического отношения в силу методологической несостоятельности автора.

Проблема перестройки помещичьего хозяйства в первой половине XIX в. затронута в статье хорватского экономиста Р. Бичанича «Освобождение кметов в Хорватии в 1848 г.»³. Дополненная некоторыми новыми материалами, она затем вошла в небольшую монографию «Элементы капитализма в хорватской экономике и политике»⁴. Характеризуя в общих чертах изменения в общественно-экономическом строе помещичьего хозяйства в первой половине XIX в., автор правильно объясняет их разложением феодальной системы и развитием капиталистических отношений в господских владениях. Касаясь разложения класса феодальных собственников, Р. Бичанич показывает постепенное превращение ряда помещиков в буржуазных аграриев и разорение большей части дворян. Однако хорватский экономист не дает всестороннего анализа сложного процесса перестройки помещичьего хозяйства в условиях развивающегося капитализма и допускает методологические ошибки. Р. Бичанич односторонне считает основой феодальных отношений неполную собственность феодала на непосредственных производителей — кметов, забывая о главном — о нераздельной собственности феодала на средства производства вообще и землю в частности.

Процесс разложения феодализма и развития капиталистических элементов в помещичьих владениях Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. бегло рассмотрен также в работах, посвященных истории крестьянских движений в Хорватии и Славонии⁵.

В 1958 г. вышла известная работа М. Мирковича «Экономическая история Югославии»⁶. Рассматривая экономическое развитие югославянских земель с древнейших времен до 1941 г., автор ставит, в частности, вопрос и об эволюции помещичьего хозяйства Славонии во второй половине XVIII в. М. Миркович показывает постепенное разрушение феодальной системы барского хозяйства и проникновение в него капиталистических элементов. Но в его обобщающем труде нет подробного исследования изменения экономической структуры помещичьего хозяйства в конце XVIII—первой половине XIX в.

В советской исторической науке проблема развития помещичьего хозяйства Хорватии и Славонии в рассматриваемый период еще не изучена.

Сложность изучения отдельных сторон социально-экономического развития Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в.

³ R. Bičanić. Oslobođenje kmetova u Hrvatskoj 1848. — «Djelo», 1948, br. 3.

⁴ R. Bičanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952.

⁵ Ж. Сечански. Грађа о Тицановој буни у Срему 1807 године (Предговор). Београд, 1952; С. Гавриловић. Селачки покрет у Срему у доба првог српског устанка. — «Зборник Матице српске», 7. Нови Сад, 1954, стр. 7—48; S. Gavrilović. Pokret moslavačkih seljaka 1815—16 godine. — «Историјски гласник», 2, 1956; стр. 3—36.

⁶ M. Mirković. Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958.

закljučается, в частности, в отсутствии ряда важных источников, в разбросанности и разнохарактерности имеющихсЯ. Источниками для настоящей работы послужили: составленные немецкими и венгерскими авторами статистические обзоры, материалы законодательного порядка, сочинения современников, периодическая печать, эпистолярная и мемуарная литература, некоторые опубликованные материалы из архивов отдельных помещиков и т. д.

В конце XVIII—первой половине XIX в. Хорватия и Славония входили в состав Венгерского королевства, являвшегося частью Австрийской империи. Территория Хорватии и Славонии в тот период административно состояла из шести жупаний: Загребской, Вараждинской, Крижевацкой, Вировитичской, Пожегской и Сремской⁷. Накануне 1848 г. хорватские гражданские земли⁸ (без Приморья и Риеки) занимали площадь в 345,97 кв. миль⁹. По данным 1840 г., население их (с Приморьем, но без Риеки) исчислялось в 837 329 человек¹⁰.

Государственно-правовое положение Хорватии и Славонии в рассматриваемое время определялось средневековыми законами и статутами. До второй половины XVIII в. эти области сохраняли некоторую внутреннюю самостоятельность. Но в 70-х годах центральная власть свела на нет значение хорватского сабора и бана и подчинила административно хорватские гражданские области венгерским властям.

В конце XVIII—первой половине XIX в. в недрах крепостного строя Хорватии и Славонии протекал процесс развития капиталистического способа производства. Это был период перехода от феодализма к капитализму, и экономика этих земель представляла собой сложное переплетение элементов отживающего феодально-крепостнического и идущего ему на смену капиталистического строя.

В изучаемое время в Хорватии и Славонии были достигнуты некоторые успехи в развитии капиталистической промышленности. Капиталистическое производство в форме кооперации и мануфактуры получило наибольшее развитие в лесной, поташной, деревообрабатывающей промышленности, начавшей интенсивно развиваться во второй четверти XIX в.; в морском и речном судостроении, в шелкоперерабатывающей промышленности, возникшей здесь во второй половине XVIII в.; в мукомольной, пищевой, табачной и кожевенной промышленности. Капиталистические формы производства проникли и в горнорудное дело, в общем слабо развитое в Хорватии и Славонии. Благоприятная рыночная конъюнктура во второй четверти XIX в. способствовала организации в Хорватии и Славонии капиталистических фабрик. Констатируя некоторые поступательные сдвиги в развитии хорватской промышленности, следует вместе с тем заметить, что процесс развития капитализма в хорватских областях протекал крайне медленно. В 1849 г. в Хорватии и Славонии стоимость купленных паровых машин составляла около 26 тыс. форинтов, в Венгрии — 788 тыс. форинтов, а в Чехии и Моравии — более 2,75 млн. форинтов¹¹.

⁷ По сравнению с современной территория Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. исключала Военную Границу, Далмацию, Истрию, Междумурье, Баранию, но имела Срем. Города Риека и Бакар с окружающими их землями составляли особую губернию, которая частично подчинялась хорватским, но в основном — венгерским властям.

⁸ Так современники иногда называли Хорватию и Славонию, в противоположность Военной Границе.

⁹ 1 австрийская кв. миля равнялась 57,5 кв. км.

¹⁰ F. Vrbanić. Jedno stoljeće u razvoju broja žiteljstva Hrvatske i Slavonije. — «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», kn. 140, str. 28, 34.

¹¹ Материалы о хорватской промышленности взяты из работы Р. Бичанича «Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860)». Zagreb, 1951.

Хорватия и Славония оставались в числе наиболее отсталых областей Австрийской империи. Основными препятствиями на пути их социально-экономического развития были крепостничество и двойной национальный гнет.

Сельское хозяйство было основной отраслью общественного производства в Хорватии и Славонии. Дворянство являлось главным собственником земли. Согласно переписи 1805 г., в хорватских и славонских жупаниях на 656 519 жителей приходилось 19 740 дворян¹². По происхождению дворянство распадалось на две категории — *Nobiles Donatarii* и *Nobiles armalistae*. Феодальными собственниками являлись лишь *Nobiles Donatarii*, так как *Nobiles armalistae* не владели землями с крепостными крестьянами.

В имущественном отношении дворянство Хорватии и Славонии не представляло единого целого. Верхушку его составляла титулованная знать — великаши. Аристократия представляла собой немногочисленную прослойку внутри своего класса. Из упомянутого выше числа дворян более 19 тыс. относилось к категории армалистов, мелкого и среднего дворянства¹³.

Экономическое значение крупных землевладельцев в Хорватии и Славонии было различно. Для его определения мы воспользуемся данными о распределении крестьянских наделов по поместьям. Обследование большей части имений показало, что в 1848 г. в Хорватии на долю 13 владений, имевших более 180 селищ¹⁴ каждое, приходилось 26,5% крестьянских наделов, а в Славонии 8 поместий, включавших более 270 селищ каждое, охватывали почти 70% крестьянских наделов в области¹⁵. Эти сведения с несомненностью говорят о том, что в Славонии земельная аристократия, несмотря на свою малочисленность, владела подавляющей частью крестьянских наделов. Это была область преимущественно крупного землевладения. В Хорватии же удельный вес крупных помещичьих хозяйств был значительно меньше. В ней преобладали мелкие и средние хозяйства.

Земельная собственность отдельных аристократов включала обычно несколько имений. Граф Иосип I Казимир Драшкович в 1765 г. оставил своим детям завещание на поместья: Белай, Чернемал, Речицу, Бедню, Прасницу, Вочу, Марчан, Божьяковину, Буковец, Тракошчан и Кленовник¹⁶. Граф Тома Кеглевич в 1840 г. завещал своим внукам богатые поместья Лобор, Горицу, Велешковец, Хьяцинтово и аллодиатуру Маче¹⁷. Славонский граф Антон Янкович держал в своих руках три великолепных поместья Пакрац, Ширащ и Дарувар, которые в конце 70-х годов XVIII в. составляли 15,5 немецких кв. миль (около 89 125 га) и насчитывали 82 населенных пункта¹⁸. О величине земельного имущества отдельных аристократов можно судить по тому факту, что владения барона Прандау включали накануне 1848 г. 1732 крестьянских селища и насчитывали 367 безземельных крестьян¹⁹. Таким образом, земельная собственность отдельных хорватских и славонских аристократов состояла из десятков

¹² F. Vrbanić. Указ. соч., стр. 34.

¹³ F. Sišić. Ban Josip Jelačić, str. 371.

¹⁴ Селище — крестьянский надел.

¹⁵ R. Bićanić. Počeci kapitalizma..., str. 77.

¹⁶ J. Kukuljević-Sakcinski. Glasoviti hrvati prošlih vjekova. Zagreb, 1886, str. 192.

¹⁷ L. Savor. Regesti isprava iz arhiva porodice Keglević. G. 1700—1853. — «Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije», vol. 1, Zagreb, 1954, str. 402.

¹⁸ F. Taube. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und des Herzogthumes Syrmien, B. III. Leipzig, 1778, S. 29.

¹⁹ V. Koščak. Madžaronska emigracija 1848. — «Historijski zbornik», 1950, br. 1—4, str. 110.

тысяч гектаров земли и тысяч населявших эти земли крепостных крестьян. Некоторые великаши в Хорватии и Славонии являлись собственниками целых областей.

С точки зрения экономической структуры владения хорватских и славонских аристократов, будучи феодальными в своей основе, разделялись на две части, из которых одну составляли собственно барские угодья, а другую — наделы крепостных и феодально-зависимых крестьян.

Управление хозяйством крупных феодалов осуществлялось при помощи многочисленного штата служащих и специальных лиц. В Славонии в каждом крупном владении имелись: провизор — управляющий, экзактор, ведавший доходами помещичьего хозяйства, судья, фишкал — адвокат, писарь и другие служащие²⁰. В каждой большой деревне находился барский шпан, который занимался организацией труда крепостных крестьян и следил за ведением всего хозяйства. Шпан подчинялся управляющему и имел при себе пандуров, общее число которых в славонских поместьях составляло 6—12 человек. Пандурами назывались вооруженные слуги, рекрутировавшиеся из числа крепостных крестьян и использовавшиеся феодалами как средство подчинения крестьянских масс. В некоторых случаях пандуры выполняли обязанности домашних слуг²¹. Поскольку хозяйственные работы в барских поместьях выполнялись главным образом на волах, а не на лошадях, в каждом владении имелось специальное лицо, которое ведало работой погонщиков волов²². Сам великаш хозяйством обычно не занимался.

Крупные феодалы, как правило, не проживали в своих владениях. В качестве местожительства они предпочитали Париж, Вену, в крайнем случае Загреб или другие хорватские города, где они имели особняки. Великаши часто сдавали свои поместья в аренду.

Земельная собственность представляла основу дворянских доходов, которые в рассматриваемое время зависели не только от величины владений, но и от наличия в них промышленных и коммерческих заведений, методов и приемов ведения хозяйства, состояния путей сообщения в данном районе, удаленности поместий от основных торговых центров и т. д.²³ За неимением архивных данных мы можем лишь приблизительно определить денежные доходы дворян. В конце 70-х годов XVIII в. одна славонская деревня в среднем приносила помещику 1 тыс. форинтов в год²⁴. Значит, граф Янкович получал со своих поместий около 80 тыс. форинтов ежегодного дохода.

О том, насколько велики были доходы отдельных феодалов Славонии во второй половине XVIII в., свидетельствует, например, тот факт, что князь Браччиано, проживавший в Риме и сдававший свое поместье Иллок в аренду, получал за него ежегодно 30 тыс. форинтов. Сообщающий об этом Таубе, объездивший в 70-х годах XVIII в. по служебным делам всю Славонию, замечает, что, если бы собственник сам занимался хозяйством, поместье давало бы до 50 тыс. форинтов ежегодного дохода²⁵. Собственник поместья Вальпо барон Прандау, проживавший в Вене, сдал указанное поместье в конце 70-х годов XVIII в. в аренду за 23 тыс. форинтов, арендатор же получал с него более 30 тыс. форинтов в год²⁶.

²⁰ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 49; «Novine Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinske», 4.XI 1846, str. 370.

²¹ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 49.

²² Там же, стр. 50.

²³ R. Bićanić. Počeci kapitalizma..., str. 76.

²⁴ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 54.

²⁵ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 68.

²⁶ Там же, стр. 17.

Граф Баттиани в Хорватии со своих трех поместий получил в 1847 г. годовой доход в 60 тыс. форинтов серебром, что превысило доходы всех дворян Крижевацкой жупании вместе взятых²⁷.

Большая земельная площадь в Хорватии и Славонии находилась в руках австрийских, венгерских и даже итальянских аристократов. Например, поместье Иллок принадлежало итальянскому князю Браччиано²⁸. Поместье Нуштар являлось собственностью венгерского графа Шандора, а поместье Шеровиц — австрийского графа Хаддика²⁹. Несколько крупных поместий в Хорватии держала семья венгерских аристократов Баттиани³⁰. Постоянное пребывание ряда местных великашей вне Хорватии и Славонии, принадлежность крупных земельных владений здесь австрийским, итальянским и венгерским аристократам приводили к тому, что огромные материальные средства отправлялись из хорватских земель за границу, благодаря чему материальные ресурсы Хорватии и Славонии, и без того небольшие, истощались.

Итак, громадные латифундии, основывавшиеся на подневольном труде крепостных крестьян, составляли основу социальной и политической силы крупных феодалов в хорватских гражданских землях.

Более многочисленную прослойку внутри дворянства Хорватии и Славонии представляли средние дворяне. В жизни жупаний они играли руководящую роль.

Земельная собственность среднего помещика в хорватских областях состояла из нескольких сот гектаров земли и включала до ста крестьянских селищ, сконцентрированных в одном имении или разбросанных в ряде мелких владений. К числу средних феодалов в Хорватии можно отнести помещика Доминика Доминича. Он имел поместья: Томашевец, включавшее $15\frac{2}{8}$ селищ и насчитывавшее 26 безземельных крестьян; Калиновица — с $8\frac{2}{8}$ селищами и Задревец, располагавшее $2\frac{4}{8}$ селищами и двумя безземельными крестьянами³¹. Доходы среднезажиточных помещиков исчислялись в несколько тысяч форинтов серебром в год³².

Третью категорию внутри феодального господствующего класса составляли мелкие помещики. Экономически слабые дворяне в Хорватии и Славонии не располагали крупной земельной собственностью. В большинстве случаев они имели небольшие владения, в центре которых располагались усадьбы с деревянными барскими жилыми и хозяйственными постройками³³. В хорватских областях земельное имущество мелкого феодала в среднем включало около десятка или несколько больше крестьянских селищ. Мелкий помещик в Хорватии Иван Непомук Штивалич накануне 1848 г. владел поместьем Зденчина с $7\frac{4}{8}$ селищами³⁴. Но встречались и такие господа, которые держали всего несколько кметов³⁵. В Пожеской жупании, например, в 70-х годах XVIII в. находилось небольшое поместье Престовац, которое было разделено на три части и соответственно принадлежало трем владельцам: Стрисичу, Мальевацу и Гаричу³⁶. Накануне 1848 г. земельное имущество помещика Степана Коса включало

²⁷ R. Bićanić. Oslobođenje kmetova..., str. 192.

²⁸ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 68.

²⁹ Там же, стр. 72.

³⁰ V. Koščak. Указ. соч., стр. 101.

³¹ V. Koščak. Указ. соч., таблица на стр. 102—103.

³² См. R. Bićanić. Počeci kapitalizma..., str. 78.

³³ F. Šišić. Ban Josip Jelačić, str. 371.

³⁴ V. Koščak. Указ. соч., таблица на стр. 102—103.

³⁵ И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској, кн. I. Београд, 1925—1926, стр. 47.

³⁶ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 46.

всего одно урбарияльное селище³⁷. В Хорватии были села, в которых жили крепостные крестьяне трех, четырех и даже десяти господ³⁸. Доходы малосостоятельных феодалов исчислялись в несколько сот форинтов серебром в год³⁹. Яркую характеристику экономически слабых хорватских феодалов дал буржуазный историк Фердо Шишич⁴⁰. Итак, основу помещичьего хозяйства составляла земельная собственность феодалов. Независимо от размеров дворянские земельные массивы имели ряд существенных признаков. Главным из них являлось четкое разделение помещичьих земель на две части, из которых одну составляли наделы крепостных и феодально-зависимых крестьян, а другую — собственно барская запашка. Земельная собственность дворян в зависимости от состоятельности последних включала от нескольких до множества сотен крестьянских наделов, сосредоточенных в одном или разбросанных в ряде отдельных владений. Доходность помещичьих земель определялась от сотен до десятков тысяч форинтов серебром в год.

Отраслевая структура помещичьих хозяйств не была в Хорватии и Славонии одинаковой. Она зависела от величины господских владений.

Но прежде чем переходить к освещению данного вопроса, необходимо отметить, что в феодальных владениях Хорватии и Славонии наряду с полезной площадью имелось большое количество необрабатываемых земель: пустошей, заболоченных участков и т. д. Особенно большое количество пустошей было в Славонии. В конце 70-х годов XVIII в. здесь встречались пустоши, тянувшиеся на много миль⁴¹. В 30—40-е годы XIX в. только в одной Пожегской жупании насчитывалось 486 пустошей. По подсчетам редакции загребской газеты «Новине Хрватско-Славонско-Далматинске», общая площадь их составляла около 300 полных крестьянских селищ⁴². Закон 1836 г. содержал специальный параграф, касающийся заселения пустующих земель, и предписывал предоставлять определенные льготы новопоселенцам⁴³. Однако существенных изменений в этой области на протяжении 40-х годов не наблюдалось.

В Славонии было особенно много болот, топей и трясин. В поместье Вальпо барона Прандау во второй половине XVIII в. болота и топи занимали $\frac{1}{4}$ часть всей территории⁴⁴. Большая часть поместий Вировитица, Турановац, Нашице была покрыта трясиными⁴⁵. Таубе, сравнивая ландшафт Славонии конца 70-х годов XVIII в. с ландшафтом древней Германии, описывал внешний вид славонских областей следующим образом: «Кто проезжает эту, в высшей степени благословенную, страну, тот находит повсюду или бездонные болота, трясины и стоячие воды, или непроходимые горы с зияющими наклонными пропастями и глубокими долинами, или безмерные и благоухающие леса, или просторные и совершенно ровные равнины, которые нельзя окинуть взглядом»⁴⁶.

Наличие значительной площади необрабатываемых земель в Хорватии и Славонии являлось показателем и вместе с тем следствием невысокого уровня развития производительных сил в помещичьих хозяйствах этих областей.

³⁷ V. Koščak. Указ. соч., стр. 110.

³⁸ R. Bićanić. Počeci kapitalizma..., str. 76.

³⁹ См. R. Bićanić. Počeci kapitalizma..., str. 78.

⁴⁰ См. F. Šišić. Ban Josip Jelačić, str. 371.

⁴¹ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 34.

⁴² «Novine...», 26.V 1847, str. 166.

⁴³ Там же, стр. 165.

⁴⁴ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 17.

⁴⁵ Там же, стр. 19, 21, 48.

⁴⁶ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 6.

Полезная площадь в господских владениях распределялась следующим образом: в поместье Дубрава Вараждинской жупании земля, используемая самим господином⁴⁷, состояла, помимо приусадебного участка в 7 рал⁴⁸, из сада в 4 рала, пашни — 66, пастбища — 16 рал, лугов — 131,5 косца⁴⁹, виноградника — 181 копач⁵⁰. Поместье включало 2807 рал лесов и имело рыбник⁵¹ размером в 18 косцов. Следовательно, в данном поместье на долю земледелия приходилось приблизительно 36% полезной земли (без лесов), на долю скотоводства — 64%. При этом пашня составляла около 30%, а виноградники с садами занимали около 6% земли.

Поместье Яковец в той же жупании имело в господской части следующую структуру: около 100 рал пашни, 146 кос лугов, 198 копачей виноградника, 32 рала пастбища. Имение располагало 112 ралами лесов⁵². Таким образом, в поместье Яковец средних размеров виноградники и пашни занимали 38% земли (без лесов), в том числе под пашней было занято 34% земельного массива, пастбища и луга составляли 62% площади.

В небольшом имении Слановец, расположенном в Загребской жупании, аллодиальный массив состоял из 70 копачей виноградника, 8 косцов лугов, 20 ютаров⁵³ пашни и 13 ютаров лесов⁵⁴. Значит, в этом владении земледельческие угодья составляли около 74% полезной площади (не считая лесов), в том числе на пашню приходилось приблизительно 64% земли.

Маленькое владение Петрушевец в Загребской жупании, располагавшее в 1847 г. лишь пятью крестьянскими селищами, имело в господской части 20 рал пашни и 90 рал лесов⁵⁵. Значит пашня здесь занимала всю господскую полезную земельную площадь (без лесов).

А в имении Бузин той же жупании было 120 рал пашни, луг на 30 возов сена и большой сад с виноградными лозами⁵⁶. Следовательно, в имении Бузин под пашней и садом было занято более 80% всего аллода.

Таким образом, процентное отношение площади, составлявшей земледельческие угодья, к общей величине господского земельного массива в феодальных владениях Хорватии менялось в зависимости от величины последних. С увеличением размеров помещичьих владений удельный вес земледельческих угодий понижался и, наоборот, возрастал удельный вес скотоводческих земель. Можно поэтому допустить, что в Хорватии

⁴⁷ Сведения о владении Дубрава взяты из объявления о сдаче его в аренду (см. «Novine...», 12.IV 1849, str. 176). О том, что в данном, как и нижеследующих объявлениях, речь идет о собственно барских массивах, свидетельствует соотношение приводимого в некоторых объявлениях числа селищ и величины пашен и лугов. Кроме того, эти объявления относятся к 1849 г., т. е. ко времени, когда в Хорватии и Славонии уже было объявлено об освобождении крестьян, в результате чего произошло отделение крестьянских наделов. Впрочем, на отраслевом характере помещичьих хозяйств ликвидация крепостничества в Хорватии и Славонии не сказалась, поэтому объявления 1849 г. (в плане распределения полезной площади господского массива) можно использовать применительно к предшествующим годам.

⁴⁸ 1 рало — 1600 кв. хватов = 0,575 га.

⁴⁹ 1 косец (коса) — единица измерения лугов, 1 конец приблизительно равнялся 1 ралу.

⁵⁰ 1 копач — единица измерения виноградников. 1 копач приблизительно равнялся 1/21—1/23 рала.

⁵¹ Точно установить значение этого слова не представляется возможным. Оно могло означать прежде всего рыбный пруд, но также и землю, на которой когда-то был или в означенное время находился рыбный пруд.

⁵² «Novine...», 6.III 1849, str. 112.

⁵³ 1 юстар приблизительно составлял 0,575 га.

⁵⁴ «Novine...», 19.VI 1849, str. 292.

⁵⁵ «Novine...», 1.V 1847, str. 140.

⁵⁶ «Novine...», 20.III 1849, str. 136.

в первой половине XIX в. в мелких и частично среднесостоятельных хозяйствах преимущественное значение имело земледелие. В крупных же владениях наряду с земледелием существенную роль играло скотоводство. Если учесть при этом, что пустоши и лесные массивы, занимавшие, особенно в состоятельных владениях, весьма значительную территорию, также использовались для содержания скота, наше предположение о немаловажном значении скотоводства в крупных владениях станет еще более состоятельным. Однако в силу того, что в Хорватии преобладали мелкие и средние владения, в общем и целом земледелие здесь имело значительный перевес над скотоводством.

Оставленные современниками описания Славонии⁵⁷ дают возможность заключить, что в славонских владениях основными отраслями хозяйства были земледелие и скотоводство, которые имели приблизительно равное значение. Животноводство получило развитие во всех районах Славонии. В гористой Пожегской жупании оно было развито даже сильнее, чем земледелие⁵⁸. Большие леса, в составе которых преобладающей породой были дуб и бук, просторные пустоши, холмистая поверхность западной части Славонии, относительная близость важнейших скотных рынков (Оденбург и Велика Канижа в Венгрии) создавали особенно благоприятные условия для развития животноводства в этой области. Вместе с тем болотистые почвы, многочисленные стоячие воды, в особенности вблизи Дуная и Дравы, заставляли не только крупных, но и мелких феодалов уделять особое внимание развитию в своих хозяйствах скотоводства, которое в ряде случаев получало перевес над земледелием. Значительное развитие скотоводство получило в крупном поместье Иллок, во владениях графа Янковича и др.⁵⁹

Как показывают вышеприведенные данные о структуре некоторых хорватских поместий, главенствующее место в сельскохозяйственных угодьях принадлежало пашне. Хлеб начиная с последней четверти XVIII в. являлся главным продуктом хорватского экспорта⁶⁰. Загребская газета «Новине...» в 30—40-х годах XIX в. систематически сообщала цены на зерно в наиболее крупных торговых пунктах Хорватии, Славонии и всего Венгерского королевства⁶¹, что свидетельствует о большом значении хлебной торговли для этих районов Австрийской империи. Из вышесказанного следует, что в рассматриваемое время хлеб являлся главным продуктом помещичьего производства Хорватии и Славонии.

В помещичьих хозяйствах выращивались все виды хлебных злаков, но главными из них были: пшеница, кукуруза, рожь, ячмень, гречиха и просо⁶². В Среме, где была исключительно плодородная почва, производилась пшеница, считавшаяся одной из лучших во всем Венгерском королевстве⁶³. Преобладающее место занимали яровые посевы⁶⁴. Из технических культур возделывались лен и конопля, которые в большинстве хозяйств шли для собственного потребления, табак и хмель. Особенно большое развитие табаководство получило в Славонии, главным образом в По-

⁵⁷ F. Taube. Указ. соч., т. I—III; J. Csaplovics. Slavonien und zum Theil Croatien, Th. I—II. Pesth, 1819.

⁵⁸ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 23.

⁵⁹ Там же, стр. 29, 36, 67, 71.

⁶⁰ «Novine...», 2.XII 1846, стр. 401.

⁶¹ См. «Novine...», 21.I 1837, стр. 24; 8.VIII 1837, стр. 242; 19.VIII 1837, стр. 254 и др.

⁶² Al. Fényes. Statistik des Königreichs Ungarn, Th. I. Pesth, 1843, S. 139—143.

⁶³ Там же, стр. 140.

⁶⁴ См. Н. А. Крюков. Славянские земли, т. I. Пр., 1914, стр. 133.

жегской жупании⁶⁵. Много табаку производилось в поместьях Плетерница, Престовац и др.⁶⁶

Основной системой полеводства было трехполье. Минимум $\frac{1}{3}$ земли в помещичьих хозяйствах каждый год находилась под паром⁶⁷. Трехпольная система земледелия, соответствовавшая потребностям натурального хозяйства, к началу XIX в. стала глубоко консервативной.

Феодальное хозяйство характеризовалось низким уровнем сельскохозяйственной техники. Тяжелый деревянный плуг, мотыга, борона, серп, коса и грабли были основными орудиями сельскохозяйственного производства. Крепостной крестьянин, обрабатывавший барские поля своим инвентарем, лишен был возможности приобретать усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, к тому же он не был и заинтересован в этом, поскольку всякая рационализация сельскохозяйственного производства влекла за собой усиление эксплуатации со стороны феодала.

Сельскохозяйственные работы в подавляющей части барских хозяйств выполнялись примитивно. Вспашка осуществлялась при помощи плуга, запряженного чаще всего четырьмя волами, рыхление производилось вручную при помощи мотыги. Обычно для обмолота, или, вернее, вытаптывания, зерна применялись лошади. В Славонии в конце 70-х годов XVIII в. молотьба проводилась на особых площадках-токах, в середине которых ставился столб. К нему на длинных веревках привязывались три, пять, а то и двенадцать лошадей. По площадке раскладывались необмолоченные снопы, которые покрывались сверху соломой, и лошади на току шли по кругу⁶⁸. Подобный способ обмолота приводил к большим потерям зерна. Значительное количество зерна не вымолачивалось, часть дробилась и втаптывалась в землю. Солома размалывалась в труху, загрязнялась и теряла свои кормовые качества.

В экономически слабых феодальных хозяйствах, в которых не было амбаров, сараев или других хозяйственных помещений для хранения зерна, собранный и необмолоченный хлеб складывался в скирды и оставался на зиму под открытым небом⁶⁹. Такой способ хранения хлеба приносил большие убытки хозяйству.

Большое значение в помещичьих владениях имели виноградники. Виноградарство представляло в Хорватии развитую отрасль сельского хозяйства. Один венгерский современник, отмечая, что в Хорватии очень много родится винограда, писал: «Хорватия имеет, можно сказать, две знаменитые виноградные возвышенности, и вино с них может состязаться с вином более славных венгерских возвышенностей; но за пределами хорватской земли это вино совсем неизвестно, потому что его обычно все здесь выпивают»⁷⁰. Виноград культивировался на всей территории Хорватии. Однако наиболее известной областью виноградарства была Мославина, где произрастали наиболее ценные и доброкачественные сорта винограда. В народе существовало даже особое определение, похвальное для качества винограда: «истинно мославацкий»⁷¹.

Таубе отмечает большое развитие виноградарства и в славонских районах. По его свидетельству, виноградниками здесь были покрыты все холмы и небольшие горы⁷². Особенно славилась своим виноградом Сремская

⁶⁵ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 48—49; т. III, стр. 23.

⁶⁶ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 46, 47.

⁶⁷ «Novine...», 28.IV 1847, str. 133.

⁶⁸ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 44—45.

⁶⁹ Там же, стр. 44.

⁷⁰ «Novine...», 15.VIII 1846, str. 273.

⁷¹ «Novine...», 23.IX 1846, str. 317; Al. Fényes. Указ. соч., стр. 164.

⁷² F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 12.

жупания⁷³. Виноградарство широко велось в поместьях Вировитица, Илок, Шеровиц и др.⁷⁴ Изготавливаемое в Славонии вино также потреблялось внутри области, преимущественно невыдержанным⁷⁵.

Производство вина в помещичьих хозяйствах осуществлялось примитивным способом. По технике изготовления вина в 30—40-х годах XIX в. Хорватия и Славония оказались далеко позади Штирии и Крайны, которые еще 15 лет назад не могли равняться с хорватскими областями в качестве производимой продукции⁷⁶. В «Ежемесячном журнале Хорвато-славонского хозяйственного общества» за 1845 г. была помещена заметка⁷⁷, подробно описывающая технику производства вина в хорватских гражданских землях. Почти повсюду, отмечает журнал, виноградные гроздья складывались в специальные чаны, где человек босыми ногами выдавливал из них сок. О крайне примитивном способе изготовления вина и его хранения в Хорватии говорит в своих воспоминаниях Имбро Ткалац. «Вино подвергалось, видимо, таким же примитивным манипуляциям, — пишет он, — как во времена, когда в этих пределах римский император Пробус приказал посадить виноград»⁷⁸.

Примитивная техника изготовления вина, плохие погреба являлись причиной плохого качества хорватского и славонского вина в подавляющей его массе, несмотря на высококачественные сорта винограда. Крепостные крестьяне, занимавшиеся обработкой винограда в помещичьих хозяйствах, использовали приемы и методы, перешедшие к ним по наследству от предшествующих поколений. Темнота и забитость крепостных крестьян препятствовали усвоению ими новых способов производства вина.

Но значительно более серьезным препятствием для улучшения качества вина являлась невозможность введения более совершенных приемов обработки винограда в условиях крепостнической системы хозяйства. В частности, вопрос сортировки виноградных гроздьев являлся неразрешимой проблемой в крестьянском хозяйстве, что самым непосредственным образом сказывалось и на производстве значительной части господского вина. В феодальных владениях вино производилось преимущественно из винограда, произраставшего в собственно господских виноградниках, но немало вина и сусла помещики получали в качестве феодальной повинности с крепостных крестьян. Взимание же с кметов сусла или вина производилось от всего крестьянского урожая, в силу чего кметы лишены были возможности сортировать виноградные гроздья⁷⁹. Так крепостнические отношения мешали не только выявлению улучшенных приемов виноделия, но затрудняли освоение уже найденных из них. Это в значительной степени подавляло творческую инициативу крестьян в изыскании возможностей усовершенствования производственного процесса.

Несмотря на благоприятные климатические условия, садоводство в Хорватии и Славонии большого развития не получило. Но в ряде поместий были хорошие фруктовые сады⁸⁰. Наибольшее распространение имела в Хорватии и Славонии слива. В начале XIX в. в Вировитичской и Пожегской жупаниях встречались помещичьи сливовые сады, имевшие много

⁷³ Al. Fényes. Указ. соч., стр. 157—158.

⁷⁴ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 19, 68, 72.

⁷⁵ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 48.

⁷⁶ «Novine...», 2.IX 1846, str. 293.

⁷⁷ «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Družtva», 1845, br. 4, str. 53. Цит. по «Novine...», 19.IX 1846, str. 316.

⁷⁸ И. Ткалац. Указ. соч., кн. 1, стр. 33.

⁷⁹ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 154.

⁸⁰ J. Csaplovics. Указ. соч., т. I, стр. 49.

тысяч деревьев⁸¹. Подобные сады были в поместье графа Хаддика Шеро-виц, во владениях графа Янковича Пакрац, Ширав и Дарувар⁸². Господ-ский сливовый сад Прахулье, расположенный вблизи городка Пакрац, в начале XIX в. насчитывал 30 ихов⁸³ земли, здесь было 14 тыс. деревьев⁸⁴. Из сливы в Славонии выделялся особый вид водки — «сливо-вица»⁸⁵. Если здесь случался хороший урожай слив, то в отдельных вла-дениях производилось до тысячи ведер сливовицы и ракии ежегодно⁸⁶.

В Хорватии и Славонии преобладающее значение имела экстенсивная форма скотоводства, а именно нагульное мясное скотоводство. Вместе с тем скот использовался как рабочая сила и как источник для получения естественных удобрений. Из отраслей скотоводства наибольшее значение в помещичьих хозяйствах Хорватии имело разведение крупного рогатого скота и свиноводство. Коневодство и овцеводство здесь большой роли не играли⁸⁷.

В помещичьих славонских хозяйствах также наибольшее значение имело разведение крупного рогатого скота. Таубе отмечает, что в Славонии, в особенности в Сремской жупании, раскинувшиеся на много миль пустоши постоянно были заполнены пасущимися волами⁸⁸. Лучшие породы круп-ного рогатого скота разводились в Сремской жупании⁸⁹. В 40-х годах XIX в. прекрасное стадо крупного рогатого скота было у князя Одешалчи в Вишневце Сремской жупании. Стадо насчитывало около 400 голов поро-дистого скота⁹⁰.

Большого развития в Славонии достигло также свиноводство. Таубе отмечает, что количество свиней в этой области было «удивительно ве-лико»⁹¹. Если в лесах имелось достаточно корма, подавляющая часть этих животных в Пожегской и Вировитичской жупаниях кормилась желудями. Тогда леса кишели господскими и крестьянскими свиньями. В Сремской жупании, где ощущался недостаток дубовых и буковых лесов, свиноводство было развито несколько меньше. В некоторых хозяйствах здесь свиней откармливали кукурузой и даже высокосортной сремской пшеницей⁹². Следовательно, основой развития животноводства здесь было земледелие.

Во второй половине XVIII в. несколько хуже в Славонии обстояло дело с овцеводством. Здесь имелись преимущественно небольшие господ-ские отары, но были отары и в тысячу голов овец. Наиболее крупные отары овец встречались в Сремской жупании⁹³.

Коневодство в Славонии развито было слабо, несмотря на большие возможности. При этом лошади были здесь непородистые⁹⁴. На 1840 г. частные конные заводы имелись в Вировитичской жупании: в Пепелане Янковича, в Миклоше Михаловича; в Сремской жупании: в Руме Пеяче-вича и в Добродоле Рогулича⁹⁵.

⁸¹ Там же, стр. 159.

⁸² F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 29, 37, 72.

⁸³ 1 иох приблизительно равнялся 0,575 га.

⁸⁴ J. Csaplovics. Указ. соч., т. I, стр. 49.

⁸⁵ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 12.

⁸⁶ Там же, стр. 50.

⁸⁷ «Allgemeines Geographisch-statistisches Lexikon aller Oesterreichischen Staaten». Bd. I, Wien, 1845, S. 898.

⁸⁸ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 34.

⁸⁹ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 57; Al. Fényes. Указ. соч., стр. 191.

⁹⁰ Al. Fényes. Указ. соч., стр. 191.

⁹¹ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 36, а также Al. Fényes. Указ. соч., стр. 202.

⁹² F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 58.

⁹³ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 38; т. III, стр. 57.

⁹⁴ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 40.

⁹⁵ Al. Fényes. Указ. соч., стр. 189.

Помещичьи хозяйства занимались пчеловодством и шелководством. Судя по значительному количеству поступающего на рынок меда и воска, в начале XIX в. пчеловодство получило значительное развитие в славонских поместьях Вальпо, Михольц, Вировитица, Чепин, Тень, Вуковар⁹⁶.

Шелководство было введено в Славонию лишь в 1761 г. Оно всячески поощрялось властями и к концу 70-х годов достигло некоторых успехов⁹⁷. Во второй половине XVIII в. в особенно благоприятном состоянии шелководство находилось в Сремской жупании⁹⁸. Но и в Вировитичской и Пожегской жупаниях оно имело место. Нигде шелководство не было так развито, как в поместье Вуковар графов Елц. Тутовые деревья здесь, по свидетельству современника, имелись «в бесчисленном количестве»⁹⁹. Значительное место шелководство занимало также в поместьях графа Янковича¹⁰⁰.

В Хорватии шелководство начало развиваться несколько позже и значение его было меньше, чем в славонских областях.

В крупных феодальных поместьях были развиты также охотничий и рыболовный промыслы. Особенно богаты были пушным зверем славонские леса. Большая охота велась здесь на медведей, волков, лисиц, куниц, рысей и бобров¹⁰¹. В последней четверти XVIII в. в каждом крупном славонском владении убивали за год не менее 100 лисиц, 1—2 дюжины куниц¹⁰² и множество других пушных зверей.

В конце XVIII в., несмотря на огромные лесные богатства Хорватии и Славонии, лесное хозяйство здесь фактически только зарождалось. Феодалы проявляли полнейшую бесхозяйственность в использовании лесных массивов. Масса хороших деревьев валялась на земле и гнила. Если дорога, проходившая по лесу, становилась труднодоступной, то прорубался новый дорожный просек или расширялся старый, а древесина поваленных деревьев не использовалась¹⁰³. Примером хищнического использования лесов помещиками может служить контракт графа Пеячевича с владельцем стекольного предприятия, расположенного близ местечка Нашице. Землевладелец Пеячевич вместе со сданным в аренду участком земли предоставил предпринимателю право рубить для нужд предприятия лес в неограниченном количестве и любой породы¹⁰⁴.

В начале XIX в. в связи с ростом на внешнем рынке спроса на лесоматериалы вырубка деревьев в помещичьих хозяйствах Хорватии и Славонии особенно усилилась. Однако для возобновления и сохранения лесов ничего не предпринималось. Имевшиеся в ряде крупных владений лесничие больше следили за тем, чтобы крестьяне тайком не приводили своих свиней в господские леса, не собирали желудей, не рубили деревьев для строительства и отопления, нежели за правильным использованием и сохранностью лесных богатств. В первых десятилетиях XIX в. австрийским правительством было издано несколько законов по охране лесов и древонасаждений в империи, но уже само количество этих законов говорит о том, что они не проводились в жизнь.

Итак, материалы, относящиеся к отраслевой структуре помещичьих хозяйств, показывают, что производственные возможности господских

⁹⁶ См. «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848».

⁹⁷ F. Таубе. Указ. соч., т. I, стр. 28.

⁹⁸ F. Таубе. Указ. соч., т. I, стр. 29; т. III, стр. 55.

⁹⁹ F. Таубе. Указ. соч., т. III, стр. 64.

¹⁰⁰ Там же, стр. 29.

¹⁰¹ F. Таубе. Указ. соч., т. I, стр. 19—21.

¹⁰² Там же, стр. 20.

¹⁰³ Там же, стр. 14—15.

¹⁰⁴ F. Таубе. Указ. соч., т. III, стр. 49.

владений в Славонии использовались несколько полнее, чем в Хорватии, что являлось известным показателем более высокого развития производительных сил в помещичьих хозяйствах славонских жупаний. Немаловажное значение в данном случае имели как исключительно благоприятные почвенно-климатические условия славонских областей, так и преобладание здесь крупных владений.

Техника сельскохозяйственного производства, господствовавшие способы и приемы ведения хозяйства, а также отраслевой характер подавляющего большинства помещичьих владений в Хорватии и Славонии, производственные возможности которых были несравненно больше крестьянских хозяйств, свидетельствовали о несомненной отсталости сельскохозяйственного производства здесь, что определялось существованием феодальной собственности на землю.

* * *

XVIII век характеризовался большими переменами в экономике всей Австрийской монархии и ее составной части — Хорватии и Славонии.

Рост капиталистического промышленного производства в хорватских землях и во всей Австрийской империи, предъявлявшего усиленный спрос на сельскохозяйственное сырье и продукты, развитие международной торговли втягивали помещичьи хозяйства Хорватии и Славонии в сферу рыночных отношений и заставляли хорватских феодалов приспосабливаться к новым складывающимся экономическим условиям. Необходимость перестройки барских хозяйств сообразно с запросами капиталистического развития, повышение дворянских потребностей усиливали нужду феодалов в деньгах. Феодалы стремились повысить доходность своих владений главным образом за счет усиления эксплуатации крепостных крестьян. Но вместе с тем отдельные помещики с целью увеличения доходности поместий стали отказываться от установившихся норм хозяйственной жизни и прибегать к новшествам в способах и методах ведения хозяйства.

Это выразилось прежде всего в приобретении помещиками своего инвентаря и сельскохозяйственных орудий, повышающих производительность труда. В 1846 г. редакция «Ежемесячного журнала...», издаваемого Хорвато-славонским хозяйственным обществом (ХСХО), рекомендовала всем занимающимся виноделием новое специальное приспособление для получения виноградного сока под названием грешталница. Оно представляло собой нечто вроде ручного прессы, приводимого в действие путем вращения рукоятки, и предназначалось для первичной обработки винограда. Грешталницы продавались в канцелярии ХСХО. Они рекламировались в качестве «машин», и применение их изображалось как наиболее совершенный в Хорватии и Славонии способ обработки винограда¹⁰⁵.

По объявлению можно установить, что в том же году в канцелярии ХСХО продавались специальные ножницы, или щипцы, для подрезания виноградных лоз и фруктовых деревьев. Судя по той рекомендации, которая давалась этому инструменту, можно предположить, что такого рода ножницы впервые вводились в хозяйственное употребление в Хорватии и Славонии¹⁰⁶.

Наиболее дальновидные помещики высказывались за необходимость улучшения сельскохозяйственных орудий, введение в употребление новых их видов, рассматривая эти мероприятия как одно из условий подъема

¹⁰⁵ «Novine...», 19.IX 1846, str. 316.

¹⁰⁶ «Novine...», 11.XI 1846, str. 379.

сельского хозяйства. Выражением таких тенденций явилось выступление загребского епископа Хаулика — председателя Хорвато-славонского хозяйственного общества — на третьей скупщине членов этого общества в 1842 г. Говоря об условиях подъема сельского хозяйства в хорватских землях, Хаулик указал, в частности, на необходимость применения вместо мотыги специальных машин¹⁰⁷, или особого рода плуга для окапывания кукурузы, картофеля, репы и капусты, рекомендовал производить жатву различных сортов хлеба косой, а не серпом, подчеркнул те преимущества в деле сохранения времени и сил, которые несут каждому хозяйству подобного рода усовершенствования¹⁰⁸.

В начале XIX в. в Славонии крупным землевладельцем Пеячевичем была сделана попытка использования машин в сельскохозяйственном производстве, а именно молотилки в поместье Вировитица¹⁰⁹. Это был уже качественно новый момент в развитии производительных сил в помещичьем хозяйстве, не свойственный феодальному обществу.

В массе своей внедряемые в помещичьих хозяйствах Хорватии и Славонии новые орудия были довольно примитивны по сравнению с тем, чем располагали к тому времени передовые западноевропейские страны. Это являлось результатом общей экономической отсталости этих районов. Однако даже в таком далеко не совершенном виде они свидетельствовали об определенном сдвиге в развитии производительных сил в господских владениях, который обнаружил тенденцию к перерастанию ими рамок феодально-крепостнического строя.

В ряде поместий производилась осушка болот и трясин, расширялись посевные площади, разбивались новые деревни. В конце 70-х годов XVIII в. граф Пеячевич распахан многие пустующие земли, осушил болота, построил ряд деревень¹¹⁰. Славонские феодалы всячески привлекали колонистов, так как величина их доходов определялась не только и не столько величиной их владения, сколько количеством крепостных и феодально-зависимых крестьян¹¹¹. Но они были заинтересованы в этом еще и в силу того обстоятельства, что жители вновь созданных деревень несли в их пользу помимо традиционных повинностей, полагавшихся с урбарияльных участков, дополнительные обязанности¹¹².

Недалеко от Осиека находилось небольшое имение Чепин, принадлежавшее Адамовичу. По свидетельству Таубе, этот помещик все хозяйство организовал «на немецкий лад»¹¹³. «Правильник»¹¹⁴ Адамовича свидетельствует о том, что феодалом предпринимались попытки к улучшению методов хозяйствования и в других его владениях.

Граф Янкович, собственник поместий Пакрац, Ширац и Дарувар, также стремился несколько рационализировать сельскохозяйственное производство и даже попытался поощрять «трудолюбие» крестьян. Янкович купил указанные поместья в 1760 г. Благодаря его активной деятельности по улучшению всей системы хозяйства, включая организацию промышленных заведений и усиленное заселение городков и местечек ремесленниками-

¹⁰⁷ Имелись в виду сельскохозяйственные орудия.

¹⁰⁸ «List mesečni...», 1842, br. 9, str. 131—134.

¹⁰⁹ J. Csaplovics, Указ. соч., т. I, стр. 142.

¹¹⁰ F. Taube, Указ. соч., т. III, стр. 19.

¹¹¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1955, стр. 722.

¹¹² F. Taube, Указ. соч., т. III, стр. 19.

¹¹³ Там же, стр. 12.

¹¹⁴ J. Bösendorfer, Указ. соч., стр. 209—258.

Руководство по ведению хозяйства, составленное феодалом Адамовичем в 70-х годах XVIII в. для управляющего его хорватским имением св. Елена.

колонистами, эти поместья к концу 70-х годов XVIII в. давали уже в три раза больше дохода, чем при предшествовавшем владельце¹¹⁵.

Значительные улучшения были произведены в славонском владении Нашице¹¹⁶.

Помещики стали вводить рационализаторские приемы при выполнении отдельных видов сельскохозяйственных работ. Так, некоторые славонские феодалы в начале XIX в. отказались от обмолота хлеба с помощью волов и лошадей и перешли на ручной обмолот зерна¹¹⁷, который обеспечивал более высокое качество молотбы и значительно уменьшал порчу зерна и соломы.

В рассматриваемое время в Хорватии и Славонии начался переход с трехпольной системы земледелия на зеленый пар¹¹⁸. Передовые представители дворянства начали уделять внимание повышению плодородия почвы. В Славонии в некоторых владениях удобрение почвы применялось еще в 70-х годах XVIII в.¹¹⁹ Адамович в своем «Правильнике» особо обращал внимание управляющего его хорватским поместьем на удобрение почв под виноградниками, хлебами и травами¹²⁰. Он указывал также, что посев необходимо производить очищенными и соответствующим образом подготовленными семенами¹²¹. В «Ежемесячном журнале...» в первый год его существования был помещен ряд статей о применении удобрений. В них не только доказывалась необходимость и польза питания земли, но и давались практические советы, рецепты приготовления удобрений, помещики делились опытом и своими достижениями в этой области¹²².

Отдельные феодалы начали вводить новшества и при обработке земли. Наиболее деятельные среди них поставили вопрос о более интенсивном использовании почвы. Так, в «Ежемесячном журнале...» за 1842 г. была помещена статья¹²³, в которой автор, исходя из собственного опыта, рекомендовал посеянную на участке рожь скашивать весной на зеленый корм, а затем пускать эту землю под кукурузу. Он предлагал использовать кукурузу в качестве зеленого корма, а по снятии ее засеивать участок пшеницей на зерно. Отдельные феодалы применяли новые способы хранения овощей¹²⁴, делались попытки осенней подрезки виноградных лоз¹²⁵.

Некоторые опыты, производившиеся в помещичьих имениях и преследовавшие цель найти новые, более совершенные способы ведения хозяйства, не оправдали себя в дальнейшем. Но они остались свидетельством творческих исканий, которые появились у наиболее дальновидных представителей господствующего класса.

Как было сказано выше, с 70-х годов XVIII в. в феодальных хозяйствах Славонии и несколько позднее в Хорватии началось развитие шелководства.

К середине XIX в. большое значение приобрели новые для Хорватии и Славонии пропашные культуры — кукуруза и картофель; возросла роль

¹¹⁵ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 29—30.

¹¹⁶ Там же, стр. 48.

¹¹⁷ J. Csaplovics. Указ. соч., т. I, стр. 142.

¹¹⁸ R. Bićanić. Oslobođenje kmetova..., str. 197.

¹¹⁹ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 44.

¹²⁰ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 216, 217, 218, 227.

¹²¹ Там же, стр. 218, 219.

¹²² «List mesečni...», 1842. «Priobćenje članovom horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Društva od upravljajućega odbora», br. 4, 5, str. 49—67; «List mesečni...», 1842, br. 8, str. 125—126, br. 10, str. 148—159.

¹²³ «Zelena raž i zeleni kukuruz kao korma i vrednost deteline». — «List mesečni...», 1842. Priobćenje..., br. 1, str. 25—27.

¹²⁴ «List mesečni...», 1842, br. 10, str. 165—166.

¹²⁵ «List mesečni...», 1842, br. 11, str. 180, 182.

интенсивных культур — табака и конопли. В Славонии посевы конопли в больших масштабах впервые стали производиться в поместье Чепин в 70-х годах XVIII в.¹²⁶ Передовые помещики выступили за освоение и широкое внедрение новых технических культур¹²⁷, корнеплодов и кормовых трав¹²⁸.

Некоторый прогресс наблюдался и в области животноводства. Улучшались породы скота, что имело место, например, еще в 70-х годах XVIII в. в поместьях графа Янковича: Пакрац, Ширач и Дарувар¹²⁹.

Мария-Терезия с целью улучшения качества шерсти, поступающей из Хорватии как сырье для австрийской текстильной промышленности, основала в коморском поместье Мркополь в Горском котаре племенную станцию для улучшения породы хорватских овец. Отдельные господа в своих имениях, например граф Оршич, стали разводить в связи с этим мериносов¹³⁰. Улучшение породности овец в Хорватии и Славонии продолжалось и в дальнейшем, хотя и не получило достаточного распространения¹³¹.

Помещики изыскивали новые виды кормов, изучали способы их приготовления и т. д.

Ярким выражением подъема производительных сил в помещичьих хозяйствах Хорватии и Славонии явилось образование в 1841 г. Хорватославонского хозяйственного общества, в которое вошли в подавляющем большинстве представители дворянства, духовенства, чиновничества и купечества, военные и несколько предпринимателей. В январе 1842 г. Общество насчитывало 503 члена¹³².

Основной своей задачей Общество ставило развитие науки и подъем земледелия в хорватских землях¹³³. С самого начала своего существования Общество развернуло практическую работу по подъему сельского хозяйства. Первым мероприятием в этой области явилось издание ежемесячного журнала¹³⁴, который оповещал членов о решениях и мероприятиях Общества, знакомил читателей с новинками сельскохозяйственной литературы, давал практические советы по различным вопросам сельского хозяйства, создал возможность для обмена мнениями и распространения опыта лучших хозяйств. Кроме того, издавался календарь¹³⁵, рассчитанный на крестьянские массы. Он содержал сведения о базарах, церковных праздниках и т. п., как и обычные календари, издававшиеся в большом количестве в Хорватии и Славонии, но, кроме того, заметки и статьи по сельскому хозяйству.

Общество располагало денежными средствами, которые составлялись из членских взносов и пожертвований отдельных лиц¹³⁶. При Обществе были организованы библиотека и читальня. Уже в 1842 г. библиотека

¹²⁶ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 207.

¹²⁷ «List mesečni...», 1842. «Priobćenje...», br. 1, str. 13, 29.

¹²⁸ «List mesečni...», 1842. «Priobćenje...», br. 1, str. 27; «List mesečni...», 1842, br. 7, str. 108; br. 9, str. 129—131, 134.

¹²⁹ F. Taubert. Указ. соч., т. III, стр. 29.

¹³⁰ R. Bičanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, str. 143.

¹³¹ Al. Fényes. Указ. соч., стр. 197.

¹³² «List mesečni...», 1842. «Priobćenje...», br. 1, str. 17.

¹³³ Там же, стр. 18.

¹³⁴ «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Družtva».

¹³⁵ «Kolendar za puk».

¹³⁶ Sm. «List mesečni...», 1842. «Priobćenje...», str. 19; «List mesečni...», br. 8, str. 118; br. 9, str. 138.

имела 300 книг¹³⁷, а к 1846 г. она обладала самыми известными новыми книгами по экономике. В том же году в читальне было до 20 хозяйственных журналов¹³⁸.

Благодаря частным пожертвованиям при Обществе было образовано опытное хозяйство, которое должно было изыскивать пути и средства подъема доходности помещичьих имений, способствовать внедрению новых сельскохозяйственных культур и передовых методов хозяйствования. Некоторые подружницы¹³⁹ Общества располагали собственными опытными хозяйствами. Например, Дьяковацкая подружница имела опытный сад, где культивировались различные фруктовые деревья¹⁴⁰.

В первый же год существования Общества среди его членов начался сбор средств для приглашения из Италии специалиста по мелиорации¹⁴¹ а также было намечено проведение в 1843 г. выводки лошадей и крупного рогатого скота и награждение тех, кто продемонстрирует лучших животных¹⁴².

Отсутствие источников не позволяет обрисовать деятельность Хозяйственного общества в последующие годы его существования, в особенности накануне 1848 г., однако отрывочные сведения свидетельствуют о том, что численность его возросла¹⁴³, а работа значительно расширилась и стала разнообразнее. В 1845 г. Общество на свои средства отправило одного хорватского землемера в Ломбардию для ознакомления с мелиоративным делом¹⁴⁴. В следующем году оно открыло в Загребе Хозяйственное училище, куда было принято 24 человека¹⁴⁵. На основании объявлений можно судить о том, что в канцелярии Общества во второй половине 40-х годов практиковалась продажа новых сельскохозяйственных орудий¹⁴⁶. В 1846 г. Центральный комитет Общества организовал соревнование крестьян в пахоте плугом и скачки¹⁴⁷, чтобы стимулировать кметов к усовершенствованию сельскохозяйственных орудий, улучшению пород лошадей и содержанию скота. Проводилось также испытание силомером господских плугов и других сельскохозяйственных орудий.

Рост числа членов Хозяйственного общества, расширение его практической деятельности свидетельствовали о том, что число помещиков, прибегавших к рационализации сельскохозяйственного производства в целях повышения доходности своих владений, увеличивалось. Интерес феодалов к состоянию своих хозяйств постепенно возрастал.

Однако крепостнические отношения препятствовали осуществлению новых методов хозяйствования. Тот факт, что господские поля обрабатывались крестьянскими сельскохозяйственными орудиями, определял примитивность агротехники. Отработочная форма ренты, преобладавшая в помещичьих хозяйствах, препятствовала, с одной стороны, приобретению и использованию на полях собственно господского сельскохозяйственного инвентаря, с другой — в силу темноты, бедности и незаинтересованности

¹³⁷ «List mesečni...», 1842. «Izvestje o večanju druge občinske skupštine horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Društva», str. 43.

¹³⁸ «Novine...», 29.VIII 1846, str. 290.

¹³⁹ В 1842 г. Общество в организационном отношении было разбито на филиалы — подружницы, которые имели свои выборные органы управления.

¹⁴⁰ «Novine...», 29.VIII 1846, str. 290.

¹⁴¹ «List mesečni...», 1842, br. 8, str. 120, 122.

¹⁴² Там же, стр. 123.

¹⁴³ В августе 1842 г. Общество насчитывало 634 члена. «List mesečni...», 1842, br. 9, str. 148; br. 10, str. 166; br. 12, str. 198.

¹⁴⁴ F. Kuralt. Указ. соч., стр. 6.

¹⁴⁵ Там же, стр. 10.

¹⁴⁶ «Novine...», 19.IX 1846, str. 316; 11.XI 1846, str. 379.

¹⁴⁷ «Novine...», 29.VII 1846, str. 253; 5.IX 1846, str. 297.

крепостных крестьян — внедрению в производство новых видов крестьянских сельскохозяйственных орудий. Раздробленность, чересполосица и разбросанность барских полей также затрудняли применение более совершенных господских сельскохозяйственных орудий.

Переход к интенсивным сельскохозяйственным культурам, введение травопольных севооборотов, расширение посевных площадей требовали дополнительных рабочих рук и времени сверх узаконенных норм повинностей крепостных крестьян. Применение наемного труда в помещичьих хозяйствах в условиях существования крепостного права обходилось дорого. Не всегда при этом в страдную пору можно было найти свободные рабочие руки.

Примером того, как крепостнические отношения сдерживали рост сельскохозяйственного производства, может служить хозяйство Адамовича. Заботясь о повышении доходности своих владений и предпринимая для этого различного рода меры, этот помещик вместе с тем указывал служащим, чтобы посевы зерна в его поместье св. Елена производились в ограниченном размере, поскольку виноградники поглощали много барщинного труда и для обработки полей не хватало рабочей силы. Адамович наказывал сеять хлеб в таком количестве, чтобы его было достаточно для покрытия господских нужд, обмена на соль, пропитания работников, предоставления содержания служащим и выделения для продажи по крайней мере такой массы, чтобы вырученной суммы было достаточно для покрытия издержек производства этой товарной продукции¹⁴⁸. Ограничение Адамовичем хлебных посевов свидетельствовало также о недостаточной еще связи помещичьего хозяйства с рынком в начале 70-х годов XVIII в.

Развитие производительных сил в феодальных хозяйствах затруднялось также и потому, что великаши обычно сдавали свои владения в аренду или возлагали ведение хозяйства на управляющих¹⁴⁹. Арендаторы же не были заинтересованы в интенсификации сельского хозяйства и стремились увеличивать свои доходы лишь путем жесточайшей эксплуатации крестьян. Уже в конце 70-х годов XVIII в. в Славонии состояние владений, в которых землевладельцы занимались хозяйственной деятельностью, проживая в своих имениях, было лучше, а доходы с них были выше, чем с имений, сданных в аренду или управляемых служащими. На это обратил внимание еще Таубе. Он отмечал, что существенные улучшения, произведенные в поместьях Чепин, Вировитица, Нашице, в значительной степени объяснялись тем обстоятельством, что собственники их сами занимались хозяйством¹⁵⁰. Наоборот, немаловажной причиной низкой доходности поместья Иллок было то, что его владелец отсутствовал¹⁵¹.

Рационализация сельскохозяйственного производства требовала значительных денежных средств, поэтому усовершенствование приемов земледелия и улучшение техники производились лишь в состоятельных помещичьих хозяйствах. Можно предположить, что рационализация хозяйства осуществлялась главным образом среднезажиточными помещиками, которые сами занимались хозяйством и располагали для этого необходимой материальной базой. Это не исключало, однако, случаев введения новых методов хозяйствования крупными феодалами.

Итак, переход некоторых помещиков к использованию усовершенствованного инвентаря, освоение отдельными феодалами новых земель, расширение ими ассортимента возделываемых культур, введение рационализа-

¹⁴⁸ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 222. M. Mirković. Указ. соч., стр. 147.

¹⁴⁹ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 54.

¹⁵⁰ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 12—13, 19, 48.

¹⁵¹ Там же, стр. 68

торских приемов при обработке земли, улучшение пород скота, как и появление в Хорватии и Славонии первого хозяйственного общества — все это свидетельствует о том, что в последней четверти XVIII—первой половине XIX в. в помещичьих хозяйствах имел место некоторый подъем в развитии производительных сил, который особенно усилился к середине XIX в. Правда, рационализаторские приемы земледелия, улучшенная техника в изучаемое время имели место еще в немногих помещичьих хозяйствах и сами по себе не могли равняться с теми достижениями, которые были в сельскохозяйственном производстве развитых западноевропейских стран. Тем не менее новшества, вводимые некоторыми хорватскими и славонскими помещиками в своих владениях, свидетельствовали об известном сдвиге в развитии производительных сил.

* * *

Развитие товарного производства и капиталистических отношений в стране оказывало воздействие на внутренний строй феодальных владений и прежде всего на их натуральную основу. Помещики все чаще стали прибегать к продаже сельскохозяйственной продукции на рынке для получения денежных средств.

О связях помещичьего хозяйства с рынком в начале 70-х годов XVIII в. можно судить на основании следующего указания Адамовича в его «Правильнике»: «Поскольку самое большое искусство и особая забота верного чиновника состоит в том, чтобы стремиться для своего поместья откуда только можно приобрести деньги, поэтому управляющий пусть все, что остается от господского потребления, было ли это зерно, солома, сено, вино и прочее, что бог всемогущий из особой милости дает, всячески старается по самой большой цене продать...»¹⁵². Адамович в своем «Правильнике» наказывал также управляющему при случае скупать по недорогой цене мед, масло, вино, сливы и прочие продукты для перепродажи их с выгодой для поместья¹⁵³. Эти замечания говорят о том, что в начале 70-х годов XVIII в. хорватские феодалы торговали сельскохозяйственными продуктами не от случая к случаю, а постоянно. Однако в тот период еще не наблюдалось производства помещиками продуктов специально для рынка. Вышеприведенные данные вскрывают те причины, которые заставляли феодалов Хорватии и Славонии расширять товарность своих хозяйств. Таким стимулом была растущая потребность господ в деньгах.

Интенсивная торговая деятельность хорватских и славонских феодалов началась с 70-х годов XVIII в.¹⁵⁴

Война североамериканских колоний Англии за независимость привела к разрыву экономических связей между английскими колониями в Северной Америке и метрополией и к прекращению в силу этого поставок американского хлеба, табака и других продуктов на европейский континент. Повышение спроса на сельскохозяйственные продукты в ряде европейских стран в период американской войны за независимость, появление устойчивых рынков сбыта привело к значительному усилению экспорта продовольствия и сырья из венгерских и хорватских земель¹⁵⁵.

Экономическая политика Марии-Терезии и Иосифа II содействовала хозяйственному подъему наследственных земель, интенсивному развитию

¹⁵² J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 210.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См. F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 28—29; т. III, стр. 24.

¹⁵⁵ См. там же.

здесь капиталистического промышленного производства, росту городов. Поэтому потребности австрийских областей в сельскохозяйственном сырье и продовольствии во второй половине XVIII в. быстро росли. Несмотря на то, что имперское правительство в середине XVIII в. обложило хорватские и венгерские сельскохозяйственные продукты при ввозе их в Австрию более значительной пошлиной, нежели австрийские при поступлении их в пределы Венгерского королевства¹⁵⁶, и тем самым искусственно повысило конкурентную способность австрийского сельскохозяйственного сырья на рынках империи, усиление спроса Австрии на продовольствие и сырье в известной мере содействовало росту товарности помещичьих хозяйств в хорватских землях.

Несмотря на многочисленные препятствия, чинимые правительством экономическому усилению хорватских областей, во второй половине XVIII в. в Хорватии и Славонии также наметилось некоторое оживление хозяйственной жизни, активизировалось строительство капиталистических промышленных предприятий, увеличился приток населения в города. Некоторые успехи в развитии местного капиталистического промышленного производства в свою очередь благоприятствовали подъему помещичьей торговли.

Во второй половине XVIII в. в Хорватии и Славонии был осуществлен ряд хозяйственных мер, облегчивших транспортировку товаров к морю и на мировой рынок. Около 1780 г. была произведена регуляция Савы. Были реконструированы некоторые старые и построены новые дороги, связывающие Хорватию и Славонию с морем¹⁵⁷.

Помещики Хорватии и Славонии выступали прежде всего как оптовые торговцы хлебом, главным образом пшеницей и кукурузой.

Славонские господа для сбыта сельскохозяйственной продукции выжидали благоприятную рыночную конъюнктуру, которая складывалась обычно в случае неурожая в Италии. Во второй половине XVIII в. практика показывала, что недороды здесь бывали каждые 3—4 года¹⁵⁸. В конце 70-х годов XVIII в. случалось, что у отдельных помещиков скапливалось зерна на 20 тыс. форинтов. Этот хлеб предназначался для внешнего рынка и ожидал благоприятных условий для сбыта¹⁵⁹. Подобное положение объяснялось в известной степени незначительным удельным весом хорватского и славонского хлеба на мировом рынке. Отсюда и возникало такое положение, что в случае длительного отсутствия неурожая в Италии хлебные амбары славонских господ настолько наполнялись, что великолепную пшеницу пускали для откорма свиней, которые затем продавались австрийским торговцам скотом¹⁶⁰. В данном случае сказывалось и недостаточное развитие внутреннего хорватского рынка. Но нельзя не учитывать и постепенное приобретение отдельными помещиками навыков торговли, умения использовать любую рыночную ситуацию с выгодой для себя.

Хлебная торговля хорватских и славонских помещиков, начиная с последней четверти XVIII в., хотя и неравномерно, росла до 20-х годов XIX в. В конце XVIII в. считалось, что стоимость товарного хлеба в Славонии ежегодно составляла около 500 тыс. форинтов. Во время наполеоновских войн, согласно подсчетам австрийского офицера Демиана,

¹⁵⁶ См. H. Grellmann. Statistische Aufklärungen über wichtige Theile und Gegenstände der Oesterreichischen Monarchie, Bd. III. Göttingen, 1802, S. 177—178.

¹⁵⁷ R. Bičanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860), str. 15; M. Mirković. Ekonomska historija Jugoslavije, str. 203.

¹⁵⁸ F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 29.

¹⁵⁹ F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 148.

¹⁶⁰ Там же, стр. 47—48.

только из Вировитичской жупании по Драве и Муре вывозилось хлеба на 250 тыс. форинтов в год. Поставщиками его были в первую очередь крупные помещичьи хозяйства¹⁶¹.

Но во второй четверти XIX в. развитию хлебной торговли хорватских феодалов был нанесен значительный удар ростом подунайской торговли хлебом. Подунайский хлеб, производимый на плодородных землях Южной Венгрии, все в больших количествах по Дунаю, Саве и Купе привозился в города Сиск и Карловац. Отсюда он отправлялся для продажи в Жумберг, Приморье, Кордун, Банью, Лику, Горский котар и вывозился за границу через приморские города. Подунайский хлеб был дешевле и лучше по качеству, чем хорватский, и составлял серьезную конкуренцию местному зерну¹⁶².

Во второй четверти XIX в. возросло также значение русского зерна на европейском рынке. При этом русское зерно в среднем было на 40 крейцеров на вагон¹⁶³ дешевле подунайского. Начиная с 1829 г. русское зерно постепенно стало заполнять адриатические гавани и вытеснять хорватский и подунайский хлеб на рынках империи. В 1847 г. оно проникло в глубь австрийских земель вплоть до Штирии¹⁶⁴. Растущая конкуренция русского хлеба еще более затрудняла сбыт хорватского зерна.

Беспокойство земельных собственников Хорватии в связи со сложившейся ситуацией наглядно проявилось в выступлении члена Управительного комитета Хорвато-славонского хозяйственного общества Людевита Елачича на первой, главной, скупшине Общества в ноябре 1841 г. Как передает «Ежемесячный журнал...», Елачич заметил, что он «равным образом считает необходимым, чтобы мы особенно стремились найти такие культуры, которые полезны для промышленных предприятий и для торговли, и тем самым старались все более увеличить доход; напрасно, — сказал он, — мы обрабатываем поля, когда земля наша расположена так, что с одной стороны в нее стекается хлеб из непомерно плодородного Баната, в то время как с другой стороны амбары наших гаваней часто наполняются пшеницей и кукурузой с русских берегов»¹⁶⁵.

Это заявление в первую очередь свидетельствует о большой торговле зерном, которую до последнего времени вели хорватские помещики. В противном случае развитие подунайской и русской торговли не вызвало бы в дворянских кругах Хорватии столько беспокойств и хлопот. Вместе с тем оно говорит о том, что значение рынка для помещичьих хозяйств на протяжении последней четверти XVIII—первой половины XIX в. сильно возросло. Подход к земледелию у здешнего дворянства складывался чисто предпринимательский. К исходу первой половины XIX в. помещиков стало интересовать производство продуктов не столько для собственного потребления, сколько для продажи. Эти предпринимательские интересы заставили наиболее дальновидных представителей хорватского дворянства понять необходимость возделывания технических культур в Хорватии и общей интенсификации сельского хозяйства.

Большое место в помещичьей торговле занимала продажа скота. Огромные стада быков, свиней, овец в славонских поместьях, значительное

¹⁶¹ M. Mirković. Указ. соч., стр. 195.

¹⁶² R. Bičanić. *Oslobođenje kmetova...*, str. 191. В силу особенно благоприятных климатических условий Славонии производимый здесь хлеб почти не отличался по качеству и цене от венгерского, поэтому славонские феодалы не ощущали в такой мере конкуренцию со стороны помещиков Южной Венгрии, как хорватские господа.

¹⁶³ 1 вагон пшеницы составлял 45 кг.

¹⁶⁴ R. Bičanić. *Počeci kapitalizma...*, str. 71.

¹⁶⁵ «List mesečni...», 1842. «Priobćenje...», br. 1, str. 13.

развитие животноводства в крупных владениях Хорватии говорят о товарном характере этой отрасли помещичьего хозяйства.

Хорватская торговля скотом за период с конца XVIII—до середины XIX в. имела тенденцию к росту. Достаточно сказать, что экспорт крупного рогатого скота из Венгерского королевства преимущественно в Италию после некоторого спада увеличился за 1818—1827 гг. в 45 раз¹⁶⁶. Известная часть животных поступала в Хорватию из Венгрии для отправки морским путем за границу. Однако в силу наблюдавшегося с конца XVIII в. сокращения числа крупного рогатого скота в Венгрии¹⁶⁷, в связи с развитием овцеводства и близости Хорватии к морю, можно считать, что рост торговли крупным рогатым скотом происходил за счет именно хорватских и славонских волов и буйволов.

Вывоз свиней из Хорватии и Славонии также усилился на протяжении рассматриваемого периода.

Увеличение экспорта скота из Хорватии и Славонии было следствием растущей товарности помещичьих хозяйств.

В конце XVIII—первой половине XIX в. помещики Хорватии и Славонии вели значительную торговлю вином и водкой. Они продавали спиртные напитки оптом, но особенно широко торговали ими в розлив.

Право распивочной продажи спиртных напитков относилось к числу монопольных дворянских прав. Только сельским общинам в период зимних месяцев дозволялась распивочная продажа вина¹⁶⁸. Она представляла собой атрибут урбариальности¹⁶⁹. Летом дворяне обладали исключительным правом на торговлю вином в розлив. Летние месяцы являлись наиболее благоприятным временем для монопольной продажи вина, поскольку к этому времени кончались винные запасы у крестьян и кметы чаще, чем когда-либо, прибегали к покупке спиртных напитков.

Помещики через своих чиновников зорко следили за тем, чтобы от Юрьева дня до Михайлова никто из крестьян не торговал распивочно вином. Показателен в этом отношении наказ Адамовича своему управляющему в святоеленском поместье. «Поскольку самой значительной доходной статьей является вино в Хорватии, — писал Адамович в «Правильнике», — управляющий и шпан особенно должны следить за тем, чтобы после Юрьева дня никто из крестьян здесь распивочно не продавал вино ни в виноградной клети, ни на дороге; дома крестьян следует неожиданно проверять здесь, в Майковце, Имбриовце и Джелековце»¹⁷⁰. Помещику принадлежало право конфискации вина при обнаружении тайной его продажи¹⁷¹.

В период летней монопольной дворянской виноторговли крестьяне были лишены возможности свободно покупать вино вне поместий своих господ¹⁷². Феодальное законодательство не только закрепляло исключительное право господствующего класса на распивочную продажу вина в течение наиболее благоприятных для торговли месяцев, но и обеспечивало феодалов покупателями в лице крепостных крестьян.

¹⁶⁶ Al. Fényes. Указ. соч., стр. 192.

¹⁶⁷ F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 30; Al. Fényes. Указ. соч., стр. 190.

¹⁶⁸ P. Grujić. Грађа за културну историју Славоније. — «Starine», 1913, kn. 34, str. 298; «Leges urbariales Anni 1836», Art. VI, § 2. — J. Csaplovics. Manuale legum urbarialium Anni 1836. Viennae, 1837, p. 58.

¹⁶⁹ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 116.

¹⁷⁰ Там же, стр. 213—214.

¹⁷¹ P. Grujić. Грађа..., стр. 298.

¹⁷² Закон 1836 г. разрешил крестьянам бесплатно ввозить в небольших количествах вино в пределы поместья лишь в случае болезни или свадьбы (см. «Leges urbariales Anni 1836», Art. VI, § 2, p. 77, 115, 157).

Торговля вином в розлив производилась феодалами разными способами. Наиболее распространенной была распивочная его продажа в корчмах. Один венгерский путешественник по Хорватии отмечал в 1846 г. огромное количество трактиров в городах и селах этой области¹⁷³. Подавляющая часть из них принадлежала представителям дворянства и духовенства. О торговых операциях их в селах тот же автор писал: «... там (в селах. — И. Л.), если имеется землевладелец и жупник, то каждый имеет свою корчму и старается заполучить как можно больше гостей»¹⁷⁴.

Помещики обычно отдавали корчмы на откуп, преимущественно евреям, которые платили за каждую из них по 200 форинтов серебром¹⁷⁵. Откупщики же свои затраты возмещали беззастенчивым грабежом крестьян, которые были основными посетителями трактиров в сельской местности. В корчмах принималась оплата не только деньгами, но и натурой: яйцами, птицей, даже лесом¹⁷⁶. Как правило, продукты в этом случае оценивались значительно ниже их рыночной стоимости.

В некоторых случаях помещики сдавали свои корчмы в аренду, и арендатор, торгуя господским вином, получал за труд $\frac{1}{10}$ часть барыша¹⁷⁷. Фактически это был наем сидельца-приказчика.

Славонский урбарий 1756 г. (ч. 1, § 6) разрешал помещикам заставлять крестьян продавать господское вино, точно определяя при этом количество напитка, устанавливая цену на него и размер выручки. Крестьянам за их труд предписывалась мизерная плата: от каждого полученного форинта 2 грошича¹⁷⁸.

Хорватский урбарий 1780 г. также позволял помещикам принуждать крестьян продавать господское вино, при этом с каждого проданного ведра кмету полагалось 4 джукеза¹⁷⁹. Подобная форма виноторговли предоставляла помещикам широкие возможности для злоупотреблений. По сути дела это была завуалированная повинность крепостных крестьян. Законом 1836 г. она была отменена¹⁸⁰.

Особенно бойко помещики торговали вином в дни церковных праздников.

Помещики Хорватии и Славонии вели большую торговлю мясом оптом и в розницу. Право розничной мясоторговли являлось исключительно дворянской монополией¹⁸¹. Феодалы торговали мясом в мясных лавках¹⁸². Иногда они производили торговлю через наемных лиц, иногда сдавали лавки на откуп и т. д.

Отсутствие источников не позволяет нам установить, какое место занимали внешний и внутренний рынки в торговле хорватских и славонских помещиков хлебом и скотом. Что же касается спиртных напитков и мяса, можно сказать, что эти продукты сбывались главным образом на внутреннем хорватском рынке.

Наряду с торговлей вином и мясом хорватские и славонские помещики интенсивно торговали табаком, медом, воском, лесом, пушниной, шерстью и другими продуктами сельского хозяйства и промыслов. По данным

¹⁷³ «Novine...», 15.VIII 1846, str. 273, 274.

¹⁷⁴ Там же, 274.

¹⁷⁵ «Obći Zagrebački Kolendar za godinu 1846», II, str. 103.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Л. В. Березин. Указ. соч., стр. 138.

¹⁷⁸ Р. Грујић. Грађа..., стр. 298.

¹⁷⁹ 1 джукез = 1 денару. Z. Herkov. Građa za financijsko-pravni rječnik feudalne epohe Hrvatske, sv. I. Zagreb, 1956, str. 478.

¹⁸⁰ «Leges urbariales Anni 1836», Art. VI, § 2, p. 1.

¹⁸¹ Там же, § 6, p. 162.

¹⁸² См. Р. Грујић. Грађа... стр. 299; J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 135.

1847 г., только в городе Осиеке поместья Вальпо, Михольяц, Вировитица ежегодно продавали примерно по 400 центов¹⁸³ меда и воска каждое, поместье Чепин — 150, Тень — 100, Вуковар — около 500 центов этих продуктов¹⁸⁴.

Итак, на протяжении последней четверти XVIII в. — первой половины XIX в. заметно усилилось производство помещиками Хорватии и Славонии продуктов для рынка. Барское хозяйство все сильнее втягивалось в систему товарных отношений, благодаря чему оно все более приобретало торговый характер. Рынок в свою очередь стал оказывать влияние на профиль господских хозяйств.

В силу аналогичности процесса социально-экономического развития Хорватии, Славонии и Венгрии в начале XIX в. к господствующему классу хорватских областей вполне применимы следующие слова Энгельса, сказанные о венгерском дворянстве первой половины XIX в.: «...феодалы земельладельцы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер»¹⁸⁵.

В рассматриваемое время многие феодалы усилили промышленную эксплуатацию естественных богатств своих владений, наладили переработку сельскохозяйственного сырья внутри них. Господа расширяли круг производимой в поместьях продукции за счет устройства промышленных предприятий. Это были всякого рода стеклодувные, сахароваренные заведения, лесопилки, мельницы, шелкопрядильни и т. д.

Со второй половины XVIII в. началась организация шелкопрядилен в феодальных владениях. В 40-х годах XIX в. в Кастеле находилась шелкопрядильня, принадлежавшая графу Нугенту, а в Юрьевце — шелкопрядильня епископа Хаулика. О значительных ее размерах можно судить по тому, что в 1847 г. она закупила 50 центов шелковичных коконов¹⁸⁶.

Во второй половине XVIII в. активизировалась деятельность феодалов в области горнорудного производства. Еще в середине XVIII в. граф Адам Лазарини предпринял разработку железных руд. С 70-х годов началась плавка руд в поместье графа Баттиани Брод в Загребской жупании. В 1763 г. графы Эрдеди основали в Брегане вблизи Самобора заведение дляковки железа. Здесь производилось всего 10—12 центов железа в год, но высокого качества. В начале XIX в. это предприятие перешло в руки барона Кульмера. Руда поступала сюда с Жумбергских гор. Небольшое железоделательное предприятие имел барон Кульмер в Близнеце. В Рудах под Самобором продолжалась добыча медных руд и выплавка меди и т. д.¹⁸⁷

Киепахи в Самоборе имели каменоломню, где добывался гипс¹⁸⁸. Отдельные господа держали заведения, где выделялись сигары¹⁸⁹.

В 1785 г. в поместье Чепин Адамовичем было основано предприятие, выпускавшее веревки и канаты. Готовая продукция на телегах отправлялась в Амстердам. Однако через некоторое время было обнаружено, что чепинские веревки лопаются в соленой морской воде, спрос на них немедленно прекратился¹⁹⁰.

¹⁸³ 1 венский цент = 56 кг, 1 таможенный цент = 50 кг. Из источника неясно, в каких центах произведен подсчет.

¹⁸⁴ «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848».

¹⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 247.

¹⁸⁶ См. «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848».

¹⁸⁷ R. Bićanić. Doba manufakture..., str. 87, 94.

¹⁸⁸ Там же, стр. 247.

¹⁸⁹ Там же, стр. 160.

¹⁹⁰ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 207.

Во второй половине XVIII в. барон Прандау организовал производство поташа в своем поместье Вальпо¹⁹¹. Граф Баттиани имел предприятие по изготовлению кирпича в поместье Озаль¹⁹². С начала XIX в. в помещичьих владениях несколько усилилась разработка лесов. Господские мельницы встречались в каждом хозяйстве, в крупных поместьях имелись перегонные установки для производства водки¹⁹³.

В первой половине XIX в. граф Янко Драшкович совместно с Херцбергом организовал в своем поместье Речице сахароваренное заведение¹⁹⁴. Такое же предприятие начало работать в поместье графа Эрдеди Желин¹⁹⁵.

В 1839 г. баронесса В. Кульмер основала в своем поместье Балогови двори крупное для условий Хорватии и Славонии стекольное предприятие, которое имело несколько жилых и производственных строений. Но через 8 лет баронесса вынуждена была это имение вместе с промышленным предприятием продать за долги¹⁹⁶. Граф Войкфи имел предприятие по изготовлению фаянсовой посуды в Крапине¹⁹⁷.

В 1836 г. помещик Адамович совместно с предпринимателем Майером основал сахарный завод в поместье Чепин. Это было наиболее крупное во всем Венгерском королевстве предприятие по переработке сахарной свеклы в сахар¹⁹⁸. Однако вскоре оно было закрыто¹⁹⁹.

О составе рабочей силы, используемой помещиками в промышленном производстве, можно судить на примере текстильного заведения графа Баттиани в его поместье Озаль. Это предприятие, вырабатывавшее полотно и другие ткани из льняного и конопляного волокна, было основано в 1720 г. и просуществовало до 1784 г. Сырье для него частично производилось в барском хозяйстве, частично поступало от крестьян в виде натуральной ренты, частично покупалось помещиком у своих кметов.

Множество крестьянок у себя на дому занималось прядением. За год они обрабатывали по 2 тыс. фунтов конопли и более 6 тыс. фунтов льна. Поместье вознаграждало их труд мизерной платой: по 4—13 крейцеров за фунт готовой пряжи в зависимости от качества последней. Пряжа поступала на ткацкое предприятие в Осале, где под руководством отдельного фактора работали специалисты-мастера. Всего здесь было занято 3 мастера, 2 подмастерья и 5 учеников. Большую часть работников составляли немцы, но были и хорваты. Подмастерья получали по 5 крейцеров в день, а плата мастеров зависела от количества выработанного материала.

Производительность такого предприятия составляла в 1784 г. 13 тыс. рифов²⁰⁰ полотна и 1300 рифов более тонкой льняной ткани. Большая часть готовой продукции отправлялась отсюда во владения того же графа, находившиеся в Венгрии, часть продавалась служащим и слугам озальского поместья²⁰¹.

¹⁹¹ J. B. Prvi pepeljari (Aschenbrenner, Pottaschesieder) u Virovitičkoj županiji. — «Osječki zbornik», br. II i III, Osijek, 1948, str. 267.

¹⁹² R. Bičanić. Doba manufakture..., str. 144.

¹⁹³ См. описание у Таубе поместья Пакрац: F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 31.

¹⁹⁴ См. «Novine...», 7.XI 1846, str. 373; R. Bičanić. Doba manufakture..., str. 157.

¹⁹⁵ R. Bičanić. Doba manufakture..., str. 157.

¹⁹⁶ M. Mirković. Указ. соч., стр. 271.

¹⁹⁷ «Memoiren des Grafen Adam Orsich de Szlavetich vom Jahre 1725 bis zum Jahre 1814». — «Arhiv za povjestnicu jugoslavensku», kn. X, str. 279.

¹⁹⁸ J. Slokar. Geschichte der Osterreichischen Industrie und ihrer Förderung unter Kaiser Franz I. Wien, 1914, S. 609; R. Bičanić. Doba manufakture..., str. 217.

¹⁹⁹ M. Mirković. Указ. соч., стр. 271.

²⁰⁰ 1 риф = 79,4 см.

²⁰¹ E. Laszovski. Grad Ozalj, str. 80 i cl; его же. Tvořnica platna u Ozlju. — «Obzor», 4.VIII 1926. Цит. по кн.: R. Bičanić. Doba manufakture..., str. 144.

Таким образом, производство полотна в Озале основывалось на принудительном, хотя и оплачиваемом, труде крепостных крестьян, производивших на дому полуфабрикат, и вольнонаемном труде незначительного числа специалистов и их помощников, занятых непосредственно в самом заведении.

Основание промышленных предприятий в поместьях влекло за собой усиление эксплуатации крепостных крестьян путем принудительной покупки у них по низким ценам сырья, а также дополнительной работы на барина за крайне низкую плату, назначаемую самим господином.

Некоторые другие, хотя и отрывочные данные помогают несколько полнее обрисовать состав рабочей силы, используемой феодалами в промышленности. Отдельные помещики, например, в первой половине XIX в. заставляли своих крестьян в качестве особой повинности работать в барских лесах на вырубке²⁰². С другой стороны, барон Прандау для изготовления поташа во второй половине XVIII в. привлекал вольнонаемных работников. Об этом свидетельствует, в частности, жалоба осьекских предпринимателей, занимавшихся изготовлением поташа в Дьяковарском поместье, на то, что он переманил у них всех рабочих²⁰³. Расположение некоторых господских предприятий в крупных привилегированных торгово-промышленных пунктах, как и применение феодалами паровых машин в производстве, уход за которыми требовал достаточно высокой квалификации, дают основание полагать, что на таких предприятиях применялся вольнонаемный труд.

Следовательно, промышленная эксплуатация естественных ресурсов поместий производилась с помощью барщинного, полусвободного и вольнонаемного труда. Принудительный оплачиваемый труд крестьян по своему характеру тяготел к барщинному, хотя он имел некоторые черты, свойственные капиталистическому найму. К сожалению, отсутствие материалов не позволяет в настоящее время установить соотношение зависимого и наемного труда на дворянских промышленных предприятиях.

Продукция озальского заведения продавалась крепостным крестьянам и служащим того же господина в других его владениях. Это наводит на мысль, что подобного рода продажа могла производиться по более высоким в сравнении с рыночными ценам, и независимо от того, нуждалось ли крестьянство в этих тканях. Следовательно, озальское полотно не выходило на широкий рынок, однако оно не потреблялось полностью и самим господином.

Продукция других помещичьих предприятий, таких, как шелкопрядильни, лесопилки и т. д., а также каменоломен, рудников, судя по их отраслевому характеру, в большей части, видимо, предназначалась для широкого рынка. Чепинские веревки и канаты, например, выходили далеко за пределы хорватских земель.

Все вышесказанное позволяет заключить, что организация промышленных заведений в поместьях производилась феодалами не только с целью удовлетворения собственных потребностей в промышленных изделиях, но и для продажи их на рынке. Промышленное производство, организуемое в помещичьих хозяйствах, представляло собой в рассматриваемое время одно из средств втягивания поместий в систему товарно-денежных отношений. Оно свидетельствовало также о том, что коммерческие мероприятия дворянства не ограничивались областью торговли, но касались и других хозяйственных сфер.

²⁰² R. Bićanić. Doba manufakture..., str. 35, 106.

²⁰³ J. B. Prvi pepeljari..., str. 267.

Итак, со второй половины XVIII в. заметно возрасла активность части помещиков в организации промышленных заведений в своих владениях, что было связано с общим оживлением промышленного производства в Хорватии и Славонии. При этом в предпринимательской деятельности феодалов появились новые моменты, заключавшиеся в установлении некоторыми помещиками деловых контактов с капиталистическими промышленниками и в попытках устройства в поместьях фабрик.

Однако организация промышленных предприятий феодалами не получила в Хорватии и Славонии широкого распространения и производилась, как правило, лишь в экономически сильных хозяйствах. Помещичьи заведения не всегда оказывались рентабельными. Некоторые из них, просуществовав лишь несколько лет, были закрыты. Слабое развитие помещичьего технического производства в хорватских областях объяснялось в значительной степени тем, что налаживание промышленной переработки сырья требовало солидных денежных затрат, которые в условиях неразвитого кредита были не под силу для подавляющей части феодалов. Значительным препятствием была также нехватка рабочих рук. Использование отработочной повинности крестьян для выполнения промышленных работ в поместьях было затруднено прежде всего потому, что официально сферой ее применения было сельское хозяйство, но также и потому, что в первой половине XIX в. ее не хватало для обработки барских полей, садов и виноградников, не говоря уже о выполнении производственных задач помещичьих заведений. Свободный наемный труд стоил дорого, и не везде в летние и осенние месяцы, когда был разгар полевых работ и начинали действовать сезонные промышленные заведения феодалов, можно было найти свободные рабочие руки. Сказывалась в данном случае и проблема сбыта. Внутренний хорватский рынок, на который главным образом ориентировались небольшие помещичьи заведения в обрабатывающей отрасли промышленности, был заполнен дешевой и качественной мануфактурной и фабричной продукцией австрийских областей, а также изделиями растущей капиталистической промышленности самой Хорватии, что затрудняло сбыт продукции дворянских предприятий.

Наряду с торговлей и предпринимательством следует отметить также некоторые другие виды коммерческой деятельности дворянства. К ним относилось строительство гостиниц на крупных торговых и почтовых дорогах, оборудование купален и т. д.

Крупные помещики имели обычно несколько гостиниц, чаще всего они сдавали их в аренду. Так, в 1834 г. граф Тома Кеглевич сдал в аренду на 12 лет гостиницу, расположенную в районе Крапинских теплых источников, за 120 форинтов в год²⁰⁴. В 1844 г. Кеглевич сдал в аренду на 4 года гостиницу в Златаре за 101 форинт 30 крейцеров в год²⁰⁵.

Хорватия и Славония были богаты минеральными источниками, которые стали использоваться господами для получения дополнительных доходов. Уже в конце 70-х годов XVIII в. на одном из многочисленных теплых источников в деревне Липик, расположенной в поместье Пакрац, графом Янковичем было устроено три купальни. Тут же имелась гостиница для приезжавших²⁰⁶. На источниках близ городка Дарувар также были организованы купальни. Недалеко находились гостиницы, тенистая аллея, имелись и другие удобства для гостей. Источник пользовался известностью, число его посетителей росло²⁰⁷. В начале XIX в. даруварские купальни

²⁰⁴ L. Šavor. Regesti..., str. 398.

²⁰⁵ Там же, str. 404.

²⁰⁶ F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 35—36.

²⁰⁷ Там же, стр. 40—41.

были значительно расширены и улучшены²⁰⁸. Купальни имелись в поместье Босильево²⁰⁹ и других владениях.

Хорватские аристократы становились членами торгово-промышленных компаний, а позднее — участниками акционерных обществ.

Торговля и предпринимательство являлись способами, при помощи которых феодалы Хорватии и Славонии, используя крепостной труд, пытались приспособиться к новым складывающимся экономическим условиям. Однако подобного рода попытки могли лишь отсрочить крах крепостного хозяйства, но не предотвратить его. Сами эти попытки, выражавшие собой процесс распада старой общественно-экономической системы, являлись предзнаменованием ее неперенной гибели. Сила экономического развития Хорватии и Славонии ставила на очередь дня вопрос о ликвидации здесь феодально-крепостнического строя, уничтожения феодальных форм земельной собственности.

В связи с приспособлением помещичьих хозяйств к требованиям рынка наиболее крупные и состоятельные поместья стали нуждаться в специалистах по различным отраслям сельского хозяйства. Согласно объявлению от 1846 г., поместью Чабар требовался лесничий, получивший специальную подготовку. При этом выдвигалось обязательное условие, что для занятия должности претендент должен иметь свидетельство о прохождении специального курса лесоводства в Штавнице или Мариабруне²¹⁰. В том же году другому поместью, расположенному в Вараждинской жупании, требовался специалист по виноградарству²¹¹. В газетах публиковались также объявления с предложением услуг со стороны лиц, сведущих в области хозяйства²¹².

Следовательно, в комплектовании помещиками обслуживающего персонала для своих владений в первой половине XIX в. наблюдались новые моменты, не свойственные замкнутому феодальному хозяйству. Землевладельцы стали привлекать в поместья лиц, имеющих специальную подготовку в различных отраслях сельского хозяйства; это было обусловлено наметившейся у господ тенденцией к улучшению методов хозяйствования. Набор обслуживающего персонала производился со стороны. То или иное лицо поступало на службу в поместье, получая за свой труд оплату натурой и деньгами. Это создавало определенную заинтересованность наемного персонала в работе. При зачислении на службу придавалось значение культурному уровню нанимающихся на работу лиц. Чабарское поместье в объявлении указывало, что от будущего лесничего требовалось знание немецкого и хорватского языков.

Такой характер комплектования феодалами обслуживающего персонала для своих хозяйств обуславливался новой складывающейся экономической обстановкой, крепнувшей связью помещичьих владений с рынком, повышением требований рынка к качеству производимой сельскохозяйственной продукции. Феодальное поместье не могло уже обходиться собственными силами при наборе обслуживающих лиц. Это являлось еще одним свидетельством разложения его замкнутости.

Во второй половине XVIII—первой половине XIX в. в связи с растущей товарностью помещичьих хозяйств наблюдалась тенденция к расширению площади господских земель. Частично это достигалось за счет

²⁰⁸ J. Csaplovics. Gemälde von Ungern, Th. I. Pesth, 1829, S. 100—101.

²⁰⁹ «Novine...», 3.IV 1847, str. 108.

²¹⁰ «Novine...», 15.VII 1846, str. 240.

²¹¹ «Novine...», 4.XI 1846, str. 370.

²¹² «Novine...», 2.IX 1847, str. 304.

подъема целины, но главным образом за счет уменьшения кметских участков.

В это время был издан ряд королевских указов, запрещавших присоединение крестьянских наделов к господскому аллоду. Впервые подобное положение было зафиксировано в законе 1715 г. в связи с превращением контрибуции (государственного налога на крестьянские земли) в постоянный налог²¹³. В 1773 г. было установлено, что присоединение урбариального участка к аллоду возможно лишь с особого разрешения императора²¹⁴. В 1775 г. новый королевский указ утверждал, что уступка урбариального участка даже по договору не имеет силы, поскольку отчуждение урбариальной земли как контрибуционального объекта невозможно²¹⁵. В 1780 г. королевским указом вновь подчеркивалось, что самовольный захват феодалами урбариальных массивов не разрешен²¹⁶.

Закон 1836 г. устанавливал, что присоединение урбариальной земли к аллоду возможно лишь при условии предоставления крестьянину равнозначного участка и возмещения стоимости улучшений, произведенных на наделной земле, и построек²¹⁷.

Попытки Габсбургов воспрепятствовать захвату помещиками крестьянских наделов были продиктованы отнюдь не заботой о благе народа, а чисто фискальными соображениями, поскольку урбариальные земли в Хорватии и Славонии являлись основными источниками поступления контрибуции в государственную казну. Однако королевские указы не могли приостановить процесс экономической перестройки помещичьего хозяйства и прекратить захваты феодалами крестьянских наделов.

Современники рисуют яркую картину беззастенчивого захвата помещиками крестьянских земель. Один хорват из Приморья рассказывал своему иностранному гостю в 1839 г. следующее: «Совершенно обычным делом является тот факт, что властелин под каким-нибудь ничтожным предлогом совсем отбирает землю у своих крестьян или возвращает им ее за большую сумму. Иногда отнимает у них виноградник, который взрастили крестьяне и который стоит 2000—3000 форинтов, и в качестве эквивалента дает им кусок пустой земли... Суды не оказывают крестьянам никакой защиты»²¹⁸.

В том же плане говорит и Мате Топалович в своей корреспонденции из Дьякова, помещенной в газете за 1847 г. «Повсюду в провинциальной части наш человек еще не знает, где и какая его земля? — пишет автор. — Он каждую минуту должен опасаться, что господин пошлет землемера и прикажет ему тот или иной хорошо унавоженный участок земли отобрать у кметов и включить в аллод»²¹⁹.

Массовое ограбление крестьян производилось помещиками в период урбариальных регуляций. В 1756 г. в связи с переделами крестьянских земель при введении славонского урбария наблюдались волнения кметов в Нашицком поместье²²⁰. В 80-е годы XVIII в. после издания хорватского

²¹³ Cl. 18. od 1715. Цит. по кн.: J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 114.

²¹⁴ R. R. od 20. rujna 1773., br. 5023, cirkularno oglasena. Цит. по кн.: J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 123.

²¹⁵ R. R. od 18. rujna 1775, br. 4283. Цит. по кн.: J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 123.

²¹⁶ R. R. od 28. siječnja 1780, br. 6329. Цит. по кн.: J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 123.

²¹⁷ «Leges urbariales Anni 1836», Art. V, § 7, p. 47, 157.

²¹⁸ Цит. по кн.: R. Bičanić. Oslobođenje kmetova..., str. 195.

²¹⁹ M. Topalović. Dopis iz Djakova. — «Novine...», 5.V 1847, str. 132.

²²⁰ J. Bösendorfer. Kako je došlo do slavonskog urbara 1756. godine? — «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», kn. 242, str. 61.

урбария и произведенного в связи с этим обмера земель в Хорватии имело место повсеместное недовольство кметов²²¹. Во время регуляций кметские земли часто измерялись югерами²²², которые были значительно меньше установленных терезианским законом, и оказавшиеся благодаря этому у крестьян «избытки» надельной земли включались в аллод. Помещики относили плохие по качеству земли к первому разряду и опять-таки на «законном» основании отбирали у крестьян земельные участки и т. д. Правда, указанные регуляции должны были производиться особыми комиссиями. Однако о какой посреднической роли их между помещиками и крестьянами могла идти речь, если они состояли из жупанийских чиновников, избираемых местным дворянством.

Захват помещиками крестьянских земель производился нередко под видом замены урбарияльных наделов аллодиальными участками. Закон 1836 г. пытался несколько ограничить произвол помещиков в этой области, предписывая, что обмен крестьянской земли может производиться только при условии предоставления кмету качественно и количественно равноценного участка аллода, с выплатой стоимости произведенных крестьянином улучшений и построек²²³. Однако это предписание закона, как и многие другие, не соблюдалось.

Феодалы использовали для округления аллода малейшие поводы, сомнительные предлоги, прибегали и к открытому захвату кметских урбарияльных пашен.

Что же касается внеселищных крестьянских участков, в которые, в частности, входили виноградники и крчевины (земли, освоенные путем раскорчевки и расчистки), на них не распространялись положения королевских установлений и законов. Наоборот, феодальное законодательство конца XVIII—первой половины XIX в. закрепило за феодалами право присоединения к аллоду так называемых индустриальных земель путем их откупа и даже сгона крестьян с внеселищных участков.

Так, помещики могли лишать крестьян возможности владения виноградниками. В данном случае кмету полагалось некоторое вознаграждение, размер которого устанавливался в присутствии жупанийских чиновников и присягнувших соседей. Кмет, не согласный с произведенной оценкой виноградника, мог обращаться с жалобой в господский суд. Окончательное решение выносил жупанийский суд²²⁴. Все эти условия откупов виноградников служили интересам феодалов, поскольку должностные лица, господский и жупанийский суды стояли на страже последних.

Помещик имел право попросту отобрать у крестьянина виноградник, если считал, что кмет недостаточно хорошо его обрабатывает²²⁵. Это положение служило для феодалов удобным поводом для захвата разработанных крестьянских земель.

Закон 1836 г. подтверждал существовавшее ранее право помещиков производить откуп внеселищных крестьянских крчевин²²⁶. Он устанавливал, что новь, расчищенная крестьянами до 1836 г., при наличии протеста со стороны феодала, или же разработанная после 1836 г. без его согласия, могла быть отобрана помещиком у крестьян без всякого вознаграждения. В случае отсутствия протеста со стороны феодала при разработке крестьянами нови до 1836 г. господин мог лишать крестьян крчевин через урба-

²²¹ «Memoiren des Grafen Adam Orssich...», str. 258.

²²² 1 югер приблизительно равнялся 1 ноху.

²²³ «Leges urbariales Anni 1836», Art. V, § 7, p. 46—47.

²²⁴ J. Bösendorfer. Agrarni odnosi u Slavoniji, str. 153.

²²⁵ Там же.

²²⁶ «Leges urbariales Anni 1836», Art. VI, § 1, p. 62.

риальный суд с выплатой судебной оценки, включавшей оплату вложенного труда²²⁷. В случае откупа феодалами крчевин, расчищенных с согласия господина после 1836 г., крестьянам также полагалась сумма, возмещающая затраты труда. Эти издержки следовало оговорить в документе, содержавшем согласие господина на разработку крчевины. При отсутствии зафиксированных условий откупа, акт выкупа должен был носить характер добровольного соглашения²²⁸.

О величине той суммы, которая под видом вознаграждения полагалась крестьянину при откупах крчевин, можно судить уже по тому факту, что она устанавливалась в одном случае официальными лицами, поддерживавшими интересы землевладельцев, в другом — непосредственно самими господами. Контроль со стороны жупаний и Наместнического веча носил чисто формальный характер и не менял существа дела.

Таким образом, закон разрешал феодалам за незначительную сумму, а то и вовсе без всякой оплаты отбирать у крестьян важнейшие сельскохозяйственные угодья. Оговорки в законе о денежном вознаграждении служили лишь для придания «законности» земельным махинациям господ. Присоединение внеселищных кметских земель к аллоду не представляло для феодалов трудностей. Поэтому внеадельные участки в первую очередь подвергались их захвату.

Землевладельцы не останавливались и перед сгоном крестьян с общинных земель.

Итак, появление многочисленных королевских указов, запрещавших в фискальных целях присоединение урбарияльных участков к аллоду, свідетельства современников, волнения крестьян, вызванные переделами кметских земель в пользу помещиков, — все это показывает, что со второй половины XVIII в. помещики особенно активно начали захватывать крестьянские земли. Захват помещиками кметских участков, получивший к середине XIX в. повсеместное распространение, подрывал одно из условий барщинного хозяйства — наделение крепостного крестьянства землей.

В 1791 г. был несколько облегчен переход крепостных крестьян из поместий в поместья, уход их в города для занятия ремеслом, что было подтверждено и урбарияльным законом 1836 г.²²⁹. Таким образом, в первой половине XIX в. несколько ослабла личная зависимость крепостных крестьян от феодалов.

Итак, анализ вышеприведенного материала показывает, что в последней четверти XVIII в. наметился некоторый перелом в развитии помещичьих хозяйств. Именно с этого времени начался заметный подъем производительных сил в поместьях, резко возросла товарность господских хозяйств, активизировалась деятельность крупных феодалов в организации промышленных предприятий, значительно усилился захват помещиками крестьянских земель.

За период с последней четверти XVIII до середины XIX в. значительному разложению подверглись основные черты барщинной системы: «господство натурального хозяйства», наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землею, в частности, и прикрепление крестьянина к этой земле, «личная зависимость крестьянина от помещика» и «крайне низкое и рутинное состояние техники»²³⁰. Процесс разложения крепостнической системы особенно усилился к концу рассматриваемого периода.

²²⁷ Там же, стр. 63.

²²⁸ «Leges urbariales Anni 1836», Art. VI, § 1, p. 60—63.

²²⁹ «Leges urbariales...», Art. IV, p. 103—104.

²³⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, изд. 4, стр. 158—159.

* * *

В рассматриваемый период помещичьи хозяйства обеспечивались рабочей силой в основном за счет крепостных крестьян. Однако изменения в области техники сельскохозяйственного производства, вызванные растущей зависимостью дворянских хозяйств от рынка, неизбежно влекли за собой преобразование экономики господских владений. Расширение барской запашки, производство культур, предназначенных для продажи, введение интенсивных и пропашных культур, на обработку которых необходимо было значительно большее количество труда, чем для возделывания колосовых хлебов, всякая рационализация помещичьего хозяйства требовали много больше рабочей силы, чем могла дать барщина в нормах, установленных и зафиксированных в генеральных урбариях на основании техники производства и потребностей в рабочих руках еще в середине XVIII в. При этом понижение цен на мировом рынке заставляло помещиков увеличивать производство товарной продукции в своих поместьях для получения необходимых доходов²³¹. Это усиливало потребность дворянских хозяйств в дополнительной рабочей силе.

На протяжении последней четверти XVIII—первой половины XIX в. заметно возрос удельный вес отработочной ренты за счет натуральной и даже денежной. К середине XIX в. в Хорватии $\frac{3}{4}$ натуральных крестьянских повинностей с надельной земли, состоявших из $\frac{1}{9}$ части основных земледельческих продуктов (девятина), было превращено в барщину²³². Помещики стремились всевозможными способами увеличить отработочную повинность крестьян. Кметы поместья Чабар в 1803—1804 гг. жаловались на своего феодала Паравича за то, что он требовал все больше барщинных дней, невзирая на урбарильную регуляцию, так что число их ежегодно превышало 50, 100 и даже 200²³³. Феодалы безжалостно обсчитывали кметов при подсчете отработанных ими барщинных дней²³⁴, сводили к минимуму время, положенное для отдыха крестьян и рабочего скота, наказывали крепостных за проступки путем увеличения барщины²³⁵ и т. д.

²³¹ R. Bićanić. Počeci kapitalizma..., str. 91.

²³² R. Bićanić. Указ. соч., стр. 84.

²³³ J. Erzeg. Ekonomski položaj kmetova Čabarske gospoštije u vrijeme uvođenja opće urbarijalne regulacije (1778). — «Jadranski zbornik», god. II, Rijeka—Pula, 1957, str. 296.

²³⁴ Согласно славонскому урбарю 1756 г., феодал обязан был вести специальную книгу для учета барщины. Крестьянам по окончании рабочего дня полагалось давать «печати» — листки бумаги с господской печатью. Каждый «печать» означал отработанный день (Р. Грујић. Грађа ... стр. 302). Однако эти положения на практике не выполнялись, и кметы на протяжении года имели лишь приблизительное представление о том, сколько дней отработали на барщине и сколько еще предстоит им отработать. Славонские крестьяне вскоре после выхода урбария жаловались, что господские служащие раздавали кметам «печати» спустя длительное время, когда крестьяне уже не помнили, сколько дней они отработали на господина (J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 149). Жалобы крестьян в связи с постоянным нарушением этого пункта урбария вызвали специальный королевский указ 1784 г., который более подробно разъяснял процесс учета барщинных дней и вменял в обязанность жупанийским властям следить за правильностью последнего (R. R. od 29. rujna 1784., br. 18482 i 2076, intimirane Varaždinskoj županiji. Цит. по кн.: J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 149). Однако тот факт, что закон 1836 г. («Leges urbariales Anni 1836», Art. VII, § 5, 11, p. 97, 158) вновь особо подчеркивал необходимость для феодалов вести упорядоченный постоянный учет барщины, свидетельствует о том, что и вышеупомянутый королевский указ почти не выполнялся.

²³⁵ Еще Адамович в «Правильнике» предписывал, чтобы за незаконную рубку дров в господском лесу наказывать крестьян лишением нарубленных дров и 2—3 днями

Таким образом, в конце XVIII—первой половине XIX в. ясно прослеживается тенденция к усилению помещиками эксплуатации крепостных крестьян с помощью отработочной ренты.

Однако непрекращавшаяся антифеодальная борьба крестьян, а также сила традиций и существовавшие урбарии, за выполнением которых все-таки следила центральная власть, боявшаяся крестьянских волнений и заинтересованная в сохранении платежеспособности крестьянского хозяйства, являлись известным препятствием для феодалов в их стремлении к безграничному увеличению барщины. Поэтому помещики пытались найти выход из создавшегося положения путем использования других способов снабжения своих хозяйств рабочей силой. Одним из них был так называемый «принудительный наем».

Принуждение крестьян к продаже рабочей силы, диктовавшееся растущими потребностями феодалов в рабочих руках, получило во второй половине XVIII в. законодательное оформление. В славонском урбарии 1756 г. прямо указывалось, что, если феодалу потребуется больше рабочих дней кметов, нежели установлено урбарием, каждый рабочий день сверх нормы помещик обязан оплачивать 12 или 24 крейцерами²³⁶, т. е. королевский урбарий не только санкционировал принудительный наем крестьян, но даже установил для них поденную плату.

Законом 1836 г. были определены размеры принудительного найма для Славонии. Крестьянин с полным наделом, помимо 24 дней конной барщины, был обязан в принудительном порядке отработать господину 28 дней в году, остальные кметы — пропорционально величине их урбарияльных участков²³⁷. Следовательно, в Славонии в первой половине XIX в. принудительная оплачиваемая работа на барина была установлена в размерах, превышающих барщину.

В отношении Хорватии, где недостаток рабочих рук ощущался несколько слабее, четкой разработки вопроса о принудительном найме в законодательстве не было. На практике же хорватские феодалы часто прибегали к подобному способу обеспечения рабочей силой своих хозяйств. Адамович, например, разрешал управляющему святоеленского поместья силой выгонять на работу кметов, взявших у помещика в долг хлеб и не вернувших его вовремя господину, с тем чтобы часть полагавшейся им оплаты записывать в счет причитавшегося долга²³⁸. Тот же помещик рекомендовал своим служащим в принудительном порядке направлять членов больших задруг на работу во время сенокоса в качестве косцов и подгребателей соответственно за 17 и 12 крейцеров поденной платы²³⁹.

Принудительный наем крепостных крестьян существовал вплоть до 1848 г., причем поденная плата таких работников продолжала оставаться в тех же размерах, какие были установлены королевским законодательством в середине XVIII в. К половине же XIX в., вследствие падения стоимости денег, ее реальное содержание значительно упало²⁴⁰.

Принудительный наем имел многие черты барщины. Прежде всего продажа рабочей силы крепостными крестьянами в принудительном порядке лишена была экономической базы в виде необходимости для крестьян

конной барщины (J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 241). Наказание путем увеличения барщины допускалось и урбарияльным законом 1836 г. («Leges urbariales Anni 1836», Art. X, § 5 sub 1, p. 161).

²³⁶ Р. Грујић. Грађа..., стр. 298.

²³⁷ «Leges urbariales Anni 1836», Art. VII, § 5, p. 126.

²³⁸ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 210.

²³⁹ Там же, стр. 231.

²⁴⁰ R. Bičanić. Oslobođenje..., str. 194.

продавать свои рабочие руки и производилась под действием внеэкономического принуждения со стороны крепостников-помещиков. При дополнительных работах в пользу феодала крестьяне, как и на барщине, использовали свой скот и инвентарь. Оплата одного дня работы в условиях принудительного найма лишь на два крейцера была выше выкупной цены барщинного дня, что говорит о близости принудительного найма и барщины по качеству и производительности крестьянского труда.

Таким образом, система принудительного найма по характеру заключавшихся в ней отношений тяготела к феодальной экономике. Однако это не были феодальные отношения в их чистом виде, это были видоизмененные отношения, выражавшие собой попытку господствующего класса приспособить отживающий хозяйственный строй к выраставшим из рамок феодального общества производительным силам в сельском хозяйстве.

Растущую потребность в рабочей силе феодалы пытались покрыть также за счет других видов найма. Уже Адамович в «Правильнике», требуя от управляющего по возможности выполнять все работы в барском хозяйстве с помощью барщины²⁴¹, вместе с тем допускал в случае необходимости, в особенности в страдную пору, нанимать людей за плату или за известную долю зерна во время молотбы или жатвы, как это делают соседи²⁴². Этот же документ свидетельствует, что сенокос в помещичьих хозяйствах также не обходился без наемных косцов и, что особенно важно, Адамович советовал начинать косьбу в июне месяце потому, в частности, что в это время «за деньги косцов легче нанять»²⁴³. Этот помещик подробно указывал, каким путем следует привлечь дополнительную рабочую силу в наиболее напряженный период сенокоса. Прежде всего он предлагал нанимать косцов за деньги, затем — использовать кметов соседнего поместья, когда те начинали барщинный сенокос. Адамович полагал, что за одно-два ведра вина этих крестьян можно уговорить ночью скосить часть его лугов²⁴⁴. Он предписывал также за отпускаемые крестьянам соседних владений дранку и колья не брать денег, а обязывать кметов в будущем отрабатывать стоимость материалов на сенокосе и других полевых работах²⁴⁵.

Часть работ в некоторых поместьях выполнялась исключительно нанятыми работниками. В поместье Адамовича св. Елена погонщики волов, извозчики, пастухи, работницы скотного двора и т. д. работали по найму. Обычно феодалы предпочитали набирать таких работников из числа своих крестьян, поскольку задруги являлись поручителями за нанятых лиц²⁴⁶. Такие работники получали денежную плату и питание²⁴⁷. Положение их было крайне тяжелым. В «Правильнике» Адамовича особо отмечалось, чтобы такие наймиты были максимально использованы в поместье²⁴⁸ и в случае отсутствия для них работы, для которой они нанимались, заставлять их выполнять другие обязанности. За ослушание или малейшие провинности низшие служащие и вольнонаемные работники в святоеленском поместье подвергались тяжелым телесным наказаниям²⁴⁹. Малейшая порча выданного им инвентаря вела за собой безжалостные вычеты из за-

²⁴¹ J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 209.

²⁴² Там же, стр. 212, 218.

²⁴³ Там же, стр. 227.

²⁴⁴ Там же, стр. 230.

²⁴⁵ Там же, стр. 211, 230.

²⁴⁶ Там же, стр. 224, 226.

²⁴⁷ Там же, стр. 224, 225.

²⁴⁸ Там же, стр. 225.

²⁴⁹ Там же, стр. 213, 226, 234, 235, 237.

работка²⁵⁰. Таково было положение, несомненно, не только постоянных, но и временных работников, нанятых феодалом из числа своих кметов.

Таким образом, материалы «Правильника» Адамовича показывают использование феодалами в конце XVIII в. как полусвободного, кабального, так и свободного найма, причем мучительные поиски помещиками рабочих рук, особенно в страдную пору, свидетельствуют о том, что вольнонаемный труд в этот период представлял собой в дворянских хозяйствах жизненно необходимое явление.

На протяжении первой половины XIX в. значение вольнонаемного труда в господских владениях несколько возросло. Выше уже отмечался переход некоторых славонских феодалов в первой половине XIX в. к обмолоту зерна цепями с использованием для этого венгерских сезонных рабочих. Помещики стали предпочитать свободный наемный труд при выполнении некоторых работ крепостному.

К 40-м годам XIX в. в Хорватии и Славонии твердо установилось соотношение производительности свободного наемного и барщинного труда. В то время считалось общепризнанным, что три наемных работника могут выполнить работу за десять кметов. Примерно такое соотношение было взято за основу австрийским министром Бахом для вычисления выкупных платежей за барщину при освобождении крестьян. Цена кметского труда определялась в $\frac{1}{3}$ заработной платы вольнонаемного работника²⁵¹.

Когда Вараждинская жупания в 1848 г. выразила желание, чтобы в основу выкупных платежей за труд крепостных крестьян был положен размер среднего заработка вольнонаемных работников, редакция «Новин...», отражавшая позицию либеральных помещиков и буржуа, заметила, что труд феодально-зависимых крестьян далеко не равноценен труду свободно нанятых работников. «...Общепризнанно, — писала газета, — что наемный работник по крайней мере в два раза больше сделает, нежели крепостной, который больше портит и занимается тратой времени, чем работает, больше служит помехой, нежели помогает»²⁵². Все больше помещиков в Хорватии и Славонии осознавало преимущество свободного наемного труда перед крепостническим в смысле более высокой его производительности.

Для выяснения степени распространенности свободного найма в помещичьих хозяйствах Хорватии в 40-х годах XIX в. представляет интерес опубликованный в газете под инициалами «Л. И.» проект использования жителей Горского котара в качестве наемных работников в барских хозяйствах. Появление данного проекта обуславливалось благотворительными целями обеспечения продовольствием голодающего населения Горского котара и ликвидации на будущее угрозы голода в этих местах. Защищая в первую очередь интересы дворянства, автор проекта стремился разрешить эту проблему в интересах своего класса.

В апреле 1847 г.²⁵³ ассессор Л. И. выступил на заседании малой скупщины Загребской жупании с изложением своего проекта, который заключался в том, чтобы хорватские помещики, руководствуясь соображениями реальной выгоды, а также благородным стремлением оказать помощь голодающей христианской братии, пустили под гречиху находившиеся под паром земли, обработку которых следовало произвести с помощью сезонных рабочих, нанятых из числа горских крестьян.

²⁵⁰ Там же, стр. 224.

²⁵¹ R. Bićanić. Oslobodenje kmetova..., str. 198.

²⁵² «Novine...», 27.IV 1848, str. 158 (V. Bogdanov. Hrvatska ljevica u godinama revolucije 1848—1849. Zagreb, 1949, str. 432).

²⁵³ «Novine...», 28.IV 1847, str. 133.

Отмечая, что в равнинных пределах Загребской жупании посев гречихи по парам не практиковался из-за недостатка в барских поместьях рабочих рук, а наем работников на «общепринятом» основании считался невыгодным, так как на гречиху здесь был плохой спрос, автор проекта предлагал, чтобы помещичьи хозяйства нанимали из числа жителей Горского котара рабочих на весь сезон полевых работ начиная с середины мая и кончая серединой октября с тем, чтобы наемные работники не только обрабатывали гречиху, но также использовались в периоды сенокоса, жатвы и молотбы. Оплату же наемного труда, согласно проекту, следовало производить в натуральной форме. Следовательно, суть данного проекта заключалась в изыскании таких форм организации наемного труда и его оплаты, которые могли бы обеспечить работой безземельных крестьян Горского котара и принести значительные выгоды помещичьему хозяйству.

Появление подобного проекта в детально разработанной форме, обсуждение его на скупщине Загребской жупании, а также общее признание высокой производительности вольнонаемного труда, как и установление общих норм найма работников свидетельствуют о том, что капиталистический наем как способ обеспечения рабочими руками хозяйств в 30—40-х годах XIX в. довольно прочно утвердился в помещичьих владениях.

Приведенные выдержки из «Правильника» Адамовича показывают, что существовали три формы оплаты вольнонаемных сельскохозяйственных работников: денежная, натуральная и смешанная.

Наиболее высокая поденная плата была в Славонии. Здесь в конце 70-х годов плата поденщика составляла 20—24—30 крейцеров в день, не считая пищи и питья²⁵⁴. В первой половине XIX в. поденная плата в Славонии достигала 50 крейцеров. После освобождения крестьян поденная плата в Хорватии поднялась в среднем до 40 крейцеров, а в Славонии во время жатвы даже до двух форинтов²⁵⁵.

Рост поденной платы в Хорватии и Славонии на протяжении последней четверти XVIII—первой половины XIX в. являлся следствием главным образом нехватки свободных рабочих рук в результате повышения спроса на них, хотя известное влияние в данном случае оказало и падение стоимости денег. Увеличение спроса на свободную рабочую силу было связано как с ростом капиталистической промышленности, так и с увеличением удельного веса наемного труда в помещичьих владениях. Соотношение поденной платы в Хорватии и Славонии показывает, что потребность в свободной рабочей силе в славонских жупаниях росла быстрее, чем в хорватских. Это в первую очередь объяснялось более высоким развитием здесь товарно-денежных отношений, однако в данном случае сказывались также последствия опустошения и хозяйственной разрухи, которым Славония подверглась во время австро-турецких войн первой пол. XVIII в.

Итак, в конце XVIII—первой половине XIX в. экономический строй помещичьего хозяйства в Хорватии и Славонии характеризовался сложным переплетением элементов барщинной и капиталистической систем. При этом преобладающее значение оставалось за первой. Капиталистические методы эксплуатации еще не получили широкого распространения в господских владениях, хотя роль их в течение указанного периода заметно возросла. Феодальные и капиталистические способы хозяйствования соединялись между собой самым разнообразным способом, порождая множество переходных форм. К ним относился такого рода наем, когда крестьяне обрабатывали господские поля в принудительном порядке, пользуясь своими

²⁵⁴ F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 18.

²⁵⁵ R. Bičanić. Počeci kapitalizma..., str. 92.

собственными сельскохозяйственными орудиями и скотом, когда крестьяне работали на помещика за взятые в долг те или иные подукты, когда в качестве средства повышения производительности труда применялась палка и т. д. Подобного рода наем носил кабальный, полусвободный характер.

Наем феодалами своих крепостных крестьян (даже при желании кметов продать свою рабочую силу) неизбежно в силу многогранной зависимости крестьян от господ приобретал черты, свойственные средневековой. В свою очередь возможность более дешево приобрести рабочую силу, максимально интенсифицировать крестьянский труд, иметь в лице задруги поруку за наемного работника создавала определенную заинтересованность феодалов в том, чтобы нанимать работников из числа своих кметов.

Известным показателем того, как далеко зашло разложение барщинной системы к середине XIX в. и какой значительный шаг был сделан помещиками в сторону капиталистического хозяйства, является решение комитета скупщины Вараждинской жупании в 1847 г. об обязательном выкупе крестьянами повинностей и земель²⁵⁶, хотя в первую очередь оно было вызвано нараставшей антифеодальной борьбой крестьянских масс²⁵⁷.

Переход от феодально-крепостнической к капиталистической формации был связан с разрушением старых хозяйственных форм, все больше и больше обнаруживавших свою экономическую несостоятельность. Перестройка феодальных владений, диктовавшаяся силой экономического развития, требовала значительных капиталовложений, ломки укоренившихся традиций и производственных навыков, в силу чего многие помещичьи хозяйства, в особенности мелкие, не могли перейти к новой хозяйственной системе. Лишенные возможности маневрирования и приспособления к требованиям растущего капитализма, они оказывались под действием экономических законов. Конкретно экономические процессы находили свое выражение в том, что феодально-крепостнические методы эксплуатации обеспечивали помещикам все меньше и меньше прибавочного продукта в силу обнищания значительной части крестьян. В то же время развитие товарных отношений, разрушавшее внутреннюю замкнутость господских владений, заставляло помещиков повышать качество сельскохозяйственной продукции, менять отраслевую структуру хозяйств, что требовало больших денежных средств. В противном случае господские продукты в условиях растущей конкуренции не находили сбыта. Капиталовложения помещиков не всегда при этом оправдывались и давали желанные результаты, что приносило убытки поместьям. Изменения быта и потребностей дворян, общее вздорожание жизни и т. д. усиливали нужду феодалов в деньгах, поэтому большинство помещиков в рассматриваемое время постепенно разорялось, а наиболее мелкие из них прекращали свое экономическое существование.

²⁵⁶ «Novine...», 2.VI 1847, str. 174.

²⁵⁷ В первой половине XIX в. в условиях подъема крестьянского движения во всей Австрийской империи усилилась антифеодальная борьба кметов в Хорватии и Славонии. Крупное выступление крестьян против феодальных порядков произошло в 1807 г. в Среме. В нем участвовало несколько тысяч крестьян. Против восставших были посланы регулярные войска (В. В. Зеленин. Восстание сербских крестьян в Среме. — «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», № 14, стр. 3—12). Волнения кметов были в 1808, 1811, 1814, 1815—1816, 1838, 1843 и 1844 гг. (И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској, кн. 1, стр. 42; Al. Jelačić. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848.—9. i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925, str. 63; S. Antoljak. Bune pučana i seljaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1956, str. 194; С. Гавриловић. Селџачки покрет у Срему у доба првог српског устанка; S. Gavrilović. Pokret moslavačkih selaka 1815—1816 godine). Вооруженные выступления кметов произошли в 1830 и 1846 гг. в Загребской жупании (J. Сук. Krašićka seljačka buna godine 1830. Zagreb, 1954; «Novine...», 25, 28.XI, 16.XII 1846, str. 394, 398, 417).

Разорение дворянства в Хорватии и Славонии проявлялось прежде всего в вексельных долгах феодалов. Примером тому может служить граф Тома Кеглевич, находившийся в первой половине XIX в. в постоянной задолженности²⁵⁸. В конце XVIII в. граф Крсто Эрдеди задолжал генуэзским банкирам в общей сложности около 400 тыс. форинтов²⁵⁹. Таковы были финансовые затруднения титулованной знати. Положение мелкого и среднего дворянства было еще хуже.

О задолженности дворянства в 40-х годах XIX в. свидетельствует в своих воспоминаниях Имбро Ткалац. Он отмечает, что загребский капитул, начавший заниматься кредитными операциями под ипотеку, не в состоянии был, несмотря на свои несметные богатства, удовлетворить потребности феодалов в деньгах²⁶⁰.

Многие помещики были должны венским банкам, другим магнатам, торговцам и горожанам. Были и такие феодалы, которые являлись должниками своих кметов²⁶¹. Имбро Ткалац в воспоминаниях сообщает, что его дед — Стефан Ткалац — торговец и горожанин Карловца, в прошлом кмет дворянина Погледича, в конце 80-х годов XVIII в. дал последнему в долг 50 тыс. форинтов серебром²⁶².

Разорение мелкого и среднего дворянства особенно усилилось после 1817 г., когда в Хорватии и Славонии разразился страшный голод. Ростовщичество в тот период расцвело пышным цветом. Не только крестьяне, но и дворяне, которые постоянно ощущали недостаток денег, прибегали к помощи ростовщиков, как к спасительному средству. Чтобы как-нибудь свести концы с концами, мелкие феодалы брали займы номинально под 10 и 15 процентов, а так как не могли вернуть долг наличными деньгами, то вынуждены были оплачивать его натурой: вином, хлебом, сливами, сеном, лесом. Ростовщики же принимали продукты по крайне низким ценам, благодаря чему оплата кредитных услуг достигала 30—40%. Некоторые феодалы закладывали часть своих земель или часть кметов с наделами. У многих дворян, имевших по 50 и более крестьянских дворов, в конечном итоге осталось всего пять-шесть²⁶³.

Растущую потребность в деньгах дворянство пыталось удовлетворить путем продажи недвижимости: имений, отдельных дворов, виноградников, лесов и т. д. Для многих помещиков это был единственный способ покрыть долги. Промотавший в значительной части свое богатое состояние граф Я. Драшкович в 1846 г. продал поместье Речицу²⁶⁴. Выше уже говорилось о продаже баронессой Кульмер за долги большого владения Балогови двори. В 1840 г. граф Тома Кеглевич продал поместье Тополовец²⁶⁵.

²⁵⁸ В 1813 г. старый граф выдал адвокату Матии Бабичу вексель (долговая расписка) на сумму 8 тыс. форинтов. Долг был выплачен в 1841 г. В 1820 г. он занял 20 тыс. форинтов у своего тестя Лазара Каратшони. В 1826 г. Кеглевич выдал вексель епископу Врховцу на 8500 форинтов. Через 2 года граф получил в долг 3 тыс. форинтов из наследства графа Иосипа Драшковича. В следующем году он получил в долг 2 тыс. форинтов от своего служащего в поместье Хьяцциново Мий Лацковича и его жены (деньги были возвращены в 1839 г.). В 1834 г. старый Кеглевич выдал несколько векселей в общей сложности на 2300 форинтов (эти долги были выплачены в конце 30-х годов). В 1838 г. граф выдал Степану Микулчецу вексель на 1309 форинтов. В эти же годы он получил от Загребского капитула и из других мест 11 774 форинта 27½ крейцера (L. Šavog. Regesti..., str. 390, 393, 394, 395, 397, 398, 399, 401).

²⁵⁹ R. Bićanić. Doba manufakture..., str. 95.

²⁶⁰ И. Ткалац. Успомене..., кн. 2, стр. 5.

²⁶¹ R. Bićanić. Oslobođenje kmetova..., str. 192.

²⁶² И. Ткалац. Успомене..., кн. 1, стр. 12.

²⁶³ Там же, стр. 46—47.

²⁶⁴ «Novine...», 7.XI 1846, str. 373.

²⁶⁵ См. L. Šavog. Regesti..., str. 402, 403.

Интересна судьба поместья Предковец. В 30-х годах XIX в. сын старого Кеглевича Самуэль купил его у Антуна Кухтича, который в силу задолженности вынужден был продать свое земельное владение²⁶⁶. В 1838 г. Тома Кеглевич предоставил сыну право продать за долги, в частности, поместье Предковец²⁶⁷. В завещании, сделанном старым графом в 1840 г., это владение не числится²⁶⁸. Надо полагать, что оно было продано. Один хорват, путешествовавший в 1846 г. по Славонии, сообщал в газете, что барон П. продал $\frac{1}{5}$ кв. миль (около 8600 га) дубового леса спекулянтам²⁶⁹, которые немедленно его вырубил²⁷⁰. Газета за 1846 г. в одном из объявлений оповещала о продаже с аукциона лесов, принадлежавших поместью Равен, расположенному в Крижевацкой жупании. Значительную часть в них занимали дубовые рощи²⁷¹.

Продажа земельных массивов для представителей различных категорий дворянства имела неодинаковые последствия. Если для аристократов она в ряде случаев вызывалась конъюнктурными соображениями и в условиях существования крепостного права не имела серьезных последствий для экономического положения землевладельца, то продажа земли для мелких и даже средних помещиков угрожала самому существованию барского хозяйства, влекла за собой экономическую гибель его владельца. Поэтому продажа недвижимости мелкими феодалами производилась при крайней необходимости.

В ряде случаев земля переходила в руки недворянских элементов. Иногда земля и леса покупались торговцами и промышленниками с чисто предпринимательскими целями, как это было, например, с лесными массивами, некогда принадлежавшими барону П. В других случаях земля приобреталась для организации хозяйства, как условие феодальной эксплуатации крестьян. Крупнейший хорватский торговец и предприниматель Райцер, например, в 1821 г. приобрел у дворянина Трпуца имение Мирновец²⁷². Другой самоборский предприниматель Примож Шест купил, главным образом у собственника самоборского замка, около 6 ютаров виноградника и больше сотни ютаров пашни и лугов²⁷³.

Приобретение заселенных земельных массивов предпринимателями и торговцами в тех случаях, когда оно не влекло за собой ликвидацию их предпринимательской деятельности, не означало сохранение феодальной системы в чистом виде, а наоборот, способствовало ее разложению, поскольку промышленники и торговцы вносили более совершенные методы организации и ведения сельскохозяйственного производства, более эффективные формы связи хозяйств с рынком. В 1844 г. совместный венгерско-хорватский сейм, вынужденный идти навстречу требованиям капиталистического развития, разрешил недворянам покупать земли²⁷⁴.

Этот закон подрывал сословный характер землевладения, свойственный феодальной эпохе.

²⁶⁶ См. там же, стр. 399.

²⁶⁷ См. там же, стр. 400.

²⁶⁸ См. там же, стр. 402.

²⁶⁹ «Спекулянтами» в печати того времени назывались различного рода мелкие предприниматели, торговцы, ростовщики и т. д. Такое наименование не распространялось на представителей крупного торгово-ростовщического капитала, о которых в печати всегда говорилось уважительно.

²⁷⁰ «Novine...», 10.X 1846, стр. 342.

²⁷¹ «Novine...», 23.IX 1846, стр. 320.

²⁷² M. L a n g. Samobor. — «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena», kn. XVII, sv. 2, стр. 322.

²⁷³ Там же, стр. 341.

²⁷⁴ V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—1849. Zagreb, 1949. стр. 83.

Бедные и разорившиеся дворяне становились чиновниками, поступали на службу к состоятельным особам. Однако число вакантных мест быстро сокращалось с ростом прослойки обедневших дворян. Когда в 1841 г. молодой Кукулевич-Сакцинский, в будущем активный деятель национально-политического и культурного иллирийского движения, желая оставить военную службу, попросил отца найти ему какое-нибудь, пусть даже незначительное место, он получил ответ: «Все переполнено»²⁷⁵.

Итак, в конце XVIII—первой половине XIX в. в Хорватии и Славонии протекал процесс разложения господствующего класса феодалов, выражавшийся, с одной стороны, в приспособлении небольшой его части к новым складывающимся экономическим условиям и частичной перестройке ею своих хозяйств, с другой — в разорении большинства феодалов и экономической гибели целого ряда дворян, в превращении многих из них в чиновников, ремесленников и даже мелких землевладельцев, сохранявших дворянское звание. Однако подавляющая часть дворян в это время продолжала вести хозяйство старыми феодальными способами и, несмотря на постепенное разорение, удерживала еще свои пошатнувшиеся позиции. Следовательно, процесс разложения класса феодальных землевладельцев в Хорватии и Славонии переживал лишь начальную ступень в своем развитии.

Наряду с предпринимательской деятельностью дворянства происходил процесс проникновения в его среду недворянских элементов. Некоторые представители торгово-ростовщического и промышленного капитала награждались королевской властью за особые заслуги дворянскими привилегиями. Другие благодаря своему богатству и связям покупали «дворянские листы» (звания)²⁷⁶. В 1783 г. дворянское звание получил видный торговец из Оспека Ефтимие Коич²⁷⁷. В 1790 г. им был удостоен Иосип Павао, сын осьекского торговца Мартина Иваношича²⁷⁸.

В начале XIX в. дворянство получили крупнейший торговец Амброз Враницани²⁷⁹ и другие представители третьего сословия.

Приобретение представителями торгово-промышленного капитала дворянских привилегий обычно влекло за собой покупку ими земельных владений. Через короткое время после получения дворянства карловацкий торговец Стефан Ткалац купил для одного из своих сыновей большое имение около Карловаца²⁸⁰, а незадолго до своей смерти земельное владение для дочери²⁸¹. Его сын, отец автора воспоминаний, унаследовал имение Водостае под Карловацем и большие виноградники²⁸². Никто из детей Стефана Ткалаца торговлей уже не занимался.

Представители торгово-промышленной фирмы «Братское согласие» Враницани после получения их фамилией дворянства в 1822 г. приобрели поместье Северин в 3500 ютаров земли с плодородными пашнями и лесом, поместья Кастав, Ботинье, Юрово, Янков Врх, Ракитье. Другое поколение Враницани владело уже поместьями Оросавлье, Ладуч, Мирковец, Гигенце, Свети Криж, Шеньюгово, Пухакавце и Бедековщина²⁸³.

²⁷⁵ T. Smičiklas. Život i djela Ivana Kukuljevića — Sakcinskoga. — «Rad...», kn. 110, str. 125; V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., str. 14.

²⁷⁶ F. Šišić. Ban Josip Jelačić. — «Savremenik», 1909, br. 7, str. 371.

²⁷⁷ J. B. Sta znademo o prvim sucima (iudices, Richter) u komorskom Osijeku? — «Osječki zbornik», br. II i III. Osijek, 1948, str. 258.

²⁷⁸ Там же, стр. 256.

²⁷⁹ R. Bićanić. Doba manufakture..., str. 416.

²⁸⁰ И. Ткалац. Успомене..., кн. 1, стр. 20.

²⁸¹ Там же, стр. 34.

²⁸² Там же, стр. 39, 47.

²⁸³ R. Bićanić. Doba manufakture..., str. 417.

В рассматриваемое время в Хорватии и Славонии имелись случаи превращения торговых элементов в носителей феодальных отношений. В первую очередь это объяснялось значительным влиянием феодального строя, в условиях которого наибольший и притом гарантированный доход приносила земля. Но известную роль играло также отсутствие государственности, двойной национальный гнет, колониальная политика австрийского двора в отношении хорватских земель, т. е. все те моменты, которые препятствовали здесь развитию промышленного капитализма.

Таким образом, торгово-предпринимательская деятельность дворянства, с одной стороны, и проникновение в его среду предпринимателей и торговцев — с другой, придавали господствующему классу Хорватии и Славонии черты, свойственные переходной эпохе, когда проявляется невозможность для класса феодальных собственников в связи с развитием в стране капиталистических отношений сохранения старыми способами своего господствующего положения и в то же время феодально-крепостническая система оказывается еще достаточной сильной, чтобы в первую очередь воспрепятствовать перерастанию торгово-ростовщического капитала в промышленный и даже содействовать в ряде случаев его тесному соединению с барщинным хозяйством.

* * *

Итак, в последней четверти XVIII в. наметился известный перелом в развитии помещичьих хозяйств Хорватии и Славонии. Примерно с этого времени в поместьях начался некоторый подъем в развитии производительных сил, который продолжался на протяжении всей первой половины XIX в., заметно усилившись к середине прошлого столетия. Правда, рационализаторские приемы земледелия, улучшенная техника в изучаемое время получили место еще в немногих помещичьих хозяйствах и сами по себе не могли равняться с теми достижениями, которые имелись в сельскохозяйственном производстве развитых западноевропейских стран. Тем не менее новшества, вводимые некоторыми хорватскими и славонскими помещиками в своих владениях, выражали собой известный сдвиг в развитии производительных сил, который обнаружил тенденцию к перерастанию ими крепостнической системы хозяйства.

Изменения в области техники сельскохозяйственного производства, вызванные растущей зависимостью дворянских хозяйств от складывавшегося капиталистического рынка, повлекли за собой преобразование экономики господских владений. За период с последней четверти XVIII до середины XIX в. значительному разложению подверглись основные черты барщинной системы. Начиная с 70-х годов XVIII в. резко возросла за счет продажи главным образом сельскохозяйственных продуктов, но в известной степени и изделий дворянской промышленности товарность господских владений, свидетельствовавшая о разрушении их натуральной основы. Значительно усилился захват помещиками крестьянских земель, лишавший непосредственных производителей основного средства производства. В первой половине XIX в. несколько ослабла личная зависимость крестьян от помещиков. Улучшилась сельскохозяйственная техника. К середине XIX в. явления разложения крепостного хозяйства стали особенно отчетливы.

Нуждаясь все больше в рабочей силе в связи с рационализацией хозяйственного процесса, помещики все чаще стали прибегать к капиталистическому найму. В конце XVIII—первой половине XIX в. экономический строй помещичьего хозяйства в Хорватии и Славонии характеризовался сложным переплетением элементов барщинной и капиталистической

систем. При этом преобладающее значение оставалось за первой. Капиталистические методы эксплуатации еще не получили широкого распространения в господских владениях, хотя роль их в течение указанного периода заметно возросла. Феодалный и капиталистический способы хозяйствования соединялись между собой самым разнообразным способом, порождая множество переходных форм.

Разложение феодализма и развитие капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве разрушили внутреннюю целостность господствующего класса. Часть дворянства, главным образом мелкого, слабого в хозяйственном отношении, в связи с развитием капитализма разорялась и прекращала свое экономическое существование. Представители этой части дворянства становились чиновниками, ремесленниками и даже мелкими землевладельцами.

Наиболее широкие круги дворянства путем усиления феодальной эксплуатации крестьян, благодаря государственной службе, через заклады и перезаклады своих имений удерживали еще свои пошатнувшиеся позиции.

Наконец, в рассматриваемый период выделилась небольшая часть дворянства, которая, втягиваясь в систему товарного производства, осуществляя рационализацию своего хозяйства, прибегая к помощи наемного труда и, таким образом, частично перестраивая свое хозяйство, переживала процесс постепенного «обуржуазивания». Силой экономического развития капитализирующиеся слои господствующего класса оказались заинтересованными в расширении и обеспечении национального хорватского рынка. В связи с этим, но главным образом под влиянием крестьянских волнений как в Хорватии и Славонии, так и во всей Австрийской империи они вынуждены были задуматься над проблемой дальнейшего экономического и политического развития хорватских гражданских земель.

В. Н. Кондратьева

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОССТАНИЯ 1858 г. В БОСНИЙСКОЙ КРАИНЕ И ПОСАВИНЕ (в северо-западной и северо-восточной части Боснии)

Для Боснии и Герцеговины со второй половины XIX в. характерен рост национально-освободительного движения. Развитие национально-освободительного движения было связано с увеличением числа крестьянских выступлений, вызванных усилением эксплуатации крестьянства в этих областях.

Поэтому большой интерес для изучения представляют восстания 1858 г. в Боснийской Краине и Посавине. Этому вопросу посвящен ряд работ в Югославии¹. Задача данной статьи — осветить положение крестьян Боснии и Герцеговины накануне восстаний 1858 г., используя архивные материалы, в большинстве еще не изученные историками. Автор исследовал материалы «Архива внешней политики России» в Москве, главным образом донесения русских консулов Азиатскому департаменту из Сараева, Мостара, Белграда и др.

Османская империя, захватившая славянские области Балканского полуострова, начала приходить в упадок еще в конце XVI в. Этот процесс резко усилился в XVIII и особенно в XIX в.

Политическое и экономическое ослабление империи неизбежно приводило к поражениям в войнах, которые вела Турция. Как и в других военно-феодалных государствах, в Турции учащаются дворцовые перевороты. Начальники янычаров в ряде случаев по своей воле сменяют султанов.

Турецкая средневековая государственная административная система предоставляла широкие возможности для расширения государственных средств турецкими чиновниками. Государственный бюджет хронически сводился с дефицитом. В органах управления господствовала коррупция: за деньги можно было купить любой высокий пост.

В империи развивались центробежные тенденции. Крупные феодалы на окраинах турецкого государства превратились в самостоятельных правителей. Прогрессирующая децентрализация, политический и экономический

¹ Например, Вл. Скарпич. Из истории Босне и Херцеговине XIX в. — «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине» (далее — ГИДБХ), ч. I, Сарајево, 1949; В. Богичевич. Стање раје у Босни и Херцеговини пред устанак 1875—1878 г. — ГИДБХ, г. II, 1950; В. Попович. Аграрно питање у Босни и турски нареди за време реформног режима Абдул-Меджида (1839—1861). Београд, 1949, САН.

упадок привели к тому, что Турция сделалась объектом экспансионистской политики великих держав.

В конце XVIII в. в османском военно-феодальном государстве внутренний экономический и политический кризис усилился. В итоге Турция в XIX в. оказалась крайне отсталым в политическом и экономическом отношении государством, а турки — наиболее отсталым народом многонациональной империи. Подвластные славянские народы, лишенные национальной самостоятельности, политических и гражданских прав, стояли неизмеримо выше своей метрополии в экономическом и культурном отношении.

Турецкие правители рассматривали завоеванные славянские земли исключительно как источник поступления новых средств в государственную казну и хищнически эксплуатировали подвластные империи славянские народы. Экономический гнет в славянских областях Турецкой империи, переплетаясь с национальным угнетением, был доведен до крайности.

В основе жесточайшей экономической эксплуатации славянских народов лежала своеобразная феодальная система, развивавшаяся в Турецкой империи. За последнее время по этому вопросу издано много работ в Болгарии и Югославии, таких, как статьи Б. Джурджева, С. Димитрова, Х. Гандева, Б. Цветковой и др.² Мы остановимся лишь на основных положениях этой системы.

В Османской империи XVIII в. земля юридически продолжала считаться государственной собственностью. Султан имел право распоряжаться этими землями — арз-и мирийе и отдавать их в условное владение.

Большую часть земли султан отдавал спахиям (феодальной коннице) на условиях военно-феодального владения. В неограниченной собственности землевладельцев находились только земли, занятые под виноградники, бахчи, приусадебные участки с надворными постройками и дома, как в городах, так и в селах³. Эти владения назывались мюльком. Их можно было передавать по наследству, продавать и т. д. Спахий именем султана собирал в своем владении (спахилуке) десятину — десятую часть с урожая хлебов, сена, льна, конопли, меда⁴. Десятина считалась наградой спахию за несение военной службы.

В Боснии и Герцеговине во время завоевания их турками сложились аграрные отношения, при которых самые отсталые феодальные формы землевладения соединялись со сложной и исключительно тяжелой налоговой системой. Налоговой гнет, лежавший на крестьянах Боснии и Герцеговины с каждым десятилетием турецкого владычества все больше усложнялся и усиливался, в особенности в XIX в., когда натуральные формы налогов стали все чаще заменяться денежными и развились отработки как одна из форм эксплуатации крестьянства.

² Б. Ђурђе в. Прилог питању развитка и карактера турско-османског феудализма тимарско-спахиског уређења. — ГИДБХ, г. II, 1949; Б. Ђурђе в. О утицају турске владавине на развитак наших народа. — ГИДБХ, г. II, 1950; Б. Ђурђе в. О војнуцима са освртом на развој турског феудализма и на питање босанског агалука. — ГЗМ, Нова серија, св. II, Сарајево, 1947; Ст. Димитров. Чифлишкото стопанство пред 50—70 год на XIX в. — «Ист. преглед», 1955, кн. 2; Хр. Гандев. Причина за упадъка на турската Империя в периода от XVII до XIX век. — «Ист. преглед», София, 1946—1947, г. 3, № 1; Хр. Гандев. Турска извори за аграрната история на България пред Възраждането. — «Ист. преглед», г. X, 1954; Цветкова Бистра А. Принос към изучаването за турския феодализъм в българските земи пред XV—XVI в., ч. I. — «Изв. на ин-та за българската история», кн. 5, София, 1954; ч. II — «Изв. на ин-та за българската история», кн. 6, София, 1956.

³ В. Поповић. Указ. соч., стр. 12.

⁴ Вл. Скарић. Указ. соч.

Большинство крупных феодалов в Боснии и Герцеговине сохранили свои наследственные земли, приняв ислам во время турецкого завоевания. Здесь на окраине Османской империи крупные феодальные наследники старинных фамилий боснийских властелей стали опорой власти султана. Они стали называться бегами, а мелкие — агами. Многие из бегов стали султанскими спахиями и именем султана собирали с боснийских крестьян десятину. Спахийское право сбора десятины в Боснии и Герцеговине передавалось по наследству. Это было условное наследственное владение. С крестьян спахий собирал десятину и другие налоги, часть же податей и налогов шла в казну и взималась специально назначенными для этой цели лицами.

Из земли арз-и мирие были выделены земли-хасс. Это земли, лично принадлежавшие султану. Доходы с этих земель-хасс в подвластных областях султан отдавал на откуп, откупщик вносил деньги султану и, кроме того брал на себя обязательство содержать на свои средства войско в данной области. Земли, получаемые визирями, беглер-бегами, бегами назывались хасс и вюзера или хасс и умера.

Были и спахийские земли-хассá, т. е. часть земли в спахилуке, которую спахий возделывал для своих нужд и обрабатывал обычно бесплатным трудом (беглучением) крестьян своего спахилука⁵. Не одного села, а именно спахилука, так как села были мелкими и не могли дать нужное количество рабочих рук для обработки земли-хассá. Земля-хассá была частью тимара, без права отчуждения. Если спахий сам не занимался хозяйством на земле-хассá, то отдавал ее в издольщину⁶ крестьянам. В Боснии и Герцеговине издольщина в большинстве случаев выражалась в четвертой части урожая в пользу помещика — четвертине.

С конца XVI в. в Турецкой империи спахии начали усиливать феодальное угнетение крестьян. В XVII в. спахии стали отнимать крестьянские земли, образовывали из них поместья, которые крестьяне должны были либо бесплатно, либо на основе издольщины обрабатывать для своего бега или аги. Этот процесс экспроприации крестьянских земель в славянских областях Турецкой империи назывался почитлучением.

В прежние времена беглучская земля, т. е. земля, обрабатываемая барщинным трудом крестьян, была спахийской (земля-хассá), но затем беглучские земли стали образовываться и из отнятой у крестьян земли⁷. С одной стороны, присоединяли отнятые у крестьян куски земли к спахийской земле-хассá, округляли и увеличивали эти владения, с другой — создавали поместья только на экспроприированной у крестьян земле. Владельцы новых поместий стали называться читлук-сахибиями.

В XVII в. прежние военные лены постепенно превращались в «обычные» феодальные поместья, а их владельцы уже не обязательно должны были нести военную службу. Спахии уклонялись и откупались от несения военной службы, отказывались участвовать в военных походах. Спахии теряли свое назначение феодальной конницы, количество их неуклонно сокращалось. Землевладение стало для них основным источником благосостояния. Читлук-сахибий мог сколько угодно выжимать из крестьян дохода: никакого закона, ограничивавшего его в этом отношении, не существовало.

В XVIII в. в Боснии и Герцеговине начался и быстро нарастал процесс разложения военно-ленной системы. Лены продавались, закладывались. В частное владение перешла значительная часть государственных

⁵ В. Поповић. Указ. соч., стр. 15.

⁶ Там же, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 19.

земель. Возникла неограниченная собственность на землю — читлики, или читлуки.

С возникновением читлук-сахибиев, положение крестьян в Боснии резко ухудшилось. Читлук-сахибии заставляли крестьян за долги продавать им свою землю или силой захватывали крестьянские участки. Читлук-сахибии насильно вводили на отнятых у крестьян землях девятину и беглечение, в которые входила не только обработка земли, но и бесплатная доставка доли аги в его жилье. Усилилось внеэкономическое принуждение крестьян, их феодальная зависимость возрастала.

Во второй половине XVIII в., когда янычары из-за развала финансов Турецкой империи подолгу не получали жалованья, они стали силой брать натуральную плату за свою службу. Они создавали себе поместья из экспроприированных у крестьян земель и становились читлук-сахибиями. Янычар в Боснии было во много раз больше, чем бегов. Многие из янычар стали читлук-сахибиями или отняв у крестьян землю, или купив ее принудительно за указанную или самими цену⁸.

Число читлук-сахибиев в Боснии стало в несколько раз больше, чем было ранее число спахийев.

В процессе почитлучения в Боснии и Герцеговине развились и кметские отношения.

Вук Караджич так определяет название «кмет»: «... в Боснии кметом называется крестьянин, который сидит на чужой земле и живет в чужом доме»⁹. Сидевших на своих старых баштинах крестьян насильно превращали в кметов. Непосредственные производители в основном оставались на своих старых баштинах. Наделы — баштины — оставались в их пользовании, но земля и все, что было на ней, теперь было объявлено владением турецкого феодала¹⁰.

Далее Караджич говорит, что хозяевами этих кметов являются читлук-сахибии.

В средней части Боснии не было крупных землевладельцев. Помещик, имеющий 300 кметов, считался уже крупным землевладельцем. Мелкие помещики владели десятью, пятью и даже одним кметом.

В Крайне и Посавине было мало землевладельцев и много зависимых от них крестьян. Здесь были такие крупные помещики, как Хусейн-капетан Градашчевич, имевший 1300 кметов. У одних читлук-сахибиев было по 200, у других — по 300, а иногда и по 400 кметов¹¹.

Кметы были феодально-зависимыми крестьянами. Юридически они могли переходить от одного хозяина к другому, но другой господарь не имел права принять к себе кмета без согласия первого его хозяина. В турецком законодательстве (в канунах) были специальные пункты, разрешающие в течение 10 лет искать и возвращать бежавшего кмета¹².

Караджич говорит, что читлук-сахибий брал первоначально у кмета от хлеба девятину, за сено по юнге (4,5 фунта), масла, затем брал овощи, мед и пр. Теперь крестьянин должен был платить налоги и спахию и читлук-сахибию. Землевладельцы принуждали крестьян работать в своих имениях — читлуках — бесплатно. «Кроме того, беглучили ему летом

⁸ В. Поповић. Указ. соч., стр. 22.

⁹ В. С. Караџић. Српски рјечник. У Биограду, 1898.

¹⁰ Б. Ђурђевић. Прилог питању развитка и карактера турско-османског феудализма — тимарско-спахиског уређења, стр. 141.

¹¹ В. Поповић. Указ. соч., стр. 87.

¹² Б. Ђурђевић. Прилог питању развитка и карактера турско-османског феудализма — тимарско-спахиског уређења, стр. 150—152.

в поле, но когда зулум усилился, беглучили и зимой — рубили и возили дрова»¹³.

В Боснии барщина началась прежде всего в северных районах¹⁴. Работали на виноградниках, косили сено и выполняли множество других работ. Число отработываемых дней было различным¹⁵. Во время развития тимарско-спахийской системы ведущей формой ренты была натуральная рента, но с наступлением почитлечения отработочная рента увеличивалась в своих размерах. Однако и при новых формах турецкого феодализма ведущей формой ренты оставалась натуральная рента.

В процессе почитлечения в Боснии и Герцеговине складывались многообразные формы поземельных отношений между землевладельцами и кметами. Если землевладелец предоставлял кмету, кроме участка земли, также и рабочий скот, инвентарь, семена, то урожай делился пополам. Если землевладелец предоставлял кмету только землю и строения, а сельскохозяйственные орудия и семена были собственностью кмета, то в таких случаях землевладелец получал третью или четвертую часть урожая. Наконец, если землевладелец давал кмету только землю, то получал пятую, шестую, восьмую, девятую часть урожая (например, в Посавине). Разнообразие повинностей зависело от местных условий, от плодородия земли, установившегося обычая и т. д. В средней части Боснии землевладелец строил кмету дом, давал волов и инвентарь и получал третину или пятину. А в Посавине и Крайне землевладелец ничего не давал, кроме земли, и получал девятину¹⁶. Кмет должен был иметь свой рабочий скот и инвентарь. В северной части Боснии земля была плодородной, здесь крестьяне получали урожай больше, чем в других местах Боснии.

Кроме того, кметы беглучили краинским и посавинским бегам, которые обрабатывали экспроприированную землю и разрабатывали пустыри, прилегающие к земле-хасса, бесплатным трудом крестьян. Крестьяне здесь также выполняли все работы по обслуживанию усадьбы бега — от снабжения ее дровами до ухода за детьми¹⁷.

Особенно тяжелым было беглучение в Боснийской Крайне, где находились богатые и сильные феодальные роды¹⁸.

Кроме полевых работ, здесь каждый крестьянский дом должен был дать по одному слуге и служанке бесплатно на целый год для обслуживания помещика.

В процессе почитлечения феодальная эксплуатация крестьянства возрастала. В Боснии и Герцеговине существовала, например, такая тяжелая натуральная повинность: ага давал кмету определенное количество скота на откорм, и за это кмет должен был отдавать аге определенное количество масла. Эта повинность называлась «кесимач». Весной помещик посылал «к каждому селянину по две или по три овцы, которых последний должен кормить в продолжение лета, а при возвращении оных дать на каждую по 5 фунтов масла; если же в продолжение сказанного срока овца околеет, то помещик не только требует полное число овец, но и положенное количество масла». Осенью помещик посылал «к каждому хозяину от 10 до 15

¹³ В. С. Караџић. Указ. соч., стр. 28.

¹⁴ В. Поповић. Указ. соч., стр. 18.

¹⁵ Б. Ђурђевић. Прилог питану развитка и карактера турско-османског феудализма — тимарско-спахийског уређена, стр. 155.

¹⁶ В. Поповић. Указ. соч., стр. 86.

¹⁷ АВПР, ГА, VА₂, Белград, 1847, д. 228, лл. 61—62. Перевод с допроса, сделанного боснийцам, перебежавшим из своего отечества в Сербию и отнесшихся к князю Александру Карагеоргиевичу с прошением.

¹⁸ Б. Ђурђевић. Прилог питану развитка и карактера турско-османског феудализма — уређена, стр. 59.

овец и штуку рогатого скота, с приказанием кормить их в продолжении целой зимы, и в случае же, если одна или несколько из них околеет, то поселянин обязан, без всяких отговорок, пополнить недостаток из собственного своего стада»¹⁹.

Широко распространены были поборы с пчеловодства, птицеводства, огородничества и т. д. Помещик требовал с каждого улья по 3 фунта меда. «К рождеству Христову всякое семейство должно дать по курице, а иногда и по две. К воскресению Христову тоже и от 10 до 100 яиц. Осенью всякое семейство обязано принести от 1 до 5 индеек, каждая душа женского пола по 4 оки табаку и по оке пряженого льну»²⁰.

Характерно, что, кроме натуральных повинностей, добавляется и денежный налог на вспомогательные ремесла, на разводимые технические культуры. Так, «со всякого семейства за право разводить табак взыскивается по 2 цванцигера, с каждой свиньи по пиастру; а во время откармливания их желудями — по цванцигеру»²¹. Далее, помещик требовал «с каждого чана слив от 6 до 9 цванцигеров, с каждого водочного котла по 9 цванцигеров и сверх того за право гнать водку со всякого семейства по 2 цванцигера»²².

Отработочная повинность постоянно увеличивалась, приобретая все более жесткие формы и поглощая почти полностью рабочую силу и время кметской семьи. Землевладельцы в своих имениях «назначают на каждую душу, не исключая и женщин, по семи дней поденщины»²³, «каждый ага смотрит на своего кмета, как на раба своего, и вследствие этого не стесняется обременять его работами»²⁴.

Невыносимая экономическая эксплуатация дополнялась самыми варварскими формами внеэкономического феодального принуждения. Аги и беги были вольны вершить над крестьянами суд и расправу по своему усмотрению. В своем читлуке ага или бег имел дом, в котором «верхнее отделение назначено для него, а нижнее для тюрьмы, в которую без всякого суда затворяют тех, которые чем-нибудь разгневали его, и томят их некоторое время голодом и жаждою, а иногда, наказав телесно, освобождают».

Аги и беги позволяли себе самый разнузданный произвол в отношении своих кметов. «Убить христианина они не считают преступлением, отнять его скот и стравить в его доме скудный годовой запас его семьи — не признается ими за грабеж и насилие, потому что все это остается ненаказанным, потому что в случае жалобы они уверены найти поддержку в том или другом члене меджилиса»²⁵.

«Бег может отнять у жителя жену и держать ее, сколько ему хочется, а после убить ее, как это сделал, например, Дервиш-Бег Куленович у Петровца»²⁶.

«Каждый последний турок имеет право входить в дом любого христианина и требовать не только угощения, но и зубарины, т. е. платы за то, что он, евши у христианина, испортил свои зубы»²⁷.

¹⁹ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1847, д. 228, лл. 61—62.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, Мостар, 1861 г., д. 612, л. 78.

²³ Там же, Белград, 1847 г., д. 228, л. 63.

²⁴ Там же, Мостар, 1861 г., д. 612, л. 79.

²⁵ Там же, л. 88.

²⁶ Там же, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 233.

²⁷ Там же, Мостар, 1854 г., д. 605, л. 5. Извлечения из прошения православных жителей Боснии и Герцеговины на высочайшее имя.

Христианским подданным султана запрещалось приобретать себе землю в собственность «покупкою ли, или обработкою пустырей»²⁸. «Если случилось, что христианин селился на «ничьей» земле и расчищал себе поле где-нибудь в лесу, то ближайший ага (мусульманин-землевладелец) без дальнейших рассуждений присоединял ее к своему поместью и обращал землевладельца в своего кмета»²⁹.

Каждый кмет имел личный договор с землевладельцем. Юридически кмет не был лишен права менять хозяина, оставлять свой участок земли, переходить к другому помещику, но осуществить это фактически было невозможно. Кмет почти всегда был опутан долгами, позволявшими помещику задержать его; кроме того, переход от одного землевладельца к другому был затруднен сговором землевладельцев не принимать к себе недовольных кметов и не селить их на своей земле против воли их бывших хозяев. Зато помещик мог прогнать кмета в любое время. Случалось, что кмет тяжелым трудом улучшал свой участок; владелец земли сгонял такого кмета, чтобы передать ее другому кмету за повышенную плату. Иногда аги сгоняли кмета с земли, несмотря на то, что он пользовался данным участком наследственно на протяжении сотни лет.

Турецкая администрация отказывалась вмешиваться в отношения между кметами и землевладельцами. Жалобы кметов на притеснения их землевладельцами турецкая администрация не разбираала или оставляла без последствий.

Крестьяне Боснии и Герцеговины отбывали также тяжелые и многочисленные повинности в пользу государства.

В турецкой феодальной системе не было единства в повинностях и налогах. Каждая область имела свои особенности и в налогах. В Боснии и Герцеговине в середине XIX в. были такие государственные налоги: *харадж* — подушная подать, взималась со всякого немусульманского подданного мужского пола. Размер хараджа был неодинаков в различных санджанах и постоянно менялся. Харадж собирали харачили и за это оставляли себе $\frac{1}{10}$ собранной суммы. Позднее харадж Османское государство стало отдавать на откуп, как и другие налоги. В 1850 г. харадж был заменен войниной; *десятина* — натуральная подать на продукцию сельского хозяйства. Десятина взималась с хлеба, за огородные культуры, коноплю, лен; виноград и т. д.; *вергия* или *порез* — общий налог на доход, подоходный налог на движимое и недвижимое и торговое имущество, кроме десятины, со всех людей — мусульман и христиан (10—25% от дохода)³⁰.

Затем в пользу государства взимались: *дюмрюк* — таможенная подать; *димарие* — за дым, т. е. налог на жилище; *казания* — налог на котел, в котором варилась ракия (водка); *жировина* — с каждой свиньи за желудки; *отлакье* — налог за постбище для скота; *хамри* — обложение за выделку вина; *хинзирие* — плата за откорм свиней; *свадбарина* — такса, которую отец невесты платил спахии, выдавая ее замуж.

Были и другие налоги и более мелкие поборы.

²⁸ А. Гильфердинг. Босния, Герцеговина и Старая Сербия (сборник). СПб., 1859, стр. 97.

²⁹ Там же.

³⁰ Так гласил закон и так было по утверждению В. Поповича (В. Поповић. Указ. соч., стр. 30), но в применении этого закона к Боснии и Герцеговине были, видимо, отклонения. Не только А. Гильфердинг, но и сами босняки и герцеговинцы свидетельствовали (в частности, герцеговинцы-католики в своем прошении 1869 г.) о том, что местные меджаисы проводили «уравниловку» в сборе пореза и налагали его не на доход, как полагалось по закону, а на душу (по нуфусу). См. АВПР, ГАУ Аз, Мостар, 1869 г., д. 622, л. 10.

Следует остановиться на системе сбора государственных налогов, сыгравшей немалую роль среди предпосылок восстания 1858 г.

«Харадж» собирали харачлии. Харачлии привозили с собой по 10—15 человек, которые требовали кормить себя во время сбора налога. «Харадж» взимался «со всякой души мужского пола, не исключая ни новорожденных, ни немощных старцев, и даже взыскивают с умерших»³¹. Несмотря на то, что по закону харадж должен был взиматься с мужчин в возрасте от 15 до 70 лет, на деле он собирался и с младенцев и стариков. Цифра налога, таким образом, произвольно повышалась. «...она достигает иногда до 1000 пиастров с семейства, состоящего из одного работника и нескольких малолетних детей»³².

Такая же картина произвола наблюдалась и при сборе десятины. «Сначала урожай определялся на корню, произвольно и тут же определялась следуемая с него десятина после снятия урожая. Часто, в случае недорода, десятина превращалась в осьмину, пятину и даже — половину, в особо неурожайный год»³³.

Сбор десятины до 1851 г. производили спахии. Обыкновенно для определения размера будущей десятины приезжал от имени спахия кто-либо из его свиты — заптие, или субаши, и крестьянин безмолвно должен был подчиниться совершенно произвольному определению. Затем, когда хлеба созревали и крестьянин убирал урожай, он должен был ждать, пока придут забирать от него десятину; хлеб лежал под открытым небом, и кмет нес большие потери от прорастания зерна в случае дождя. Обычно в село для сбора десятины приезжал сам спахий, его сопровождали помощники и прислуга, в числе 10—60 человек. Крестьяне должны были всех их кормить.

Размеры взимаемой десятины часто колебались в зависимости от рыночных цен на зерно, и спахии всемерно соблюдали при этом свою выгоду. «Если зерновой хлеб в цене, спаги требуют следуемую ему 10-ю часть натурою, если же, напротив, цена хлеба низкая, то он возвышает оную по своему произволу и взыскивает с поселян деньгами»³⁴. После определения десятины помещики, основываясь на ее размере, назначали свою долю с урожая (третину, четвертину и т. д.), которую кмет должен был отдать землевладельцу; последний при этом не исключал причитающейся на его долю урожая часть назначенной десятины³⁵. В результате самому крестьянину оставалось очень мало из полученного урожая. Кметы должны были постронуть в селе зернохранилище, где спахий держал свой хлеб. Если не было житницы, то райя должна была доставить спахийский хлеб на ближайший базар. Но если расстояние было больше, чем один день ходьбы, кметы не должны были переносить спахийскую долю³⁶.

Порез собирали местные турецкие власти с помощью заптиев — полицейских. Сборщики пореза не приезжали в село в одиночку, чтобы с помощью старосты собрать подать, а являлись целыми группами и требовали предоставления им бесплатного жилища, пищи, водки и попутно просто грабили крестьян, облагая их поборами в свою личную пользу.

«Проживши в селе 5 или 6 дней на счет бедных поселян и собравши требуемую подать, собиратель оной, если он сеймен, то требует в свою пользу с каждого дому по цанцигеру; а если булюк-баши, то каждый

³¹ АВВР, ГА, V Аз, Белград, 1847 г., д. 228.

³² Там же, Мостар, 1861 г., д. 612.

³³ Там же, л. 80.

³⁴ Там же, Белград, 1847 г., д. 228, л. 62—63.

³⁵ Там же, Мостар, 1861 г., д. 612.

³⁶ В. Поповић. Указ. соч., стр. 29.

дом обязан внести таллер, не исключая определенной подати. Если по бедности жителей они не в состоянии внести повинностей сполна, то человек, отправляемый потом вторично для взыскания недоимки, требует в свою пользу по 2 цванцигера с семейства; а если недоимка и во второй раз сполна не уплачена, то в третий раз посланный взимает сверх оной по 3 цванцигера»³⁷.

В системе взимания государственных налогов в первой половине XIX в. все большую роль стали играть откупа. Такие налоги, как таможенная подать, казания, жировина и др., турецкое правительство отдавало на откуп бегам (обычно членам меджлиса), которые в состоянии были внести в казну номинальную налоговую сумму, а потом сами собирали тот или иной налог с населения.

Сборщики налогов неправильно показывали размеры фактически взысканных с крестьян налоговых сумм. Если они собирали 10 тыс. пиастров, то выдавали расписку на 5³⁸.

«При взимании государственных повинностей и косвенных налогов сумма сбора превышает значущуюся по спискам казначейства, но различие это не поступает в пользу Правительства. Кроме того, сборы эти повторяются иногда по несколько раз в год под предлогом, что собранная таким образом вперед подать будет зачтена за следующий год. Когда же приходит время годового сбора и поселянин заявляет, что он уже заплатил вперед свою подать, то ему говорят, чтобы он теперь заплатил следующее с него, а что заплаченное им вперед будет ему зачтено в следующем году»³⁹.

Село платило казенные подати сообща, распределяя их по домам. Каждое село выбирало своего кнеза (старосту), обычно из зажиточных крестьян. В решении вопроса о раскладке податей кнез советовался только с зажиточными кметами, и поэтому распределение податей никогда не было справедливым. Кнез и зажиточные кметы всегда ухитрялись уменьшить свою долю, перекладывали большую часть подати на бедных кметов. Во время сбора податей представители турецкой администрации являлись в село в сопровождении заптиев (жандармов), которые начинали с того, что требовали с крестьян еды, вина, а затем творили всякие бесчинства.

«Заптия, когда приходит в деревню, нагрянет на ночлег, требует есть и пить, водки, хлеба, кур, а платить ни за что не хочет»⁴⁰.

Кроме землевладельцев и сборщиков государственных налогов, «... муселам и кадий обременяют христиан налогами особенного рода: каждый раз, когда Паша отправляет своего чиновника к муселиму с каким-нибудь повелением, то они угощают посланного не щадя никаких издержек, а потом взыскивают оные с христиан»⁴¹.

Немалое участие во всем этом беззастенчивом грабеже под видом налогов принимало и православное и католическое духовенство. Так, Сараевский Владыка Игнатий, «объезжая в первый раз свою епархию, взыскивает с каждого прихода по 9 пиастров и с каждой души, не исключая ни женщин, ни больных, ни престарелых, по 3 и 4 паря, во второй раз 2 пиастра 24 паря, а в третий — по 1 пиастру и 34 паря»⁴².

³⁷ АВПР, ГА, V А2, Мостар, 1861 г., д. 612, л. 80. См. также: Н. Попов. Положение райи в современной Боснии, стр. 340.

³⁸ АВПР, ГА, V А2, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 233.

³⁹ Там же, Мостар, 1861 г., д. 612, л. 91.

⁴⁰ Там же, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 234.

⁴¹ Там же, Белград, 1847 г., д. 228, л. 64.

⁴² Там же.

«Если же владыка посетит чей-либо дом, или ночует в оном, то не до-
вольно того, что бедный хозяин угощает его безвозмездно, но он еще взыска-
кивает с него за освящение воды от 25 до 100 пиастров, и если тот по
своей бедности не в состоянии заплатить, он угрожает ему проклятием, и
устрашенный поселянин занимает требуемую сумму и вносит немед-
ленно»⁴³.

От митрополитов и епископов народ Боснии и Герцеговины терпел
«...едва ли не более чем от самих турок». Они «...обременяют паству
свою налогами, наравне с турецкими Пашами...»⁴⁴.

Налоги и поборы вконец разоряли крестьян, не оставляя им даже хлеба
на пропитание и вынуждая их занимать его у своих грабителей. «Если рас-
считать приход райи-поселянина и количество того, что с него взимают аги,
откупщики и казна, то ему останется пропитания не больше как на три
месяца, а прочее время он должен проживать в долг и отдавать себя, так
сказать, в кабалу агам»⁴⁵.

Некоторый денежный заработок для того, чтобы расплатиться с нало-
гами, давал босне-герцеговинским крестьянам извоз. «Все товары, вывози-
мые или же ввозимые в Герцеговину, за недостаточностью путей сообще-
ния, перевозятся обыкновенно на вьюках, и поэтому перевозка составляет
довольно значительный источник благосостояния христиан»⁴⁶. Однако
в 50-х годах XIX в. извозный промысел перестал приносить крестьянам
доход, так как турецкие власти в Боснии и Герцеговине стали все чаще
привлекать извозчиков (кираджи) для военных перевозок. Эти перевозки
совершались уже безвозмездно, хотя крестьянам и выдавались квитанции
(сенеда), которые должны были засчитываться местными властями
«...в зачет различных повинностей»⁴⁷. Но местные власти не желали при-
нимать эти квитанции в счет повинностей, и крестьяне хранили их по не-
сколько лет в тщетной надежде, что они будут зачтены. Многие крестьяне
погибали, переноса на себе по непроходимым тропам в горах, в любую по-
году, провиант для турецкого войска. Лошади падали под тяжелыми воен-
ными грузами.

В записке Боснийского депутата Гаврилы Вучковича, представленной
действительному тайному советнику Бутеневу 11 мая 1858 г., говорилось:
«Сколько мы ни выставляли во времена Омер-Паши для Царского (султан-
ского. — В. К.) войска припасов: баранов, масла, маиса, пшеницы, дров,
сена, коров, подвод для крепостных работ, за все обещали нам выплатить,
а не дали ни одной пары. В то время пало у бедных жителей 5000 лоша-
дей и более, за которые также ничего не выплачено»⁴⁸.

«...сколько из них (крестьян. — В. К.) погибло, переноса на себе про-
виант в горах, сколько разорено потому, что скот их пал под нескончаемой
и безвозмездной перевозкой в назначенные пункты провианта и военных
снарядов»⁴⁹.

Местная турецкая администрация, меджлисы, в которых сидели самые
богатые беги, вместе с другими агам и бегами систематически грабили и
разоряли крестьянство.

⁴³ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1847 г., д. 222, л. 64.

⁴⁴ Там же, Мостар, 1854 г., д. 605, л. 5.

⁴⁵ Там же, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 115.

⁴⁶ Там же, Мостар, 1861 г., д. 605, л. 75.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 232.

⁴⁹ Там же, Мостар, 1861 г., д. 612, л. 88.

* * *

В первой половине XIX в. турецкое правительство предприняло ряд реформ. Целью их было упорядочить финансы империи, реорганизовать управление страной, уничтожить самостоятельность отдельных провинций, создать современное войско по европейскому образцу.

Султан Абдул-Меджид 3 ноября 1839 г. издал хатти-шериф, который получил название Гюльханейского хатти-шерифа. Он был издан по совету английского правительства, с тем чтобы не допустить заступничества России перед Портой за христианских подданных Турции. В этом законодательном акте провозглашалось «изменение и полное обновление старых обычаев».

По Гюльханейскому хатти-шерифу подданным Турецкой империи обещались «безопасность жизни, чести и имущества», правильное распределение и взимание податей. Система откупа податей была названа «пагубным обычаем» и подлежала отмене с вступлением в силу данного закона. Провозглашался правый и открытый суд с предварительным следствием для всех подданных султана «без различия вероисповедания»⁵⁰. Хатти-шериф должен был также, по словам его авторов, дать подданным Турецкой империи райям-христианам равенство перед законом с мусульманами и отмену смертной казни без следствия.

Однако все эти обещания на деле ничем не гарантировались. Они лишь объявлялись к сведению, а ставленниками султана воспринимались как комедия.

Положение населения в Боснии и Герцеговине не только не улучшилось после издания хатти-шерифа, но становилось все хуже: эксплуатация крестьян бегами и агами с каждым годом усиливалась. Крестьяне все время находились в состоянии то глухого, то активного брожения, выливавшегося в восстания.

Весной 1843 г. в Боснийской Крайне происходили крестьянские волнения. Русский консул в Белграде Ващенко доносил в апреле 1843 г. в Азиатский департамент, что «мятежники восстали по причине претерпеваемых ими угнетений и грабежей, продолжающихся, несмотря на обнародованное недавно султанское постановление, определяющее права боснийских жителей»⁵¹. Хосрев-паша послал для усмирения повстанцев войска. Незадолго перед этим, в 1840 г., крестьяне Боснии и Герцеговины подали Порте жалобу на то, что беги и аги требуют с них ежедневную барщину. Порта в 1843 г. издала фирман, по которому барщина в пользу бегов и аг ограничивалась двумя днями в неделю; фирман, однако, не был введен в действие — беги принуждали крестьян исполнять барщину ежедневно. В 1846 г. в Боснийской Крайне произошло новое восстание, и снова были посланы против повстанцев войска. Восстание было подавлено боснийским пашой Хаджи-Камилем⁵².

Беглецы из Боснии обратились к сербскому князю Александру Карагеоргиевичу с прошением.

Они жаловались на сборщиков податей, приводивших с собой большую свиту и объедавших крестьян, на то, что харадж берется не только с младенцев и немощных старцев, но даже и с умерших. «...харачий оставляет имя покойника в списке платящих подать до тех пор, пока наследники не пополнят недоимки, хотя бы таковая продолжалась 10 или 15 лет со дня

⁵⁰ Юзефович. Договоры России с Востоком, стр. 173.

⁵¹ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1843 г., д. 224. л. 2.

⁵² Там же, Белград, 1846 г., д. 227.

смерти помянутого родственника»⁵³. Боснийские беженцы жаловались на то, что их помещики требуют с крестьян все новые натуральные и денежные повинности и ежедневную барщину, на безнаказанность всех своих угнетателей, на алчность Сараевского патриарха Игнатия, который взимал с народа непомерные поборы в свою пользу при объездах епархии. Боснийские беглецы просили у Александра Карагеоргиевича защиты от насилий.

После многочисленных жалоб крестьян Боснии и Герцеговины в 1848 г. был обнародован фирман, отменявший там барщину. Возможно, что это решение Порты явилось результатом революции 1848 г. в Европе, вызвавшей активные отклики в соседних с Боснией и Герцеговиной Молдавии и Валахии. Но на деле барщина сохранилась.

Когда в 1848 г. в Боснийский вилает пришел фирман об отмене барщины, Тахир-паша призвал к себе в Травник на совещание бегов. На совещании был выработан план, по которому доходы землевладельцев должны были в дальнейшем не только не сократиться, но и увеличиться. Босне-герцеговинские феодалы вызвали к себе кнезов от всех нахий и заявили им, что теперь взамен барщины боснийские и герцеговинские кметы будут отдавать бегам третью часть урожая (третину). Третья должна была взиматься от трех хлебов: пшеницы, ячменя и кукурузы. За это беги и аги обещали возмещать своим кметам стоимость построек и вносить за них в казну третью часть пореза.

Все внешне выглядело так, будто Тахир-паша решил «упорядочить» отношения между землевладельцами и кметами и унифицировать их (в различных районах Боснии они были различны). В частности, переход к третине должен был создать известное единообразие. В Крайне, Посавине и Подринье решением Тахир-паши было введено положение Сараевского округа: читлук-сахибий должен давать кмету землю, дом, надворные постройки, волов, сельскохозяйственный инвентарь и за это будет получать третину⁵⁴.

Тахир-паша заставил созданных в Травник кнезов подписать новые условия кметчины. Два кнеза из Посавины, которые отказывались подписать эти условия, были убиты⁵⁵.

В Посавине кметы сами расчищали участки земли, сами строили жилища и надворные постройки, покупали волов и сельскохозяйственный инвентарь, «...потому (говорили они) не приходится нам соглашаться на третину, бедный народ наш разорился бы совсем». Тахир-паша ответил им на это: «за все, что вы издержали до сих пор, аги заплатят вам кое-что, а отселе они сами будут строить»⁵⁶.

Кметы Посавины и Крайны, получавшие от своих помещиков только землю и платившие за это девятину, механически переводились на третину. Кметы прекрасно понимали, что землевладельцы не заплатят им за строения, инвентарь и прочее, но третину возьмут обязательно⁵⁷.

Крестьяне Посавины пробовали протестовать против введения третины, посылали депутатов в Травник к Тахир-паше, но успеха не добились. Порта утвердила распоряжение Тахир-паши, и в 1849 г. в Боснии и Герцеговине третья была введена повсеместно.

Последствия этого нововведения крестьяне почувствовали очень скоро. Третину помещики стали взимать у кметов не только с трех хлебов, но и

⁵³ АВПР. ГА, V Аз, Белград, 1847 г., д. 228, л. 61.

⁵⁴ Вл. Скарин. Указ. соч., стр. 10.

⁵⁵ А. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 615.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Вл. Скарин. Указ. соч., стр. 10.

со всего, что росло на земле, а с укоса трав стали брать даже половину. Мало того, они по-прежнему требовали с кметов отбывания барщины:

«Как только третина была наложена на христиан, правительство стало тотчас отдавать ее на откуп в имениях, принадлежащих казне»⁵⁸. Откупщики требовали третину деньгами. Беги и аги также стали отказываться принимать третину натурой. При этом они так же, как и откупщики, намного превышали во время оценки урожая действительную его денежную стоимость.

Часто беги отдавали третину в своих читлуках на откуп, и откупщики, чтобы внести обусловленную сумму помещику, а самим нажиться, «...не оставляли и золы на очаге бедного хлебопашца»⁵⁹.

С увеличением числа откупщиков третины в стране увеличилось и число тюрем. Если заключенный за неуплату третины кмет умирал в тюрьме, в тюрьму сажали его сына.

Третина вызвала крайнее возмущение и непрерывные жалобы крестьян.

До каких пределов поднялся уровень эксплуатации крестьян, показывают данные сбора с крестьян, с бывших имений капетана Хуссейна, где сбор третины был отдан на откуп Мустафе-Паше Бабичу. Первоначальная откупная цена в 120 мешков пиастров⁶⁰ (3 тыс. руб. сер.) через семь лет достигла 1050 мешков (26 250 руб. сер.). К этой сумме необходимо прибавить еще по крайней мере 2 тыс. руб. потерь откупщика при взносе денег в казну, которые он возмещал, конечно, с крестьян⁶¹.

В 1850 г. боснийцы написали жалобу султану «от имени райи Боснийской греческого и римского вероисповедания». В своем письме они жаловались на невыполнение фирмана 1848 г. Они писали, что беги и аги грозят согнать их с земли, отбирают все во время сбора третины: «...третина есть великое бедствие земли нашей, потому что ее ради все мы сделались нищими... Третина лишает нас всего, а насильственный образ собирания этой третины бегами довел до голода многие христианские семейства. Беги и аги боснийские не довольствуются тем, чтобы им платили третину натурой, но оценивают ее так, что цена деньгами далеко превосходит ценность всего сбора»⁶².

Отмечая, что третина берется с 33 предметов, даже с цветов, жалобщики пишут: «...человек принужден бывает остаться довольным, если бег возьмет от него все произведения земли и к тому же не потребует еще и денег»⁶³.

Турецкие чиновники, разумеется, не защищали население от произвола аггов и бегов при взимании третины, а, наоборот, поддерживали этот произвол своими репрессиями. «Стева Стоишич из Чубич-поля, Стева

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В 1831 г. капетан Хуссейн (из Градишки) поднял восстание против султанского правительства и объявил себя властителем Боснии. Разваливающаяся Турецкая империя стремилась уничтожить автономию отдельных областей путем передачи управления ими константинопольским чиновникам. Порте удалось не без борьбы ввести управление Боснией и Герцеговиной прибывшим для этого из Константинополя чиновникам. Это вызвало бурную реакцию в среде боснийских феодалов. Капетан Хуссейн продержался у власти один год. Против него были посланы турецкие войска. Хуссейн был схвачен и умер в тюрьме в Константинополе. Имения Хуссейна были взяты в государственную казну, но боснийские паши оставили себе значительную часть доходов с этих имений. В 1849 г. на кметов бывших имений капетана Хуссейна была наложена третина.

⁶¹ А. Гильердинг. Указ. соч., стр. 439.

⁶² АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1850 г., д. 794, л. 11. См. также: Н. Попов. Указ. соч.; S. Bošnjak. Zemljopis i poviestnica Bosne. U Zagrebu, 1851.

⁶³ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1850 г., д. 794, л. 11.

Наранджич из Кореницы, Перо Старчевич и кнез Мико Микич из Топлице раз воспротивились самовластию одного аги и не хотели дать несправедливо востребованной третины; турецкое начальство распорядилось так, что всякий из них получил по пяти сот ударов палками по пятам — и так, что один Микич только остался жив, а прочие испустили свою душу под ударами»⁶⁴.

В своем письме босняки отмечали полную правовую необоснованность и насильственный характер действий землевладельцев, указывая, что все чифтлуки произошли от насилия.

«Мы много раз просили этих бегов сказать нам: по какому праву они требуют от нас третину, а они нам на это ничего не могут ответить, потому что не имеют никакого права, так как все чифтлуки произошли от насилия...»⁶⁵.

«...есть в Боснии люди, которые хорошо знают, как некоторые чифтлуки (поместья) появились еще недавно. Какой-нибудь сильный бег является с вооруженною толпою в село к райе и заставляет ее силою уступать ему свои земли и давать третину»⁶⁶.

Беги, как отмечали жалобщики, считают, что «мы, райя, должны быть довольны тем, что они нам позволяют на ней (земле. — В. К.) жить и ее обрабатывать и что они могут нас согнать с нее, когда захотят»⁶⁷.

В письме содержатся жалобы на особенно вопиющие злоупотребления откупщиков третины в имениях, принадлежащих казне, и откупщиков беговских имений. Эти откупщики, пишут жалобщики, «...грабят бедную райю еще бесчеловечнее, чем беги». Когда кметы выражают им свое возмущение оценкой третины и замечают, что даже беги ценили третину дешевле, откупщики третины отвечают: «...бег мог тебе подарить, ему это ничего не стоит, но мы заплатили за это собственные деньги и должны же иметь выгоду»⁶⁸.

В письме сообщалось, что и сборщики других податей грабят народ... «оценивают и берут подать даже за тот приплод, который еще не родился, но может родиться в продолжение года»⁶⁹.

Если у кмета нет денег, то сборщики податей подвергают его пыткам; «бьют их, запирают в свиные хлевы, подкладывают под них зажженную бумагу и душат их»⁷⁰.

В письме указывается на издевательства, творимые сборщиками над женщинами. В Боснии «ничто не безопасно — ни личность, ни имущество»⁷¹.

Жалобщики соглашались платить шестину. Они считали, что налоги должны распределяться пропорционально имуществу и землепользованию. Судить их должны «по правде», а не по религиозной принадлежности. Господарь не имеет права самовольно прогнать кмета с земли, а только по суду и с уплатой того, что кмет затратил на постройки. Жалобщики настаивали на отмене беглечения, на оплате военных перевозок и дорожных работ, на свободе вероисповедания, свободном учреждении школ. Далее требовали свободы в занятии торговлей и ремеслами без различия вероисповедания. Они требовали, чтобы законы издавались

⁶⁴ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1850 г., д. 794, л. 9.

⁶⁵ Там же, л. 10.

⁶⁶ Там же, л. 10.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, л. 12.

⁶⁹ Там же, л. 11.

⁷⁰ Там же, л. 12.

⁷¹ Там же, л. 8.

на двух языках и чтобы христиан принимали на военную службу наравне с мусульманами⁷². В заключение жалобщики с отчаянием заявляли, что «крайя боснийская находится в крайнем положении»⁷³. Письмо было очень смелым для своего времени. Красной нитью через все письмо проходит требование равенства перед законом христиан и мусульман, требование свободы языка, занятий ремеслом и торговлей.

По поводу заявления босняков, что читлуки произошли «от насилия», Ламанский писал в 1851 г., что боснякам хочется «быть господами своей земли с платою султану определенной подати», что для них «соблазнитель пример соседки и сестры их Сербии», что они «изберут себе, пожалуй, и князя»⁷⁴.

После «реформ» Омер-паши 1851 г. — отмены спахилуков и введения системы откупов на сбор десятины — откупа десятины раздавались с торгов: «... в первый раз продали спахилуки еще весьма дешево и небольшую часть вырученных денег назначили спахиям в вознаграждение»⁷⁵. Но затем с каждым годом десятина на торгах продавалась все дороже.

Обычно богатый бег брал на откуп целую область и вносил сразу положенную сумму представителю турецкого правительства. В свою очередь бег отдавал на откуп округа, или уезды, или даже отдельные села более мелким откупщикам из мелких помещиков или православных купцов.

Православные купцы активно участвовали во всех хищнических операциях по сбору налогов и податей с населения Боснии и Герцеговины.

Они выступали как откупщики не только казенных налогов, но и сбора третины с имений, принадлежащих бегу или аге. В оценке урожая откупщиками царил тот же произвол, что и при взимании десятины. Откупщиков третины в имениях бегов и аг крестьяне называли арендаторами. Крестьяне о них говорили, что «временные христианские господа обращаются с ними гораздо хуже, чем мусульмане (потурченцы. — В. К.), и систематически разоряют их»⁷⁶.

Православные купцы наряду с бегам, агами и турецкими чиновниками были прямыми виновниками страшных беззаконий и притеснений в северо-восточной и северо-западной Боснии. Они были озабочены одним: как можно больше нажиться на сборе податей. Руководимые единственным стремлением, откупщики нисколько не задумывались над средствами для достижения своих целей. Поддерживаемые местной турецкой властью, дававшей им в некоторых случаях и вооруженных людей на помощь, они легко добивались своей цели⁷⁷.

Для ограбления крестьян Боснии и Герцеговины откупщики составляли товарищества — ортаклуки. Они, давая «часть барышей чиновникам, пользуются зато полною свободою грабительства»⁷⁸.

Так, при сборе десятины, «приезжая в закупленную им часть провинции, откупщик, судя по всходящему хлебу, требовал от поселянина уплаты, после жатвы, следующей для него десятой части, но так как обыкновенно по сжатии хлеба требуемая откупщиком десятина далеко не могла быть

⁷² См. S. Bošnjak. Zemljopis i poviestnica Bosne. И Zagrebu, 1851.

⁷³ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1850 г., д. 794, л. 13.

⁷⁴ Архив АН СССР, ф. 35, оп. 4, д. 239, Ламанский, Вена, март, 1851.

⁷⁵ А. Гильердинг. Указ. соч., стр. 640.

⁷⁶ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 126.

⁷⁷ Там же, Сараево, 1866 г., д. 809, л. 28.

⁷⁸ Там же, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 34.

таковою, то можно положительно сказать, что поселянин платил всегда вместо десятой части — шестую и даже пятую с своего урожая»⁷⁹.

Вначале откупщики давали каждому крестьянину расписку за взятое у него в счет того или иного налога. Но затем они стали «забывать» выдавать расписки и ограничивались занесением взимаемого с райи в свои книги (дефтеры).

В 50-х годах XIX в. дефтеры стали единственным документом на взятое у крестьян в счет налогов и податей.

«Дефтеры эти должны бы находиться в Меджлисе, но они туда даже и не заносятся, а лежат у самого откупщика. Ясно, что он может записывать туда суммы, какие ему угодно. Если возьмет 100 грошей, записывает 50, и так далее. А когда жалуется райя Паше, то за неимением других документов, являются на справки те же дефтеры, из которых Паша может только заключить, что откупщик совершенно прав, ибо чернильное пятно пред именем райи доказывает, что этот приложил свою руку»⁸⁰.

«Откупщик вычислит урожай, как ему угодно, и возьмет не десятую, а пятую часть настоящего нашего дохода, за ним придет ага и уже не смотрит на то, сколько у нас хлеба собрано, а на то, сколько откупщик написал в своем дефтере... и выходит, что он возьмет не четверть, а половину жатвы»⁸¹.

В Герцеговине, в деревне Звезде на р. Лим, между Преполе и Таслиджей, с 55 кметских дворов в 1857 г. было взято откупщиками 30 мешков пиастров (750 руб. сер.) десятины, «тогда как при введении откупов в 1851—52 гг. десятина с этой деревни оценена была в 12 мешков (300 руб. сер.)»⁸².

Один из православных купцов, откупщик десятины Максим Радулович, «известный своею алчностью, для удовлетворения коей он не гнушался никакими средствами, имел на окупе в продолжении нескольких лет десятину в Дервентской нахии, и срок его контракта прекратился в 1858 г. Ныне он представил Правительству (местному. — В. К.) свои реестры, по коим он будто бы имеет еще получить с жителей этой нахии 28 тыс. пиастров и просил принять меры для взимания этой суммы»⁸³. Банья-лукскому каймакаму (Крайна) дано было приказание взыскать эту сумму с крестьян Дервентской нахии в пользу Максима Радуловича.

В Зворницком каймакаместе (Посавина), где было много кметов, сидевших на земле, принадлежавшей казне, «подать с них отдается на откуп тому, кто даст более, причем откупная цена возвышается с каждым годом, ... откупщики довели их до того, что они разбегаются, переселяясь в другие края».

«Когда приходили в Сараево поселяне Тузлинского края жаловаться на нестерпимые притеснения местных начальников и откупщиков десятины, то православные купцы тузлинские и сараевские свидетельствовали перед Пашою, что эти жалобы не основательны и происходят из духа матажа»⁸⁴.

Богатые сараевские «трговцы» находили общий язык с турецкими властями. «Когда один из откупщиков прибил до смерти бедного поселянина и его жену, с которых нечего было взять, то первый православный

⁷⁹ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1866 г., д. 809, л. 28.

⁸⁰ Там же, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 87.

⁸¹ А. Гильердинг. Указ. соч., стр. 165.

⁸² Там же, стр. 318.

⁸³ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1865 г., д. 808, л. 17.

⁸⁴ Там же, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 126.

сараевский капиталист, Мануил Евтанович, ходил в Меджлис объявлять, что в том селе была тогда повальная болезнь, и тем избавил виновного откупщика от наказания»⁸⁵.

Из своего сообщничества с турецкими властями православные купцы «извлекают огромные выгоды»⁸⁶.

Так как феодалы все больше старались перевести повинности из натуральных форм в денежные, крестьянам приходилось продавать либо на ближайшем базаре, либо скупщикам продукты сельского хозяйства и домашней промышленности, чтобы получить деньги, которые он должен был отдать феодалу. Постоянной нуждой крестьян в деньгах пользовались скупщики и ростовщики. Кроме спекуляций с откупам, православные купцы, сами назначая цены, скупали за бесценок у крестьян сельскохозяйственное сырье.

«Прямо участвуя... в разорении земледельческого класса, православное купечество Боснийское непрестанно извлекает из этого разорения для себя пользу, покупая за бесценок вывозимые в Австрию сырые произведения (т. е. сельскохозяйственное сырье. — В. К.) в то время, когда поселянина преследуют неумолимые откупщики или сборщики податей и держат его в своих руках, продавая ему в кредит свои товары с огромную лихвою: 5 на сто в месяц считается в Боснии умеренным процентом»⁸⁷. Это разоряло крестьян и останавливало торговлю.

Старое сараевское купечество не понимало, что, разоряя крестьян, они лишают себя рынка сбыта. Молодые же «торговцы» Боснии понимали, что обнищание крестьянства лишает их возможности сбывать свои товары. Поэтому они ссорились со своими отцами по поводу их эгоистической близорукой политики, но все оставалось по-старому. «Торговцы жалуются, что в последние два года их дела значительно уменьшились, что они не находят уже прежнего сбыта для товаров, ими привозимых из-за границы, и причину этого видят в обеднении поселян, особенно в северной части Боснии, самой населенной и прежде самой богатой»⁸⁸.

Развитие товарно-денежных отношений в деревне усилило дифференциацию крестьянства, подавляющее большинство крестьян Боснии нищало.

«Поселяне в Боснии находятся в самом жалком состоянии. Их разоряют все: и турецкие начальники, и аги, и откупщики податей, и владыки, и, наконец, торговцы. Они почти все доведены до нищеты и забиты до высшей степени»⁸⁹.

Все возрастающая алчность откупщиков, чиновников и торговцев приводила к массовой пауперизации крестьян Боснии и Герцеговины. Землевладельцы обычно сгоняли с земли своих разорившихся кметов, которые покидали села и строили себе хатку, сплетенную из прутьев и покрытую древесной корой, так называемую колыбу, где-нибудь на пустой земле (в лесу или около дороги) и шли работать по найму, т. е. становились сельскохозяйственными пролетариями. Батраков — «колыбарей» — в Боснии и Герцеговине было много. На каждые 10 семейств, обрабатывающих землю, в середине XIX в. приходилось от 2 до 3 батрацких семейств. Они нанимались в рабочую пору к зажиточным кметам на сельскохозяйственные работы.

⁸⁵ Там же, л. 127.

⁸⁶ Там же, стр. 128.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, л. 129.

⁸⁹ Там же, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 73

В колыбах питались отваром кукурузных стеблей и диких корней, дети умирали с голода, да и взрослые тоже. Колыбары не могли вернуться к обработке земли: им не на что было купить вола, плуг и пр.⁹⁰

* * *

При подписании предварительных условий Парижского мира державы-«поручительницы» посоветовали турецкому султану улучшить положение своих христианских подданных.

Султан Абдул Меджид 6 февраля 1856 г. издал хатти-хумаюн (собственноручный декрет), в котором объявлял о ряде преобразований. Однако в декрете в основном повторялись прежние невыполненные обещания. Снова даровались подданным «неприкосновенность личности, чести и имущества», провозглашалась свобода вероисповедания, духовенство переводилось на государственное жалование. Все подданные Османской империи без различия религии и национальности допускались к занятию государственных должностей. Разрешалось открывать новые школы. Учреждались смешанные суды для решения дел между мусульманами и христианами. В хатти-хумаюне содержалось обещание издать «в скорейшем времени» закон о допущении подданных из христиан к военной службе, указывалось, что все население империи будет обложено одинаковыми налогами «без различия классов или религии». Хатти-хумаюн провозглашал также отмену откупов. «Взамен откупов по всем отраслям государственных доходов будет последовательно и в возможной скорости применена система прямого взимания»⁹¹. Наконец, в хатти-хумаюне обещались законы против взяточничества и продажности чиновников и судей, против злоупотреблений при взимании налогов.

Но, несмотря на эти щедрые обещания, все шло по-старому: по-прежнему беги и аги оставались собственниками земли. По хатти-хумаюну христиане имели право приобретать землю в собственность, но фактически было невозможно это осуществить, хотя значительное число пустующих земель (еразие хали) имелось почти во всех округах Боснии и Герцеговины.

Как только христианин-кмет хотел приобрести необработанный участок, последний немедленно оказывался собственностью какого-нибудь бега⁹². «...объявляющий себя владельцем такого участка мусульманин представляет нужное количество свидетелей, мусульман же, и таким образом признается законным владельцем участка. Иногда употребляют другое средство: например, оказывается, что участок, который желает приобрести христианин, есть вакуф, т. е. принадлежность какой-нибудь мечети, или же мера — общественный выгон, тогда как о подобном положении этого участка никому не было известно; или же..., не прибегая к подобного рода хитростям, или просто отказывают являющемуся покупателю под каким-нибудь не имеющим никакого значения предлогом, или же жители-мусульмане угрозами заставляют христианина отказаться от своего намерения»⁹³.

«Кроме того, несуществование кадастров, даже в самом первоначальном их виде, много способствует мусульманам противодействовать приобретению христианами земельных участков»⁹⁴.

⁹⁰ А. Гильердинг. Указ. соч., стр. 165.

⁹¹ Юзефович. Договоры России с Востоком, стр. 180.

⁹² АВПР, ГА, VA₂, Мостар, 1861 г., д. 612, л. 76.

⁹³ Там же, л. 76—77.

⁹⁴ Там же, л. 77.

Таким образом, поземельные отношения, при которых райя не могла владеть землей, оставались, несмотря на хатти-хумаюн, прежними. Неизменной оставалась и система эксплуатации крестьянства. Взимание третины и грабеж кметов сборщиками податей продолжались по-прежнему. Действовала старая система управления Боснией и Герцеговиной, сохранилось неравенство перед законом мусульман и христиан. Несмотря на то, что хатти-хумаюн провозгласил безопасность всех подданных империи (как личную, так и имущественную), правовое положение христиан оставалось без изменений.

По хатти-хумаюну свидетельство христиан на суде должно было приниматься в расчет; но на деле оставался неравноправный суд: свидетельство десяти христиан аннулировалось показаниями одного мусульманина.

Во многих местах народ не знал об издании хатти-хумаюна; люди и не подозревали, что христианским подданным султана были обещаны охрана жизни, имущества и пресечение злоупотреблений и притеснений.

В 50-х годах XIX в., после того как Омер-паша отнял у христиан оружие, кметы-христиане «должны [были] терпеливо сносить все требования каждого приходящего заятие [полицейского солдата], каждого приезжего мусульманина. Лишенные оружия, они не могут защищаться от этих притеснений или сопротивляться вооруженным мусульманам»⁹⁵.

В конце 1856 г. четыре боснийца пришли в Белград под предлогом сбора милостыни и передали полковнику Милошевичу прошение боснийцев на имя русского царя Александра II. Боснийцы писали, что лучше бы не издавали хатти-хумаюна. Теперь, указывали они, вместо хараджа взимают аскерию или войнину, дали только другое название. «...харач был по 15 пиастров с головы, а теперь есть дома, которые должны давать по 10—12 червонцев»⁹⁶. Далее боснийцы сообщали: «Пандуры (дорожная стража. — В. К.) получают жалованье, но из него ничего не тратят, а мы содержим даром их и лошадей их. Куда они придут, там колют живность, режут, жарят и пекут; у кого нет того, что им понадобится, тот идет искать, хоть в десятое село...»⁹⁷. Боснийцы просили у русского царя помощи, предлагали создать комиссию из представителей России, Австрии, Франции и Турции, которая изучила бы их положение. «Это есть желание всей Боснии, — указывалось в прошении, — не только христиан, но даже и всех беднейших мусульман, которым так же, как и нам, нестерпимо насилие их властей»⁹⁸.

В документе недвусмысленно говорилось, что если не изменится положение, то народ больше не будет сносить все то, о чем его представители писали царю. «Есть между нами люди, которые поведут нас; кто возьмет ружье, кто дубину, кто топор...»⁹⁹. Документ был подписан следующим образом: «В Боснии, 30 октября 1856 г. Все христиане в Боснии»¹⁰⁰.

Весь 1857 год боснийские и герцеговинские крестьяне приносили жалобы на своих помещиков и откупщиков податей.

Кнезы шести нахий северо-восточной части Боснии — Посавины подали 8 мая 1857 г. сараевскому вали Мехмед-Решид-паше прошение для передачи его султану Абдул-Меджиду. В прошении отмечалось, что система ильтизама (откупов) продолжала действовать и что турецкие чиновники,

⁹⁵ Там же, л. 84.

⁹⁶ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 8.

⁹⁷ Там же, л. 9—10.

⁹⁸ Там же, л. 10.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

вместо того чтобы вводить новый закон и следить за исполнением султанского хатти-хумаюна, сами активно участвуют в спекуляциях по откупам.

«В прежние времена, — говорилось в прошении, — мы давали нашим агам девятую часть дохода с наших полей и исполняли бегдук в агинских полях и домах. Когда прибыл Тахир-паша в Боснию, то он и боснийские господа позвали нас и предложили освободить нас от барщины с тем, чтобы мы вместо девятой давали агам третью часть дохода с наших полей, именно с трех хлебов: пшеницы, ячменя и кукурузы, а сено нам предоставили на старом условии, т. е. чтобы за него каждый дом давал аге по одной юнге масла (5 фунтов). Но на деле вышло не так: не только с трех означенных хлебов, но и со всего, что родит земля, стали брать третину, а с сена половину, и не хотели слушать наших жалоб, но самоуправствовали и довели нас до нищеты, а скотину нашу до голодной смерти». Представители шести нахий просили, чтобы с них бралась третьина с трех хлебов, а за сено, как и прежде, по 5 фунтов масла. Далее, они писали, что если так пойдет дальше, то земля истощится. «Когда у нас падет с голоду вся скотина, чем будем обрабатывать царскую землю?» — вопрошали они. Кнезы предлагали, чтобы аги не платили за них $\frac{1}{3}$ пореза, как это было договорено на совещании у Тахир-паши, лишь бы все сено осталось у крестьян. В прошении указывалось на нарушение обещания не платить налогов с вновь освоенных земель. «Когда прибыл в Боснию Тахир-Паша и назначил нам третину вместо девятины, — заявляли кнезы, — то он объявил нам: Райи! Со всех тех земель, которые вновь очистите своими трудами и приготовите для обработки, вы не будете давать аге ничего в продолжении первых трех лет, а будете платить с нее только десятину Царю. Но этого аги не послушались, а берут тотчас с новых земель третину».

Об откупах и правовом положении крестьян жалобщики сообщали: «Многие царские чиновники и члены меджлиса закупают на торгах взимание податей и грабят нас под этим предлогом. Какая возможность принести жалобы, когда в суде сидят сами грабители? Просим, чтобы этим людям было запрещено взимать подати»¹⁰¹.

Они назвали по имени откупщиков Муя-ага Пазарца и Алиа Талиеревича, особенно известных в северной и северо-западной части Боснии своими жестокостями и насилиями. «Муя-ага Пазарац с байрактором Талиеревичем Гуссейном и другими своими помощниками, закупая взимание податей, обратили в течение последних лет наши села в пустоши и творят такую неправду, какой не помнят в нашей земле, ...бьют многих людей до смерти, убивают беременных женщин с младенцами», — говорится в заявлении¹⁰².

Перечисляются и другие злодеяния откупщиков. Откупщики вешали крестьян на деревья вниз головой, поджигали под ними солому, и крестьяне, «задыхаясь от дыму, соглашались платить что угодно откупщику».

В прошении указывается, что тузлинский паша со своими мудирами помогает откупщикам обирать крестьян. «Нынешней зимой Тузлинский Паша послал Ахмет-Агу собирать десятину именем откупщика Талиеревича: он схватил 30 бедных женщин, которые не имеют хозяйства и не обязаны ничего платить, и держал их в ограде, среди снега, пока мы из сострадания не дали ему денег, чтобы выкупить их»¹⁰³.

¹⁰¹ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1857 г., д. 799, лл. 64—69.

¹⁰² Там же, л. 65—66.

¹⁰³ Там же, л. 67.

Крестьяне просили, чтобы их избавили от этих откупщиков либо отвели бы им наделы на пустовавших землях Боснии, где бы они могли жить спокойно.

Дальше посавинцы писали: «Пять лет тому назад определили нам подать со свиней: в тот год, когда леса родили желуди, мы должны были платить по 47 парà с каждой свиньи, а когда желудей не было, то по 7 парà. Но откупщики этой подати берут всегда по 47 парà, все равно в хороший ли год, или в дурной... Откупщики являлись к крестьянину взимать налог на свиней каждые три месяца... Поэтому просим распорядиться так, чтобы брали с нас подать за свиноводство по закону и перечисляли скотину раз в год, в какое время откупщик захочет»¹⁰⁴.

В своем прошении крестьяне Посавины сообщали о происходящей непрерывно экспроприации крестьянских земель помещиками: «Часто случается, что ага (помещик) прогоняет поселянина со своей земли, или отрезает у него часть поля, между тем как последний исправно обрабатывал агинскую землю. Посему просим вас, государь, запретить прогонять поселянина с земли, когда за ним не знают вины и когда все могут засвидетельствовать, что он хороший и исправный хлебопашец»¹⁰⁵.

Посавинцы жаловались на то, что свидетельство в суде христиан по-прежнему не принимается во внимание, если даже о данном преступлении засвидетельствует все село.

В заключение жалобщики писали: «Здесь мы изложили Вам только малую часть бедствий и неправд, нами претерпеваемых»¹⁰⁶.

Под прошением следуют подписи кнезов и выборных крестьян Тузлинской, Власяницкой, Бречской, Градашецкой и Грачаницкой нахий.

Было бы неправильно рассматривать приведенные выше документы (жалобы боснийцев 1851 и 1856 гг. и прошение шести нахий Посавины 1857 г.) только как обстоятельное перечисление несправедливостей, произвола и фактов прямого грабежа, допускавшихся при сборе налогов феодалами, откупщиками, духовенством, купцами, ростовщиками и прочими эксплуататорами.

В этих документах содержатся уже некоторые элементы аграрной программы крестьян, каким бы стихийным и разрозненным не было еще крестьянское движение в ту пору.

В этих документах видно стремление крестьян дать общую оценку сложившимся в Боснии и Герцеговине аграрным отношениям, показать, что крупное землевладение возникло в результате «насилия», т. е. экспроприации крестьянской земли (жалоба боснийцев 1851 г.), и продолжает быть главным источником бедствий и безудержной эксплуатации кметов. Жалобы содержат отдельные требования, которые в своей совокупности образуют зачатки крестьянской программы решения вопроса о поземельных отношениях, налогах, повинностях и т. д.

Стремясь успокоить крестьянское население, сараевский вали Мехмед-Решид-паша прибег к обычным обещаниям. Он объявил, что сменит всех окружающих начальников (мудиров) там, где откупщики допускают злоупотребления¹⁰⁷. Муя-ага Пазарац и его сподвижники были признаны виновными в незаконных поборах и даже взяты под стражу. Муя-агу обязали отправиться в Посавину и в присутствии соответствующих официальных лиц вернуть крестьянам деньги, которые он у них взял неза-

¹⁰⁴ Там же, л. 67.

¹⁰⁵ Там же, л. 68.

¹⁰⁶ Там же, л. 69.

¹⁰⁷ Там же, л. 80.

конно¹⁰⁸. Крестьяне, однако, предвидели, что незаконно взятых денег им не получить, так как местные чиновники состоят «... в сообщничестве с откупщиками»¹⁰⁹. Так оно и получилось. Откупщики стали возвращать крестьянам только деньги «... в уплату того, что они и их приказчики и кавасы жили на их счет во время сбора десятины...»¹¹⁰. Это составляло ничтожную часть награбленного у крестьян.

Успокоительные маневры властей, разумеется, не могли остановить все нарастающего движения протеста. Народ со всех сторон стекался в Сараево для представления генерал-губернатору жалоб на местных начальников и откупщиков¹¹¹.

Вновь явились представители крестьян Посавины, за ними — представители Крайны, затем — жалобщики из Герцеговины.

Характерным для этого этапа движения явилось то, что кметы начинают давать в ряде мест Боснии и Герцеговины отпор посланным к ним усмирителям. «Посланные в те места члены сараевского меджлиса возвратились, не успев усмирить волнения и встретив даже в некоторых местах угрозы»¹¹².

В Тузлу (Посавина) вали (генерал-губернатор) Боснии послал несколько эскадронов кавалерии для усмирения волнений, вызванных тем, что подручный Пазараца Якуб убил при сборе податей несколько крестьян. Начальник кавалерии арестовал в Тузлинском крае 90 человек «главных зачинщиков»¹¹³.

Тем не менее крестьяне Посавины продолжали упорно отказываться давать своим агам третину. Они требовали, чтобы комиссаром Порты была рассмотрена их жалоба на несправедливое взимание третины агами, которые брали ее даже с не принадлежавших им пустошей, обработанных поселянами «без всякого с их стороны пособия»¹¹⁴. Народ волновался, прогонял сборщиков податей. Крестьяне публично угрожали своим притеснителям «даже перед посланным нарочно в их нахии войском»¹¹⁵.

Землевладельцы, видя нарастающее сопротивление кметов, решили сами расправиться с непокорными крестьянами. «Во многих местах агы собираются вооруженными толпами и, разъезжая по селам, грабят и бьют поселян»¹¹⁶.

В Градашечкой нахии «сам мудир Махмуд-бег предводительствует вооруженными агами и подает им пример жестокости»¹¹⁷.

Террористические действия помещиков и откупщиков, сочетавшиеся с карательными экспедициями турецких властей, лишь подливали масла в огонь. Волнения крестьян в Посавине усилились. В Сараево приходили известия, что в большом числе нахий происходят волнения и беспорядки¹¹⁸.

В Сараеве ожидался приезд из Константинополя Азиз-паши для расследования на месте причин беспорядков в Северной Боснии. Сараевскому вали приказано было учредить особый меджлис (согласно хатти-хумаюну)

¹⁰⁸ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1857 г., д. 799, л. 98.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, л. 115.

¹¹¹ Там же, л. 80.

¹¹² Там же, л. 116.

¹¹³ Там же, л. 16.

¹¹⁴ Там же, л. 150.

¹¹⁵ Там же, л. 133.

¹¹⁶ Там же, л. 132.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, л. 132.

«для рассмотрения и решения тяжб и дел между помещиками и их кметами»¹¹⁹.

Меджлис был составлен из 12 человек — шести мусульман и шести христиан (трех торговцев и трех крестьян). Разумеется, в составе этого органа не было представителей угнетенных и терроризируемых кметов.

В Сараеве и Мостаре турецкие власти прибегли к дополнительным мерам, направленным против крестьянства: они стали разжигать религиозный фанатизм мусульман, объявили сбор башибузуков. Известия об этом, распространившиеся в Северной Боснии, вызвали усиление волнений. Крестьяне понимали, что призыв к религиозной войне и вооружение мусульман будут использованы для кровавого подавления движения.

В интересах самозащиты крестьянство Посавины начало кое-где вооружаться. «... в некоторых местах Тузлинского края появилось у христиан оружие и что они оправдывают это приготовлениями мусульман»¹²⁰. Об обострении положения свидетельствует тот факт, что в конце 1857 г. в Посавине один из бегов был убит своими кметами.

В декабре 1857 г. депутация крестьян Посавины в количестве девяти человек отправилась в Вену, чтобы вручить жалобу турецкому посланнику Калимаху. Депутация была уполномочена 150 общинами; во главе ее стоял Ристо Повичич¹²¹.

19 января депутация прибыла в Вену. Калимах принял жалобу и пообещал делегатам переслать ее в Константинополь. Петиция, врученная Калимаху, была составлена на двух языках: сербском и французском. Это позволяет предполагать, что петицию составляли люди образованные, возможно, из числа молодых сараевских торговцев.

В петиции были сформулированы следующие требования крестьянства Боснии:

1. Уничтожить читлуки и, следовательно, отменить третину.
2. Не отдавать десятину на откуп, а суммы десятинного сбора включать во вносимую крестьянами подать — порез.
3. Отменить войнину (аскерию), чтобы христиане наравне с мусульманами служили в войсках, согласно духу хатти-хумаюна.
4. Выдать фирмам об этом на руки крестьянам, чтобы аги и беги не могли его фальсифицировать.
5. Обеспечить членам депутации свободное и безнаказанное возвращение домой¹²².

Таким образом, из приведенных выше документов видно, что крестьяне сначала вели борьбу против произвола в налоговой системе, чтобы не брали хотя бы сверх того, что полагалось по закону. Затем крестьяне начали выступать против децентрализации налоговой системы и налоговой практики, за единый налог султану. Постепенно радикализм их требований нарастал: от требования «законных» форм взимания налогов до элементов революционной постановки вопроса об отобрании земли у помещиков, о переходе земли в руки крестьян.

14 января 1858 г. в Сараево прибыл чрезвычайный комиссар Порты Азиз-паша для расследования «жалоб и беспорядков, возникших в Тузлинском крае (Посавина)»¹²³.

¹¹⁹ Там же, л. 133.

¹²⁰ В. Попович. Указ. соч., стр. 202.

¹²¹ Там же, стр. 203.

¹²² Там же, стр. 203.

¹²³ Там же.

Азиз-паша заявил управляющему русским консульством в Сараеве Ионину, что он считает нужным «оставить за помещиками право брать третину с кметов, но, с другой стороны, обязать помещиков вознаграждать кметов за их труды для улучшения своих участков, строить их избы и платить за них $\frac{1}{3}$ поземельной подати: все эти условия соблюдаются издавна в Сараевском и Травницком Санджаках...»¹²⁴.

Азиз-паша сказал далее Ионину, что эти условия должны были соблюдаться после 1848 г., когда девятина, отдаваемая крестьянами своему помещику в Посавине, была заменена третинной, но что эти условия аги и беги не выполняли. Вместе с тем паша возмущался поведением откупщиков-десятины и мудирами, с которыми «они делятся барышами»¹²⁵.

1 февраля 1858 г. Азиз-паша отправился в Тузлу для расследования злоупотреблений на месте. Он прибыл туда 4 февраля и потребовал, чтобы к нему явились от каждой нахии по четыре христианина и два мусульманина, мнение которых о третине он хотел выслушать. Крестьяне заявили в ответ, что хотят «идти в Тузлу поголовно»¹²⁶, чтобы высказать комиссару Порты все, что они имеют ему сказать.

Кметы осуществили свое намерение и пришли в значительно большем количестве, чем требовал комиссар Порты. Он отослал их домой. Первая встреча Азиз-паши с «законными» делегатами Посавины произошла 8 февраля.

10 февраля Азиз председательствовал на заседании меджлиса, в котором депутаты изложили свои жалобы. Один из сельских депутатов сказал, что райя выкорчевала, обработала и огородила государственную землю и построила там дома. Однако аги принуждают их давать третину с урожая и половину сена с этих земель, утверждая, что они якобы купили землю. В ответ Азиз заявил, что аги имели право так поступать.

1 февраля Азиз вызвал депутатов и «посоветовал» им давать третину. Депутаты отказались. 12 и 13 февраля требование Азиза было повторено.

С помощью владыки Агатангела Азиз составил бумагу, в которой крестьяне обязывались давать третину и от хлеба и от сена. Аги и беги охотно подписали этот акт. Крестьяне-депутаты не желали подписать, но их стали принуждать силой церковники — владыки Агатангел и фра Мариан Матузович. Депутатов приводили по одному, намазывали палец чернилами и силой прижимали к акту. Таким способом было получено 7 подписей. Остальные хотели убежать, но ворота и двор оказались занятыми вооруженными людьми. Депутаты, чувствуя ответственность перед крестьянами, просили отпустить их, плакали, старцы рвали свои седые волосы. Ничто не помогло, их силой подводили и прижимали палец к бумаге. Так получили 15 подписей. Лишь кнез Гавро Стефанович из Брчанской нахии даже под страхом смерти не подписал этот документ. Он заявил: «Убейте меня, но не заставьте подписать». Его увели два казака, и он безвести пропал.

Депутаты от крестьян, подписавшие новое положение, объявили, что их силою заставили подписать эти условия. Боясь своих крестьян, делегаты скрывались по лесам.

Основная издоговоренность была такая: третина остается, но аги не смеют отдавать ее на откуп. Аги должны были поправлять постройки своих кметов, третину же имели право требовать деньгами или натурой, но только по добровольной договоренности сторон, с овощей брать третину после их продажи, с сена также брать третину.

¹²⁴ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 22.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же, л. 52.

Аги и беги же заявили, что все останется по-старому. Миссия Азиза оказалась безрезультатной: Азиз насильственным актом ничего не добился.

Крестьяне предлагали сами взять на откуп десятину и третину; аги и откупщики на это не согласились. Они силой взымали третину. Крестьяне бежали в леса и за австрийскую границу. Крестьян арестовывали, пытали.

Делегаты, вернувшись из Вены, распространяли программу венской депутации. Зачитывали ее во всех общинах. Крестьяне повсеместно одобряли радикальную программу венской депутации. Порта заявила, что не может принять программу венской депутации.

Вернувшиеся из Вены депутаты отправились в Сараево, чтобы там добиться рассмотрения жалобы крестьян Северной Боснии. Они надеялись добиться отмены того, что насильственно было получено от крестьянских депутатов в Тузле. Венские депутаты в своем заявлении Азиз-паше опротестовали «соглашения», вырванные у крестьян силой. Азиз-паша заявил, что он не признает их законными депутатами. Депутаты ответили, что по соглашению 1848 г. крестьяне должны платить агам третью часть только от трех хлебов (ржи, пшеницы и кукурузы), в то время как аги берут третину со всего, что родит земля.

Депутаты указывали, что аги обязаны были в Посавине строить дома своим кметам, как это было обусловлено, но не выполняют этого. «Кметы принуждены были держать своих волов, лошадей и земледельческие орудия, что было также против установления»¹²⁷.

Депутаты требовали далее, чтобы аги и беги возместили кметам все то, что взяли с них незаконно в течение 8 лет, уплатили бы за дома, которые построили сами кметы, за расчистку лесов и неудобных земель для своих аг. При этом депутаты ссылались на то, что «по положению кмет, расчистивший такое место для пашни, мог не платить ничего с этого нового поля в продолжение трех лет, хотя бы оно и принадлежало аге»¹²⁸.

Наконец, депутаты предъявили требование, чтобы в будущем «для обеспечения справедливости» при сборе податей и для ограждения крестьян от злоупотреблений аг и полицейских чинов были назначены новые чиновники, которые действовали бы «только с согласия выборных от деревень (кнезов)»¹²⁹.

Турецкое правительство обвинило кметов Посавины в том, что они хотят доказать, что аги владеют землей незаконно, захватив ее в старину насилием, и что «земля, на которой работают поселяне, должна принадлежать им»¹³⁰. В этом турецкие власти были недалеки от истины. Когда временно заведующий русским консульством в Сараево Ионин напомнил об этих обвинениях депутату Йово Ковичу, тот ответил Ионину: «Нам не нужно доказывать этого, когда мы можем и без того взять эту землю. Пусть заставят аг заплатить нам за все происшедшие злоупотребления, тогда земля сама собою отойдет к нам, потому что требуемая нами плата почти превосходит ценность земли»¹³¹.

Азиз-паша старался уверить всех, что он «устроил дела в Посавине ко всеобщему удовольствию аг и райи»¹³². Однако всем было ясно, что

¹²⁷ Там же, л. 119.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, л. 119—120.

¹³² Там же, л. 109.

«притеснения бедных кметов продолжают по-прежнему, так что многие из них, не видя исполнения... обещанных в их пользу условий, противятся платить третину»¹³³.

* * *

Мы не ставили перед собой цель сколько-нибудь подробно осветить ход восстания в Крайне и Посавине. Необходимо лишь остановиться на некоторых моментах восстания.

На крестьян Северной Боснии большое влияние оказало восстание 1857 г. в Герцеговине под руководством Луки Вукаловича. Это восстание также началось по поводу притеснений со стороны помещиков и сборщиков податей. Начавшееся в пограничных с Черногорией районах, это восстание быстро распространилось по Герцеговине. В восстании принимали участие кривошии из Боки Которской. Турецкие власти в Герцеговине были напуганы, они боялись «общего восстания христиан»¹³⁴.

Наряду с требованием справедливого взимания налогов и свободы торговли герцеговинцы потребовали внутренней автономии.

Летом 1858 г. началось восстание в Боснийской Крайне. Отсюда крестьяне часто бежали от притеснений и грабежа откупщиками за австрийскую границу и нанимались батраками к помещикам Славонии. Возвращаясь, они находили разграбленные жилища и уже другого кмета на своем участке земли. Тогда они «строили шалаши и в них жили среди лесов, питаясь чем бог послал»¹³⁵.

Эти бездомные люди готовы были восстать по первому знаку, к ним быстро присоединялись крестьяне, с которых аги и беги насильственно взимали третину с помощью заптиев (полицейских). Население Крайны было беднее населения Посавины, однако местные аги и откупщики налогов к нему предъявляли такие же требования, как и к крестьянам Посавины.

Крестьяне вооружались чем могли, включая железные вилы. Начались стычки с местными агами и бегами.

В Крайне успешно вели революционную работу люди, борющиеся за народное освобождение, такие, как Ристо Еич и Симо Чосич. Здесь действовали старые гайдуки Петар Пеция и Петар Гарача¹³⁶. Крестьяне Боснийской Крайны были связаны также с граничарами Военной Границы (входившей в состав Австрии). Там жило немало людей, ведущих борьбу за освобождение своих братьев от турецкого ига и произвола местных помещиков.

С Границы крестьянам Крайны пришло письмо, в котором говорилось, что «Босния не может существовать при настоящем положении дел, что ее нужно сделать тем, чем теперь Сербия»¹³⁷.

В Сараеве передавали, что боснийские патриоты, находящиеся за австрийской границей в Славонии и Хорватии, «ждут восстания в границах Турции, чтобы произвести его и в Австрии»¹³⁸.

С Военной Границы пересылалось в Боснию оружие. Через торговцев в Боснии продавалось много железных вил. Их «продают христианам

¹³³ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 109.

¹³⁴ Там же, Сараево, 1857 г., д. 799, лл. 152—153.

¹³⁵ Там же, л. 122.

¹³⁶ В. Попов и др. Указ. соч., стр. 221.

¹³⁷ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 123.

¹³⁸ Там же, л. 126.

дешёвле деревянных. Вилы эти при восстании с успехом заменяют белое оружие»¹³⁹.

Восстание началось в Бихачском каймакамстве (вице-губернаторстве) Крайны. «В Бихаче начали появляться неизвестные люди под видом торговцев овцами и ремесленников, и около них собирались райи»¹⁴⁰.

Первое вооруженное столкновение между крестьянами и вооруженными помещиками и собранными ими головорезами произошло 24 и 25 мая 1858 г. под Иванской¹⁴¹. Затем последовали столкновения на Уне и в других местах Крайны. Крестьяне двинулись на Бихач. Они напали на хлебные магазины близ Бихача и разрушили их¹⁴², затем долго сражались с подоспевшим отрядом землевладельцев¹⁴³.

Произошла стычка между крестьянами и помещиками близ Банья-Луки, в северной части Крайны, около Костайницы и Крупы¹⁴⁴.

Восстание ширилось. «В открытом восстании теперь находятся нахии: Крупа, Новая Костайница, Дубица, Старый и Новый Майдан, Приедор и Козарац»¹⁴⁵.

Крестьяне переправляли своих жен и детей за австрийскую границу, туда же перегоняли свой скот. Все способные носить оружие собирались в повстанческие отряды. Центром восстания было Кнежполе в Иванской общине¹⁴⁶.

Постепенно вся область между реками Саной и Уной была охвачена восстанием, в котором участвовали крестьяне всех вероисповеданий. Повстанцы жгли усадьбы аг и бегов по всей Санской долине¹⁴⁷.

В Иванской общине — центре восстания — борьбой руководили Ристо Еич и Симо Чосич. Они организовали снабжение повстанцев оружием. Через старейшин общин они наладили снабжение повстанческих отрядов и продовольствием. Ими посылались добровольцы из Иванской на помощь в другие охваченные восстанием районы¹⁴⁸.

4 июля 1858 г. произошел бой между помещиками и крестьянами у пограничного села на Уне — Доляна. Повстанцы легко справились с хорошо вооруженным, но малочисленным противником¹⁴⁹.

Новый генерал-губернатор Боснии Киани-Паша дал распоряжение послать для умирения восстания в Крайне батальон низама, стоящий в Банья-Луке¹⁵⁰.

По Бихачскому санджаку был объявлен сбор башибузуков. Киани-паша срочно выехал в Бихач, захватив с собой митрополита Дионисия, чтобы попытаться уладить все мирным путем. Однако восстание в Боснии начинало принимать серьезный характер. Вся страна к северу от Банья-Луки восстала¹⁵¹.

Когда аг и беги получили помощь из Бихача и Банья-Луки, части повстанцев во главе с Ристо Еичем пришлось перейти австрийскую границу, остальные повстанцы ушли в леса¹⁵².

¹³⁹ Там же, л. 124.

¹⁴⁰ Там же, л. 116.

¹⁴¹ В. Поповић. Указ. соч., стр. 221.

¹⁴² АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 117.

¹⁴³ Там же, стр. 123.

¹⁴⁴ Там же, л. 127.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ В. Поповић. Указ. соч., стр. 229.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же, стр. 233.

¹⁴⁹ Там же, стр. 234.

¹⁵⁰ АВПР, ГА, V Аз, 1858 г., д. 800, л. 129.

¹⁵¹ Там же, Рагуза, л. 3, л. 122.

¹⁵² В. Поповић. Указ. соч., стр. 234.

Австрийцы заставили отряд Ристо Еича сложить оружие. Озлобленные аги и беги разъезжали по Крайне и предавали огню и разграблению крестьянские села, убивали оставшихся в селах женщин и детей, сжигали их заживо, заперев в домах. Многих детей бросили в Уну¹⁵³. Спаслись только те, кто смог убежать за австрийскую границу.

Под командой Чосича оставшиеся в крае повстанцы продолжали борьбу. Между ними и помещиками, в отряды которых влились башибузуки, произошли в июле 1858 г. кровавые столкновения у Старого Майдана, недалеко от Липника¹⁵⁴.

Теснимые отрядами бегов повстанцы вместе с семьями, захватив свой и помещичий скот, переместились на север в повстанческий лагерь около Иванской. Здесь они выкопали ров в 150 шагов от австрийской границы и организовали оборону. Не хватало ружей и патронов. Гайдуки Гарача и Пеция продавали переправленный через австрийскую границу скот и на эти деньги покупали оружие для повстанцев¹⁵⁵.

Беги продолжали жечь села, опустошая все вокруг.

14 июля башибузуки, предводительствуемые бегами, напали на повстанческий лагерь в Иванской. 15 июля Иванская пала. С уничтожением повстанческого лагеря в Иванской было ликвидировано восстание на верхней Уне¹⁵⁶.

На нижней Уне, около Хорватской Костайницы, повстанцы еще продолжали борьбу. Не хватало оружия. Крестьяне давали вола за одну ржавую пищаль, овцу за горсть патронов¹⁵⁷.

21 июля отряды бегов и башибузуков атаковали повстанцев близ Костайницы. Части повстанцев удалось переправиться на австрийский берег и переправить туда женщин и детей, остальные были разбиты. Около австрийской границы беги сожгли сплошь все села.

Австрийские власти выдали Пецию и многих видных повстанцев турецкому правительству¹⁵⁸.

Восстание в Крайне было подавлено. Однако крестьяне «дорого ставляли платить своих врагов за всякий шаг вперед»¹⁵⁹.

Прижатые к Уне повстанцы переправлялись на австрийский берег.

«Агент австрийский в Баньялуке доносил сюда, что число перешедших много превосходит 20 тыс. человек, носивших оружие в Крайне и сражавшихся..., не считая их детей, жен и стариков»¹⁶⁰.

Многие женщины и дети не успели переправиться на другой берег. Отряды помещиков сжигали их дома, детей резали на куски¹⁶¹.

Семьи крестьян Боснии, бежавших за австрийскую границу, постигла страшная участь: «... в то время, когда райя бежала в Австрию, многие жены и девицы были захвачены мусульманами, некоторые убиты, дома их сожжены, оставшиеся в живых были взяты как добыча победителей и теперь находятся в домах бегов и аг в качестве работниц и наложниц»¹⁶².

Жестокость при расправе в Крайне привела в негодование всю Боснию.

¹⁵³ В. Поповић. Указ. соч., стр. 234.

¹⁵⁴ Там же, стр. 235.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, стр. 237.

¹⁵⁷ Там же, стр. 239.

¹⁵⁸ Там же, стр. 240.

¹⁵⁹ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 137.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, л. 138.

¹⁶² Там же, л. 147.

От 20 тыс. боснийцев, бежавших за австрийскую границу, русскому генеральному консулу в Сараеве было подано прошение, в котором беглецы писали: «... на всем шаре земном нет существ несчастнее нас, находящихся среди христианской Европы, между братьями нашими».

«То, что мы терпим ныне от беснующего[ся] фанатизма безбожных турок, никогда прежде не испытывали наши предки, и никакое создание в мире не в состоянии более терпеть этого. Мы все единогласно призываем смерть, чтобы избавиться от такой жизни, где нет ни правды, ни суда, ни человечества...

В Костайнице, 11 июля 1858 г.»¹⁶³

Поля в Крайне лежали невозделанные. Все было опалено огнем и разграблено.

Банья-Лукский и Бихачский каймакамы посылали гонцов к краинским беженцам за австрийскую границу, уговаривая их вернуться домой. Беглецы заявили, что, вернувшись, они будут продолжать борьбу против ага и бегов и откупщиков десятины. Они требовали гарантий безопасности своего возвращения, неприкосновенности личности и имущества, прекращения притеснений. Эти требования были изложены письменно в июле 1858 г., подписал их на австрийской территории Петр Гвоздич¹⁶⁴.

Крестьяне Боснийской Крайны не чувствовали себя побежденными и были полны решимости продолжать борьбу, если ничто не изменится в их положении.

Посавина являлась житницей Боснии. Здесь в долине Савы земля была плодородной, крестьяне жили богаче, чем в других местах Боснии, и долго не помышляли о вооруженном выступлении, пока произвол бегов и агов не вывел их из терпения.

Когда произошло восстание в Крайне, крестьяне Посавины думали еще, что возможно добиться мирным путем через своих депутатов в Сараеве облегчения своей участи.

Крестьяне Посавины в 1857 г. почти не обрабатывали землю, так как не хотели платить агам третину и ждали благоприятного решения их вопроса в Сараеве.

Но беги и аги стали взимать третину за 1857 г. и «... начали делать при том злоупотребления»¹⁶⁵.

В 1858 г. с крестьян потребовали уплаты третины за два года. Откупщикам десятины также было позволено собрать долг за прошлый год, «им предоставлена [была] полная свобода действий, несмотря на то, что они были так гласно обвинены в жестокостях»¹⁶⁶.

Крестьяне были возмущены тем, что сбор третины производится в то время, когда они находятся в споре со своими агами, когда в Сараеве находятся депутаты, которые должны определить отношение поселян к агам¹⁶⁷.

Посавина сохраняла известное спокойствие только в ожидании решения ее дела¹⁶⁸.

Негодование народа в Посавине, когда он узнал о расправе над крестьянами Крайны, было огромным, многие посавинцы стали готовиться к эмиграции в Славонию.

¹⁶³ Там же, лл. 244—243. Перевод с сербского.

¹⁶⁴ В. Поповић. Указ. соч., стр. 248.

¹⁶⁵ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 130.

¹⁶⁶ Там же, л. 131.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

«...пока депутаты были в Вене, пока народ надеялся..., посавяне предпочитали оставаться дома, теперь же бегство в Славонию представляется им единственным способом сохранить свою жизнь»¹⁶⁹.

Киани-паша посовествовал находящимся в Сараеве депутатам Посавины написать своим односельчанам, что «они могут надеяться на то, что их жалобы будут рассмотрены»¹⁷⁰, а сам тем временем дал распоряжение собирать с крестьян третину за последние два года.

«Теперь посавяне считают себя опять обманутыми, ибо им обещали оставить их в покое, пока дело не решится»¹⁷¹.

Крестьяне Посавины писали своим депутатам о новых злоупотреблениях аг и местных турецких начальников, совершаемых вопреки заявлениям Киани-паши. «Аги начали брать третью часть дохода за прошлый год и, разумеется, начали делать при этом злоупотребления»¹⁷².

В уплату «долга» они уводили со дворов крестьян волов, лошадей, забирали земледельческий инвентарь, а с кого нечего было взять, тех выгоняли из домов. Откупщики десятины следовали примеру аг¹⁷³.

Своим депутатам в Сараеве крестьяне писали, что «аги вместе с полицейскими башибузуками просто грабили дома кметов [поселян] и били их, ...башибузуки эти отправляют в тюрьмы Тузлы толпы людей, которые не имели чем заплатить требуемых с них денег»¹⁷⁴.

Арестованных кметов отправляли не только в Тузлу, но и в Мостар. Крестьяне Посавины спрашивали своих депутатов, что им делать. А депутаты Посавины вот уже несколько месяцев томились в Сараеве в бесплодном ожидании решения их дела.

Депутаты же Посавины видели, что они обмануты Киани-пашой и ничего не добьются.

«В Посавине Киани-паша приказал, чтобы вооруженные аги заставили силою райи платить третину. Безоружные райи никак не ожидали этого, надеясь, что дела их кончат их депутаты в Сараеве, и, видя себя окруженными мусульманами, разумеется, согласились на все...»¹⁷⁵.

Вооруженные помещики силой взымали третину, и так как крестьянам нечем было платить третину за прошлые годы, то отряды бегов и аг грабили народ.

«...помещики турки (потурченцы. — В. К.) вооруженные отправились в села взымать упомянутый долг, уводили скот, продавали самую нужную домашнюю утварь поселян, эти последние...¹⁷⁶ втайне приобретали себе из Австрии и частию из Сербии оружие...».

Около Тузлы был обнаружен склад оружия. Полиция схватила 16 боснийцев и в окопах отправила в Сараево.

И вот пришло известие, что народ по реке Саве восстал, «нападают на жилища своих помещиков..., жгут их и убивают целые семейства»¹⁷⁷.

Переполнилась чаша терпения крестьян Посавины. В нескольких местах осенью 1858 г. там вспыхнуло восстание. Восставшие не ограничились усадьбами бегов, они сожгли город Брчко, являвшийся складочным местом товаров Боснии, убили в нем много богатых мусульман, не ща-

¹⁶⁹ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1858 г., д. 800, л. 140.

¹⁷⁰ Там же, лл. 119—120.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же, л. 131.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же, л. 148.

¹⁷⁶ Там же, л. 161.

¹⁷⁷ Там же, л. 162.

дили и богатых православных купцов. «Крестьяне убивали, как говорят, даже своих единоверцев, преимущественно богатых, которые не хотели пристать к их толпам»¹⁷⁸. Сожжены были также окрестности Градашца.

Киани-паша немедленно отправился в Тузлу, приказав сараевским богатым мусульманам вооружаться¹⁷⁹. Перед отъездом Киани-паша заявил посавинским депутатам, что «отныне он не признает их более депутатами их края и... приказал им немедленно отправляться по домам...»¹⁸⁰.

Посавинские депутаты отправились на родину в сопровождении полицейских.

Из находившихся в сараевской тюрьме посавинцев и краинцев Киани-паша распорядился отправить в Константинополь, «как виновников этого волнения...»¹⁸¹, несколько десятков людей.

«...люди эти отправлены в числе двадцати осьми. Между ними 10 мусульман, 4 католика и 14 православных»¹⁸².

3 августа 1858 г. боснийцы написали жалобу русскому царю «от целого народа боснийского».

Они писали в этой жалобе, что местные боснийские феодалы убивают крестьян, жгут церкви, дома «и все прочее наше имущество».

«Народ... начал бросать жилища свои, уходить в леса и скрываться в них, оставляя все свое добро и имущество в руках турок...»

«...турки же сожгли многие наши села и церкви, сперва село Кленицу, потом Аво, Градину, Збориште, Гресевац, Преваревац, Череч, Церквену, Стабанцу, Задач, Вавницу, Бойну, Высокий Задач, Бучевцы, Липу, Новобердо, Новоселие, Добро-село, Зуичку, Иванску, Добрни, Баштру, Бушевич, Подвидачу, Липник, Кршине и т. д. — всего 180 сел; также сожгли 2 монастыря — Липник в нахии Цазинской и другой, в Читлуке, в Казарачской нахии, и 14 церквей...»¹⁸³

Они просили в этой жалобе «избавить нас от проклятых боснийских аг»¹⁸⁴.

Подписан был этот документ так:

«Мы, представители целого народа Боснийского...

Христо Ейг, за себя и за

Овину Ковачевича

Овета Милитиновича

Вида Ромича, и за

Священника Пера Вранеша.

... Дано в Боснии, 3 августа 1858 г.»¹⁸⁵.

По совету представителей европейских держав Порта предписала боснийскому визирю прислать в Константинополь депутацию, составленную из трех мусульман и трех христиан от каждого из семи санджаков. Депутация должна была доложить Порте о положении народа в Боснии и Герцеговине, передать его жалобы.

Беги взяли с собой не избранных депутатов из крестьян, а выбрали

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же, л. 175.

¹⁸¹ Там же, л. 178.

¹⁸² Там же, л. 180.

¹⁸³ Там же, лл. 237—238. Перевод с сербского.

¹⁸⁴ Там же, л. 239.

¹⁸⁵ Там же, л. 240.

сами в депутацию угодных им людей. В Константинополь отправилась депутация из 42 человек¹⁸⁶.

31 августа 1859 г. Порта издала аграрный закон, по которому сохранялись и десятина и третина¹⁸⁷. Установлено было; что десятина выплачивалась четыре раза в год. Третина должна была взиматься со всего (с овощей, сена и т. д.). Было введено единообразие.

«... во многих санджаках кмет, который платил третину хлебом, должен был давать помещику половину сена, фруктов и овощей; ныне же кмет обязан платить аге от всех продуктов третью часть, где существует третина.

Только в санджаках Бихачском и Баньялукском, где существовала только третина, кмет будет платить четвертую часть со всех овощей, вместо платимой им до сих пор третины»¹⁸⁸.

Далее, «помещик обязан строить своему кмету дом и все постройки, нужные для хозяйства. Дома же, построенные самими кметами, должны быть ими же поддерживаемы до совершенного их разрушения»¹⁸⁹.

Иначе говоря, Совет министров Турции сделал так, как этого желали беги. Третина осталась.

Помещик по этому новому закону не имел права самовольно прогнать кмета, но если кмет «не исполняет своих обязанностей»¹⁹⁰, — такого кмета можно было прогнать с занимаемой им земли. Под эту формулу помещики могли подвести все, что было им угодно.

«В случае, если кмет захочет оставить землю своего помещика, то если дом, обитаемый им, был построен им самим, помещик обязан дать ему вознаграждение, определенное с помощью местной власти. Желая оставить землю своего помещика, он обязан предупредить его о том после жатвы хлеба и собрания всех продуктов; в противном случае он должен вознаградить помещика суммою, которая будет назначена местною властью»¹⁹¹.

По новому аграрному закону беги и аги не могли больше отдавать свои доходы на откуп.

«При приезде помещика на свою землю, он не имеет права обитать дом своего кмета, ни жить на его счет»¹⁹².

Между помещиками и кметами должны были заключаться контракты, засвидетельствованные местной властью.

Несмотря на уничтожение фирманом всяких принудительных работ в пользу помещика, было сделано много оговорок к этому пункту. Например, в некоторых местах помещик имел право требовать от своего кмета, чтобы он отвозил ему продукты на базар «до ближайшего города», в других местах помещик мог заставить своего кмета работать в саду и огороде помещика¹⁹³ и т. д., а это была та же барщина.

Для крестьян весьма важным был пункт фирмана о налоге на сливы. Дело в том, что суммы с продажи сливы являлись важной статьей дохода хозяйств крестьян Боснии и были основным источником для уплаты налогов многих боснийских кметов. По фирману теперь налог должен был взиматься сырой или сухой сливой, а не сливовой водкой (ракией), как

¹⁸⁶ Н. Попов. Указ. соч., стр. 337.

¹⁸⁷ Там же, стр. 362.

¹⁸⁸ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1859 г., д. 801, л. 139.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же, лл. 139—140.

¹⁹² Там же, л. 140.

¹⁹³ Там же.

это было прежде¹⁹⁴. Однако этот фирман также не был проведен в жизнь, как и все остальные «реформы». Изданием различного рода фирманов Порты надеялась ослабить развивающуюся классовую борьбу, отвлечь опасность развязывания крестьянской войны на окраинах империи.

В 1859 г. сбор десятины был передан местным окружным начальникам. Алчные откупщики были заменены не менее алчными мудирами, каймаками и губернаторами. Турция с каждым годом утяжеляла налоговой гнет на подвластное ей население.

В 1860 г. в Боснии свирепствовал голод и не только из-за неурожая в 1859 г., но и потому, что все, что можно было забрать у крестьян, было забрано в уплату налогов¹⁹⁵. Очень много детей погибло от голода. «...матери же бросаются иногда в воду с отчаяния...»¹⁹⁶.

Особенно тяжелым положение было на севере провинции. Крайна и Посавина были разорены и разграблены турецкими войсками во время подавления восстания. Земля осталась необработанной и незасеянной в 1859 г. и тем не менее в начале 1860 г. туда были посланы турецкие чиновники для сбора податей¹⁹⁷. Население снова бросилось бежать за австрийскую границу. Схваченные умирали в тюрьмах от побоев¹⁹⁸.

Несмотря на ужасающую бедность, Порты требовала, чтобы в Крайне и Посавине были взяты все подати и налоги, которые население их не уплатило за прежние годы.

Но так как большое число крестьян бежало за австрийскую границу, теперь задолженность по налогам падала на меньшее число жителей. Так, например, в Крайне в селе Прусаце, Казарацкой нахии, «где было прежде 40 кметов, ныне всего осталось 10, между коими только двое имеют волов для обрабатывания земли, требуется та же подать, которая падала на 40 человек, и даже десятина, так что при всех строгих и даже бесчеловечных мерах несчастные не будут в состоянии заплатить и останутся должными...», если даже каймакам и донес бы о том генерал-губернатору, то сей последний, вероятно, не посмеет написать в Константинополь, что доходы Боснии уменьшаются, желая, напротив, представить Боснию под его управлением в самом цветущем положении...»¹⁹⁹.

В Посавине в 1859 г. также был неурожай, как и в Крайне, но Азиз-паша применил хитрость и не только взыскал все подати и налоги за последний год, но взыскал даже 3 млн. пиастров задолженности за прежние годы. Дело в том, что, несмотря на неурожай 1859 г., там очень хорошо уродились сливы. Азиз-паша «...воспользовался временем их собирания, чтобы взять от жителей подати, и тем отнял у них почти последнее средство к пропитанию»²⁰⁰. Ведь на полученные от продажи слив деньги крестьяне могли купить себе хлеб.

В приложении к донесениям русского консула в Сараеве Шулепникова автором обнаружено несколько писем боснийца из Боснии к боснийцу, находившемуся в Сербии, некоему Симче, датированные февралем и мартом 1860 г.

Так, 10 марта 1860 г. в письме из Боснии было написано, что «турки преследуют, убивают и в тюрьму сажают всех тех наших христиан, которые имеют какое-нибудь значение в народе. Так, на днях поймали трех

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же, Сараево, 1860 г., д. 802, л. 61.

¹⁹⁶ Там же, л. 62.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же, л. 102.

²⁰⁰ Там же, л. 103.

купцов из Баньялуки Фому Родуловича, Георгия Делича и Миту Баба-метовича и ...бросили в тюрьму». Далее в письме говорится: «...в каждом селе живут по 10 полицейских пандуров, их должны христиане содержать на свой счет, тогда как ныне умирают с голоду их дети»²⁰¹.

В другом письме босниец писал своему адресату, что в приходе священника Петка «...умерло 25 человек от тиранства Турецкого и от голода, питаюсь берестовою корою...». Неудивительно, что бегство жителей за австрийскую границу, в Славонию, усилилось.

В том же втором приведенном здесь письме говорится, что «из Дервентской нахии перешло на ту сторону [в Австрию] 37 семейств, и турки отняли у них весь скот, а малолетних детей побросали в Саву»²⁰².

Щулепников в донесении от 19 апреля 1860 г. из Сараева писал, что «переселилось уже не менее 25 000 человек с женами и детьми»²⁰³.

Далее он сообщал, что «приказание, отданное губернатором агам-мусульманам, ссужать христиан заимообразно хлебом для семян и пропитания, осталось без действия».

«Боснийский вали чрезвычайно равнодушен к бедственному положению края; впрочем он три раза посылал в Константинополь образчики древесной коры, которою питаются жители»²⁰⁴.

И в других местах Боснии положение было немногим лучше. Закон 1869 г. не выполнялся, «бывают случаи, что меджлисы внутри Боснии рассуждают, следует ли им привести в исполнение посланный к ним фирман»²⁰⁵.

* * *

Хищнический характер турецкого феодализма с его поземельными отношениями, налоговой системой, юридическими формами аграрных отношений усиливал разорение крестьянских хозяйств. Турецкая феодальная система являлась основным препятствием на пути перехода к новым, более прогрессивным производственным отношениям. Застойность экономики, средневековая техника ведения сельского хозяйства, натуральное в основном хозяйство, домашняя промышленность мешали созданию базы для развития новых производственных отношений. Особенно это сказывалось на землях народов, подвластных турецкой империи.

Для экономического прогресса, для развития капитализма в славянских областях Балканского полуострова необходимо было освобождение их народов от турецкого ига. Восстания в Боснийской Крайне и Посавине наряду с восстаниями в Герцеговине под руководством Луки Вукаловича, явившись предвестниками широкого национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине в 1875—1876 гг., служили этой цели.

²⁰¹ АВПР, ГА, V Аз, Сараево, 1860 г., д. 802, л. 137.

²⁰² Там же, л. 141.

²⁰³ Там же, л. 111.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же, л. 104.

И. В. Галактионов

РОССИЯ И ПОЛЬША НАКАНУНЕ ПЕРЕГОВОРОВ В АНДРУСОВЕ

Русско-польские отношения накануне переговоров в Андрусове, несмотря на огромную важность проблемы, до сих пор недостаточно исследованы. Специальных работ на эту тему в дворянско-буржуазной историографии нет, а в общих трудах дореволюционных историков характер взаимоотношений России с Польшей показан односторонне в плане чисто военном, с рядом ошибок фактического и методологического порядка. Исследования большинства историков царской России проникнуты духом великодержавного шовинизма. Они отрицательно относились к культуре и национальным традициям польского народа, рассматривая борьбу народов Украины и Белоруссии за воссоединение с Русским государством с религиозно-монархических позиций, как борьбу за возвращение «западно-русского края под скипетр русского царя, в лоно православной русской церкви»¹. Еще слабее разработана эта проблема в польской историографии. Историки Польши сознательно преувеличивали остроту русско-польских противоречий, настойчиво твердили о «врожденном» чувстве ненависти этих народов друг к другу и смотрели на Россию как на «главного» и даже «извечного» врага Речи Посполитой². Оставаясь в плену политических идеалов XVII в., эти историки не сумели раскрыть недалековидности правящих кругов Речи Посполитой, которые, предавая национальные интересы страны, пошли на опасную сделку с Крымом и Турцией с целью восстановления своего господства над Украиной и Белоруссией³.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, тт. 11—15. М., Изд-во «Общественная польза»; В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 3. М., 1937; С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. СПб., 1910; Д. И. Иловайской. История России, т. 5. М., 1905; Н. Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. 2. СПб., 1895; П. Е. Медовиков. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854; Н. И. Павлищев. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину, ч. 2. СПб., 1878; Г. Карпов. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся. М., 1870.

² Józef Szuj ski, Dzieje Polski podług ostatnich badań, t. 3. Lwów, 1864, str. 466; W. Czermak. Szczęśliwy rok. — «Przegląd Polski», t. 82. Kraków, 1896, str. 502.

³ A. Darowski. Szkice historyczne. Serja II. Petersburg, 1895; A. Walewski. Historia wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza, t. 2. Kraków, 1868; М. Бобринский. Очерк истории Польши, т. 1. СПб., 1888; Вл. Грабенский. История польского народа. СПб., 1910; М. Krajewski. Dzieje panowania Jana Kazimierza od roku do jego abdykacyi w roku 1668, tt. 1—2. Warszawa, 1846.

В советской историографии русско-польские отношения накануне Андрусовского перемирия в какой-то мере освещены в работе М. Марченко и в статьях А. А. Савича⁴. Однако фактический материал статей Савича беден, а выводы мало чем отличаются от выводов Н. И. Костомарова, Н. И. Павлищева и не могут быть приняты советскими историками.

В последние годы советские и польские историки пытаются по-иному подойти к оценке русско-польских отношений второй половины XVII в. и выявить не только национально-исторические факторы, разделявшие эти страны и влекшие за собой конфликты между ними, но и то, что сближало народы этих государств и могло служить объединению их усилий в борьбе против общих врагов⁵.

Однако ни И. Б. Греков, ни Т. Н. Копреева, работы которых относятся к более позднему периоду, ни Э. Вуйцик, специально исследующий рассматриваемый вопрос, не могли дать конкретного анализа всех сторон русско-польских взаимоотношений начала 60-х годов XVII в. Больше того, в современной литературе осталась нераскрытой идея союза, идея совместной борьбы славянских народов в тот период против общих врагов, хотя документальные материалы советских и польских архивов позволяют это сделать. В некоторых работах вопрос о русско-польском союзе все еще подменяется династическим вопросом, а инициатор «союзного» договора А. Л. Ордин-Нащокин представляется сторонником династического соединения России с Польшей «под властью Московского царя или его сына»⁶.

ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ БОРЬБЫ И УСИЛЕНИЕ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОЙ АГРЕССИИ С КОНЦА 50-Х ГОДОВ XVII В.

Воссоединение Украины с Россией повлекло за собой войну между Россией и Польшей. Во время двухлетних совместных наступательных действий русской армии и войск Б. Хмельницкого была освобождена значительная часть территории Литвы, Белоруссии и Украины.

Вторжение в Польшу в 1655 г. шведского короля Карла X Густава резко изменило обстановку. Шведский король захватил значительную часть Речи Посполитой, объединился с польско-литовскими магнатами, создав угрозу совместного с ними нападения на Россию.

Однако планы разгрома России и утверждения польско-шведского господства над Украиной и Белоруссией, вынашиваемые магнатами Польши и шведскими феодалами, были сорваны национально-освободительной борьбой польского народа и решительными мероприятиями русского правительства (войной против шведов в Прибалтике и виленским соглашением с Речью Посполитой в 1656 г.)⁷.

⁴ М. Марченко. Борьба Росії і Польщі за Україну (1654—1664 рр.). Київ, 1941. О. А. Савич. Андрусьвіське перемир'я 1667 року — «Наукові записки АН УРСР», кн. 2, Київ, 1946, стр. 131—151; его же. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг. — «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. 2, вып. 2, М., 1947.

⁵ И. Б. Греков. Вечный мир. 1686 г. (Автореферат диссертации). Л., 1950; Т. Н. Копреева. Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (от Андрусовского перемирия 1667 г. до «Вечного мира» 1686 г.). Автореферат диссертации. Л., 1952; Z. Wójcik. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660—1661. — «Przegląd historyczny», t. 45, str. 609—634.

⁶ В. О. Ключевский. Указ. соч., ч. 3, стр. 369; ср. также: А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину. — «Уч. зап. МГПИ», т. 2, вып. 2, стр. 136.

⁷ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 96, д. 6, л. 123; д. 4, лл. 64—66, 188, 194; «Сборник П. Муханова», СПб., 1866, стр. 518; «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными»,

В период войны против Швеции Москва настойчиво добивалась укрепления связей между Россией и Польшей; но превратить русско-польское сближение в прочный союз славянских стран правительству царя Алексея Михайловича не удалось⁸.

Вражда польских феодалов к России, сглаженная на время шведско-венгерской интервенцией 1656—1657 гг., вспыхнула с новой силой в 1658 г., когда положение на фронтах Речи Посполитой улучшилось. Вновь возродилась идея захвата восточных земель, стремление к восстановлению утраченных латифундий и закабалению украинского и белорусского народов.

Вновь польские феодалы заговорили о борьбе с Россией за восстановление границ Поляновского договора, ничуть не смущаясь фактом заключения виленского соглашения.

Больше того, значительная часть польских магнатов даже в годы шведской интервенции не переставала думать об Украине, на эксплуатации трудящихся масс которой она наживала несметные богатства. Потеря Украины была для них, по образному выражению Яна Казимира, потерей «золотого яблока», потерей «света для... глаз»⁹.

Эта часть магнатов Польши в отличие от подавляющей массы польского народа считала своим главным врагом не Швецию, а Россию и всячески мешала сближению с ней. Подстрекаемые французской и австрийской дипломатией и агентами папы римского, шляхетско-магнатские круги саботировали условия виленского соглашения и настаивали на войне с Россией¹⁰.

Их лидеры еще летом 1657 г. провели специальное совещание, на котором договорились любыми средствами добиться примирения со Швецией, поссорить гетмана с царем, а украинский народ — с гетманом и готовить силы для борьбы с Россией¹¹.

Но развязать войну с Россией в 1657 г. магнатам не удалось. Национальный подъем, вызванный борьбой с интервентами, не иссяк. Опираясь на него, сторонники непримиримой борьбы со шведско-венгерскими оккупантами пытались сдерживать врагов России, укрепить и расширить соглашение с ней¹².

Положение изменилось к середине 1658 г., после того как правительство Речи Посполитой сумело разгромить войска семиградского князя

т. 3, СПб., 1854, стр. 663—665; Jakub Michałowski, Księga pamiętnicza. Kraków, 1864, str. 765—766.

⁸ Мы не можем согласиться с мнением З. Вуйцика, рассматривающего виленское соглашение как русско-польский союз против Швеции (см. Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 609). В течение 1656—1657 гг. русскому командованию не удалось достигнуть ни объединенного, ни даже согласованного выступления против Швеции (ЦГАДА, Столбцы московского стола, д. 286, л. 335; Дела шведские, 1657 г., д. 2, л. 218).

⁹ «Летопись Самонла Величко», т. 1, К., 1848, стр. 174.

¹⁰ ЦГАДА, Московский стол, д. 272, л. 60; Памятники дипломатических сношений..., т. 3, стр. 735; ЦГАДА, «Акты Московского государства» (далее — АМГ), т. 2, стр. 550; M. G a w l i k. Projekt unii Rosijsko-Polskiej w drugiej połowie XVII w. Lwów, 1909, str. 39, 45, 48.

¹¹ Д. Бантыш-Каменский. История Малой России. Киев, 1903, стр. 223. В качестве приманки магнаты обещали гетману удельное княжество, а старшине — шляхетские звания и владения, если они порвут с Россией и присоединятся к Польше (см. «Дневник Патрика Гордона». — «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1891, кн. 4, стр. 164).

¹² «Акты, издаваемые виленскою комиссиею для разбора древних актов» (далее — АВК), т. 34, Вильна, 1909, стр. 125; ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 1, лл. 385—387; «Собрание государственных грамот и договоров» (далее — СГГ и Д), ч. 4, стр. 21, 25; «Памятники, издаваемые временной комиссией для разбора древних актов», т. 3, Киев, 1852, стр. 277.

Ракоци и нанести ряд серьезных поражений Карлу X Густаву. На состоявшемся тогда сейме в ходе бурных дебатов победила враждебная России магнатская партия, возглавляемая С. Потоцким и Ю. Любомирским и поддерживаемая императором и папой римским¹³. Польские паны приняли решение потребовать у России возвращения «завоеванных ею земель», указали на 21 причину, в силу которых русский царь не может быть избран королем польским, и аннулировали тем самым виленское соглашение.

Сейм отверг возражения оппозиционной группы Пражмовского, борющейся за сохранение мира с царем и призывавшей не уступать Швеции и Бранденбургу прибалтийских земель и не укреплять вражды с Россией позиций крымского хана на Украине¹⁴. Война с Россией была предпринята.

Взяв курс на войну с Россией, польское правительство отвергло настойчивые предложения русского командования о совместных действиях против Швеции и стало спешно готовить силы для похода на восток¹⁵. Его дипломаты развернули энергичную деятельность в Крыму и Стамбуле, в Вене и Париже, всюду мобилизуя силы для борьбы с Москвой. Летом 1658 г. русский посол Я. Н. Лихарев, проезжая через Варшаву к императору, узнал о происках панов на Украине, об их стремлении договориться с казаками, Турцией и Крымом, «чтобы итти за одно на Московское государство войною, только де взятых городов не отдадут»¹⁶.

Увлеченные мечтой о господстве на Украине, польские паны предпочли союзу с Россией позорные договоры с Австрией и Бранденбургом. Они как бы не замечали политических расчетов империи, мечтавшей использовать борьбу с Ракоци и Швецией для закабаления Польши, и заключили с ней летом 1657 г. противоречащий национальным интересам страны договор¹⁷.

С еще большей отчетливостью проявилось пренебрежение польской шляхты к национальным интересам страны в отношении с Бранденбургом. За обещание курфюрста разорвать союз со Швецией и оказать Польше мизерную помощь польское правительство отказалось от сюзеренитета над княжеской Пруссией и уступило Фридриху Вильгельму старосту Лемборк, Быхов, Драгим и Эльблонг¹⁸.

Заметно менялись отношения и со Швецией. Вопреки настроению народа враги России из среды польской знати настаивали на примирении с Карлом X Густавом, чтобы перебросить на восточный фронт основные силы армии Речи Посполитой.

Гнезненский архиепископ А. Лещинский пугал короля тем, что русские хотят мира со Швецией, чтобы напасть на Польшу. Он предлагал опередить русских, немедленно заключить мир со Швецией и союз с тата-

¹³ M. Gawlik. Указ. соч., стр. 38, 39.

¹⁴ Несколько позже Пражмовский справедливо указывал, что для Польши более опасен союз казаков с Крымом, чем с Москвой (см. Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 633).

¹⁵ J. Szuj ski. Dzieje Polski, t. 3, str. 410; ЦГАДА, Дела шведские, 1657 р., д. 2, л. 261.

¹⁶ «Памятники дипломатических сношений...», т. 3, стр. 934, 1050.

¹⁷ A. Walewski. Указ. соч., т. 2, стр. 47; K. Jarochowski. Wielkopolska w czasie pierwszej wojny szwedzkiej od roku 1655—1657. Poznań, 1864, str. 100. «Союзный» договор империи с Польшей был направлен не только против Швеции, но и против России (см. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 1, СПб., стр. XVIII—XIX).

¹⁸ «История Польши», т. 1, М., 1954, стр. 260; A. Vetulani. Władztwo Polski w Prusiech zakonnych i książęcych (1454—1657). Wrocław, 1953, str. XVII, 243, 245—249.

рами, чтобы польские войска «свободнее могли действовать против Москвы»¹⁹.

«Непременно нужно заключить мир со шведами, — вторил ему Ю. Любомирский в письме от 16 мая 1658 г. к королевскому послу на Украине С. Беневскому, — и... все силы, которых большая часть оторвана и отправлена против шведов, должны быть соединены для защиты здешнего края (Украины. — И. Г.)»²⁰.

Одновременно с переговорами в Вене и дипломатическими демаршами при дворе курфюрста бранденбургского и короля шведского польское правительство усилило деятельность своей агентуры на Украине, намереваясь оторвать последнюю от России и нанести основной удар русским войскам не собственными силами, быстро перебросить которые не представлялось возможным, а силами украинской старшины и татар²¹.

Обстановка, сложившаяся к этому времени на Украине, сулила польским феодалам успех и толкала их к выступлению.

Как известно, после воссоединения с Россией на Украине произошли серьезные изменения экономического и социального характера. Рост ремесленного производства и торговли содействовал экономическому подъему городов и политическому усилению верхушки городского населения²².

Изменились социальные отношения и в деревне. Освободительная война ликвидировала польское шляхетское землевладение и ослабила всю систему феодально-крепостнического гнета. Феодальная эксплуатация крестьян складывалась в формах более мягких, чем это было при польских панах.

Но феодальный строй национально-освободительная война не уничтожила. «В то время как казацко-крестьянские массы вели героическую борьбу против социального и национального гнета, украинская феодальная верхушка (казацкая старшина и мелкие помещики), участвуя в освободительной войне, стремились сохранить и укрепить феодально-крепостнические отношения на Украине»²³. За этими слоями феодалов и после войны осталось большое количество шляхетских владений, размеры которых непрерывно увеличивались за счет пожалований царя и гетманов²⁴. Сохранены были и церковно-монастырские вотчины, в которых процветала крепостническая эксплуатация крестьян.

¹⁹ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 235.

²⁰ Там же.

²¹ Деятельность польской агентуры на Украине возглавлял Станислав Казимир Беневский, каштелян волинский, один из непримиримых врагов России. Его доверенным лицом для связи с И. Выговским был Феодосий Томкевич — львовский мещанин, а проводниками польской политики среди украинской знати были обозный Т. Носач и П. Тетеря, давнишний приятель С. Беневского, о котором волинский каштелян писал королю, что он «беспредельно предан вашей королевской милости» (там же, т. 3, стр. 219, 244—245, 262, 270).

²² «Очерки истории СССР XVII в.», М., 1955, стр. 687. Об экономическом развитии городов Левобережья и социальных отношениях в них см. статьи В. А. Романовского «Развитие городов Левобережной Украины после воссоединения с Россией (во второй половине XVII в.)» и Б. Б. Кафенгауза «Экономические связи Украины с Россией в конце XVII—начале XVIII веков». — «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954, стр. 385—439.

²³ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией. 1654—1954», М., 1954, стр. 8.

²⁴ «Акты, относящиеся к истории Западной России» (далее — АЗР), т. 5, стр. 85—100, 103—107, 121—131; Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1. М., 1858, стр. 60, 67—73; «История Украинской ССР», т. 1, стр. 289—290. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» (далее — АЮЗР), т. 3, стр. 444—445, 545—546; т. 4, стр. 32; т. 7, стр. 204; т. 10, стр. 450; «Український архів», т. I, Київ, 1929, стр. 62, 63, 67, 221, 250, 251 и далее.

Русское правительство, конечно, учитывало то новое, что сложилось в итоге войны. Оно не разграничивало резко казаков и крестьян и не торопилось с составлением 60-тысячного реестра. Оно не настаивало также на выдаче с Украины тех русских крестьян, которые перешли сюда в годы освободительной войны²⁵. Даже много позже, в конце 1659 г., отправлявшемуся в Киев воеводе В. Б. Шереметеву правительство рекомендовало утвердить 60-тысячный реестр только после того, как в «войске запорожском бунты и ссоры утишатца». И делать это воевода должен был с согласия не столько старшины, но «также бы и чернь то ведала, чтобы было прочно и постоянно»²⁶.

Однако свою главную задачу русское самодержавие видело в укреплении экономических и политических позиций украинской шляхты и казацкой старшины. В напряженной борьбе с панской Польшей за Украину и царизм делал ставку на эти слои украинских феодалов. Он отнес к этому классу не только представителей православной церкви и старой украинской знати, но и представителей казацкой старшины, выдвинувшейся в ходе освободительной войны²⁷.

Наряду с удовлетворением интересов казацкой старшины царское самодержавие решало на Украине и свои собственные задачи. Как известно, административно-политическое положение Украины в составе Русского государства определялось «мартовскими статьями 1654 г.»²⁸. По смыслу этих статей Украина, составляя нераздельную часть России, сохраняла особенности в административном устройстве, в организации и управлении войском, некоторую правовую и политическую самостоятельность. Статьи категорически запрещали русским воеводам вмешиваться в административные функции гетмана²⁹.

Ограничение касалось лишь внешнеполитических связей: гетману было запрещено принимать послов, которые «присланы от кого будут с противным делом», и переписываться «с Турским султаном и Польским королем без государева указу»³⁰.

Постепенно русское самодержавие стремилось расширить свою власть на Украине и ликвидировать специфические особенности ее административного устройства. Еще при жизни Б. Хмельницкого, когда руководство политической жизнью находилось в его руках, такая политика русского правительства встречала серьезное сопротивление. Борьба обострилась во второй половине 50-х годов, после смерти Б. Хмельницкого. Верхушка феодальной знати Украины (И. Выговский, Г. Гуляницкий, Ю. Немирич, П. Тетеря, П. Дорошенко и др.) стала оказывать решительное сопротив-

²⁵ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 58, 72, 132—133.

²⁶ АЮЗР, т. 7, стр. 201—202, 208.

²⁷ Нельзя не указать в связи с этим на один крупный недостаток некоторых популярных брошюр, посвященных воссоединению Украины с Россией. В них, как правило, затухиваются классовые цели царизма и фактически ставится знак равенства между помощью русского народа и политикой русского правительства (см. В. А. Голобуцкий. Освободительная война украинского народа под руководством Б. Хмельницкого. М., 1954, стр. 123, 130, 132. Ср. также рецензию В. И. Шутого, А. Ф. Чмиги. — «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 128—135).

²⁸ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 1—4, 53—56.

²⁹ В 1659 г. царь предупреждал В. Б. Шереметева, ведавшего делами всех русских гарнизонов на Украине, что «до Черкас и до их земских и ратушных, также и духовных судов и до прав и до вольностей, ему боярину и воеводе... дела нет» (АЮЗР, т. 7, стр. 317).

³⁰ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 56.

ление централизаторским устремлениям русского правительства и его намерениям прочно включить Украину в состав России. Она готова была сорвать все достигнутое Б. Хмельницким и продать Украину каждому, кто больше заплатит.

Воспользовавшись тяжелой болезнью, а затем смертью Б. Хмельницкого, группа И. Выговского установила тесную связь со шведской агентурой и намеривалась отдать Украину под протекторат Швеции³¹.

Она хотела заручиться поддержкой Швеции против России в тот момент, когда провал авантюры Карла X Густава в Польше еще не обозначился со всей очевидностью. Корсуньский договор от 8 октября 1657 г., заключающий в себе серьезную угрозу интересам России и являвшийся «предвестником Гадзяцких пактов с Польшей», — наглядное тому свидетельство³².

После поражения Карла X Густава Выговский и его единомышленники стали искать сближения с Польшей, намереваясь с ее помощью разгромить Россию и оторвать от нее Украину. Их пропольскую ориентацию одобряли верхи православного духовенства Украины, возглавляемые митрополитом Балабаном³³.

Итак, вражда к России была важным, но не единственным фактором, толкавшим старшину в сторону Польши. Не менее важным фактором было сопротивление народа. Уже давно рядовое казачество, мещане и крестьяне Украины выражали свое недовольство политикой украинских феодалов. Они видели стремление старшин закрепить народ и самим занять место польских панов. Дело дошло до открытого восстания в армии незадолго до смерти Б. Хмельницкого. 27 июня 1657 г. рядовые казаки категорически отказались идти в поход на Польшу и заявили старшине, что не позволяют ей издеваться над ними и «своим изволом... владеть»³⁴. Казаки обвинили полковников в том, что они «за государевою (царской. — И. Г.) обороною увидели себе простор и многое владенье», награбили себе богатства и теперь хотят «самовластными панами быть»³⁵. Тогда-то и было выдвинуто предложение направить в украинские города воевод, с тем чтобы обуздать самоуправство старшины³⁶.

В гетманство Выговского ненависть народа к старшине стала еще более острой. Предательские интриги старшины за границей, направленные против интересов России и Украины, окончательно скомпрометировали ее в глазах народа³⁷.

Отвергнутая народом Украины, правящая группа казацкой старшины видела единственный путь сохранения своего господства в союзе с поль-

³¹ ЦГАДА, Московский стол, д. 272, л. 59; Дела шведские, 1657 г., д. 2, лл. 5—6, 14, 156; Архив Юго-Западной России (далее — Архив ЮЗР), ч. III, т. 6, Киев, 1908, стр. 158, 270, 332 и др.

³² Н. Молчановский. Бумаги шведского государственного архива. Киев, 1899, стр. 14; Архив ЮЗР, ч. III, т. 6, док. № 113.

³³ АЮЗР, т. 5, стр. 101; «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 228.

³⁴ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 8, стб. 1289.

³⁵ Там же, стб. 1257.

³⁶ РИБ, т. 8, стб. 1271, 1290. М. Грушевский, отстаивая теорию «самостийной» Украины, считал это сообщение русского посла И. Желябужского провокацией (М. Грушевський. Історія України—Руси, т. 9, ч. 2. Київ, 1931, стр. 1382—1383).

³⁷ 1 декабря 1657 г. в Посольском приказе донской атаман М. Лукьянов передавал, что запорожские казаки во главе с Барабашем не хотят И. Выговского гетманом за то, что он изменил и «ссылается с крымским ханом». Примерно то же сообщал королю и С. Беневский. «Что касается до запорожцев, — писал королевский агент, — то они просто проклинают Выговского... Им не нравится то, что Выговский братается с татарами» («Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 223).

скими феодалами. «Самые переговоры Выговского доказывают, — писал по этому поводу Ю. Любомирский С. Беневскому, — что он соединяется с нами для своей безопасности; ибо он и Тетеря не только не имеют власти, но, будучи ненавидимы и угрожаемы опасностью, боятся, чтобы не потерять голов от Москвы и казаков»³⁸. Обещанные магнатами титул удельного князя гетману и шляхетские звания полковникам только усилили их рвение в деле подрыва переяславского соглашения. Через Выговского и его приверженцев польское правительство стремилось проникнуть на Украину, ослабить силы казачества, посеять недоверие к русской политике и оторвать Украину от России³⁹.

К середине 1658 г. Выговский окончательно изменил народу и стал усиленно призывать польских панов и крымского хана к совместному походу против России. Гетман и старшины торопили короля заключить договор с казаками и советовали «иметь войско наготове», чтобы предотвратить восстание простого народа⁴⁰. Они предложили королю и сенаторам прекратить переговоры с Россией и широко распространяли провокационные слухи о намерении царя уступить Украину Польше, арестовать гетмана и полковников и сократить казацкий реестр до 10 тыс.⁴¹

Интриги И. Выговского не остались секретом ни для России, ни для украинского народа⁴². Возмущенный предательским заигрыванием с польскими панами и крымскими татарами, украинский народ под руководством полтавского полковника М. Пушкаря и кошевого атамана Я. Барабаша в начале 1658 г. восстал против гетмана и поддерживавшей его шляхетско-старшинской группы.

Но медлительность русского правительства, обманутого лицемерными донесениями И. Выговского и информацией Б. М. Хитрово, специального уполномоченного царя на Украине, помогла врагам России подавить восстание.

Разгромив М. Пушкаря, И. Выговский перешел к открытому восстанию против России, пытаясь оторвать от нее Украину и «учинить в вечном порабощении у ляхов и татар»⁴³. Посланный в июле 1658 г. на Украину подьячий Я. Портомоин с призывом царя «жить... в совести и любви» был задержан гетманом⁴⁴. Вместо переговоров с Москвой И. Выговский уведомил С. Беневского о своей готовности присоединить Украину к Польше и назначил для переговоров об этом П. Тетерю. В письме к Яну Казимиру гетман заявил, что он как верный подданный короля заставит Украину подчиниться королевской власти, что он «совершенно отрекается от дружбы царской и объявляет свою готовность с татарами и поляками идти на царя»⁴⁵.

И действительно, в августе того же года И. Выговский направил отряд казаков и татар против Киева, а сам вступил в переговоры с прибывшими

³⁸ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 257.

³⁹ СГГид, т. 4, стр. 42. Выговский впоследствии писал к Немиричу, что «казаки... по моим отважным стараниям для короля и отечества, значительно ослаблены в силах и пьют... ненавистью... ко мне» («Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, Киев, 1859, стр. 142).

⁴⁰ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 238.

⁴¹ «Летопись Самонла Величко», т. 1, стр. 366—367; АЗР, т. 7, стр. 187.

⁴² И. Выговский надеялся обмануть народ лозунгом «самостоятельной» Украины и хлопотал у короля выдать до сейма «печать княжеств русских» («Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 296, 298).

⁴³ АЮЗР, т. 7, стр. 257.

⁴⁴ СГГид, т. 4, стр. 38.

⁴⁵ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 176, 267, 270—271, 288—289.

на Украину королевскими комиссарами С. Бенеvским и К. Заблажевским⁴⁶. 6 сентября 1658 г. в Гадяче был подписан договор, по которому Украина под видом княжества Русского отдавалась под протекторат польского короля.

Гадячский договор означал сговор украинских феодалов с польскими магнатами, противоречащий интересам украинского и русского народов. Решающее значение для феодалов Речи Посполитой имела 16-я статья договора, требовавшая «в случае, если царь... московский не захочет возвратить Речи Посполитой областей и нападет на Речь Посполитую, тогда все военные силы, как коронные и Великого княжества Литовского, так и войско русское, запорожское под начальством гетмана, должны соединиться вместе и воевать»⁴⁷.

После гадячского сговора война с Россией становилась неизбежной. В руках польских феодалов оказались теперь значительные силы обманутого старшиной казачества, которые вместе с татарами и небольшими отрядами польского войска паны намерены были использовать против России.

О готовности польско-литовских феодалов осенью 1658 г. к наступлению на восточном фронте можно было судить и по поведению королевской дипломатии.

Как известно, основной темой переговоров между Россией и Польшей после виленского соглашения был вопрос о короне польской. С требованием об исполнении договора и настойчивым домогательством королевского престола для представителя русской династии выезжали в Польшу К. Иевлев, Н. Алфимов и И. Телепнев⁴⁸.

Параллельно с этим русское правительство вело настойчивую агитацию среди литовской знати, намереваясь склонить ее к подданству царю. Особое внимание при этом уделялось гетманам В. Госевскому и П. Сапеге, к которым в декабре 1656 г. были направлены в качестве резидентов А. Матвеев и А. Нестеров, в мае 1657 г. — посланник Л. Лопухин, в июне 1658 г. — Д. Астафьев⁴⁹.

Многочисленные ответные посольства короля и вельмож литовских к царю и боярам первоначально имели целью добиться помощи против шведов, а несколько позже, с начала 1658 г., разговорами о мире и заверениями выполнить условия виленского соглашения польские паны стремились прикрыть мобилизацию внутренних и международных сил против России⁵⁰. Последнее особенно справедливо по отношению к посольству Я. Завишы и Я. Красинского. Отправляя их осенью 1658 г. в Вильно для встречи с московскими дипломатами, король одновременно распорядился, чтобы С. Чарнецкий вместе с Г. Полубинским «над Брестью и над... воеводой (И. Хованским. — И. Г.) и над ратными людьми (русскими. — И. Г.) промышлял»⁵¹.

Узнав о гадячском договоре, польские комиссары по требованию правительства предложили русским послам возвратить все земли и восстано-

⁴⁶ АЮЗР, т. 7, стр. 251—253; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 26—28.

⁴⁷ Н. И. Павлищев. Указ. соч., т. 2, приложения, стр. 402.

⁴⁸ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, ч. 3, стр. 132—133; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 34—35.

⁴⁹ Н. Н. Бантыш-Каменский ошибочно объединяет посольства Л. Лопухина и Д. Астафьева и относит к маю-июню 1657 г. (см. Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, ч. 3, стр. 132). На самом же деле посольство Д. Астафьева не могло быть ранее весны 1658 г. (см. ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 1, лл. 382—387).

⁵⁰ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, т. 3, стр. 136—233.

⁵¹ АМГ, т. 3, стр. 48.

вить границы 1634 г. Получив отказ, поляки прервали переговоры, а их войска перешли в наступление и блокировали Вильно⁵².

В ответ на наступление литовской армии Ю. Долгорукий организовал осенью того же года контрудар под Верками и 11 октября разгромил армию В. Госевского. Отряды литовского гетмана были рассеяны, а сам он взят в плен и отправлен в Москву⁵³. Дело могло бы окончиться тяжелым поражением Польши, если бы русское командование смогло развить военный успех Ю. Долгорукого. Помешали этому не столько нерешительные действия самого воеводы, который поспешно отошел к Смоленску, узнав о приближении армии П. Сапеги, сколько события на Украине, где войска И. Выговского осадили Киев и опустошали Левобережье вплоть до Ромен и Лохвицы⁵⁴.

Помешала этому и измена полковников И. Нечая и Д. Мурашки, стоявших в Белоруссии. С их изменой Россия потеряла всю южную Белоруссию, куда вошли отряды польских жолнеров и перешедшей на сторону короля литовской шляхты⁵⁵.

Итак, война с Россией, тщательно подготовленная правящими кругами Речи Посполитой, возобновилась. После первых неудач русской армии польские магнаты считали, что дело восстановления их власти над Украиной и Белоруссией близко к осуществлению. Но вскоре выяснилось, что военные успехи И. Выговского и польско-литовских отрядов непрочны, что, развязав войну с Россией, польское правительство допустило по крайней мере три грубых просчета.

Оно, во-первых, не учло степени враждебности Швеции и рассчитывало малыми уступками и энергичным посредничеством добиться с ней мира. Ход событий опроверг эту наивную надежду польских панов. Шведский король, заручившись поддержкой Англии и Франции, согласием России на переговоры, осенью 1658 г. осадил Копенгаген, а его генералы еще раньше штурмовали Гданьск, и, захватив Курляндию, угрожали центральным районам Литвы⁵⁶. Правительства Австрии, Польши, Голландии и Бранденбурга вынуждены были предпринимать срочные меры, чтобы спасти Данию и Польшу от нового разгрома⁵⁷.

Не учли польские правящие круги, во-вторых, экономических и дипломатических возможностей России. В Москве рано заметили отрицательное отношение панов к виленскому соглашению. Дошедшие сюда сведения о враждебных происках польских агентов на Украине, о концентрации войск в Литве, о грубых выпадах сенаторов против царя на сейме в Варшаве еще больше насторожили русское правительство и заставили провести

⁵² Н. И. Павлищев. Указ. соч., т. 2, стр. 248. В. Госевский пытался обвинить русских воевод в нарушении виленского соглашения. В письме к А. Нащокину он писал: «Со всеми войсками иду против Долгорукова для того, что он... слова своего не сдержал — обещался вести переговоры и этим обманул, а сам вторгся в землю и начал воевать» (ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 30, л. 3).

⁵³ АМГ, т. 2, стр. 615; ЦГАДА, Дела шведские, 1658—1659 гг., кн. 41, л. 395.

⁵⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 31; Д. Бантыш-Каменский. История Малой России, стр. 227.

⁵⁵ АЮЗР, т. 7, стр. 258; АМГ, т. 2, стр. 615. В Москве обвиняли И. Нечая в том, что он «многую шляхту, царского величества подданных, иных ласканием, а иных принуждением ис под государевой высокие руки ис подданства отвел» (С. А. Белокуров. Дневальные записки приказа Тайных дел 1655—1713 гг. М., 1908, стр. 45).

⁵⁶ «Pamiętnik Jana Władysława Poczebuta Odlanickiego», Warszawa, 1877, str. 22—23 (далее — «Pamiętnik Poczebuta»); ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 1, л. 390; Московский стол, д. 279, л. 80; «Памятники дипломатических сношений...», т. 3, стр. 1059—1060.

⁵⁷ ЦГАДА, Дела шведские, 1659 г., д. 2, лл. 248, 400—404.

ряд серьезных дипломатических мероприятий, укрепивших позиции России в предстоящей борьбе с Польшей.

Накануне войны русское правительство пыталось добиться дипломатической изоляции Речи Посполитой, направив Я. Н. Лихарева в империю, а А. Нестерова в Бранденбург с предложением военного союза против Польши⁵⁸. Почти одновременно с этим русские представители И. Гебдон и И. Сведен выехали в Голландию и Англию. Им поручалось закупить крупную партию оружия, боеприпасов и снаряжения, потребность в которых ввиду резкого увеличения численного состава армии не удовлетворялась отечественным производством⁵⁹.

Однако решающим из этих мероприятий было перемирие со Швецией. Пока отношения с Польшей еще не приняли открыто враждебного характера, русское правительство проводило укрепление своих позиций в Литве в рамках виленского соглашения: оно поддерживало движение части литовской шляхты за присоединение к России. Воевода Кукейноса А. Ордин-Нащокин весной 1658 г. предложил задержать на время переговоры со Швецией и, сконцентрировав русскую армию на западной границе, добиться формального договора с литовской знатью. Ему казалось, что соглашением с Литвой Россия значительно улучшит свои позиции против Польши и окажет решительное давление на Швецию в предстоящих с ней переговорах⁶⁰. После встречи 6 июня 1658 г. с А. Саковичем, представителем литовской шляхты, А. Нащокин писал в Москву, что «у гетманов и всего посольства народу Великого княжества Литовского учинена крепость: быть... царского величества... в подданстве»⁶¹. Однако русское правительство не согласилось с его мнением, усомнилось в возможности быстрого соглашения с литовскими гетманами, выставившими через А. Саковича неприемлемые для России условия, и настояло на немедленных переговорах со Швецией⁶². В Москве надеялись, что Швеция, потерпев военное поражение в Лифляндии и Польше и дипломатическую неудачу на Украине, не станет упорствовать, и с ней можно будет договориться о перемирии, чтобы сосредоточить все силы на предстоящей тяжелой борьбе с Польшей. Швеция стремилась к миру с Россией, поскольку ей сложно было воевать сразу против Польши, Австрии, Дании, Голландии и Бранденбурга.

Русское правительство отвергло попытки курфюрста Фридриха-Вильгельма и короля датского Фредерика III задержать выход России из войны со Швецией и развернуло переговоры с Карлом X Густавом⁶³.

Переговоры в Валиесаре закончились 20 декабря 1658 г. соглашением о трехлетнем перемирии, на время которого за Россией оставались все завоеванные в Прибалтике земли. Статьи 24—25 договора предусматривали возможность заключения союзного договора против польского короля, но окончательное решение по этому вопросу положили «на волю государей»⁶⁴.

Заключение перемирия со Швецией было несомненной дипломатической победой России. Этот договор, по выражению Нащокина, «орлу белому (Польше. — И. Г.) страшен», так как «лев (Швеция. — И. Г.) ко гнезду

⁵⁸ «Памятники дипломатических сношений...», т. 3, стр. 891 и далее; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, ч. 1, стр. 21; ч. 4, стр. 10.

⁵⁹ М. Я. Гурлянд. И. Гебдон — комиссарнус и резидент. Ярославль, 1903, стр. 50—51; «Памятники дипломатических сношений...», т. 10, СПб., 1871, стр. 791.

⁶⁰ ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 1, л. 391.

⁶¹ Там же, л. 382.

⁶² Там же.

⁶³ ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 40, л. 454; РИБ, т. 16, стр. 815—817.

⁶⁴ ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 40, лл. 506—507; «Полное собрание законов Российской империи» (далее — ПСЗ), т. 1, СПб., 1830, стр. 477.

его припущен»⁶⁵. Больше того, прекратив на время борьбу со Швецией за выходы к Балтийскому морю, Россия развязала себе руки для борьбы с агрессивным натиском польских феодалов на Украине и в Белоруссии.

Не менее решительными оказались и внутренние распоряжения правительства. Количество русских войск в Литве увеличилось, а границы на юге укрепились⁶⁶. Для борьбы с татарами — союзниками польского короля — были направлены подкрепления в гарнизоны южных городов России и усилено вооружение донских казаков⁶⁷. Сумело справиться правительство царя Алексея и с затруднениями казны. Решено было для выплаты жалованья войску увеличить выпуск медной монеты⁶⁸.

Третий просчет польских панов обнаружился в событиях на Украине. Стремясь окончательно привязать И. Выговского, польское правительство любезно приняло посланцев украинской шляхты и летом 1659 г. утвердило статьи Гадячского соглашения. Оно одобрило соглашение гетмана с крымским ханом и поощряло его жестокую расправу с противниками. Но оказывать серьезную помощь войсками, как этого желал И. Выговский, правительство Яна Казимира не могло и рассчитывало победить Россию силами казацкой старшины и татар.

Действительно, на первых порах И. Выговский имел несомненные успехи и захватил большую часть Украины. Летом 1659 г. в союзе с крымским ханом он нанес серьезный урон армии А. Н. Трубецкого под Конотопом⁶⁹.

Но уже в декабре 1659 г. в Белоруссии воевода И. И. Лобанов-Ростовский штурмом овладел Быховом и взял в плен полковника Нечая⁷⁰. Тогда же были разбиты отряды Кунцевича, и русское правительство, угрожая силой, потребовало от курфюрста немедленного отзыва Б. Радзивилла, действовавшего на территории Литвы⁷¹. Развивая успехи предыдущего года в Литве, русская армия в начале 1660 г. взяла Брест⁷². В своем обращении к войскам царь Алексей отмечал, что их «службою и раденьем польские и литовские люди побиты многие и города и места пойманы»⁷³. Он потребовал от воеводы И. А. Хованского, подготовив в Бресте запасы хлеба и военного снаряжения, «посылать войною к Аршаве, чтоб промысл учинить над Аршавою нынешним зимнем временем до весны... также и к Люблину и иным польским и литовским городам и местам войною посылать»⁷⁴.

На Украине провал военных планов Речи Посполитой был еще более показательным. Гадячский сговор старшины с магнатами, союз гетмана с ханом и предоставление татарам «права» грабить Украину привели к негодование народных массы.

Население Украины, поднимаясь на борьбу, просило русское правительство «от разоренья Выговского и от татар заступить», клялось «с изменником И. Выговским и его советниками биться не щадя голов своих»⁷⁵.

⁶⁵ ЦГАДА, Дела шведские 1658—1659 гг., д. 41, лл. 602—603; Г. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. — ЖМНП, 1898, V, стр. 57.

⁶⁶ «Акты исторические», т. 4, СПб., 1842, стр. 255, 256, 268, 269.

⁶⁷ Донские дела, т. 5, стр. 344; «Акты, относящиеся к истории войска донского» (Акты войска донского), т. 1, Новочеркасск, 1891, стр. 56, 58.

⁶⁸ ЦГАДА, Дела шведские, 1658 г., д. 1, лл. 280—281.

⁶⁹ «Летопись Самовидца». — «Чтения...», 1846, кн. 1, стр. 32.

⁷⁰ С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 45.

⁷¹ ЦГАДА, Дела шведские, 1659 г., д. 1, л. 433.

⁷² 23 февраля 1660 г. Алексей Михайлович вместе с боярами смотрел, как «вели языков, которые взяты в Бресте» (С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 60).

⁷³ АМГ, т. 3, стр. 57.

⁷⁴ Там же, стр. 59.

⁷⁵ АМГ, т. 2, стр. 630, 637; АЮЗР, т. 7, стр. 255.

Во главе крупных сил казаков, оставшихся верными заветам Б. Хмельницкого, стояли И. Богун, И. Сирко, И. Беспалый. В отрядах казацкого гетмана И. Беспалого, действовавшего вместе с Г. Ромодановским, еще осенью 1658 г. насчитывалось до 30 тыс. казаков, готовых продолжать борьбу с врагами⁷⁶. Запорожские казаки, призывая русских воевод, заверяли, что за И. Выговского «никто не вступитца, и против их, запорожан, в Черкасских городах никто стоять не учнет»⁷⁷.

Размах восстания стал еще шире, когда русское правительство обратилось с воззванием к украинскому народу, разоблачая предательство И. Выговского⁷⁸. Оно помогло казакам продовольствием, оружием и боеприпасами и направило на Украину осенью 1659 г. войска А. Н. Трубецкого⁷⁹.

Перешла в наступление и армия В. Б. Шереметева, стоявшая в Киеве. Она разгромила гарнизоны Гоголева, Триполья, Воронкова и Стоек, нанесла поражение А. Потоцкому, заставив его бежать к границам коронной Польши⁸⁰.

В итоге к концу 1659 г. все Левобережье и значительная часть Заднепровья были освобождены от войск И. Выговского и татар. Народ активно помогал бороться с врагами. Так, в г. Нежине по призыву казаков «поспольштво кинулось с тими казаками и за годину всих жолнеров выбили...»⁸¹.

Казацкие полки И. Выговского взбунтовались под Белой Церковью и перешли на сторону Ю. Хмельницкого. Сообщники гетмана были перебиты, а сам он, спасаясь от народного гнева, бежал в Польшу⁸².

17 октября 1659 г. в Переяславе в присутствии русского воеводы А. Н. Трубецкого «старшина и вся чернь провозгласила гетманом Ю. Хмельницкого»⁸³. Напуганная народным движением, верхушка казацкой старшины во главе с гетманом уступила царизму часть своих привилегий и по «переяславским статьям» 1659 г. согласилась на ввод русских войск в пять крупных городов Украины⁸⁴.

Царь Алексей торжествовал победу над врагами, поздравлял и щедро награждал своих дипломатов и воевод, не только отстоявших, но и укрепивших его положение на Украине⁸⁵.

Итак, события 1658—1659 гг. не оправдали надежд польских панов подчинить Украину и Белоруссию. Украинский народ остался верен союзу с братским русским народом и разбил с его помощью враждебные замыслы магнатов и их ставленника И. Выговского.

Это был жестокий урок, преподанный панам. Их надежды на реставрацию старых порядков с помощью украинской знати и татар потерпели крах. И все же эти события не образумили польских феодалов. Напротив, именно с 1660 г. начинается новый, еще более напряженный этап

⁷⁶ АЮЗР, т. 7, стр. 260.

⁷⁷ Донские дела, т. 5, стр. 253.

⁷⁸ Первое воззвание было написано киевским воеводой В. Б. Шереметевым и разослано по городам Украины 2 января 1659 г. (АЗР, т. 7, стр. 272).

⁷⁹ Там же, стр. 290, 300, 305, 306, 314.

⁸⁰ АЮЗР, т. 7, стр. 311; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 76.

⁸¹ «Чтения...», кн. 1, стр. 33.

⁸² АЮЗР, т. 7, стр. 307. Одного из ближайших соратников Выговского Ю. Немича «убили до смерти под Быковым мужики» (там же, стр. 312).

⁸³ Донские дела, т. 5, стр. 550; Н. И. Павлищев. Указ. соч., т. 2, стр. 265.

⁸⁴ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 4—5.

⁸⁵ Особые похвалы царь расточал по адресу киевского воеводы В. Б. Шереметева, «верного и истинного послушника нашего... храброго и бесстрашного архистратига» (АЗР, т. 7, стр. 316).

панско-католической агрессии на восток, когда подавляющую массу интервентов составляли войска польских гетманов.

Во второй половине 1659 г. русское правительство предложило Польше мир и объединенные дипломатические действия против Швеции⁸⁶. По мнению А. Нащокина и ряда других политических деятелей России, такой шаг дал бы возможность России закрепить за собой завоевания в Лифляндии, а Польше — решительные преимущества в борьбе за исконные польские земли на западе и в Поморье.

Но польское правительство вновь отказалось от мира на востоке. Варшавский сейм 1660 г. решил настойчиво продолжать войну с Россией, добиваясь мира со шведами и союза с татарами.

Ян Казимир, исполняя это решение, не выслал своих послов в Москву, а назначенных в Борисов для встречи с Н. И. Одоевским П. Сапегу и Ю. Глебовича обязал «комиссию продолжить... чтобы переманивать до тех мест, как соберется посполитое рушение»⁸⁷.

В мае 1660 г. при посредничестве Франции соглашение со Швецией было достигнуто.

По условиям договора в Оливе Швеция закрепляла свое политическое и военное преобладание в Прибалтике и сохраняла опасный для жизненных интересов Польши плацдарм на ее западных границах. Договор усиливал также позиции Бранденбурга, политика которого была направлена против Польши⁸⁸. Короче говоря, эгоистические интересы польских магнатов вновь возобладали над национальными интересами страны и повлекли за собой заключение Оливского мира и возобновление войны с Россией. Современники этих событий откровенно писали, что польско-литовских феодалов побуждали к войне с Россией «любовь к отечеству и желание возвратить отнятое»⁸⁹.

Летом 1660 г. вновь развернулись боевые действия на русско-польском фронте. По распоряжению короля войска С. Чарнецкого из Поморья, а М. Паца из Курляндии были переброшены в Литву на помощь П. Сапеге и Г. Полубинскому⁹⁰. Одновременно с этим С. Потоцкий, Ю. Любомирский и И. Выговский сосредоточили свои силы на Украине и получили задачу вместе с татарами «промысл чинить над государевыми ратными людьми и над черкасы, которые под высокою рукой государя»⁹¹.

Польская дипломатия настойчиво стремилась втянуть в борьбу с Россией турецкого султана и шведов. Вновь возродилась опасность совместного выступления польских и шведских феодалов⁹².

После ряда разведовательных боев 24 июня 1660 г. войска П. Сапег и С. Чарнецкого напали на воеводу И. А. Хованского, стоявшего лагерем под Ляховичами; и разбили его⁹³.

⁸⁶ Предложения о мире выдвигал в Варшаве в июле 1659 г. И. Желябужский, в сентябре — Ф. Отраслев, в декабре — воевода И. Хованский гетману П. Сапеге (см. Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, т. 3, стр. 134; ЦГАДА. Дела шведские, 1659 г., д. 1, л. 477).

⁸⁷ АМГ, т. 3, стр. 85.

⁸⁸ «История Польши», т. 1, стр. 262.

⁸⁹ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 66.

⁹⁰ С. Чарнецкий отказался подчиниться Любомирскому и Потоцкому и добился от короля назначения в Литву («Дневник Гордона». — «Чтения...», 1891, кн. 4, отд. 2, стр. 190; «Pamiętnik Poczebota», str. 37).

⁹¹ АМГ, т. 3, стр. 63.

⁹² Там же, стр. 44, 110.

⁹³ J. Szuj ski. Dzieje Polski, t. 3, str. 423—427; «Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z czasów panowania J. Kazimierza». Lwów, 1877, str. 101; Н. С. Голицын. Русская военная история, ч. II. СПб., 1872, стр. 630.

Поддержанная войсками М. Паца, польско-литовская армия прошла через всю Белоруссию и намеревалась идти на Смоленск, «чтоб войну из своего государства вывестъ»⁹⁴. Часть литовской шляхты изменила царю и перешла в королевский лагерь. Не на высоте оказался и ряд русских воевод, сдававших крепости после непродолжительной осады⁹⁵.

В августе польско-литовские войска захватили Шклов, Копысь и, нарушив связь по Днепру с Киевом, стали лагерем на р. Басе⁹⁶. Распоряжение царя освободить Шклов и восстановить путь по Днепру выполнено не было: Ю. Долгорукий только в сентябре подошел к границам Белоруссии, но вскоре попал в окружение под Кричевом⁹⁷. Согласно категорическому приказу из Москвы И. А. Хованский выступил из Полоцка на помощь Ю. Долгорукому, но не разведая противника и, встретив у Чашников основные силы П. Сапеги и С. Чернецкого, был разбит наголову. В руках победителей оказался весь его обоз⁹⁸.

Высланные из Смоленска войска П. А. Долгорукого и Ртищева помогли все же Ю. Долгорукому вырваться из окружения. Но преследования польско-литовской армии организовано не было, и по распоряжению царя войска Ю. Долгорукого, укрепив Могилев, отошли в ноябре к Смоленску⁹⁹.

В итоге к концу 1660 г. польско-литовские войска вышли на рубеж Днепра и Западной Двины, захватив большую часть Ливы и Белоруссии, осадили Витебск, Вильнюс и Полоцк. Отдельные отряды польско-литовской армии доходили до Смоленска и опустошали Задвинье. Псковский воевода И. Хованский высказывал опасение, что С. Чернецкий может прогнаться до Великих Лук и с ним нелегко будет справиться¹⁰⁰.

В 1661 г. наступление польско-литовской армии в Белоруссии продолжалось. В феврале, после мятежа верхушки мещан и шляхты, сдался полякам Могилев¹⁰¹. В октябре того же года под Кушликовыми горами И. Хованский вновь потерпел поражение и поспешно отошел к Полоцку¹⁰². Вслед за этим после упорного сопротивления капитулировал гарнизон Вильнюса, а в 1662 г. пал Борисов¹⁰³. Князь Д. Мышецкий, возглавлявший оборону крепости, был схвачен своими солдатами и выдан польскому королю. Специальным универсалом Ян Казимир пожаловал этим изменникам «личные имущественные права и привилегии»¹⁰⁴.

Напряжение военных действий возросло, когда осенью 1661 г. в Белоруссию вступила польская армия под командованием короля и осадила Полоцк и Витебск. Однако тяжелые потери в предыдущие годы и героическое сопротивление гарнизонов этих городов ослабили наступательный порыв польских феодалов. Этим воспользовалось русское командование и мощным контрударом под Могилевом на р. Басе 16 мая 1662 г. нанесло

⁹⁴ ЦГАДА, Дела шведские, 1660 г., д. 1, л. 97.

⁹⁵ АМГ, т. 3, стр. 43.

⁹⁶ Там же, стр. 133, 147, 154; «Pamiętnik Poczebuta», str. 37.

⁹⁷ АМГ, т. 3, стр. 131, 163; АЮЗР, т. 7, стр. 321. Авторы «Очерков истории СССР» считают, что Ю. А. Долгорукий пошел из Смоленска прямо под Могилев (см. «Очерки истории СССР XVII в.», стр. 512).

⁹⁸ АМГ, т. 3, стр. 203, 209.

⁹⁹ Там же, стр. 157, 177, 226—228.

¹⁰⁰ Там же, стр. 219, 515.

¹⁰¹ Там же, стр. 333, 428—429.

¹⁰² ЦГАДА, Московский стол, д. 340, лл. 28, 31—33, 36, 62, 73; «Pamiętnik Poczebuta», str. 51—54.

¹⁰³ ЦГАДА, Московский стол, д. 332, лл. 122, 123, 323—326.

¹⁰⁴ АВК, т. 34, стр. 216. Осада Вильнюса длилась больше года и стоила полякам многих тысяч солдат. Только при штурме 31 августа 1660 г. литовские войска потеряли убитыми свыше 700 человек («Pamiętnik Poczebuta», str. 36).

тяжелое поражение королевским войскам¹⁰⁵. Другая часть литовской армии, вторгшаяся в пределы Латгалии и осадившая Динабург, также понесла серьезные потери и в конце 1662 г. отошла назад¹⁰⁶.

1660 год был временем наивысших успехов польских панов и на Украине. Шляхетско-старшинская группа, господствовавшая при Выговском, удержала свою власть и при его преемнике¹⁰⁷.

Подстрекаемая польской агентурой, эта группа украинских феодалов восстала против статей Переяславского соглашения 1659 г. и пыталась сорвать их осуществление¹⁰⁸. Первая попытка в этом направлении была предпринята посольством П. Дорошенко и А. Оди́нца в декабре 1659 г. при переговорах в Москве.

Вопреки статье 5 Переяславского соглашения, по которой русские войска размещались в Переяславе, Нежине, Чернигове, Брацлаве, Умани и Киеве, старшина требовала оставить русские гарнизоны только в Киеве и Переяславе¹⁰⁹.

Вопреки статье 12, запрещавшей гетману и старшине выносить смертные приговоры¹¹⁰, старшина требовал права судить и казнить по своему усмотрению, обвиненных в чем-либо представителей всех категорий украинского населения¹¹¹.

Вопреки статье 5 «мартовского» и 9 «переяславского» соглашений, запрещавших гетману сношения с соседними странами и прежде всего с Турцией и Польшей, старшина добивалась полной свободы международных связей¹¹². Она потребовала, наконец, запретить переписку с Москвой всем жителям Украины и освободить всех изменников, арестованных по делу И. Выговского¹¹³. Естественно, что эти домогательства старшины были отклонены.

Потерпев неудачу в Москве, украинская шляхта стала ждать удобного случая, чтобы переключиться в лагерь панской Польши. Такую возможность открыли перед ней события второй половины 1660 г.

В августе этого года по договоренности с Ю. Хмельницким воевода В. Б. Шереметев выступил с 35 тыс. войском на Львов. Под Меджибожем он неожиданно натолкнулся на 30-тысячный отряд Ю. Любомирского и С. Потоцкого, усиленный 60 тыс. крымских татар, и отошел к Чуднову. Ю. Хмельницкий, атакованный под Слободищами войсками Ю. Любомирского, под давлением старшины капитулировал и согласился восстановить условия Гадячского соглашения, даже без пункта об организации «княжества русского» — равноправного партнера Короны и Великого княжества Литовского в рамках феодальной Речи Посполитой¹¹⁴.

¹⁰⁵ «Акты археологической экспедиции» (далее — ААЭ), т. 4, СПб., 1838, стр. 175; ЦГАДА, Московский стол, д. 332, лл. 124—125.

¹⁰⁶ «Памятники дипломатических сношений...», т. 4, стр. 285.

¹⁰⁷ АЮЗР, т. 7, стр. 333.

¹⁰⁸ В декабре 1659 г. в Москве знали, что к гетману приехал С. Бенеvский. В связи с этим В. Б. Шереметеву рекомендовалось: «Гетмана держать в любви и чести, и о Бенеvском, смотря по времени объявить ему, гетману, чтобы он там, нзымаv его, прислал к нему, боярину и воеводе в Киев» (АЮЗР, т. 7, стр. 317).

¹⁰⁹ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 110, 118.

¹¹⁰ Русское правительство объясняло необходимость данной статьи тем, что «изменник Ивашка Выговский многих полковников и начальных людей и казаков, которые служили верно царскому величеству, напрасно смертью карал» (там же, стр. 112).

¹¹¹ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 119. Интересно отметить, что позже на этом будет настаивать Я. Самко (АЮЗР, т. 7, стр. 360).

¹¹² Там же, стр. 121.

¹¹³ Там же, стр. 120—122.

¹¹⁴ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 19—22.

Окруженная под Чудновом превосходящими силами противника, русская армия оказала героическое сопротивление. Но командование во главе с В. Б. Шереметевым не проявило твердости духа и согласилось на позорную капитуляцию¹¹⁵.

Возмущенное изменой гетмана и разгулом панского произвола, население Украины поднялось с оружием в руках против своих врагов¹¹⁶. В мужественной борьбе украинский народ получал всестороннюю помощь России. Правительство Алексея Михайловича, убедившись в непримиримости шляхетской Польши, с еще большей настойчивостью стало добиваться ее дипломатической изоляции. А. Л. Ордину-Нащокину, продолжавшему переговоры со шведами, было приказано немедленно заключить мир, всячески мешать переговорам Швеции с Польшей и «свейских воинских людей ныне же нанять и послать их на полских людей войною»¹¹⁷.

Когда выяснилось, что А. Л. Ордину-Нащокину не удалось выполнить задачи, поставленной правительством, дело переговоров со шведами было передано в руки И. С. Прозоровского. По условиям Кардисского мира, заключенного летом 1661 г., Россия ради сохранения Украины отказалась на время от борьбы за выходы к морю, хотя жизненная необходимость решения этой проблемы была очевидна.

Интересовалась Россия и делами Крыма. Здесь русские послы Татаринов и Бахметьев соглашались выплачивать Мегмет-Гирею до 50 тыс. руб. в год, если он порвет союз с Яном Казимиром и перестанет нападать на Россию¹¹⁸.

Одновременно с этим русская дипломатия пыталась опровергнуть ходившие по Европе преувеличенные слухи о военных неудачах России на Украине и в Белоруссии и распространяла через своих резидентов в Голландии и Любеке официальное правительственное коммюнике по поводу этих событий¹¹⁹.

Однако главное внимание правительства было направлено тогда на реорганизацию вооруженных сил страны для отпора врагу. С этой целью в 1659—1660 гг. было проведено два общегосударственных сбора даточных людей, из которых было сформировано несколько десятков солдатских полков¹²⁰. Их обучением занимались и русские и иностранные офицеры, большое число которых приехало в Россию в начале 60-х годов. Оружие для солдат поставляли заводы Тулы и Москвы, а недостающее — закупали в Голландии¹²¹. Для снабжения армии правительство собирало хлеб с монастырей и расширяло «государеву пашню»¹²².

Энергичные мероприятия, проведенные русским правительством, укрепили русскую армию и наступление шляхетских войск в Литве и Латгалии было остановлено. Вскоре произошел перелом в военных операциях и на

¹¹⁵ А. Барсуков оправдывает поведение В. Б. Шереметева, говорит о «массе» свидетельств «его распорядительности и прямо геройских подвигов» (см. А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 6. СПб., 1892, стр. 69).

¹¹⁶ В 1660 г. польская шляхта, прибывшая на Украину, жаловалась королю, что крестьяне Украины одних из них «не допустили до владения в собственных имениях, других насильством выгнали из имений, которыми они уже владели» («Памятники, издаваемые временной комиссией...», т. 4, стр. 171).

¹¹⁷ ЦГАДА, Разряд 27, д. 128, ч. II, лл. 40, 144; д. 539, лл. 5—9.

¹¹⁸ А. Барсуков. Указ. соч., т. 6, стр. 17.

¹¹⁹ И. Гурлянд. И. Гебдон — комиссариус и резидент, стр. 61; ЦГАДА, Дела польские, 1661 г., д. 7; А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 1.

¹²⁰ А. В. Чернов. Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 144, 145.

¹²¹ И. Гурлянд. И. Гебдон — комиссариус и резидент, стр. 14, 16—17, 50—54.

¹²² В. К. Сторожев. К истории сельскохозяйственного быта костромских монастырей. — «Чтения...», 1894, кн. 1, отд. 1, стр. 31—32.

Украине. Войска Ю. Хмельницкого, осаждавшие вместе с татарами Переяслав в 1661—1662 гг., были разбиты и отброшены за Днепр¹²³. Летом 1662 г. гетман был еще раз разбит под Каневом и едва спасся в лагере крымских царевичей. Отвергнутый народом как изменник, Ю. Хмельницкий в январе 1663 г. сложил с себя гетманские полномочия и, приняв монашество, ушел в монастырь¹²⁴.

Героическое сопротивление украинского народа и успешные действия русской армии подорвали наступательный дух польского войска. Летом 1662 г. среди польских жолнеров началось восстание (рокош) под руководством шляхтича Свицерского. Его поддерживали и вдохновляли крупные магнаты во главе с Ю. Любомирским, боровшиеся против попыток Яна Казимира установить в Польше наследственную монархию¹²⁵.

Рокош в армии, разумеется, сковал действия Польши. Однако не он явился главной причиной провала авантюрных планов польских магнатов. Его влияние на судьбы России и Польши явно преувеличено в трудах дореволюционных и даже советских историков¹²⁶.

Итак, на втором этапе русско-польской войны, начало которому положили бои 1660 г., польские паны, поддерживаемые местной феодальной знатью Украины и Белоруссии и ордами крымских татар, к середине 1663 г. сумели захватить Правобережье Украины, большую часть Литвы и Белоруссии. Они посадили на Украине гетманом П. Тетерю — преданного холопа короля, согласившегося аннулировать гадячские статьи, восстановить неограниченный произвол польских магнатов и католической церкви¹²⁷.

Однако сломить сопротивление украинского народа, разгромить русскую армию и продиктовать России свои условия мира, на что рассчитывали польские паны, не удалось. Больше того, временный успех Польши ни в коей мере не компенсировал ее политического проигрыша. Это сказалось, как мы видели, при переговорах со Швецией и Бранденбургом, когда Польша вынуждена была уступить жизненно важные пункты на побережье Балтийского моря. Недальновидность правящих кругов Речи Посполитой сказалась в еще большей степени во взаимоотношениях с крымским ханом — исконным врагом русского, украинского и польского народов.

Мегмет-Гирей и поддерживавшая его группа крымских феодалов пользовались тяжелое положение Украины и резкое обострение борьбы между Россией и Польшей в своих целях¹²⁸. Их подстрекала и поощряла на агрессию Турция, настойчиво добивавшаяся укрепления своих военно-стратегических, внешнеполитических и экономических позиций в Азово-Черноморском бассейне за счет ущемления интересов и захвата территорий Украины, России и Польши. Частным моментом экономической заинтере-

¹²³ АЮЗР, т. 7, стр. 321, 328, 331—332; «Летопись Самойла Величко», т. 2, стр. 28.

¹²⁴ Ненависть народа — только одна из причин отказа Ю. Хмельницкого от гетманской булавы. «Памятники, издаваемые временной комиссией...», т. 4, стр. 164, 181; Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 617.

¹²⁵ K. Waliszewski. Polsko-francuskie stosunki w XVII w. Kraków, 1889, стр. 118.

¹²⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 96; см. также J. Szujski. Dzieje Polski, т. 3, стр. 427; Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей, т. 2, стр. 132; К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 34.

¹²⁷ Еще на Корсуньской раде в ноябре 1660 г. польские магнаты делали ставку на П. Тетерю, выдвигая его на пост генерального писаря («Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 46).

¹²⁸ Большим влиянием при дворе хана пользовались ширинские мурзы, поддерживавшие Польшу в ее борьбе с Россией (А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 171).

сованности Порты в закреплении ее влияния на названных территориях было обеспечение регулярного поступления русских и украинских пленников на невольничьи рынки Стамбула и Малой Азии.

Виленское соглашение, сняв на время противоречия между Россией и Польшей, сковало действия хана. Напротив, нарушение перемирия и возобновление войны возродило и турецко-татарскую агрессию. Тот же И. Выговский в 1658—1659 гг. с помощью крымских татар разбил войска М. Пушкаря и русского воеводы А. Н. Трубецкого. Он хотел заставить всех казаков и старшину не отступаться от хана, чтобы «довести себя быть свободными от Российских державств»¹²⁹.

С 1660 г. польские феодалы еще активнее начали привлекать татар как своеобразную наемную силу для борьбы с Россией. Расплачивались же с ними и польские магнаты и украинские гетманы не столько деньгами, сколько кровью народа, позволяя татарам грабить целые районы страны и угонять мирных жителей в Крым для продажи на турецкие галеры. Так поступил, например, в 1658 г. гетман И. Выговский, отдав татарам на разграбление Гадяч, Миргород, Веприк, Сорочинцы и другие города Левобережья, жители которых активно поддерживали М. Пушкаря¹³⁰. Этим же методом расплачивался с татарами и расправлялся со своими противниками П. Тетеря, позволяя им грабить «те области, которые пребывают в постоянном упорстве королю»¹³¹.

Однако вскоре крымский хан и турецкий султан перестали удовлетворяться ролью вспомогательной силы, служившей целям польских панов и украинской старшины, и выдвинули с конца 1660 г. задачу самостоятельной борьбы за Украину, за превращение ее и всего юга России в турецкую колонию¹³².

Султан Мухаммед IV, укрепив в 1660 г. Азов, грозился разгромить казаков на Дону и в Запорожье, а затем идти вместе с крымским ханом «и с ногайскими татарами и с черкасы... на государевы украинные города и до Москвы»¹³³. Его агенты не переставали интриговать с И. Выговским, толкая гетмана на образование удельного княжества «под покровительством Турции» и обнадеживая помощью в борьбе с Россией и Польшей¹³⁴. Оживленные переговоры И. Выговского и Ю. Хмельницкого с правительством Турции только усилили агрессивные вожелания султана¹³⁵.

Одновременно с этим продолжали обостряться русско-крымские отношения, несмотря на настойчивые попытки России установить с ханом мир¹³⁶. Орды татар разоряли Украину, нападали на южные уезды России и угоняли массы людей в плен¹³⁷. Осенью 1660 г. войска хана в союзе с польскими панами разгромили армию В. Б. Шереметева, пленив его самого.

¹²⁹ А. Ригельман. Летописное повествование о Малой России, т. 2. М., 1848, стр. 21.

¹³⁰ «История СССР», т. 1, стр. 296.

¹³¹ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 221.

¹³² Попытки склонить Украину в турецкое подданство предпринимались и раньше (см. АЮЗР, т. 2, стр. 210). Рассуждения Н. Костомарова о Б. Хмельницком как даннике Оттоманской империи — явный абсурд (см. Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. 14. СПб., 1881).

¹³³ Донские дела, т. 5, стр. 711, 731, 765.

¹³⁴ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 3, стр. 226; т. 4, стр. 155.

¹³⁵ Там же, т. 3, стр. 227; Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 628.

¹³⁶ Еще в 1658 г. в Крым были направлены русские послы Якушкин и Михайлов, а в следующем году — Опухтин и Байбаков. Оба посольства были арестованы ханом и посажены в тюрьму (А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 8, 25, 43).

¹³⁷ АМГ, т. 3, стр. 19, 31, 107, 115, 128, 514, 579 и др.; Донские дела, т. 5, стр. 869, 886, 930, 932.

Едва не был захвачен в плен и гетман Ю. Хмельницкий, спасшийся под охраной коронных войск¹³⁸.

Хорошо понимая, что его успехи будут тем большими, чем будут глубже противоречия между Россией и Польшей, крымский хан искусно раздувал их, всячески мешал сближению этих стран. «Если бы Москва захотела с Вами вести переговоры о мире, — писал хан в марте 1661 г. Ю. Любомирскому, — никаким образом не приступайте к этому; надеюсь на бога, что мы достанем его саблех»¹³⁹.

Прибывший в мае этого года в Москву крымский посол Мамет потребовал немедленного удаления казаков с Дона, вывода русских войск с Украины и передачи ее королю.

«И будет царь то учинит, — заявил посол, — и на том меж их государей и мир будет, а будет того учинить не изволит, и без того миру никогда не будет»¹⁴⁰.

Тогда же в правительственных кругах Крыма было решено требовать от России уступки Казани и Астрахани и выплаты дани за 4 года, угрожая в противном случае «под царствующий град Москву войною итти»¹⁴¹.

Объединение польских феодалов с крымским ханом осложнило положение России, затруднило ее борьбу за Белоруссию и Украину. Правительство Алексея Михайловича, укрепляя южные границы, отправило в 1660 г. крупный отряд русских войск под командованием Семена и Ивана Хитрово на Дон и одобрило переговоры Г. С. Черкасского с калмыцкими тайшами о совместной борьбе с турецко-татарской армией¹⁴². В ответном письме к Мегмет-Гирею царское правительство предупреждало, что если хан не отпустит русских послов, откажется от мира с Россией и будет нападать на украинские земли, то русская армия перейдет в наступление против Крыма¹⁴³.

Первый удар против турецко-татарских захватчиков был нанесен под Азовом. В марте 1661 г. войска И. Хитрово и донские казаки атаковали турецкие укрепления в устье Донца и Колончи. Атака не удалась, так как казаки рассорились с воеводой и И. Хитрово не принял участия в штурме. Имело значение и то, что у казаков не было осадных пушек¹⁴⁴.

Через год, весной 1662 г., армия Г. С. Черкасского, усиленная войсками с Дона, провела успешный поход на Крым. Она очистила от татар почти все Приазовье и подходила к Сивашу. Отдельные отряды этой армии морем проникли в район Керчи и погромили здесь татарские улусы¹⁴⁵.

Результат похода русской армии был тем более значителен, что он совпал с поражением ширинского мурзы Катлуша, совершившего набег на южные районы России. Мегмет-Гирей не смог оказать помощи своему зятю, и отряды мурзы, окруженные под Севском, были наголову разбиты¹⁴⁶.

¹³⁸ Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 612—613.

¹³⁹ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 89.

¹⁴⁰ А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 138.

¹⁴¹ Там же, стр. 8, 127; Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 632.

¹⁴² «Акты исторические», т. 4, стр. 301.

¹⁴³ АМГ, т. 3, стр. 413.

¹⁴⁴ Донские дела, т. 5, стр. 845, 904; «Акты войска Донского», т. 1, стр. 65—68.

¹⁴⁵ Донские дела, т. 5, стр. 936, 945, 949.

¹⁴⁶ А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 169. Утверждение А. Барсукова о походе самого хана под Путивль — недоразумение. На стр. 192 Барсуков сам опроверг эту версию, указав, что хан весной ходил под Азов и возвратился в Бахчисарай 6 февраля 1662 г. На самом деле Мегмет-Гирей ходил не под Азов, а на р. Мнус, где осадил отходившую армию Г. С. Черкасского. Осада окончилась неудачей и хан, понеся большие потери, ушел в Крым (ЦГАДА. Донские дела, т. 5, стр. 993).

Неудача набегов татар на русские земли в 1661—1662 гг. не привела, конечно, к провалу общего плана турецко-татарского наступления в Восточной Европе. Напротив, татарам удалось укрепить свои позиции на Украине настолько, что это создавало опасную угрозу украинскому народу. В 1661 г. крымские татары, не без ведома султана и с согласия польских феодалов, продолжали оставаться на Украине, подвергая страну опустошению. Ю. Хмельницкий жаловался королю, что «орды, под личиною помощи, без всякого уважения грабят... и опустошают вконец Украину»¹⁴⁷, что крымский хан «нанес нестерпимые обиды людям... отнимая имущества их и отправляя их самих в неволю»¹⁴⁸.

Тогда же Мегмет-Гирей сперва через перекопского Карач-бея, а затем и лично потребовал от Ю. Хмельницкого, чтобы «Юраско ни при ком не был, а жил особо, государем волным»¹⁴⁹. Он обещал гетману всестороннюю помощь и защиту, если последний не поддастся ни Москве, ни Польше, а станет под протекторат Крыма»¹⁵⁰.

Осенью 1662 г. крымский хан сделал новый шаг к закабалению Украины. По его распоряжению большие отряды татарских войск возвратились на Украину и расположились здесь на зимние квартиры¹⁵¹. Прибывший в октябре 1662 г. в Варшаву Г. Лесницкий передавал королю, что взаимная вражда России и Польши разорила Украину и усилила там позиции Турции и Крыма.

«Татары, — заявил Г. Лесницкий, — уговаривают всю Украину, чтобы она отверглась от республики и отдалась в покровительство хана и Порты, которые способны защитить ее, тогда как Польша этого сделать не хочет и не может»¹⁵².

Со всей очевидностью вырисовались турецко-татарские замыслы на Украине, чреватые тяжелыми последствиями для интересов славянских народов вообще, а для русского, украинского и польского — в особенности. Это понимал украинский народ и мужественно боролся с феодалами-изменниками, содействовавшими нарастанию турецко-татарских успехов на Украине. Это понимали и Москва и Варшава, но отнеслись к этой угрозе каждая по-своему.

ПОСОЛЬСТВО А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА В ПОЛЬШУ в 1662—1663 гг.*

Серьезные военные неудачи, преследовавшие русскую армию в Литве и на Украине в 1660—1661 гг., объясняются не столько бездарностью русского командования и местничеством воевод¹⁵³, сколько резким ухудшением экономического состояния России в начале 60-х годов, сложностью ее внешнеполитического положения.

Длительные и напряженные войны с Польшей и Швецией разорили западные районы страны и опустошили царскую казну. Они потребовали огромного напряжения сил народа и мобилизации всех экономических

¹⁴⁷ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 75.

¹⁴⁸ Там же, стр. 113.

¹⁴⁹ АЮЗР, т. 7, стр. 210.

¹⁵⁰ Z. Wójcik. Указ. соч., стр. 628.

¹⁵¹ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 231.

¹⁵² С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 107.

* Большую помощь в написании данной главы оказал нам доктор исторических наук З. Буйчик, любезно предоставивший микропленку с документов Польского государственного архива, посвященных посольству А. Л. Ордина-Нащокина.

¹⁵³ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 81; А. Ригельман. Указ. соч., ч. II, стр. 50.

ресурсов. Достигалось же это главным образом за счет усиления феодально-крепостнической эксплуатации и увеличения размеров натуральных и денежных повинностей, взимаемых государством.

Значительное увеличение численного состава армии за счет новых полков отрывало от производительного труда массу рабочих рук. Стали практиковаться ежегодные многотысячные сборы «даточных людей». Только с крестьянских дворов Костромской чети за три последовательных набора с 1659 по 1661 г. было призвано на военную службу 51 тыс. человек¹⁵⁴. А всего за годы войны с Польшей общегосударственные наборы в войска «даточных людей» составили не менее 100 тыс. человек¹⁵⁵.

С 1660 г. изменилось и комплектование кавалерии. Правительство убедилось, что сформировать рейтарские и драгунские полки за счет дворян и детей боярских ему не удастся, а поэтому распорядилось поставить в конные полки с монастырских вотчин, с 50 крестьянских и бобыльских дворов одного человека на коне, в полном вооружении «и с запасы»¹⁵⁶.

Непрерывная служба дворянского ополчения подрывала хозяйство феодала: война требовала громадных расходов на содержание воина и отрывала помещика от управления своим хозяйством. С 1660 г. в Москву все чаще стали поступать челобитные дворян, в которых они жаловались на разорение своих поместий, на побег крестьян «от сбора даточных людей и хлебного недороду» и просили царя отпустить их «в свои деревнишки»¹⁵⁷.

Война подорвала товарное производство в стране и резко сократила обороты внешней торговли. Заграничное серебро перестало поступать в царскую казну. Образовался разрыв между наличием денег и потребностью в них, усилившийся к концу 50-х годов в связи с ростом армии.

Царская казна стала испытывать хронический недостаток в деньгах для выплаты жалованья войскам. Обычные пути пополнения казны — увеличение прямых налогов, сборы «пятинных» денег, перечеканка и клеймение «ефимков» в рубли — оказались недостаточными. Еще менее результативными были попытки получения иностранных займов. Ни Гебдону (1660 г.), ни И. С. Прозоровскому (1662 г.) не удалось убедить Карла II и английских купцов помочь России деньгами¹⁵⁸.

Не видя иного выхода из создавшегося положения, правительство царя Алексея Михайловича пошло по пути форсированного выпуска медной монеты с принудительным курсом, равным курсу серебра¹⁵⁹.

Массовый выпуск медной монеты привел к инфляции, которая усилила хозяйственную разруху в стране¹⁶⁰.

Резко возросли цены на хлеб. Если до войны в центральных районах страны четверть хлеба (8 пудов) можно было купить за 30—40 копеек, то в 1662—1663 гг. в Москве четверть ржи стоила 14 рублей, в Вологде —

¹⁵⁴ АМГ, т. 3, стр. 433—434.

¹⁵⁵ А. В. Чернов. Указ. соч., стр. 145.

¹⁵⁶ «Акты исторические», т. 4, стр. 294; АМГ, т. 2, стр. 662.

¹⁵⁷ АМГ, т. 3, стр. 293, 323, 340, 369; ЦГАДА, Московский стол, д. 342, л. 28.

¹⁵⁸ А. Ладыженский. Посольство в Англию князя Прозоровского. СПб., 1880.

¹⁵⁹ Вопрос о денежной реформе и ее влиянии на экономическую и политическую жизнь страны обстоятельно рассмотрен в упомянутой выше работе К. В. Базилиевича «Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году». Заметим только, что, перечисляя инициаторов денежной реформы, Базилиевич совершенно необоснованно упоминает имя А. Л. Ордина-Нащокина (см. К. В. Базилиевич. Указ. соч., стр. 13).

¹⁶⁰ Нельзя согласиться с утверждением А. И. Мальцева, что финансовый кризис начала 60-х годов вызвал «экономический кризис». Такое утверждение неправильно вообще и неприемлемо для характеристики тогдашнего хозяйственного разорения страны (см. «Очерки истории СССР XVII в.», стр. 515).

24 рубля, а в Новгороде в 1661 г. — 52 рубля¹⁶¹. Вздорожали и другие продукты питания¹⁶².

Короче говоря, высокие цены на продовольствие тяжело сказались на положении трудящихся масс городов и войск, т. е. на тех категориях населения, жизнь которых целиком зависела от рынка. С особой силой финансовая катастрофа сказалась на действующей армии в Белоруссии и на Украине. Русские солдаты и казаки, получавшие жалованье медными деньгами, голодали и разбегались. Дисциплина в армии из-за голода, нужды и общей усталости резко упала. Воеводы жаловались в своих отписках царю на трудность набора солдат, на массовое дезертирство из армии и вооруженное сопротивление попыткам остановить дезертирство с помощью организации сыска¹⁶³.

В чрезвычайно трудном положении оказались гарнизоны дальних северных городов, питавшиеся привозным хлебом. В начале 60-х годов они систематически голодали и фактически вымирали¹⁶⁴.

С жалобами на недостаток продовольствия, на голод и нужду, претерпеваемые войсками, обращались к царю не только стрельцы и солдаты полков нового строя, но и дворянское ополчение¹⁶⁵. В тяжелом положении очутились и иностранные военные специалисты, служившие в русской армии. Они отказывались от медных денег, справедливо считая, что на них «нельзя купить будучи на службе даже хлеба», требовали отпуска за границу или же перебегали к врагу¹⁶⁶.

Стремясь изыскать средства для пополнения казны и выхода из финансового кризиса, правительство Алексея Михайловича провело в 1660—1662 гг. ряд совещаний с верхушкой торгово-ремесленного населения Москвы¹⁶⁷.

Еще раньше, в 1662 г., для пополнения казны правительство ввело монополию на ряд ходовых товаров — поташ, смольчуг, лен и пеньку, сало, меха и юфть — и силой отбирало их у населения¹⁶⁸. В том же году были проведены новые сборы «пятинных» денег серебром, а стрелецкого хлеба — натурой, в двойном размере. Этими жестокими мерами, разоряя часть купечества, крестьян и посад, правительство пыталось выбраться из финансового банкротства и восстановить боеспособность армии — важнейшей опоры своего господства.

Внутреннее положение в стране осложнялось расколом в русской православной церкви и реакционным выступлением патриарха против царской власти.

Патриарх Никон и его окружение, став во второй половине века во главе реакционных сил, намеревались разделить власть с царем, подорвать основы прогрессивного в то время самодержавия и подчинить своему

¹⁶¹ ЦГАДА, Московский стол, д. 342, л. 64; К. Базилевич, Указ. соч., стр. 40—41. В северо-западных районах страны в 1660 г. был недород хлеба (ЦГАДА, Разряд 27, д. 128, л. 140).

¹⁶² «Памятники дипломатических сношений...», т. 4, стр. 372. Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, стр. 111.

¹⁶³ АЮЗР, т. 7, стр. 368; ЦГАДА, Московский стол, д. 342, лл. 68—70.

¹⁶⁴ АМГ, т. 3, стр. 493.

¹⁶⁵ ЦГАДА, Московский стол, д. 342, л. 32.

¹⁶⁶ Там же, л. 63. «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 196, 201—203; «Дневник П. Гордона», стр. 23.

¹⁶⁷ Берх. Царствование Алексея Михайловича, т. 1, стр. 140; К. В. Базилевич, Указ. соч., стр. 55.

¹⁶⁸ Правительственное распоряжение о реквизиции «указанных товаров» в Смоленске, Полоцке и Витебске вызвало решительное возражение со стороны А. Нащокина (ЦГАДА, Московский стол, д. 342, л. 47).

влиянию светскую власть. Никон открыто высказывал свое возмущение Соборным Уложением 1649 г., укреплявшим самодержавную власть. Он силой захватывал земли и расширял свою вотчину, творил суд по своему произволу и пренебрежительно отзывался о царском суде, прикрываясь формулой из «священного» писания, что «суд бо божий есть и от исперва, а не царев»¹⁶⁹.

Борьба светской и духовной власти за руководящую роль в государстве, централизованной монархии с сепаратистскими устремлениями церкви в 1662—1663 гг. вносила серьезный разлад в административную деятельность правительства. Царское правительство прилагало все усилия, чтобы заручиться поддержкой вселенских патриархов в деле свержения Никона, а опальный патриарх настойчиво утверждал, что «священство царства пре-более есть»¹⁷⁰.

Разорение страны, связанное с длительной войной и финансовой катастрофой, с одной стороны, а с другой — резкое обострение противоречий в правительственных кругах сковывали военную активность России и толкали ее к поискам мира с Польшей. Однако решающей причиной возобновления переговоров с правительством Яна Казимира явилась классовая борьба в стране, рост народного возмущения, вызванный голодом и непосильным налоговым бременем.

Народные массы, разоренные бесчисленными поборами, сопротивлялись попыткам феодалов поправить свои дела за их счет. Участились случаи побегов крестьян и горожан из центральных районов на Дон и в Запорожье, а из северных уездов — в Сибирь¹⁷¹. Дело доходило до открытого возмущения правительственными распоряжениями: население отказывалось поставлять «даточных» людей, выполнять извозную повинность и боролось с царской администрацией силой оружия. Об одном таком случае рассказывает псковский воевода в своей отписке царю. Здесь в конце 1662 г. намеревались повесить дезертировавшего из армии олонечкого солдата. Однако псковский протопоп «собрался со многими псковичи, посадскими людьми», отбили беглого солдата у виселицы и грозились «побить» начальных людей¹⁷². Примерно то же произошло и во Ржеве, где попытки воеводы Квашнина силой собрать подводы вызвали резкое возмущение горожан. Собравшееся население города дубьем и ослопами било стрельцов, одного из них убили, а воеводу предостерегали, что в случае присылки новой команды стрельцов с ней поступят так же¹⁷³.

Ярким примером антифеодалного движения служит Московское восстание 1662 г., последним толчком к которому послужило издание указа о сборе «пятинной деньги». Возбужденные массы холопов, ремесленников и мелких служилых людей 25 июля этого года двинулись из Москвы в село Коломенское и потребовали от царя уменьшения налогов и казни ряда бояр, обвиненных народом в измене¹⁷⁴. Одновременно в Москве

¹⁶⁹ «Записки отделения русской и славянской археологии», т. II, СПб., 1861, стр. 428, 445, 455, 563.

¹⁷⁰ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 2. Сергиев Посад, 1912, стр. 18; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 226—236.

¹⁷¹ «Записки отдела...», т. 2, стр. 733; А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. — «Труды Института истории РАН ИОН». Сб. статей, вып. 1, 1926, стр. 327—354; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 46—47.

¹⁷² АМГ, т. 3, стр. 496.

¹⁷³ ЦГАДА, Московский стол, д. 342, лл. 23—25.

¹⁷⁴ А. Майерберг. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1874, стр. 180.

были разгромлены дворы купцов В. Шорина и С. Задорина, деятельных участников денежной реформы¹⁷⁵.

Царь подавил восстание с помощью солдатских и стрелецких полков. Но ни разгром восстания, ни жестокие наказания не остановили борьбы. Глухой ропот недовольства раздавался в Москве и в последующие годы, свидетельствуя о нараставших силах социального протеста¹⁷⁶.

В том же 1662 г. вспыхнуло восстание и в Башкирии. Башкирский народ выражал крайнее возмущение захватом земель, растущим гнетом и эксплуатацией со стороны царской администрации, русских и местных феодалов. Но его справедливую ненависть к угнетателям-помещикам и царизму использовала с реакционной целью верхушка феодального класса Башкирии — баи и муллы, выдвинув лозунг отделения Башкирии от России и присоединения ее к Турции или Крыму¹⁷⁷.

Для подавления восстания правительство Алексея Михайловича направило из Москвы значительные силы регулярной армии и мобилизовало дворянскую конницу Поволжья и Приуралья. Располагая громадным перевесом в силах, оно сурово расправилось с восстанием¹⁷⁸.

Неблагоприятной для России была и международная обстановка. Изнурительные боевые операции, которые с переменным успехом шли между Россией и Польшей, взаимно ослабляли эти страны, вредили их политическому престижу, усиливали позиции их общих врагов. Швеция, например, используя русско-польскую борьбу, потеснила Польшу по Оливскому миру 1660 г., помогла своему партнеру, курфюрсту Бранденбургскому, укрепиться в Пруссии во вред славянским народам и закрепила изоляцию России от берегов Балтийского моря по Кардисскому договору 1661 г. Примерно то же рассчитывали повторить крымский хан и турецкий султан на юге.

Следовательно, и внутреннее и международное положение России повелительно диктовало необходимость мира с Польшей. России, как и Польше, мир нужен был, во-первых, для укрепления своего международного положения. Русская дипломатия настойчиво подчеркивала в обращении к Польше обоюдный вред продолжавшейся между ними войны и предлагала «от посторонних наших общих неприятелей остерегания и друг другу споможения... совершити»¹⁷⁹.

Для России мир с Польшей нужен был, во-вторых, для того, чтобы укрепить свои позиции на Левобережной Украине и подавить оппозиционное движение части украинской старшины. Мир с Польшей нужен был, в-третьих, для того, чтобы успокоить страну, восстановить разоренное войной хозяйство и подавить растущее в стране классовое возмущение.

Исходя из этого, летом 1661 г., в момент наступления королевской армии в Литве и Белоруссии, в Варшаву был командирован русский посол

¹⁷⁵ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 87—88; С. А. Белокуров. Дневальная записка, стр. 147; Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 117; «Дневник П. Гордона», стр. 23—24.

¹⁷⁶ В 1663 г. шведский резидент писал из Москвы в Стокгольм, что «в Москве общественное настроение дурное. Там недовольны новыми налогами... слышится повсеместно ропот» (Г. Форстен. Сношения Швеции и России. — ЖМНП, 1898, июнь, стр. 307).

¹⁷⁷ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 13, л. 129; АЮЗР, т. 5, стр. 208; в «Очерках истории СССР» отмечается, что феодалы Башкирии искали связи лишь с камышскими тайшами и сибирскими царевичами Кучумовичами (см. «Очерк истории СССР XVII в.», стр. 809).

¹⁷⁸ Мероприятия правительства по разгрому восстания подробно освещены в работе Н. В. Устюгова «Башкирское восстание 1662—1664» (см. «Исторические записки», т. 24, 1951).

¹⁷⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 26, л. 144.

Замятня Леонтьев с официальным предложением польскому правительству заключить трехлетнее перемирие, снять осаду городов и обеспечить нормальную работу великому посольству¹⁸⁰. Польские паны отказались тогда вести переговоры на основе, предложенной русским послом, и потребовали восстановления предвоенных границ. «А буде великий государь тех завоеванных городов польскому королю не поступитца, — заявили польские магнаты, — и они за то всю землю станут на короля, чтобы с великим государем не мирился, и миру отнюдь не будет»¹⁸¹.

Почти то же самое повторилось и в марте 1662 г., когда в Варшаву прибыл русский посланник Афанасий Нестеров. За перемирие на 3 месяца польские сенаторы потребовали уступки всей Украины и Белоруссии. Кроме того, они считали обязательным информировать о ходе переговоров крымского хана¹⁸².

Согласие королевского правительства на съезд великих послов, выраженное в январе 1662 г., было сплошным лицемерием: паны не только не прислали своих представителей, но, подкупив татар, организовали их набег на севские земли. Прибывшее в марте 1662 г. в Смоленск русское посольство В. И. Одоевского стояло без дела и бесплодно уговаривало польских государственных деятелей начать переговоры, а польских гетманов — прекратить нападение на русские земли¹⁸³.

Неудача первой попытки заключения перемирия заставила русское правительство обратиться к иностранным посредникам — австрийскому посольству барона Майерберга, проживавшего в Москве с мая 1661 г.¹⁸⁴ Император Леопольд, ввиду нараставшей опасности турецкой агрессии против Австрии, хотел примирить Россию с Польшей и направить их силы против Турции.

Однако в Польше и на этот раз отказались от переговоров, задержали русского гонца Е. Прокофьева, посланного царем к Леопольду, и Майербергу осенью 1662 г. пришлось уехать в Вену¹⁸⁵.

После этого правительство Алексея Михайловича предприняло новую попытку добиться перемирия с Польшей и прекращения тяжелой войны. На этот раз в качестве посредника России был послан пленный литовский гетман В. Госевский, находившийся с 1658 г. в Москве. Непосредственные же переговоры с польским правительством должен был вести А. Л. Ордин-Нащокин.

Обращаясь к посредничеству Госевского, в Москве учитывали, что в Литве «гораздо миру желали, хотя бы их и к Московскому государю поступились», что этого требовал народ, к которому примыкала, хотя и непоследовательно, та часть литовской знати во главе с Госевским, хозяйству которой война нанесла наиболее тяжелый ущерб¹⁸⁶.

Следовательно, через Госевского русское правительство рассчитывало привлечь на свою сторону часть литовской знати и рекомендовало Нащо-

¹⁸⁰ «Памятники дипломатических сношений...», т. 4, стр. 175; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, ч. 3, стр. 135.

¹⁸¹ АМГ, т. 3, стр. 353, 425.

¹⁸² С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 119.

¹⁸³ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, ч. 3, стр. 136; ЦГАДА, Московский стол, д. 332, л. 317.

¹⁸⁴ П. Медовиков. Указ. соч., стр. 87. Еще раньше А. Л. Ордин-Нащокин рекомендовал воспользоваться предложением французского агента Делюмбре посредничать при переговорах с Польшей. Но в Москве отклонили это предложение (ЦГАДА, Дела польские, 1661 г., д. 5, л. 2—3).

¹⁸⁵ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 9; «Памятники дипломатических сношений...», т. 4, стр. 432.

¹⁸⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 30, лл. 9, 11.

кину «с ним (Госевским. — И. Г.) ссылатца и самому видетца... лично и о тех делах с ним говорить»¹⁸⁷.

Трудно сказать, какую роль мог бы сыграть Госевский в ходе переговоров Нащокина с королем. Но то, что он был заинтересован в переговорах, — несомненно¹⁸⁸. Убийство Госевского свидетельствовало о победе при дворе короля непримиримых врагов России — П. Сапеги, Ю. Глебовича, Ю. Любомирского, С. Чарнецкого и Я. Собесского. Не случайно вдохновителями убийц считали П. Сапегу и Ю. Любомирского, а убийцами были шляхтичи из отряда Ю. Глебовича¹⁸⁹.

Решение о посылке А. Нащокина в Польшу готовилось постепенно. В январе 1661 г. он был отозван из состава миссии, ведущей переговоры с Швецией, и назначен воеводой в Динабург (Борисоглебск)¹⁹⁰. Этим актом правительство демонстрировало свое несогласие с ошибочным предложением дипломата, может быть, высказанным необдуманно, сгоряча, в пылу полемики, — добиваться перемирия с Польшей ценой уступки Украины, проявлять непримиримость к Швеции¹⁹¹.

Есть полное основание утверждать, что инициатива поездки в Польшу принадлежала самому Нащокину. В декабре 1661 г., после неудачного сражения под Кушликовыми горами, воевода И. А. Хованский просил, чтобы в Москву был вызван либо он, либо «товарищ его думный дворянин А. Л. Ордин-Нащокин для государевых великих дел»¹⁹². Через два месяца Ордин-Нащокин уже следовал в составе посольства Н. И. Одоевского в Смоленск для встречи с польскими комиссарами¹⁹³. Однако уже тогда вопрос об отпуске Нащокина к королю был в принципе решен. В грамоте с Госевским, возвращавшимся на родину, русское правительство информировало короля о своем решении направить к нему полномочным послом для «великих и тайных дел» А. Л. Ордина-Нащокина и требовало, чтобы послу был оказан надлежащий почет «и чтобы безо всякого был отпущен задержанья»¹⁹⁴.

Осложнения в Польше, вызванные восстанием войска, и сопротивление русских бояр задержали отправку Нащокина¹⁹⁵.

Прибывший летом 1662 г. королевский гонец С. Медекша сообщил царю, что в Польше ожидают приезда А. Нащокина и гарантируют ему свободный проезд «и всякую честь как годно великому послу»¹⁹⁶.

¹⁸⁷ ЦГАДА, Разряд 27, д. 128, л. 5.

¹⁸⁸ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 25, л. 116. Госевский был отпущен из Москвы 3 марта, из Смоленска 27 марта, прибыл к королю 27 мая, убит 16 ноября 1662 г. (см. С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 128; ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 25, л. 33; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 122; ЦГАДА, Московский стол, д. 332, лл. 295, 541; «Pamiętnik Poczebota», стр. 63).

¹⁸⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 30, лл. 9, 11; «Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce», t. 5, str. 16; W. Czermak. Sprawa Lubomirskiego w roku 1664. Ateneum, t. 39. Warszawa, 1885, str. 414.

¹⁹⁰ ЦГАДА, Московский стол, д. 322, лл. 236—239.

¹⁹¹ ЦГАДА, Дела польские, 1661 г., д. 5, л. 3; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 71.

¹⁹² «Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской публичной библиотеки, составленное Ф. Бычковым», СПб., 1882, ч. 1, стр. 129; ЦГАДА, Московский стол, д. 342, л. 27.

¹⁹³ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор дипломатических сношений, т. 3, стр. 136.

¹⁹⁴ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 25, л. 35.

¹⁹⁵ 1 августа 1662 г. русские послы, бояре Н. И. Одоевский и И. С. Прозоровский возмущались тем, что окончательный мир с Польшей поручено заключать их «среднему товарищу», и заявили, что условия, о которых «договорится Нащокин, ни они сами, ни другая Москва признавать не будут» (St. Medeksza. Księga pamiętnicza wydanej zaszłych na Litwie. Kraków, 1875, str. 212).

¹⁹⁶ Там же, стр. 194; ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 25, лл. 33, 35, 116.

Но только глубокой осенью 1662 г. было создано специальное совещание, в котором участвовали бояре Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, П. М. Салтыков, А. Стрешнев, Ю. А. Долгоруков, окольничие Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, думный дворянин А. Л. Ордин-Нащокин и думный дяк Л. Лапухин. Они собрались для того, чтобы обсудить «на которых статьях послам, в Польшу будучи, вечный мир становить»¹⁹⁷.

Ближняя дума потребовала от своих послов «совершенно вечного миру всячески искать и на то поляков и литву привести», «чтоб без дела ис Польши не поворотитца»¹⁹⁸. В Москве были убеждены, что сам факт переговоров может в известной мере ослабить вражду между странами, а успешное окончание их сделает объединенные силы государств «страшными нашим общим неприятелям». «В порубежных местах обои рати, — записано в протоколе совещания, — ведая великих государей любительные ссылки, жесточи бы друг против друга не имели»¹⁹⁹.

Но единодушие Ближней думы в определении основной цели посольства не исключало возникновения заметных расхождений в методах достижения соглашения с Польшей. Особенно много споров вызвал вопрос о кандидатуре царя на польский королевский престол.

Как бы то ни казалось странным, но судьба польского королевского престола все еще продолжала интересовать московских политических деятелей. Она занимала умы ближних бояр и на заседании 1 октября 1662 г., где вопрос «к обиранию приступать ли правдою или отговором отбыть», что и вперед того не хотеть и не желать», стоял вторым вопросом повестки дня²⁰⁰.

Ссылаясь на ошибочную информацию Афанасия Нестерова, что в Польше согласны не только на мир, но и на избрание царя, большинство Ближней думы считало, что мириться с Польшей без выбора царя на королевский престол невыгодно. Бояре считали, что в Польше за уступаемые земли потребуют крупную сумму денег и используют большую часть из них для подкупа крымского хана. Уж лучше, рассуждали бояре, после замирения эти деньги, которые поляки потребуют за уступаемые земли, выплатить польскому войску в качестве жалованья²⁰¹.

Присутствовавший на этом совещании А. Л. Ордин-Нащокин высказал несколько иную точку зрения. Соглашаясь с тем, что итогом переговоров с Польшей должно явиться прекращение войны и установление мира, Нащокин считал, однако, что ведущей идеей переговоров должна стать идея «союза и любви» между двумя странами, а не идея борьбы за польский королевский престол²⁰². Он справедливо указывал, что успешное решение этого главного вопроса окажет самое благотворное влияние на положительное решение всех других второстепенных вопросов, к которым он относил и вопрос об избрании.

По всей вероятности, ему принадлежало и то серьезное возражение Думе, что вопрос об избрании встретит решительное сопротивление со стороны Турции, империи, Крыма и Франции, которые не хотят соединения сил славянских стран и всячески будут мешать их примирению²⁰³. Замеча-

¹⁹⁷ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 1.

¹⁹⁸ Там же, лл. 5, 7.

¹⁹⁹ Там же, л. 20.

²⁰⁰ Там же, л. 3.

²⁰¹ Там же, л. 13.

²⁰² Там же, л. 39. В Литве и Польше в то время шла усиленная антирусская пропаганда под тем лозунгом, что царь не желает мира, а «хочет быть королем на коруне Польской и на Великом княжестве Литовском» (ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., л. 30, л. 11).

²⁰³ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 10.

ние это, думается, было глубоко справедливым. Участники совещания не могли не помнить поведения австрийских посредников на виленском съезде, когда там был поставлен вопрос о польском престоле. Австрия опасалась возникновения сильного объединенного славянского государства на своих восточных границах, и император сделал все, чтобы помешать царю стать королем польским²⁰⁴.

При составлении наказа послу эти соображения, кажется, были учтены: в нем нет ни слова о королевской короне. Этот вопрос поднимается лишь в инструкции приказа Тайных дел как информация литовским панам, что если они пожелают иметь своим королем царя, последний гарантирует сохранение прежних прав и вольностей, а управление страной будет передано в руки комиссии из четырех человек, специально для этого избранных панам²⁰⁵.

Согласно наказу Посольского приказа Нащокину поручалось «быть у короля ко утверждению вечного союзу, на мере поставить без отсрочно, а не другово посла объявлять»²⁰⁶. Ему поручалось вести переговоры с польским правительством по всем спорным вопросам и утверждать любые договорные статьи, если они окажутся выгодными для России. И только в исключительных случаях, когда добиться удовлетворительного решения вопросов послу не удалось бы, ему рекомендовалось ссылаться на отсутствие полномочий и откладывать разрешение возникших противоречий до съезда великих послов.

В Москве знали, что основные разногласия возникнут при обсуждении вопроса о границах, а поэтому поручили Нащокину предложить комиссарам, «чтоб границу учинить по Днепр и Двину. У великого государя в стороне быть по Двине, Витебску и Полоцку, а по Днепру от Смоленска вниз по Быхов, а от Быхова до Киева, а от Киева до Запорогов»²⁰⁷. На случай отказа польских феодалов мириться на этих условиях Нащокин имел право уступить далее Двину с городами, «а говорить о старых городах, о Смоленске с товарищи, да Черкас поделить»²⁰⁸.

Но и это не было окончательным решением территориального вопроса. 19 октября 1662 г. Ордин-Нащокин получил из приказа Тайных дел особую инструкцию, дополнявшую наказ Посольского приказа. Инструкцией определялись крайние пределы уступок при заключении мира с Польшей, особенно по вопросу об Украине. Послу вменялось в обязанность, например, упорно добиваться установления границы по Днепру с оставлением Киева за Россией. За это Нащокин мог обещать значительную денежную компенсацию, до 500 тыс. червонных золотых²⁰⁹. Обосновывая справедливость такого решения, Нащокин должен был указать, что уступка Киева Польше неизбежно вызовет смуты на Украине, чем воспользуется крымский хан и, соединившись с казаками, нанесет ущерб интересам и Польши и России²¹⁰.

Однако, если бы польские комиссары не согласились с предложением России о разделе Украины и угрожали объединением сил с татарами, Нащокину поручалось «от своего имени» «говорить с клятвою, что им и другая сторона (Левобережная Украина. — И. Г.) будет отдана на посольстве, как будет съезд у государевых великих послов с королевскими комисса-

²⁰⁴ М. Gawlik. Указ. соч., стр. 35.

²⁰⁵ ЦГАДА, Разряд 27, д. 128, ч. I, лл. 24—25.

²⁰⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 12.

²⁰⁷ Там же, л. 23.

²⁰⁸ Там же, л. 39.

²⁰⁹ Там же, л. 48.

²¹⁰ Там же, л. 56.

рами»²¹¹. Но при этом поляки должны были дать клятву, что они об уступке Украины до съезда великих послов нигде не будут рассказывать, а Нащокин не должен был «письмом о черкасах крепиться»²¹².

Этот последний пункт тайной инструкции весьма примечателен. Он показывал, что в обстановке тяжелых поражений на фронте и резкого обострения классовой борьбы в стране русское правительство готово было пойти на громадные уступки при установлении границ между Польшей и Украиной.

Второй главной проблемой, подробно освещенной в инструкции, была проблема отношений с крымским ханом. Именно тогда правительство Алексея Михайловича, трезво оценив силы и возможности и учитывая все возрастающую опасность со стороны крымского хана и султана, приняло решение добиваться мира с Польшей, уступив ей Правобережную Украину. Русский посол должен был настаивать на разрыве союза Польши с татарами и добиваться согласия Яна Казимира «турка и хана с обеих сторон замиривать».

Посол должен был указать на возросшую к тому времени опасность сближения татар с верхушкой казацкой старшины и что «от их злого союзу обоим государствам как Российскому, также и Коруне польской будет тягость большая»²¹³.

В обеспечение успеха переговоров в инструкции приказа Тайных дел рекомендовалось Нащокину установить связи не только с Госевским, но и с королевской партией в Польше, действуя через французских и прусских агентов²¹⁴.

Имея такую инструкцию и согласие правительства с его точкой зрения на главную цель посольства, Ордин-Нащокин в конце 1662 г. выехал в Польшу²¹⁵. Будучи в Динабурге, он узнал о трагической гибели Госевского, что, разумеется, осложнило, но не остановило посольства. Нащокин обратился к конфедератам с просьбой пропустить его к королю во Львов и получил разрешение на проезд. В марте 1663 г. Нащокин был принят королем во Львове, несмотря на распоряжение последнего задержать посла в Бресте или Гродно до ликвидации рокоша²¹⁶.

Мы не располагаем русскими документами об этих переговорах: в ЦГАДА не сохранилось посольского отчета Ордина-Нащокина. Однако сведения о нем мы встречаем в других документах того и более позднего времени и по этим отрывочным данным можем в общих чертах воссоздать картину хода переговоров.

Важнейшим вопросом, который удалось поставить Ордину-Нащокину перед польским правительством, был вопрос о союзе, об объединении сил против Турции и Швеции — общих врагов славянских народов.

Мысль о тех преимуществах на международной арене, которые откроются для обеих стран в случае их объединения, указывалась Нащоки-

²¹¹ ЦГАДА, Разряд 27, д. 128, ч. I, л. 19.

²¹² ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 56. В тайной инструкции последняя фраза, относящаяся к поведению Нащокина, дописана позже другими чернилами (см. Разряд 27, д. 128, ч. I, л. 20).

²¹³ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 13; Разряд 27, д. 128, ч. I, л. 25.

²¹⁴ Там же, л. 22. К сторонникам королевской (профранцузской) партии принадлежало большинство литовской знати и в том числе К. и М. Пау (K. Waliszewski. Polsko-francuskie stosunki, str. 89; W. Czermak. Sprawa Lubomirskiego. Ateneum, t. 39, str. 412—413).

²¹⁵ Для раздачи подарков при дворе Яна Казимира А. Нащокин повез с собой соболей на 5 тыс. руб. и 15 белых мехов. («Реестр приказных дел старых лет», т. 4, стр. 457).

²¹⁶ E. Raczyński. Historia panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora, t. 2. Poznań, 1840, str. 204.

ным еще на октябрьском совещании бояр. Участники совещания были согласны с тем, что в случае объединения России и Польши «турок без меры будет опасен от своих краев», потому что граничащие с подольской землей Молдавия и Валахия как христианские государства отложатся от Турции, а с Россией и Польшей «вечным случаем утвердятся»²¹⁷. Однако в полной мере проблема союза была развернута русским послом только в Польше во время переговоров во Львове с канцлером Великого княжества Литовского К. Пацем, с П. Бростовским и С. Потоцким²¹⁸.

В беседе с К. Пацем, состоявшейся 1 апреля 1663 г., Ордин-Нащокин подробно развивал план союза и указывал на те многочисленные выгоды, которые получит Польша от сближения с Россией²¹⁹. Формальным завершением этой беседы явилось вручение Ординым-Нащокиным 5(15) апреля условий соглашения, написанных по-польски²²⁰. И в статьях, и во время беседы русский посол указывал, что предварительным условием соглашения России с Польшей должна стать уступка со стороны Польши Смоленска и северских городов, захват которых вызвал гнев русского народа и естественное желание борьбы за их освобождение. «Жалость всегдашняя у Великой России была о поступленных городах, за что и крови многие проливались», — говорил по этому поводу Нащокин²²¹.

Иными могли стать отношения, если бы Польша согласилась уступить России Смоленск и северские города (об Украине Нащокин в данном случае не ведет речи). Тогда войны и раздоры прекратились бы сами собой и можно было бы «учинить союз неразорванного вечного миру»²²². Нащокин подчеркивал при этом, что хотя упомянутые земли фактически находятся в руках Русского государства, за них «для союзу вечного миру» Польше будут уступлены «на вечные часы» другие города, занятые русскими войсками в ходе войны.

Первым реальным врагом, для которого соглашение о союзе явится тяжелым ударом и осложнит его положение, была, по мнению Ордина-Нащокина, Швеция, заключившая совсем недавно невыгодные ни для России, ни для Польши Кардисский и Оливский договоры. Нащокин указывал, что Швеция всегда стремилась поссорить Россию с Польшей, ибо ей выгодна вражда между ними, что она поступала так и при последних переговорах, уступая поочередно Южную Ливонию то России, то Польше. Совершенно иным станет поведение Швеции, утверждал Нащокин, если Россия и Польша объединятся.

Опыт одновременного наступления в 1656—1657 гг. служил яркой иллюстрацией к словам Нащокина, что перед соединенными силами «швед будет страшен и скоро учинит расплату».

Русский дипломат настойчиво убеждал польских государственных деятелей, что, «будучи на Двине, блиско Лифлянт швецкого владенья, обоих тех союзных государств люди страшны покажутца свейскому королевству. И от того учинитца и росправа в своих шкодах скоро»²²³.

Нас не должно удивлять то обстоятельство, что первым общим врагом Польши и России Ордин-Нащокин считал Швецию. В этом сказалась не столько традиция русской дипломатии, рассматривавшей Швецию в конце

²¹⁷ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 10.

²¹⁸ ЦГАДА, Книги польского двора, д. 127, л. 287; Е. Raszyński. Указ. соч., т. 2, стр. 204.

²¹⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 8, л. 1.

²²⁰ Inwentarz Nowickiego I, pl. 2, № 25.

²²¹ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 8, л. 1.

²²² Там же.

²²³ Там же, лл. 2, 3, 5; В. С. Иконников. Указ. соч. — «Русская старина» 1883, № 10, стр. 44.

XVI в. и особенно с середины 50-х годов XVII в. опасным врагом России, сколько продолжавшиеся антирусские происки шведской военщины и дипломатии²²⁴. Для Ордина-Нащокина — активного сторонника совместной борьбы против Швеции, такая постановка вопроса до середины 60-х годов вполне естественна.

Но вместе с тем переговоры дали нечто новое в оценке русской дипломатией внешнеполитических проблем. Как при личной беседе с канцлером, так и в статьях Нащокин уделял большое внимание не только Швеции, но и Турции. Литовскому канцлеру, а через него правящим кругам Речи Посполитой было указано на растущую опасность турецкой агрессии и обоснована живая потребность союза славянских стран для борьбы с ней.

В Москве видели, как возросли за последнее время политические притязания Турции, как опасны ее интриги на Украине и на Балканах. Со дня на день ожидали ее вторжения в Венгрию и войны против Австрии. Ходили слухи о возможном нападении султана на южные районы Польши²²⁵.

Сама жизнь диктовала необходимость совместного выступления России и Польши против враждебных интриг Турции. Русское правительство считало, что военный союз будет выгоден и для России, и для Польши, причем для Польши в той конкретной обстановке он был более необходим, чем для России. Заключение союза, указывал русский посол, избавит Польшу от опасности турецкого вторжения и создаст условия для мирного хозяйственного строительства. «А военные угрозы от турка минутца, — говорил Нащокин Пацу, — и будет в соседстве склонен и войну свою отложит»²²⁶.

Больше того, союз и дружба России с Польшей открывали, по мнению русского дипломата, новую страницу в их взаимоотношениях со странами Балканского полуострова и подрывали в этом районе позиции Османской империи. Имея в виду недавний пример из истории русско-молдавских отношений — договор 1656 г. о присоединении Молдавии к России, ярко демонстрировавший ненависть этих народов к турецкому гнету, Нащокин предполагал даже, что султан, узнав о союзе России с Польшей, «будет уступен тех краев (Молдавии, Валахии и Венгрии. — И. Г.) в своем владенье»²²⁷. И, наконец, по мнению Ордина-Нащокина, Польша, будучи в союзе с Россией, может активно помогать империи в ее борьбе с Турцией. А «за то слава будет во всем свете, что споможение от того союзу учинитца цесорю», который, несомненно, «для опасения турецкой войны захочет... ко обоим тем нашим великим государствам в том же союзе быть, к ближней дружбе и иных государей подвигнет»²²⁸.

Должны измениться, указывал Нащокин, и взаимоотношения с крымским ханом. В Москве знали и не раз указывали польскому правительству, как дорого обходилась Польше «помощь» ей крымского хана в войне с Россией. Из королевской казны крымскому хану приходилось выплачивать значительные суммы денег в виде «подарков», разрешать официально грабить украинский народ, что, разумеется, лишь усиливало недоверие к польскому правительству на Украине. Всего этого не будет, если Польша

²²⁴ Нащокин жаловался царю на распространение за границей клеветнических измышлений о России, собранных и сообщенных в Стокгольм шведским резидентом в Москве. Несколько позже, в январе 1664 г., шведский посол в Польше вел переговоры о союзе «против общего восточного врага» (W. Czermak, Sprawa Lubomirskiego. At. t. 39, str. 69; С. М. Соловьев, Указ. соч., кн. 3, стб. 161; ЦГАДА, Дела польские, 1668 г., д. 12, лл. 42—45).

²²⁵ АМГ, т. 3, стр. 396.

²²⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 8, л. 3.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же, л. 6.

согласится на союз с Россией. «Коруне Польской, будучи в союзе с Великой Россией, от хана будет свободно... Услышит хан союз меж теми обоими государствами — отставит свои великие запросы, а рад будет без школы дружбу держать. И отдален будет великим страхом от тех обоих государств для их союзу»²²⁹.

Выгоден был для Польши союз с Россией еще и потому, что этим союзом она обеспечила бы свои границы с Бранденбургом. В России видели, как росло, увеличивая свою агрессивность, опасное для славянских стран прусское государство, и стремились предотвратить его возвышение объединением сил с Польшей. Именно поэтому Нащокин убеждал Паца, что «Коруне Польской, будучи в союзе с Великой Россией, надежно будет дружба почитать курфюрста Бранденбургского... и что ныне от короны польской курфюрст домогаетца Энбленга и то может дружбою обойтиса, не допустив до какова лиха и до противности»²³⁰.

Но не только внешнеполитические выгоды сулило Польше ее сближение с Россией. Значительными могли быть и внутригосударственные выгоды. Для русского правительства не оставалась тайной напряженная внутренняя борьба, охватившая различные группы польской знати. Рокош 1662 г. прокатился по всей Речи Посполитой и сковал действия королевских войск на фронте. Королевская казна не справилась с выплатой жалованья войскам, и последние отказывались воевать. В связи с этим русский посол в обмен на заключение союза предложил от имени правительства крупный заем Польше, получив который она смогла бы «успокоить войска и всяких жилаецких людей добрым и крепким вечным успокоением»²³¹.

В заключение беседы Ордин-Нащокин вновь подчеркнул громадное значение для жизненных интересов народов России и Польши объединения их усилий на международной арене. «Народы этих стран, — говорил Нащокин, — будут воздавать хвалу богу и прославлять великих монархов за их христианское случение к помощи друг другу»²³².

Через 5 дней, 20 апреля 1663 г., Нащокину был вручен ответ польского правительства на его предложение о союзе. Несмотря на очевидную умеренность и выгодность предложений Нащокина, ответ польского правительства был отрицательным.

Польские паны настаивали на восстановлении границ по Поляновскому договору и требовали денежной компенсации в несколько миллионов рублей за причиненные войной «убытки». До тех пор «не утешимся, пока собственного нашего не возвратите нам, что в эту несправедливую войну было забрано, и не вознаградите за убытки», — заявили польские комиссары Нащокину²³³.

Некоторые из них во время переговоров допустили грубые выпады против России. Так, например, С. Чарнецкий, придравшись к титулу царя, употребленному в грамоте, хвастливо заявил Нащокину, указывая на саблю, что «этим пером я глупый стиль ваш исправлю и кровью титулы короля нашего напечатаю»²³⁴.

Польские магнаты пугали русское правительство восстановлением своих претензий на русский престол, от которых отказались по Поляновскому договору, и грозились продолжать войну за Смоленск и Северские земли.

²²⁹ Там же, л. 4.

²³⁰ Там же, л. 4.

²³¹ Там же, л. 5.

²³² Там же, л. 6.

²³³ Inwentarz Nowickiego I, pl. 2, № 26, str. 3.

²³⁴ A. Dąrowski. Szkice historyczne. Ser. II, str. 376.

Отказалась Речь Посполитая и от совместной борьбы против общих врагов. Дипломаты короля считали, что объединение сил принесет выгоду только России: защитит ее границы от татар и укрепит ее внутреннее положение, расшатанное восстаниями и изменой. Они клеветали на русское правительство, упрекая его в отказе от совместных действий против татар, предложенных посольством А. Киселя в 1646 г.²³⁵

Было отброшено серьезное предупреждение русского правительства о растущей опасности турецко-татарской агрессии. Польские государственные деятели, проявляя удивительную политическую близорукость, упорно твердили, что их не надо пугать турками и татарами, с которыми у Польши есть договоры о дружбе и союзе, что Россия сама должна бояться татар — «вечных вашего государства неприятелей»²³⁶.

Наконец, польское правительство стало угрожать соединением сил со всеми соседними государствами для удара против России, если последняя откажется возвратить Речи Посполитой все захваченные в войну земли и восстановить границу по Поляновскому договору²³⁷.

Нам неизвестны перипетии дальнейших переговоров, но кажется, что старания Ордина-Нащокина не принесли заметных результатов. Если судить по известиям более поздним, русскому послу удалось добиться признания некоторых изменений в титуле царя²³⁸, обещания короля выслать великих послов для переговоров о мире²³⁹ и в какой-то мере наметить решение вопроса о границах на Украине по Днепру²⁴⁰.

Польша готовилась к новой войне с Россией, и это не могло не сказаться на ходе дипломатических переговоров. При дворе Яна Казимира безраздельно господствовала враждебная России магнатско-шляхетская группа, только что расправившаяся с Госевским и его сторонниками. С такими впечатлениями выехал 11 мая 1663 г. А. Л. Ордин-Нащокин из Львова на родину²⁴¹.

К середине 1663 г. окончательно определилась неудача посольства и Н. И. Одоевского. Весной этого года русские послы согласились было с предложением К. Статкевича и П. Сапеги прекратить боевые действия и выразили готовность встретиться с польскими комиссарами. Однако встреча послов не состоялась, а мир был нарушен походом К. Статкевича под г. Старый Быхов²⁴².

Когда в июне А. Л. Ордин-Нащокин проезжал через Литву, литовские гетманы вновь затеяли переговоры. Они предложили не посылать войск на города, занятые Польшей, и начать немедленно размен пленными²⁴³.

По распоряжению царя обмен пленными должен был вести генерал Друммонд, которому также поручалось «договариватца и перемирие ставить, чтоб то доброначатое дело до съезду великих комиссаров бес кровопролития велось»²⁴⁴. О ходе переговоров Друммонд должен был сообщать

²³⁵ Inwentarz Nowickiego I, pl. 2, № 26, str. 2.

²³⁶ Там же, стр. 4.

²³⁷ Там же, стр. 5.

²³⁸ ЦГАДА, Книги польского двора, д. 129, л. 287.

²³⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 92.

²⁴⁰ В 1664 г., критикуя Нащокина за высказанную им, хотя и неопределенно, возможность уступить Украину Польше, царь писал, что «твоим усердством и верною службою во Львове, будучи в обветах, о здешней черкасской стороне (ты) отговорил» (ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 11, л. 47; см. также С. М. Соловьев, Указ. соч., кн. 3, стб. 162).

²⁴¹ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 27, л. 92.

²⁴² ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, лл. 2, 60.

²⁴³ Там же, л. 5.

²⁴⁴ Там же, л. 8; «Дневник П. Гордона», стр. 40.

в Смоленск, где стояло посольство Н. И. Одоевского и находились пленные поляки²⁴⁵.

Выехав в пограничную деревню, генерал Друммонд обратился с письмом к К. Статкевичу, в котором предложил прекратить бои, заключить перемирие и разменять пленных. Но ответа на это предложение не последовало.

В начале августа того же года генерал сообщил в Москву, что литовские гетманы вместо переговоров штурмовали Быхов, а теперь концентрируют войска в Белоруссии и готовят новое нападение на русские земли.

В конце месяца Друммонд еще раз пытался заставить Статкевича вступить с ним в переговоры, предупреждая, что «если польские войска не уйдут из-под Быхова, русские перейдут в наступление»²⁴⁶. Но и это предупреждение не подействовало.

Подчиняясь общему плану польского командования, литовская армия готовила вторжение в смоленские, великолукские и псковские земли. 7 сентября 1663 г. переговоры о размене пленных были прекращены, а генерал Друммонд получил распоряжение защищать Смоленский уезд от вторжения неприятельских отрядов²⁴⁷.

Так закончилась очередная, после 1660 г., попытка русской дипломатии прекратить войну с Польшей и направить усилия обеих стран на защиту их национальных интересов от растущей угрозы со стороны враждебных соседей. Польские феодалы не пожелали тогда мира. Они надеялись победить Россию и продиктовать ей пункты договора, точно воспроизводящие условия Поляновского соглашения.

Естественно, что при такой обстановке посольство Нащокина не могло закончиться успешно и принести видимые, позитивные результаты. Единственным реальным достижением его миссии следует считать то, что ею были вскрыты до конца территориальные и политические притязания сторон, четко обрисована опасная перспектива их вооруженного соперничества, определены размеры и формы возможных уступок, поставлена и глубоко обоснована идея русско-польского союза. В этом смысле переговоры 1663 г. явились крупным этапом в дипломатической подготовке Андрусовского соглашения.

ПРОВАЛ ПОХОДА ЯНА КАЗИМИРА НА УКРАИНУ И УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

В тот самый момент, когда А. Л. Ордин-Нащокин предлагал во Львове мир и союз «неразорванный», а посольство Н. И. Одоевского продолжало ждать в Смоленске польских комиссаров, господствующие круги Польши готовили силы для нового похода на Украину.

Этого похода требовали в первую очередь польские паны, которые убедились, что реализовать условия Слободищенского договора и восстановить свою власть на землях Правобережья без поддержки королевской армии они не смогут, как не смогут разбить русскую армию и покорить Украину силами изменников-старшин, поддержанных небольшими отрядами гетманов и ордами татар. Трудящиеся массы Украины, разоблачив предательство магнатско-шляхетских ставленников, легко сбрасывали их

²⁴⁵ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, лл. 34, 44.

²⁴⁶ Там же, л. 78.

²⁴⁷ «Дневник П. Гордона», стр. 40—41.

с исторической арены. А приглашение татар не только озлобляло народ против панов, но и грозило опасностью поглощения Украины турецко-татарскими агрессорами²⁴⁸.

Похода польской армии на Украину, кроме магнатов, требовали гетман П. Тетеря, опасавшийся очередного восстания народа, католическое духовенство Польши, подстрекаемое папой римским, французская дипломатия, мечтавшая этим путем укрепить свои позиции в Польше²⁴⁹.

Были и частные расчеты, связанные с походом против России и Украины. Влиятельная группа феодалов Речи Посполитой, близкая к королеве, строила план государственного переворота на предполагаемых успехах этого похода. Имелось в виду, что польские войска победоносно пройдут Украину, захватят Москву и продиктуют там свою волю России. Во главе сильной армии, увенчанной лаврами победителя, Ян Казимир возвратится в Польшу и установит неограниченную королевскую власть. После этого королева надеялась избрать французского принца на польский престол и сделать его одновременно царем московским²⁵⁰.

Таким образом, и внутренние и международные силы побуждали польское правительство готовить новый поход на Украину, во главе с самим королем Речи Посполитой. Но организовать поход было нелегко: агрессивные планы панов находились в вопиющем противоречии с внутренним положением страны.

Длительные войны и антinationальная торговая политика магнатов и шляхты разорили казну, подорвали промышленное и даже сельскохозяйственное производство. Войска, не получая жалованья, бунтовали. Нужно было ликвидировать рокош в армии и вовлечь в поход все силы польских феодалов. Нужно было изыскать средства для найма армии, для организации своевременного снабжения ее оружием, боеприпасами, провиантом и фуражом.

Почти год потребовалось правительству Яна Казимира, чтобы в какой-то мере разрешить эти проблемы. Летом 1663 г. удалось договориться с конфедератами о прекращении распри. Рокошане согласились стать под знамена короля после уплаты им 3,5 млн. злотых²⁵¹. Для мобилизации средств польский сейм 1662 г. принял закон о подушной подати, падавшей всей своей тяжестью на плечи трудящихся масс, и распорядился начеканить монеты пониженного качества²⁵². Кроме того, королевское правитель-

²⁴⁸ «Prawa, konstytucje y przywileje Krolestwa Polskiego y Wielkiego Xięstwa Litewskiego...», t. 4, Warszawa, 1784, str. 831, 832, 855; «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 255.

²⁴⁹ Накануне вторжения короля П. Тетеря с большим трудом подавил восстание Поволоцкого полка («Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 171—176, 360, 361). W. Czermak. Sprawa Lubomirskiego w roku 1664. Ateneum, t. 39, str. 394; T. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego, t. 1, str. 198; Н. И. Костомаров. Соч., т. 15, стр. 8—9; М. Марченко. Боротьба Росії і Польщі за Україну (1654—1664 рр.). Київ, 1941, стр. 88—89. Нельзя, однако, согласиться с мнением Н. И. Костомарова и М. Марченко о ведущей роли П. Тетери в подготовке нападения. По Костомарову и Марченко получается, что Тетеря, используя интриги и обещания, убедил короля начать поход против Левобережной Украины. Кроме того, М. Марченко повторяет домыслы польской националистической историографии, считает, что поход короля был ускорен угрозой нападения русской армии на Правобережье Украины (см. М. Марченко. Указ. соч., стр. 89—90).

²⁵⁰ W. Czermak. Sprawa Lubomirskiego. At. t. 39 str. 394, 399—400; K. Waliszewski. Polsko-francuskie stosunki, str. 115; T. Korzon. Указ. соч., т. I, стр. 213—214.

²⁵¹ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, л. 87; Новгородский стол, д. 178, л. 7; «Prawa, konstytucje y przywileje...», т. 4, стр. 833—834, 842.

²⁵² Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М., 1953, стр. 267, 269; «Prawa, konstytucje y przywileje...», т. 4, стр. 852—853.

ство пошло на новый заем крупных сумм у купцов Гданьска, Эльблонга, Дисны и других городов Речи Посполитой, у католических прелатов²⁵³.

Удалось договориться и с ханом. Осенью 1663 г. польское правительство получило согласие хана на совместный поход против России за выплату дани и представленную возможность грабить украинские земли²⁵⁴. «Король, — сообщал осенью 1663 г. в Москву Г. Ромодановский, — хочет их (города Левобережья. — И. Г.) выгубить доостатку и отдать татарам»²⁵⁵.

Однако попытка польского правительства получить поддержку империи не увенчалась успехом. Император, скованный войной с султаном, не советовал королю нападать на Россию и настаивал на совместной борьбе с Турцией²⁵⁶.

Завоевательные устремления польско-литовских магнатов подогревались сведениями о внутренних затруднениях в России. Польские агенты, как и агенты других стран, не скупились на мрачные краски, описывая финансовое разорение России, массовые народные восстания в Москве и в Башкирии, разногласия в правительстве царя Алексея Михайловича²⁵⁷. В Польше серьезно думали, что не встретят на Украине сопротивления русской армии и что украинский народ будет без боя сдавать города королю. «Идет король на сию сторону Днепра в надею здешней стороны черкас, что будто все ему города хотят здатца. А твоих де великого государя войск и до Москвы себе на встречу не чают, и надеются во всем на татар», — писал царю воевода Г. Ромодановский в ноябре 1663 г.²⁵⁸

15 августа 1663 г. 50-тысячная армия Яна Казимира в сопровождении сенаторов, епископов и архиепископа вышла из Сокольников (под Львовом) и направилась тремя колонами через Дубно, Тарнополь, Бар к Белой Церкви²⁵⁹. По дороге, у Шаргорода, к ней присоединилось около 40 тыс. татарской конницы под командованием сыновей хана, а также несколько казацких полков²⁶⁰.

С первых же дней похода польское командование встретилося с рядом затруднений. Задержка жалования вызвала восстание пехоты в отряде С. Чарнецкого, которое с трудом удалось подавить²⁶¹. Кроме того, короля беспокоило отсутствие в армии Ю. Любомирского, отказавшегося от похода из-за плохого состояния здоровья, хотя часть его полка вошла в состав действующей армии²⁶².

Только 8 октября коронная армия подошла к Белой Церкви. Здесь на военном совете был выработан детальный стратегический план войны, согласно которому польская армия должна была нанести главный удар на Украине. После завоевания Левобережной Украины и утверждения здесь гетманом П. Тетери этой армии вместе с казаками и татарами предстояло через Брянск и Калугу наступать на Москву²⁶³.

²⁵³ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 30, лл. 5, 7; А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 231.

²⁵⁴ АЮЗР, т. 5, стр. 138.

²⁵⁵ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, л. 1.

²⁵⁶ АЮЗР, т. 5, стр. 226, 266.

²⁵⁷ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 195, 196, 200—203.

²⁵⁸ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 13, л. 106; Новгородский стол, д. 178, л. 39.

²⁵⁹ «Памятники...», т. 4, стр. 170.

²⁶⁰ Т. Когзоп. Указ. соч., т. 1, стр. 197.

²⁶¹ Там же, стр. 194.

²⁶² W. Czermak, Listy Jana Kazimierza do Maryi Ludwiki. — «Kwartalnik historyczny», Rocznik V, Lwów, 1891, str. 19.

²⁶³ W. Czermak, Sprawa Lubomirskiego, Ateneum, t. 39, str. 394; A. Darowski. Szkice historyczne. Ser. II, str. 379, 383; ЦГАДА, Новгородский стол, д. 178, л. 39.

Литовская армия под командованием П. Сапеги и М. Паца из района Орши и Могилева должна была нанести вспомогательный удар. Литовским гетманам поручалось разгромить русские гарнизоны в Южной Литвии, в Белоруссии и, захватив Смоленск, Рославль, развить наступление на юго-восток в сторону Брянска, где соединиться с королевской армией²⁶⁴ (см. карту).

На этот раз польское командование не считало нужным скрывать свои военные приготовления; сведения о готовящемся нападении на Россию задолго до его начала стали доходить до Москвы. Еще Нащокин, возвращаясь в Москву 9 июля, сообщил царю, что «в Польше идут большие приготовления к вторжению в Россию»²⁶⁵.

Примерно через месяц, 11 августа того же года, генерал Друммонд из-под Смоленска писал в Москву, что королевская армия выступила из Львова и направилась на Украину, а литовской приказано ударить на Смоленск и Великие Луки²⁶⁶.

4 сентября в Москве было получено письмо Г. Ромодановского, в котором воевода передавал рассказ сумского купца Романа Анисимова о подготовке короля к походу на Киев, о сборах П. Тетери и крымских татар на войну с Россией²⁶⁷.

Получив сведения о походе короля, правительство Алексея Михайловича развернуло всемерную подготовку к его отражению. По распоряжению царя увеличилось производство оружия на металлургических предприятиях Тульско-Каширского района и спешно заканчивалось строительство нового гранатного двора в Москве, продукция которого шла на вооружение русской армии²⁶⁸.

Для усиления действующей армии на западных границах и на Украине была объявлена спешная мобилизация московских служилых людей. Воеводе Я. К. Черкасскому было приказано немедленно стать со своей армией в Калуге, а другим воеводам — в пограничных с Украиной городах²⁶⁹. В конце года значительные силы русских войск были переброшены на Украину. В декабре 1663 г. Путивль был занят отрядами воеводы П. В. Шереметева, а Новгород-Северский — войсками И. Перхудова. Для укрепления гарнизона Глухова туда был командирован находившийся в Москве полковник В. Дворецкий. Ему в помощь выделялся сильный отряд русского войска²⁷⁰.

²⁶⁴ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, л. 103; Новгородский стол, д. 178, лл. 21, 22, 31—32. М. Марченко ошибочно считает, что литовские войска должны были «просуветися вперед через Смоленськ до Москви» (см. М. Марченко. Указ. соч., стр. 93).

²⁶⁵ «Дневник П. Гордона», стр. 39.

²⁶⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, лл. 77, 96, 103.

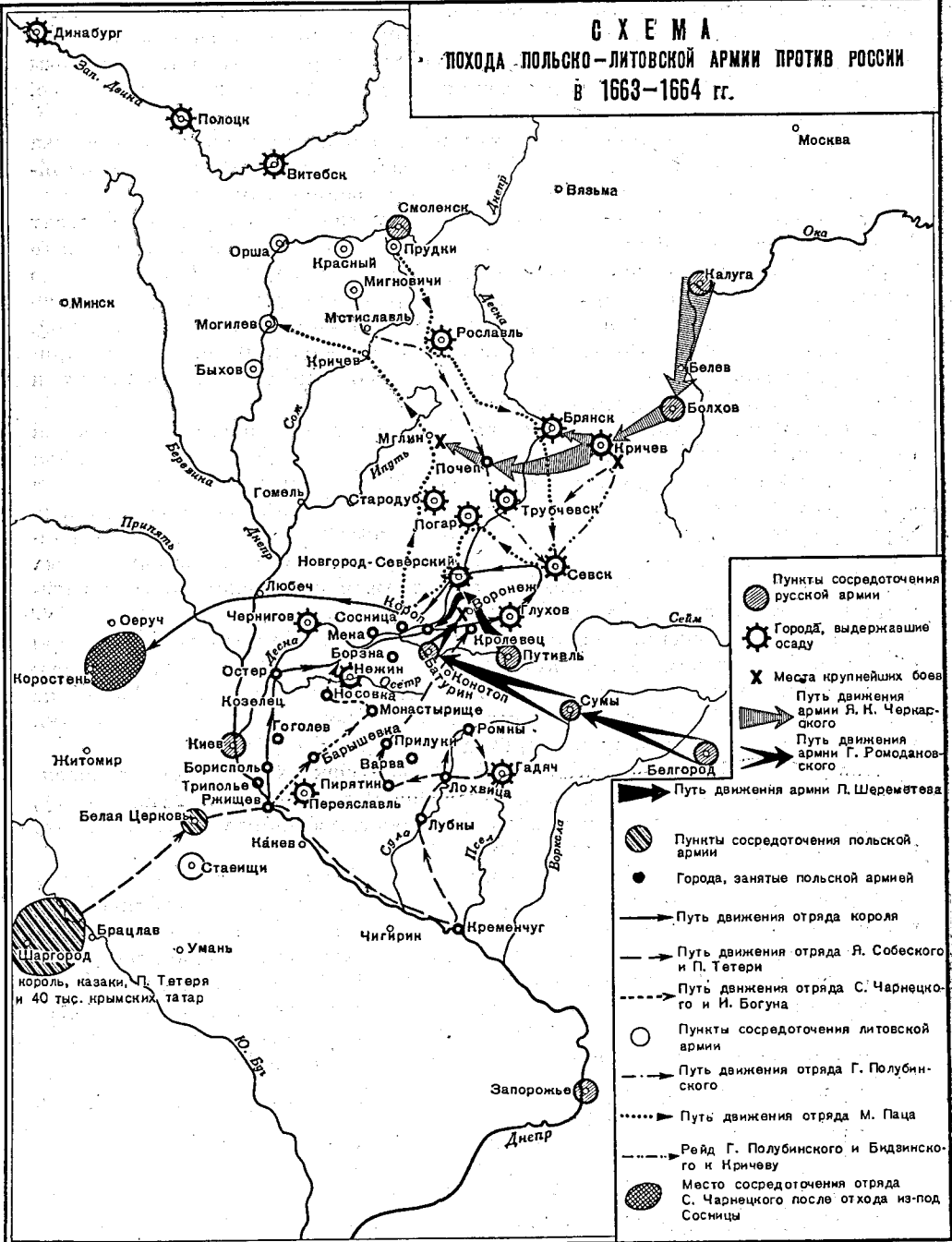
²⁶⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, д. 527, лл. 84—88.

²⁶⁸ «Крепостная мануфактура в России», т. 1, 1930, стр. 103—105; И. Гурлянд. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902, стр. 189.

²⁶⁹ «Симбирский сборник», т. 1. М., 1845. Род Кикиных, стр. 71; ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 9, л. 467; РИБ, т. X, СПб., 1886, стр. 540—541. На первых порах русское правительство ошибочно считало, что главный удар будет нанесен под Смоленском, и сюда намеревалось направить армию Я. К. Черкасского (см. А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 238). Такая неосведомленность правительства объяснялась тем, что оно судило о действиях противника по сведениям пограничных воевод и гетмана И. Брюховецкого, которые, как показали события, не всегда правильно информировали царя (ЦГАДА, Московский стол, д. 349, л. 2, д. 351, л. 17; Книги разрядные, т. 2, стб. 946).

²⁷⁰ «Дневник П. Гордона», стр. 43; В. Эйнгорн. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. — «Чтения...», 1893, кн. 2, стр. 259.

С Х Е М А
ПОХОДА ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ АРМИИ ПРОТИВ РОССИИ
В 1663-1664 гг.

Зная об упорных происках польских агентов среди украинской старшины и склонности части украинской знати к сближению с Польшей, русское правительство летом 1663 г. поддержало на «черной» раде в Нежине избрание гетманом И. Брюховецкого, которого считали надежным сторонником Москвы. Его противники, подозреваемые в измене царю, были арестованы и казнены²⁷¹.

Тогда же в Запорожье был послан сильный отряд русского войска под командованием Г. Косагова. Ему поручалось «над крымскими и ногайскими улусы промышлять собча с войском запорожским»²⁷².

Энергично действовала и русская дипломатия. Ее специальный агент К. Пущин в ноябре 1663 г. спешно выехал на Украину, чтобы предложить королю прекратить поход и начать переговоры о мире²⁷³. Одновременно с этим для борьбы с татарами русскому правительству удалось привлечь силы калмыков, жестоко враждовавших с крымским ханом из-за пастбищ. 2 декабря 1663 г. Г. Ромадановский получил распоряжение царя призывать калмыков «на государеву службу, чтоб они шли на польских и литовских людей и на крымских татар»²⁷⁴.

Наступление польской армии на Левобережье началось глубокой осенью 1663 г. Отряды Яна Казимира подошли к Днепру и 2 ноября 1663 г., рассеяв разведывательные части И. Брюховецкого, форсировали его в районе Ржищева. Чуть выше у Стоек и Триполья переправились через Днепр татары²⁷⁵. Для обеспечения своего правого фланга и разгрома русских гарнизонов на юге вниз по Днепру к Запорожью был направлен отряд Я. Собеского, который должен был действовать с казаками П. Тетери и крымскими татарами²⁷⁶.

Накануне вторжения польский король и его ставленник П. Тетеря обратились к казакам Запорожья, ко всему украинскому народу с воззванием, предлагающим вновь принять подданство короля²⁷⁷. Польские агенты обещали И. Серко-кошевому атаману Запорожья крупные взятки и даже гетманскую булаву за переход на сторону короля²⁷⁸.

Большую надежду возлагали пань на верхушку украинского духовенства. Король специально выдал привилей на митрополию И. Тукальскому, которого старшина и духовные чины Правобережья избрали митрополитом вместо московского ставленника Мефодия²⁷⁹.

Но обмануть народ не удалось ни королю, ни его клеветам. Украинский народ видел, что несли ему польские пань, с какой настойчивостью, вступив на земли Левобережья, они пытались восстановить свои «родовые» владения и, опираясь на силу оружия, заставить украинских крестьян выполнять феодальные повинности²⁸⁰. Не было тайной для народа и поведение польского командования, которое, заботясь о продовольственном снабжении своей армии, обложило население Украины тяжелым налогом и высылало для его сбора специальные отряды войска²⁸¹.

²⁷¹ АЮЗР, т. 5, стр. 134, 173; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 115.

²⁷² АЮЗР, т. 5, стр. 135, 171.

²⁷³ ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 12, л. 1; 1664 г., д. 9, л. 1.

²⁷⁴ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 178, л. 96.

²⁷⁵ «Книги разрядные», т. 2, стб. 974.

²⁷⁶ Там же, стб. 976.

²⁷⁷ АЮЗР, т. 5, стр. 143, 145; АМГ, т. 3, стр. 546.

²⁷⁸ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 5, л. 6; Белгородский стол, д. 539, лл. 155, 247.

²⁷⁹ В. Эйнгорн. О сношениях малороссийского духовенства. — «Чтения...», 1893, кн. 2, стр. 257.

²⁸⁰ «Zbiór pamiętników do dziejów Polskich», т. 4, Warszawa, 1859, str. 142, 157, 158; Т. Когзон. Указ. соч., т. 1, стр. 197.

²⁸¹ «Zbiór pamiętników...», т. 4, str. 153.

Пожары и разрушения, насилия и грабежи, которыми отмечала свой путь по Украине шляхетская армия, вызвали гнев украинского народа и подняли его на борьбу с интервентами.

Почти каждый город Левобережья приходилось брать штурмом, так как жители, поддержанные русскими войсками, героически сопротивлялись. Польские войска несли огромные потери. Упорно оборонялся Остер. Здесь небольшой гарнизон русских войск отбил атаки поляков, а затем, прорвав окружение, оторвался от преследовавших его польских частей. Героически оборонялись жители Монастырища, Борзны и Салтыковой-Девуцы. Только огромный численный перевес позволил полякам захватить Салтыкову-Девуцу, хотя в боях за нее поляки потеряли двух полковников, четырех подполковников, майора, много капитанов и несколько сот солдат²⁸².

Становилось очевидным, что расчеты польского командования на добровольный переход Украины под власть короля не оправдались. Преодолевая жестокое сопротивление, оставляя под стенами городов массы убитых, польская армия с огромными усилиями продвигалась в глубь Украины. К 11 января 1664 г. она подошла к Кролевицу и остановилась здесь, ожидая П. Тетерею. Но через 2 дня король, узнав о концентрации русских войск в пограничных городах, перебросил свои войска к Глухову и осадил город²⁸³. Таким образом, после двухмесячных наступательных операций польская армия, при поддержке казаков и татар, все же захватила большую часть Левобережья. Россия удерживала Киев, Нежин, Переяслав, Чернигов, Гадяч, героически обороняемые русскими гарнизонами, а также несколько мелких городов восточной Украины. Польская армия стояла на границах России, угрожая ее центральным районам.

Положение России осложнялось тем, что почти одновременно с наступлением польских войск на Украине развернулись активные бои в Белоруссии и на Смоленщине. Здесь войска М. Паца и Г. Полубинского разорили десятки сел и деревень, захватили города Красный, Быхов и стали лагерем в Прудках и Мигновичах, угрожая Смоленску и Дорогобужу. Их отдельные отряды нападали на Витебск, Полоцк, а в ноябре осадили «накрепко» Великие Луки²⁸⁴.

Обстановка для России еще более усложнилась колебанием Запорожья, возникшим в конце 1663 г. Часть казаков поддалась агитации П. Тетери и выступила против гарнизона русских войск. Для Г. Косагова сложилась критическая ситуация; сам воевода не надеялся выбраться оттуда живым. В своем письме-завещании, написанном отцу в ноябре 1663 г., Косагов сообщал, что «если города Черкасские сдадутца, так и Запорожье сдастся королю, и мне с Серком тут мат»²⁸⁵.

Сведения о тяжелом положении русских войск и успехах Польши поступали в Москву непрерывно. Правительство Алексея Михайловича вынуждено было зимой 1663/64 г. принять ряд дополнительных мер, чтобы ликвидировать успехи польской армии, а затем разгромить ее.

Стратегический план русского командования заключался в том, чтобы ослабить врага отходом с изнуряющими его боями к русским границам,

²⁸² «Zbiór pamiętników...», т. 4, стр. 136, 149; Н. Костомаров. Указ. соч., т. 15, стр. 17; АЮЗР, т. 5, стр. 205; «Летопись Самовидца». — «Чтения...», 1846, кн. 1, ч. 2, стр. 42—43.

²⁸³ А. Барсуков ошибочно утверждает, что король, соединившись с Тетерей, напал на Путивль и только после неудачи под Путивлем «в последних числах января устремился к Глухову» (А. Барсуков. См. Указ. соч., кн. 6, стр. 251).

²⁸⁴ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 178, лл. 21—22, 53, 74; Дела польские, 1663 г., д. 9, лл. 129, 208, 210; «Pamiętnik Poczebuta», str. 69, 71; «Pamiętniki historyczne w dziennikach domowych Obuchowiczów», Wilno, 1859, str. 108.

²⁸⁵ АЮЗР, т. 5, стр. 146.

остановить здесь поляков и, собрав превосходящие силы, уничтожить их. С этой целью еще 13 октября 1663 г. белгородский воевода Г. Ромодановский отправил в помощь гетману И. Брюховецкому, стоявшему тогда в Гадяче, отряд П. Д. Скуратова для совместных действий против П. Тетери. А Г. Ромодановский получил приказ немедленно собрать войска и, соединившись с Брюховецким, атаковать армию польского короля, подходившую к Глухову²⁸⁶.

В конце 1663 г. к Брянску направлялась 40-тысячная армия Я. К. Черкасского, которому было приказано предотвратить прорыв армии К. Паца и Полубинского в глубь России и, соединив свои силы с войсками Шереметева и Ромодановского, комбинированным ударом разгромить армию короля.

Было признано необходимым мобилизовать все вооруженные силы страны. 11 февраля в Москве был объявлен указ о царском походе на короля «за плен и за расхищение православных христиан». Тогда же было отдано распоряжение воеводе Ю. Долгорукому выступить немедленно в Калугу²⁸⁷. Были выделены дополнительные силы Г. Косагову и отправлены хлебные запасы в Запорожье, чтобы удержать казаков за собой и заставить их служить царю «верно и непоколебимо»²⁸⁸.

Героическая борьба русской армии и украинского народа и энергичные мероприятия русского правительства задержали, а затем и полностью остановили продвижение Яна Казимира. Осада Глухова затягивалась, а подкрепления, несмотря на настойчивые требования короля, не подходили²⁸⁹. В декабре 1663 г. атаман Серко и воевода Г. Косагов напали на Перекоп, разгромили отряды перекопского мурзы и так напугали хана, что он категорически отказался выходить из Крыма. «А хан... к королю на помощь не пойдет и орды... вновь не пошлет, боитца калмык и из Запорог войска», — сообщал в Москву Г. Косагов²⁹⁰.

Не получил король помощи и от гетмана П. Тетери. Его войска сперва были задержаны на подходе к Глухову сопротивлением украинского народа и активными действиями отрядов И. Брюховецкого и П. Скуратова, а затем по приказу короля ушли за Днепр для подавления начавшегося там восстания Сулимы. К королю пришел лишь двухтысячный отряд полковника Г. Гуляницкого²⁹¹.

Убедившись в невозможности взять Глухов сходу, Ян Казимир приказал С. Чарнецкому штурмовать город. Король особенно спешил овладеть Глуховом — хорошо укрепленным опорным пунктом России на южных границах²⁹². Отсюда он намеревался двинуться на север, чтобы соединиться с подходившей к Брянску литовской армией и разгромить русские войска по частям.

Однако осада Глухова шла неудачно. Гарнизон под командованием В. Дворецкого и генерального судьи Животовского, усиленный отрядом

²⁸⁶ Там же, стр. 188; ЦГАДА, Белгородский стол, д. 527, лл. 139, 143, 152, 163, 190 и далее.

²⁸⁷ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 178, л. 210.

²⁸⁸ АЮЗР, т. 5, стр. 147. Косагов сообщал в Москву, что хан готовился напасть на Украину в середине декабря 1663 г. Там же, стр. 148, 149.

²⁸⁹ Как передавали русские разведчики, король настаивал, чтобы хан «шол к нему со всею остаточною ордою, что есть в Крыму» (АЮЗР, т. 5, стр. 148).

²⁹⁰ Там же, стр. 150.

²⁹¹ «Zbiór pamiętników...», t. 4, str. 142, 145.

²⁹² А. Н. Мальцев неправ, считая Глухов «слабо укрепленной крепостью» (см. «Очерки истории СССР XVII в.», стр. 516). В действительности город был окружен двумя рядами стен и двумя рвами, имел много пушек, оружия, боеприпасов и снаряжения. Защищал крепость сильный гарнизон (см. А. Грамон. Из истории Московского похода Яна Казимира. Юрьев, 1924, стр. 17, 18; Н. И. Костомаров. Соч., т. 15, стр. 19).

русских войск, успешно отбил два штурма польской армии (19 и 30 января) и нанес ей громадные потери²⁹³. После провала второго штурма часть коронного войска была послана под Севск, чтобы захватить город и содействовать продвижению на юг литовской армии. Тогда же, рассорившись с королем, ушли в набег на южные уезды России татары²⁹⁴. Оказались ненадежными и казаки. Полки, возглавляемые И. Богуном, еще 30 января отказались участвовать в штурме и больше склонялись к Москве, чем к Польше²⁹⁵.

К концу января 1664 г. положение интервентов резко ухудшилось. Польская армия осталась без продовольствия и обмундирования при зимней стуже, окруженная сильной русской армией и истребляемая народом, развернувшим непримиримую борьбу с врагами²⁹⁶.

Узнав о неудачах коронных войск под Севском и тяжелых потерях литовской армии в сражениях с воеводами Ю. И. Баратинским, Я. Волинским и брянскими партизанами, Ян Казимир 1 февраля снял осаду Глухова и поспешил на север, намереваясь «притти под Севск безвестно и над городом учинить промысл»²⁹⁷. Король все еще надеялся нанести под Севском поражение основной группировке русской армии и поставить царя перед необходимостью заключить мир на выгодных для Польши условиях²⁹⁸.

²⁹³ А. Грамон определяет потери в 8 тыс. человек (см: А. Грамон. Указ. соч., стр. 18). Другой очевидец этих событий, польский офицер Сеньковский, называет цифру 5 тыс. (см. АЮЗР, т. 5, стр. 205).

²⁹⁴ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, л. 229.

²⁹⁵ «Zbiór pamiętników...», t. 4, str. 142, 149.

²⁹⁶ АЮЗР, т. 5, стр. 205.

²⁹⁷ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, л. 221, 227; «Zbiór pamiętników...», t. 4, str. 139, 142, 145; W. Czermak. Listy Jana Kazimierza. — «Kwartalnik historyczny», 1891, str. 21, 22.

²⁹⁸ С. Величко и следующие за ним А. Барсуков, Н. Павлищев утверждают, что король был разбит под Глуховом 30 января войсками И. Брюховецкого, который якобы не дождался русской помощи и отважился на самостоятельное выступление. Разгромленные поляки, утверждают эти авторы, бежали к Новгороду-Северскому (см. «Летопись Самоила Величко», т. 2, стр. 83; А. Барсуков. Указ. соч., кн. 6, стр. 254; Н. И. Павлищев. Указ. соч., т. 2, стр. 315).

Другие историки, следуя за Самовидцем (Ригельман, Д. Бантыш-Каменский и др.), полагают, что поляки отошли после неудачных штурмов Глухова к Новгороду-Северскому, испугавшись подхода русских воевод и, в частности, Г. Ромодановского. Эту же мысль проводят и М. Марченко и авторы «Очерков истории СССР», с той разницей, что у М. Марченко королевские войска под угрозой военных сил Брюховецкого и Ромодановского вынуждены были начать отход к Севску, а авторы «Очерков» не называют этого пункта (см. «Летопись Самовидца». — «Чтения...», 1846, кн. I, ч. 2, стр. 43; А. Ригельман. Указ. соч., ч. 2, стр. 73; Д. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 253; М. Марченко. Указ. соч., стр. 110; «Очерки истории СССР XVII в.», стр. 516). С большими ошибками излагает эти события Н. Костомаров (см. Н. И. Костомаров. Соч., т. 15, стр. 36). На ошибки Н. Костомарова обратил внимание еще В. Эйнгорн. Однако сам Эйнгорн не прав, утверждая, что в глуховском гарнизоне не было колебаний и что среди защитников города не было русских людей (см. В. Эйнгорн. Указ. соч. — «Чтения...», 1893, кн. 2, стр. 268). На самом же деле при подходе С. Чарнецкого к городу несколько человек из глуховской знати связали полковника В. Дворецкого и намеревались сдать город полякам. Однако Дворецкий был освобожден русскими жителями окрестных сел и жестоко покарал изменников (см. «Zbiór pamiętników...», t. 4, str. 144).

Нельзя согласиться и с другим мнением В. Эйнгорна, искажающим исторические факты. Если верить Эйнгорну, провал осады Глухова объясняется не героическим сопротивлением гарнизона, не организаторскими способностями командного состава русско-украинской армии, а «службой» глуховских священников, возглавляемых протопопом Шматковским. Оборонявшиеся, уверяет Эйнгорн, «несомненно сдали бы Глухов королю», если бы протопоп их не «укреплял». Больше того, автор приписывает епископу Мефодию и другим православным иерархам решающую роль в организации разгрома Яна Казимира (В. Эйнгорн. Указ. соч., стр. 258, 260, 266—267, 270).

Однако, прибыв на место, король не отважился ни на штурм, ни на длительную осаду. Хорошо организованная оборона города исключала возможность успешного штурма, а усиливающаяся угроза окружения русскими войсками польской армии делала осаду опасной. Русские воеводы, несмотря на развернувшуюся между ними местническую склоку, постепенно договаривались и сближались друг с другом.

Еще 19 января П. В. Шереметев предложил Г. Ромодановскому соединить силы и совместно ударить на короля. Но белгородский воевода отказался от объединения, ссылаясь на то, что ему приказано царем «сойтита с гетманом Иваном Брюховецким и над неприятелем промысл чинить с ним, гетманом, а не с Петром»²⁹⁹. В конце января, отклонив еще раз предложение путивльского воеводы, Ромодановский прошел мимо осажденного Глухова, а 7 февраля соединился в Батурине с гетманом И. Брюховецким³⁰⁰. Отсюда гетман и воевода подошли к Воронежу (городок Черниговского воеводства) и стали угрожать тылам польской армии, стоявшей под Севском.

Польский король, узнав о действиях Г. Ромодановского, о выходе из Карачева Я. К. Черкасского, а из Путивля — П. В. Шереметева, 8 февраля созвал совет, на котором решено было отходить назад. Выслав против Я. К. Черкасского небольшой заслон, польская армия отступила от Севска и остановилась 17 февраля у Новгорода-Северского³⁰¹. Отсюда против Г. Ромодановского и И. Брюховецкого были направлены войска С. Чарнецкого, а против Шереметева — казаки И. Богуна³⁰². П. Шереметев, не приняв боя, отошел к Путивлю, а Я. К. Черкасский действовал вяло и безынициативно, за что получил от царя выговор³⁰³. Только Г. Ромодановскому и И. Брюховецкому удалось 18 февраля под Воронежем разгромить армию С. Чарнецкого и загнать поляков за р. Десну³⁰⁴.

Пока русские воеводы спорили о старшинстве и «местничались», польский король, убедившись в провале военных замыслов и узнав о народном восстании на Правобережной Украине, на военном совете под Новгородом-Северским принял решение о прекращении похода³⁰⁵.

К этому побуждали его положение в армии и события в Польше. Еще в декабре 1663 г. Ю. Любомирский собрал шляхту на сеймик и Прошовцах и потребовал от ее имени немедленного возвращения короля³⁰⁶. В королевских войсках из-за голода и больших потерь резко обострились противоречия между отдельными частями, между коронными и княжескими гетманами³⁰⁷. На военном совете краковский воевода С. Потоцкий угрожал канцлеру К. Пацу оружием и упрекал последнего в том, что по его совету войска оказались в таком тяжелом положении³⁰⁸. Даже король

²⁹⁹ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, л. 214, 218.

³⁰⁰ Там же, л. 221, 225, 230.

³⁰¹ Там же, д. 365, лл. 237, 242; Новгородский стол, д. 178, л. 187; «Pamiętnik Roszobuta», str. 78; «Pamiętniki Obuchowiczów», str. 119; В. Эйнгорн. Указ. соч. — «Чтения...», 1893, кн. 2, стр. 260. Эйнгорн считает, что король пришел к Новгороду-Северскому из-под Сосницы. Он совершенно не упоминает боев под Севском.

³⁰² Казаками командовал Г. Гуляницкий. И. Богун 16 февраля был арестован, обвинен в «измене» королю и вскоре расстрелян (ЦГАДА, Белгородский стол, д. 527, л. 60).

³⁰³ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, л. 237; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стр. 130.

³⁰⁴ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, лл. 235, 238; Новгородский стол, д. 178, лл. 188, 189.

³⁰⁵ АЮЗР, т. 5, стр. 196; «Pamiętniki Obuchowiczów», str. 120, 125.

³⁰⁶ Н. И. Павлищев. Указ. соч., т. 2, стр. 327.

³⁰⁷ W. Czermak. Sprawa Lubomirskiego, str. 407.

³⁰⁸ А. Грамон. Указ. соч., стр. 29.

вспылил на своих любимцев: «На ваших руках пришел я в Московские города, а на ваших головах — выду из Московского государства», — заявил король К. Пацу и С. Чарнецкому³⁰⁹.

27 февраля король отошел от Новгорода-Северского вниз по Десне по направлению к Соснице, где стояли войска Я. Сапеги. Но задерживаться и здесь он не стал, так как русские воеводы сошлись, наконец, 25 февраля в Воронеже и начали преследование королевской армии.

2 марта русско-украинские войска подошли к Коропу, но здесь узнали, что король, направив С. Чарнецкого с карательной экспедицией на Правобережную Украину, сам «пошел с гетманами своими с Павлом Сапегою и Михаилом Пацом, не займуща Стародуба, к Могилеву, а от Могилева... пойдеть король до Аршавы»³¹⁰.

Это было постыдное бегство — достойный итог безрассудной авантюры короля и магнатов. Русская армия, поддержанная героическими усилиями русского и украинского народа, нанесла сокрушительный удар завоевательным планам польских магнатов, обескровила польские войска в боях под Лохвицей, Гадячем, Рославлем, Путивлем, Воронежем и отбросила их за Днепр. Отходившие отряды С. Чарнецкого и П. Пращмковского несли тяжелые потери от преследовавших их русских войск и населения Левобережной Украины. Жители Остра, Барышевки восстали, перебили польские гарнизоны, а захваченных в плен жолнеров передали русскому командованию³¹¹.

Еще более трудно приходилось армии короля. Отступая под непрерывными ударами русских воевод и партизан, боясь угрозы полного окружения русской армией, польско-литовские войска бросали артиллерию, снаряжение, боеприпасы, обозы³¹².

«Сказывал королю гетман Сапега, — сообщал в Москве пленный поляк, — что под нарядом и в обозе от бескормицы лошади попадали многие, и пушек и пушечных запасов весть стало не на чем. И он (король. — И. Г.) велел в лесу, на дороге 8 пушек самых больших закопать в землю, а зелье... запалить»³¹³.

Находившийся под Брянском русский посол А. Л. Ордин-Нащокин передавал в Москву, что королевское войско шло к Могилеву пешком, испытывая нужду и голод, «и король того, чтобы твои государевы ратные люди не подступили к Могилеву и его в городе не осадили, был опасен гораздо»³¹⁴. Вся дорога до Могилева была усеяна трупами павших лошадей, убитых и замерзших людей. Перешедший на русскую сторону польский офицер рассказывал, что «померло в дороге и побито от мужиков как пошел (король. — И. Г.) в Литву, больных и бездежных и раненых и с голоду с 8000»³¹⁵.

Преследуя отходивших врагов, войска И. Брюховецкого и воевод П. Скуратова, В. Кикина и Ляпунова перешли в мае 1664 г. Днепр и захватили Канев. Вышедшие из Запорожья казаки И. Серко и русские отряды Г. Косагова подошли к Умани и закрепились в ней. Все это не могло не усилить размаха народного движения. К апрелю 1664 г. жители Брацлава, Кальника, Могилева, Рашкова и Умани перебили польские войска,

³⁰⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1662 г., д. 30, л. 8.

³¹⁰ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, лл. 172—174.

³¹¹ «Zbiór pamiętnikow...», т. 4, стр. 157, 161.

³¹² В районе Мглина русские войска разгромили отряд полковника Калькштейна («Дневник П. Гордона», стр. 46; «Pamiętnik Poczebuta», стр. 87).

³¹³ АЮЭР, т. 8, стр. 112; ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 13, лл. 104—106.

³¹⁴ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 11, л. 15.

³¹⁵ АЮЭР, т. 5, стр. 205. А. Грамон считает, что при отходе было потеряно свыше 40 тыс. лошадей и 1/4 личного состава армии (см. А. Грамон. Указ. соч., стр. 29).

стоявшие в этих городах, и дали клятву «держаться под крепкою рукою... царского величества доколе души их в телесах будут»³¹⁶.

«Сердца их (восставших. — И. Г.), — писал гетман к королю 5 июля 1664 г., — до такой степени неистовы, что они лучше хотят погибнуть вместе со своими домами, переносить голод и всякого рода нужды и лишения, нежели... возвратиться к верному подданству вашей королевской милости»³¹⁷.

Летом 1664 г. в Заднепровье развернулись ожесточенные бои между русско-украинской и польской армиями на линии Киев, Белая Церковь, Корсунь, Умань, Брацлав. На помощь отрядам С. Маховского и П. Тетери, с боями отошедшим к Белой Церкви, в апреле из Полесья выступили войска С. Чарнецкого³¹⁸. Располагая значительной силой, он жестоко подавил восстание народных масс в районе Белой Церкви и Умани, поглумился над могилой Б. Хмельницкого в Субботове и укрепил гарнизоны Чигирина, Корсуни, Белой Церкви и других городов Правобережья³¹⁹.

По одному только подозрению в связи с Москвой и с восставшими отрядами Сулимы были казнены И. Выговский и Г. Лесницкий, а митрополит И. Тукальский, Г. Гуляницкий и Ю. Хмельницкий — арестованы и высланы в Мариенбург³²⁰.

Выполняя волю феодальной знати, С. Чарнецкий прилагал все силы к тому, чтобы сохранить Правобережье в руках Польши. Он категорически отказался выслать в Белоруссию часть своего войска, «не учиня на Украине промыслу»³²¹. Он призвал для борьбы с украинским народом и русско-украинскими войсками новые силы татар и отдал им на разграбление Стерлев, Чечельник, Тарговицу и другие города Побужья.

Опираясь на эти силы, а также на сочувствие казацкой старшины, С. Чарнецкий и П. Тетеря сумели не только задержать наступление И. Серко и Г. Косагова, но и заставить И. Брюховецкого перейти к обороне в Каневе³²². Они сумели захватить Брацлав и ряд других городов Побужья, чем еще больше укрепили положение своих войск и улучшили их продовольственное снабжение. Сохраняя за собой инициативу, С. Чарнецкий осенью 1664 г. дважды разбил под Корсунью и Медвином отряд Г. Косагова, а в декабре — штурмом овладел Ставищами³²³.

Только весной 1665 г., воспользовавшись сменой командования и восстанием в Польше коронного маршалка Ю. Любомирского, в какой-то

³¹⁶ АЮЗР, т. 5, стр. 151.

³¹⁷ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 454.

³¹⁸ После совещания под Сосницей С. Чарнецкий к 5 марта форсировал Днепр и остановился на отдых в Полесье (Коростышев, Разварувка, Поволоц), хотя П. Тетеря и С. Маховский требовали немедленной помощи (см. «Latopisiec Joachima Jerlicza», t. 2, Warszawa, 1853, str. 87, 90—91; «Zbiór pamiętników...», t. 4, str. 158, 160—161).

³¹⁹ По свидетельству капитана Сеньковского, в армии С. Чарнецкого насчитывалось 7 тыс. польской кавалерии, 3 тыс. немецких наемников и 20 тыс. татар (АЮЗР, т. 5, стр. 205); киевский воевода Чадаев дает несколько иные цифры: поляков — 6 тыс., наемной пехоты — 1200 и татар — 5 тыс. (там же, стр. 199). Однако цифра 20 тыс. татар подтверждается свидетельством воеводы В. Кикина, который писал в начале июня, что татар «при Тетере и при Чернецком с салтанами и с мурзами тысяч с двадцать и болши» (там же, стр. 200).

³²⁰ АЮЗР, т. 5, стр. 204; М. Александрович. Андрусовский договор и Петр Дорошенко. — «Вестник Зап. России», 1867, кн. 4, Вильно, стр. 65; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 131; А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах. — «Уч. зап. МПН», т. 2, вып. 2, стр. 133. Савич считает, вслед за Соловьевым, что «Выговский... не прочь был перейти на сторону царя», хотя документы не подтверждают его вывода (см. «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 404; «Latopisiec Joachima Jerlicza», t. 2, str. 89; «Zbiór pamiętników...», t. 4, str. 154).

³²¹ АЮЗР, т. 5, стр. 204, 206.

³²² Там же, стр. 200, 202, 210.

³²³ Там же, стр. 158, 164—165.

мере сковавших действия поляков на Украине, русско-украинские войска провели ряд успешных наступательных операций под Белой Церковью, в Поднестровье и под Корсунем³²⁴. Но и на этот раз частные успехи русско-украинской армии не переросли в широкое наступление за освобождение всей Украины от панско-католического гнета. Больше того, майский поход И. Брюховецкого под Белую Церковь был, по сути дела, его последним крупным успехом на правом берегу. В конце июня 1665 г., после ухода Яблоновского в Польшу и бегства туда же П. Тетери, гетман, укрепив гарнизоны в оставшихся верными ему городах Правобережья, выехал в Гадяч, а оттуда через пару месяцев — в Москву.

Чем же объяснить, что русское правительство не воспользовалось такой, казалось бы, благоприятной обстановкой и не поддержало в 1664—1665 гг. настойчивых просьб И. Брюховецкого изгнать польских панов из «дедичных» земель Правобережной Украины?³²⁵

Профессор А. А. Савич винит в этом недалеvidных политических деятелей России того времени. В своей работе «Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах» он пишет, что в середине 60-х годов «взять правобережную Украину русское правительство могло очень легко. Стоило послать туда войско. Но этого как раз не было сделано, несмотря на настойчивые просьбы местной казацкой старшины»³²⁶.

Оценка Савича близка к точке зрения Н. И. Костомарова, который утверждал, что в 1665 г. «наступила самая удобная пора для окончательного освобождения Украины от польского владычества... но на беду Украине, между казаками началось междоусобие»³²⁷.

Нам кажется, что рассуждения А. А. Савича и Н. И. Костомарова малоубедительны, а данное категорическое утверждение вступает в решительное противоречие с фактическим положением дел и ходом событий. Отошедшая на правый берег польская армия и старшинские отряды, верные Польше, как мы видели выше, были достаточно сильны, чтобы остановить и даже нанести поражение отрядам Г. Косагова и И. Брюховецкого. Чтобы достигнуть успеха, надо было вводить в бой всю русскую армию и начать широкое наступление при напряжении всех материальных и духовных сил народа. Понятно, что пойти на это Россия в середине 60-х годов XVII в. не могла.

И дело здесь не столько в противоборстве отдельных представителей командования и правительства, вроде бояр Г. Ромодановского, П. Шереметева и Я. Черкаского, сдерживавших развертывание боевых операций против польских войск, сколько в объективном положении вещей³²⁸. Русское правительство сумело, опираясь на народную ненависть к интервентам, сорвать их планы разгрома русской армии и отторжения всей Украины, но для нового наступления на Правобережье и Белоруссию у России не было сил.

³²⁴ АЮЗР, т. 5, стр. 258, 267, 274. Вместо С. Чарнецкого, умершего от раны в феврале 1665 г., во главе польского войска на Украине стал Яблоновский (см. Н. И. Павлицев. Указ. соч., т. II, стр. 333).

³²⁵ АЮЗР, т. 5, стр. 136—137, 204, 242—244, 256—258, 260 и др.

³²⁶ «Уч. зап. МГПИ», т. II, вып. 2, стр. 133.

³²⁷ Н. И. Костомаров. Соч., т. 15, стр. 47.

³²⁸ АЮЗР, т. 5, стр. 151—156. Г. Ромодановский отказался форсировать Десну у Пироговки (под Новгородом-Северским) и у Коропа. 8 марта он отошел от Коропа к Лохвице, а оттуда, выделив двухтысячный отряд Г. Косагову, с остальным войском ушел в Белгород. Царь специальным указом 10 июня того же года отстранил его от должности белгородского воеводы. П. Шереметев еще до сражения под Новгородом-Северским распустил по домам драгун, а от Коропа ушел в Севск (см. ЦГАДА, Белгородский стол, д. 527, лл. 354, 356, 380, 385; д. 535, лл. 79, 154; Московский стол, д. 376, л. 240).

Длительная война истощила материальные и человеческие ресурсы Украины. Массовые набеги вражеских полчищ, грабежи и угон населения татарами опустошили край. При таких обстоятельствах, вполне понятно, Украина не могла дать продовольствия и снаряжения в достаточном для русской армии количестве.

В декабре 1664 г. И. Брюховецкий писал царю, что «сквозе Украину... не одинажды мечь неприятельский прошел, который... не обыкл... обогащати, но разоряти», и гетман не знает, «откуда одежду ратным вашего царского величества людям промыслить, понеже не малую казну надобно на то»³²⁹.

Почти то же самое писали царю и русские воеводы. «А у нас... в полках, — утверждал П. Шереметев, — ратным конным и пешим людям нужда и голод большой. Своими запасы и конскими кормы оскудели вконец. А хлебных запасов и конских кормов никакими меры купить, добыть негде»³³⁰.

Истощена была и сама Россия. Десять лет непрерывных войн с Польшей и Швецией опустошили царскую казну. Непрерывные наборы ратных людей, мобилизация дворянского ополчения и казаков отрывали от производительного труда большие массы людей и наносили громадный ущерб экономике страны. Налоговое бремя еще больше разоряло народ и обостряло его недовольство. Гнет правительства и гнет помещиков гнали крестьян в отдаленные районы страны — на Дон, в Приуралье и в Сибирь. В стране росло глухое недовольство против феодалов-крепостников.

Русскому правительству, как отмечалось выше, становилось все труднее набирать людей в рейтарские и солдатские полки, но еще труднее было удержать их в разоренной и опустошенной войною Украине. Дезертирство стало массовым.

Почти все отписки русских воевод, стоявших на Украине, пестрят сообщениями о побегах солдат и рейтар³³¹. В октябре 1664 г. воевода Г. Косагов писал царю, что «рейтары и солдаты и разных городов казаки... из Канева бегут безпрестанно, и обеззапасели, государь, зело, в приход воинских людей под Канев вытить мне... на бой не с кем»³³². Та же мысль сквозит и в донесениях П. В. Шереметева. Он уведомлял царя, что из набранных им в Севске на службу 1700 драгун разбежались все до одного³³³.

Иногда бежали целыми сотнями. Так, сбежали из Канева сотники Петр Осипов и Михаил Моисеев, «побрав знамена и своих сотен с казаками, и паром на Днепре у гетманских перевозчиков отняли силно»³³⁴.

В 1665 г. побегι участились. Дело доходило до открытых столкновений стрельцов и солдат с командным составом, пытавшимся пресечь дезертирство. Так, 12 июня этого года переяславские стрельцы собрались на площади и чуть не убили прибывшего их уговаривать стрелецкого голову. Они не допустили ареста своих руководителей, но «учинились силаны, и приходили к съезжему двору гилем и с невежеством болшим и говорили, что хотят бежать все без остатку»³³⁵.

³²⁹ АЮЗР, т. 5, стр. 224.

³³⁰ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, л. 175.

³³¹ АЮЗР, т. 5, стр. 140, 141, 287, 291, 202; ЦГАДА, Белгородский стол, д. 527, л. 355.

³³² АЮЗР, т. 5, стр. 162.

³³³ ЦГАДА, Московский стол, д. 365, л. 204; Белгородский стол, д. 535, лл. 1—3.

³³⁴ АЮЗР, т. 5, стр. 159.

³³⁵ Там же, стр. 291.

Аналогичные явления наблюдались и в Нежине, где к концу 1665 г. осталось из трех приказов 459 стрельцов, а в царской казне и житницах не было ни копейки денег, ни фунта хлеба³³⁶.

Однако боевой дух и оперативно-тактические возможности русского войска на Украине снижались не только хозяйственным разорением страны и сопротивлением отрядов С. Чарнецкого. В Москве опасались нападения литовской армии на северо-западные земли России и потери Витебска и Полоцка³³⁷. Дело в том, что польское командование, сосредоточив летом 1664 г. сильную армию на северо-восточных районах Белоруссии, намеревалось активными действиями против Смоленска, Великих Лук, Пскова и Динабурга (Борисоглебска) сковать русские войска, отвлечь их с украинского фронта³³⁸.

Постепенно здесь развернулись напряженные бои. Двухтысячный отряд полковника Чернавского, разорив окрестности Невеля, 21 июля осадил Великие Луки. Отдельные группы отряда проникали до Торопца, грабя и разоряя окрестных жителей³³⁹. Положение было настолько серьезным, что правительство распорядилось для отражения литовской армии объединить силы воевод Я. К. Черкасского и И. А. Хованского³⁴⁰.

Осенью 1664 г. против армии М. Паца были брошены войска воеводы Ю. А. Долгорукого, который «от Могилева прошел белорусскими землями через Шклов в Полоцк и неприятельские места воевал и разорял»³⁴¹. Тогда же был выбит из великолукских земель и Чернавский. В районе Торопца восставшие крестьяне разбили отряды мародеров, а гарнизон Великих Лук, сделав удачную вылазку, окончательно разгромил войска Чернавского³⁴².

В 1665 г., несмотря на неудачи предыдущего года, польско-литовские войска не прекратили борьбы и непрерывно нападали мелкими группами на города и земли Белоруссии и Лифляндии, вынуждая русских держать здесь значительные силы.

Особенно сильные удары противник наносил в направлении Борисоглебска. Польские войска заходили также в полоцкие и псковские земли, опустошили Порхов и Старую Руссу³⁴³. В марте 1665 г. воевода Пскова Федор Ромодановский писал в Москву, что войска Чернавского, захватив пленных и пограбив население Псковского уезда, отошли за Двину. Они остановились там и поджидают удобного момента для нового вторжения.

Правительство вынуждено было предпринять срочные меры для укрепления Пскова. Защиту города поручили воеводе И. А. Хованскому,

³³⁶ Воевода г. Нежина Ржевский опасался, чтобы «за малолетством... и без запасу в приход полских людей и в шаткие времена, какого под городом... и над твоею великого государя казною какой поруки не было» (АЮЗР, т. 5, стр. 299; ЦГАДА, Московский стол, д. 351, лл. 108, 148; д. 376, лл. 364—366; Дела польские, 1664 г., д. 1, л. 42).

³³⁷ РИБ, т. X, стр. 493. В июне 1664 г. была взята специальная «заручная» подпись с большой группы витебской шляхты, что она не отъедет к польскому королю и будет верно служить царю (см. ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 2, лл. 171, 173, 176, 184, 189).

³³⁸ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, лл. 115, 124, 126; д. 187, л. 63; Дела польские, 1664 г., д. 2, лл. 96, 144, 148.

³³⁹ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, лл. 207, 210, 269; Дела польские, 1664 г., д. 5, лл. 17, 23, 25.

³⁴⁰ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, л. 160. В конце мая Я. К. Черкасский прибыл из-под Брянска в с. Прудки Смоленского уезда, а в июле уже воевал с М. Пацем у Шклова (Дела польские, 1664 г., д. 2, л. 217; д. 15, л. 165).

³⁴¹ АЮЗР, т. 5, стр. 230.

³⁴² ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, л. 269.

³⁴³ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 187, лл. 162—165, 170, 182 и далее; д. 143, лл. 44, 47; «Акты исторические», т. 4, стр. 341.

которому передавались все войска. Был назначен новый воевода Пскова — Петр Хованский, помощниками у которого были А. Л. и Б. И. Ордины-Нащокины³⁴⁴.

И, наконец, третьей причиной, определившей невозможность для русского правительства развернуть решительные боевые действия за освобождение Правобережной Украины в 1664—1665 гг., были взаимоотношения России с Крымом и Турцией.

Польско-литовская интервенция, возглавлявшаяся Яном Казимиром, явилась новым этапом усиления позиций Крыма и Турции на Украине. Как известно, еще в 1663 г. П. Тетеря предупреждал короля, что хан серьезно намерен захватить Украину. Весной 1664 г. гетман Правобережья советовал королю примириться с Россией, чтобы сорвать опасные замыслы татар³⁴⁵.

В письме от 29 апреля 1664 г. от имени всей старшины он рекомендовал королю «уничтожить зло решительным заключением мира в Москве, хотя бы и не на слишком выгодных условиях». Гетман предупреждал далее, что «в противном случае... нам грозит опасность от поганой сабли», и думал даже отказаться от булавы, чтобы не быть свидетелем отторжения Украины от Польши³⁴⁶.

Но польские паны, стремясь во что бы то ни стало восстановить свое господство над украинским народом, не посчитались с этим серьезным предупреждением и вновь призвали хана к совместному с Польшей походу на Россию и Украину. Больше того, не имея средств для расплаты с войсками хана, они отдавали татарам «на поток и разорение» отдельные города Украины³⁴⁷. Неудача похода 1663—1664 гг. окончательно подорвала авторитет Польши в глазах хана и султана, усилив их агрессивные происки на Украине.

Внутренние события в Заднепровье содействовали вызреванию планов национального порабощения Украины в феодальных кругах Крыма и Турции. Здесь после ухода в Польшу Яблоновского и Тетери началась ожесточенная борьба за власть между старшинскими группировками. Сперва гетманскую булаву захватил Степан Опара, поддержанный татарами. Вскоре объединенные силы Опары и татар из Умани перешли в наступление на Киев, стремясь выбить русский гарнизон и захватить все Правобережье³⁴⁸.

Однако неудача похода под Киев и стремление Опары к независимости от татар привели к разрыву союза между ними³⁴⁹. 18 августа 1665 г. Опара был арестован и отправлен в Крым, а гетманом был назначен Петр Дорошенко, издавна ориентировавшийся на Крым и Турцию.

В Москве внимательно следили за событиями в Заднепровье и видели, какую серьезную опасность влечет за собой утверждение татар на Правобережье. Складывалось такое положение, при котором новое обострение борьбы с Польшей могло послужить интересам врагов славянских народов — турецко-татарских агрессоров.

Естественно, что русское правительство не могло пойти на такой шаг и в целях борьбы с растущей опасностью со стороны Турции и Крыма поддержало польскую инициативу о переговорах. Одновременно с этим пра-

³⁴⁴ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 188, лл. 371, 432, 442, 445.

³⁴⁵ «Памятники, изданные временной комиссией...», т. 4, стр. 263.

³⁴⁶ Там же, стр. 437, 439.

³⁴⁷ Татары хвастались, что во время похода Чарнецкого они разорили ряд городов и сел и захватили много пленных: «А добыча наша у кого два, у кого три ясыря, что никогда такой добычи не бывало» (АЮЗР, т. 5, стр. 230—232).

³⁴⁸ АЮЗР, т. 5, стр. 275, 276, 307.

³⁴⁹ М. Александрович. Указ. соч. — «Вестник Зап. России», 1867, кн. 3, стр. 131—132.

вительство Алексея Михайловича провело на Левобережной Украине ряд серьезных мероприятий, которые сковали деятельность враждебных России элементов и стабилизировали положение Левобережья в составе Российского государства и содействовали его хозяйственному развитию. «Московские» статьи 1665 г. значительно расширили позиции русской администрации на Украине, увеличили численность русских гарнизонов и количество городов, в которых они размещались³⁵⁰.

ОСЛОЖНЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛЬШИ И ВОЗОбНОВЛЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ С РОССИЕЙ

К середине 60-х годов XVII в. резко ухудшилось внутреннее и международное положение Речи Посполитой. К тому времени в полной мере сказались пагубные последствия политического засилия феодальной знати и фольварочно-барщинной системы хозяйства, тормозивших развитие производительных сил страны. Становилось очевидным, что дворянская республика Речь Посполитая, основанная, по словам Ф. Энгельса, на эксплуатации и угнетении крестьян³⁵¹, не выдержала тяжелого испытания и стала медленно угасать.

Длительные войны, сопровождавшиеся вторжением интервентов, тяжелое поражение польской армии в последнем походе против России и, наконец, потеря значительной части Украины и Белоруссии ускорили процесс экономической деградации страны и падения сельскохозяйственного производства, промышленности и торговли. С начала войны почти наполовину сократились посевные площади, а многие села и деревни, особенно на Украине и в Белоруссии, запустели³⁵². По данным Я. Рутковского, в 137 королевских деревнях Западной Украины из 3373 крестьянских хозяйств после войны осталось только 1591, или 47%³⁵³.

Тяжелое положение крестьян и мещан Белоруссии вынуждено было признать само правительство Польши, официально сократив размеры налогов, собираемых с Пинска, Гомеля и воеводства Мстиславского, «крайне разоренных» во время войны³⁵⁴.

В упадок пришли не только хозяйства крестьян, но и феодальные хозяйства, основанные на барщине. Сокращение доходов, вызванное упадком хозяйства и потерей владений на Украине, польские феодалы пытались компенсировать усилением крепостнического гнета и массовым захватом королевских и крестьянских земель³⁵⁵. Количество безземельных крестьян (коморников, холупников, заградников) возросло в Западной Украине до 31,3%, а крестьян, владевших четвертью лана, — до 31,2%³⁵⁶.

Во второй половине XVII в. заметно усилился экономический упадок городов Речи Посполитой. Польские феодалы, располагая многочисленными привилегиями и опираясь на свою могущественную сословную организацию, подчинили города себе и подорвали их промышленное развитие

³⁵⁰ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. 1, стр. 143—147.

³⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 10.

³⁵² АВК, т. 34, стр. 108, 115, 124, 185, 198 и далее; «История Польши», т. 1, стр. 265; K. Wolski. Licholecie po wojnach szwedzkich w dorzeczu średniego Sanu. — «Przegląd historyczny», т. 48, zeszyt I. Warszawa, 1957, str. 106.

³⁵³ Я. Рутковский. Экономическая история Польши, стр. 258—259.

³⁵⁴ АВК, т. 34, стр. 181, 310, 323; «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», вып. 25, Витебск, 1894, стр. 308 (ИЮМ).

³⁵⁵ «Prawa, konstytucje u przywilecie...», т. 4, str. 846.

³⁵⁶ Я. Рутковский. Указ. соч., стр. 260—261.

и торговлю. При общем сокращении количества жителей Польши на $\frac{1}{3}$ ко второй половине века, количество городского населения сократилось еще больше. В Перемышле, например, к 1668 г. население сократилось на 37,7% по сравнению с 1629 г.³⁵⁷ Значительно сократился оборот внешней торговли и особенно хлебный экспорт. Если до войны экспорт хлеба достигал 130—140 тыс. ластов, то в 1659 г. он равнялся 0,5 тыс. ластов.³⁵⁸

Тяжелый хозяйственный кризис и длительные войны нанесли серьезный ущерб финансам страны. Поступление денежных средств в государственную казну резко сократилось. В 1662 и 1667 гг., пытаясь выйти из создавшегося положения, правительство Яна Казимира значительно повысило размеры налогов, падавших всей тяжестью на плечи трудящихся. Особенно увеличились сборы «подымного» налога и подушной подати, впервые введенной в 1662 г.³⁵⁹

Мало что полезного дала практика введения акциза на целый ряд товаров, подделка серебряной и выпуск медной монеты. Выпуск 20 млн. золотых медной монеты привел к лажу и дезорганизовал внутренний рынок.³⁶⁰ Русский агент П. Марселис, бывший в 1666 г. в Польше, сообщал царю, что «вся земля (польская.—И. Г.) войною и худыми деньгами разоряется»³⁶¹.

Не менее сложным к началу русско-польских переговоров было политическое положение страны. Давно начавшаяся борьба магнатов с королевской властью продолжалась. Ко второй половине XVII в. Речь Посполитая превратилась фактически в конгломерат магнатских аристократических республик, федерацию отдельных воеводств и земель, слабо между собою связанных и почти независимых от центрального правительства.

Располагая собственными вооруженными силами и опираясь на шляхетское «посполитое рушение», магнаты не считались с королем и вели самостоятельную политику, вплоть до сношений с иностранными государствами.³⁶² Под их давлением политическая анархия проникла во все органы государственной власти. Пресловутое *liberum veto* парализовало вальный сейм — высший орган законодательной власти, который не принял ни одного решения в промежуток с 1662 по 1667 г.³⁶³

Сложившийся порядок вещей был удобен магнатам. Они считали его образцом политических свобод и всякую попытку изменить этот порядок рассматривали как покушение на шляхетские «золотые вольности». Магнаты проавстрийской партии во главе с коронным маршалком Ю. Любомирским на сейме 1661 г. сорвали, например, план Яна Казимира укрепить королевскую власть и оказали ожесточенное сопротивление попыткам короля силою разгромить оппозицию и добиться назначения своим наследником французского принца Конде.³⁶⁴ Они пошли на междоусобную борьбу, но заставили короля в 1666 г. отказаться от планов назначения наследника и торжественно обещать никогда не покушаться на шляхетское право свободного выбора короля.

«Законы и всякие документы о вольной элекции, выданные королями —

³⁵⁷ K. Wolski. Указ. соч.; «Przegląd historyczny», t. 48, str. 107—108.

³⁵⁸ Я. Рутковский. Указ. соч., стр. 168—169, 260.

³⁵⁹ Там же, стр. 269; «Prawa, konstytucje u przywileje...», t. 4, str. 847, 922—928; ЦГАДА, Дела польские, 1667 г., д. 10, л. 1.

³⁶⁰ Я. Рутковский. Указ. соч., стр. 266—267.

³⁶¹ ЦГАДА, Дела польские, 1666 г., д. 3, л. 163.

³⁶² Крупные магнаты имели собственные отряды войска в семь и более тысяч солдат (см. Н. С. Голицын. Русская военная история, т. 2, стр. 490).

³⁶³ «Prawa, konstytucje u przywileje...», t. 4; M. Kojewski. Указ. соч., т. 2, стр. 60; Н. Павлищев. Указ. соч., т. 2, стр. 382.

³⁶⁴ T. Korzop. Указ. соч., т. 1, стр. 150—184, 418—463.

нашими предшественниками и помещенные in Volumine legum, обобщаем и обещаем все эти документы in perpetuum не нарушать», — записано в 4-м пункте Конституции сейма 1667 г., утверждавшем Ленгоницкое соглашение короля с Ю. Любомирским³⁶⁵.

Сопротивление централизаторским мероприятиям короля оказывала также немецкая бюргерская верхушка западных и северо-западных городов Польши. «Немцы помешали созданию в Польше польских городов с польской буржуазией. . . , — писал Ф. Энгельс. — Тысячей своих различных привилегий и городских положений они затруднили осуществление централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны»³⁶⁶.

В своей борьбе с магнатами король не сумел использовать ни «посполитое рушение», ни другую часть польской армии — «кварцяное» войско и наемные отряды.

Содержание этих последних после похода на Украину стало еще хуже. Хлеба для армии не хватало и жалованье войскам выдавалось нерегулярно, так как денег у короля не было, а налоги, установленные сеймом, почти не поступали в казну. Выдача жалованья сопровождалась к тому же массовой злоупотреблений, обманом и обсчетом со стороны войскового начальства³⁶⁷. Обманутые королем и гетманами солдаты дезертировали, а оставшиеся в армии поднимали бунты, отказывались подчиняться командирам, грабили и убивали местное население³⁶⁸. Литовское войско, например, не получало жалованья за все время похода на Украину. Разоренное походом, оставшись без хлеба и денег, оно взбунтовалось в мае 1664 г. и угрожало массовым дезертирством, если король не выплатит жалованья³⁶⁹.

Плохо снабжалось войско и на Украине. Комендант Чигирин Жевровский писал 15 июля 1666 г. в Белую Церковь Стахорскому, что жолнеры «для скудости запаса, что не имели ничего больше хлеба и немного каши, стали утекать», что в результате дезертирства он потерял за три недели четыре роты солдат и если так будет продолжаться и впредь, «то знамена останутца (только), которые на караул разве буду посылать вместо людей. . . »³⁷⁰.

Стихийно возникавшие войсковые конфедерации очень часто подпадали под влияние крупных магнатов и использовались ими для достижения своих политических целей. Так было в 1661—1663 гг., когда конфедерация Свидерского и Жеромского, охватившая и коронную и литовскую армию, активно выступила против планов Яна Казимира установить наследственную монархию. Точно так же было и в 1664—1666 гг., когда Ю. Любомирский использовал недовольство войска для борьбы с политическими замыслами короля и профранцузской партии. Междоусобная феодальная война Ю. Любомирского в конце 1664 г. привела к расколу Польши, что ослабило ее внутренние и международные позиции.

Но даже если регулярные части польской армии не бунтовали и не разоряли населения во время рокоша, само содержание их во второй половине XVII в. становилось серьезной проблемой и сопровождалось целым рядом конфликтов. Современники рассказывают, что переход частей

³⁶⁵ «Prawa, konstytucje y przywileje. . . », t. 4, str. 914; ЦГАДА, Дела польские, 1666 г., д. 5, л. 224.

³⁶⁶ Ф. Энгельс. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5, М., 1956, стр. 338.

³⁶⁷ А. Грамон. Указ. соч., стр. 14; АЮЗР, т. 6, стр. 118.

³⁶⁸ АВК, т. 34, стр. 147, 229—231, 244—246, 250, 299, 362—363 и далее.

³⁶⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 13, лл. 91—92, 100; д. 14а, лл. 115—117.

³⁷⁰ АЮЗР, т. 6, стр. 116.

польской армии с фронта на фронт неизбежно влек за собой массовые грабежи населения и опустошение целых районов страны³⁷¹.

Особенно тягостными для населения были зимние постой войска, т. е. содержание отрядов польской армии за счет местного населения. Гетманы и ротмистры вымогали взятки, брали контрибуцию и просто грабили местное население при сборах «гиберны» (военный налог), так что жители от собственного войска страдали не меньше, чем от неприятельского³⁷². «А жолнеры, которые стоят на становищах, людям великую обиду чинят», — отмечал в 1666 г. П. Марселис³⁷³.

Грабежи польских солдат носили иногда такой необузданный характер, что вызывали в ответ стихийные выступления народных масс. Такой случай произошел, например, в ночь на 15 января 1666 г. в с. Грани Пинского повета, жители которого, напав на хоругвь капитана Янковского, разгромили ее, убили и ранили более 10 человек и захватили много оружия и боеприпасов³⁷⁴.

Религиозная политика польского правительства также ослабляла страну. Подстрекаемые папской курией, польские магнаты добились в конце 50-х годов изгнания из страны ариан. Репрессии против них продолжались и позже и оставили тяжелый след в сознании народа³⁷⁵.

В 60-х годах XVII в. усилилась католическая реакция в Белоруссии и Правобережной Украине. Из правительственных учреждений изгонялись представители православной религии, закрывались православные монастыри и церкви, у них отбирались земли. Вновь возрождалась политика насильственного ополячения и окатоличения населения³⁷⁶.

Грабеж крестьянских земель и усиление феодальной эксплуатации, произвол королевской администрации при сборе налогов и мародерство солдат вызывали сопротивление трудящихся масс. Крестьяне коронной Польши бежали в Карпаты и оттуда поднимали вооруженную борьбу против магнатов³⁷⁷. Народные массы Белоруссии и Заднепровской Украины, недовольные восстановлением панского произвола и растущим национальным и религиозным гнетом, либо уходили в Запорожье, либо поднимали восстания против польских феодалов за воссоединение с Россией и Левобережной Украиной. Таким было народное восстание в Расне (Могилевский повет) в апреле 1664 г., где отряд казаков, соединившись с местными «мещанами и многими крестьянами разных волостей и деревень», разгромил отряд польского полковника Каспара Семашкевича³⁷⁸.

Такой же характер носило и восстание крестьян Пинского повета в 1664 г., соединившихся с украинскими казаками и успешно громивших шляхетские имения³⁷⁹.

Накануне переговоров с Россией осложнилось и международное положение Польши. Внутренняя борьба феодальных партий Речи Посполитой, разгоревшаяся по вопросу о наследнике королевского престола, переросла национальные рамки и превратилась в европейскую проблему. Франция через польскую королеву и своих агентов в Польше настойчиво домогалась

³⁷¹ АСД, т. 6, Вильно, 1869, стр. 276; АЮЗР, ч. 2, т. 1, стр. 299—300.

³⁷² По сведениям К. Вольского, только один Перемышль за 20 лет с 1650 по 1670 г. уплатил бунтующим войскам 20 тыс. контрибуции (К. Wolski. Указ. соч.; «Przegląd historyczny», т. 48, стр. 109).

³⁷³ ЦГАДА, Дела польские, 1666 г., д. 3, л. 163.

³⁷⁴ АВК, т. 34, стр. 422.

³⁷⁵ «Prawa, konstytucje u przywilecie...», т. 4, стр. 830.

³⁷⁶ АСД, т. 6, стр. 184, 185, 228; «Чтения...», 1893, кн. 2, стр. 273.

³⁷⁷ «История Польши», т. 1, стр. 269—270.

³⁷⁸ ИЮМ, вып. 25, стр. 323.

³⁷⁹ АВК, т. 34, стр. 346, 356.

польской короны для представителя своего королевского двора. Она рассчитывала этим путем подчинить внешнюю политику Речи Посполитой и направить ее на борьбу с Австрией.

Противниками профранцузской партии были агенты Австрии и прежде всего Ю. Любомирский. Они боролись против французского кандидата, выдвигая на королевский престол князя Нейбургского. Вскоре в борьбу за королевский престол были втянуты Бранденбург, Швеция и даже Россия³⁸⁰.

Военные неудачи 1663—1664 гг. подорвали авторитет Польши в глазах хана и султана и усилили их происки на Украине. Но занятые внутренними склоками и непримиримой борьбой с Россией польские феодалы не замечали растущей опасности со стороны Турции и отвергали как предложение России о союзе против хана, так и советы императора Леопольда заключить мир с Россией и сосредоточить войска против султана³⁸¹.

Итак, международное положение Польши и ее внутреннее состояние накануне переговоров с Россией осложнились. Экономическое разорение страны, сопровождавшееся усилением возмущения народных масс, и рокош Любомирского требовали установления мира с Россией. Этого мира требовала и международная обстановка, особенно растущая опасность турецко-татарской агрессии.

Однако достижение мира было нелегким делом. Враги России, многочисленные группы польских и литовских магнатов, прежде всего из числа профранцузской партии (С. Чарнецкий, Я. Собеский, К. Пац, М. Вишневецкий, Ю. Глебовичи др.) не хотели согласиться со своими потерями на Украине и настаивали на продолжении войны.

Русскому правительству и его дипломатам пришлось проявить немало настойчивости и подлинного искусства, чтобы использовать благоприятно сложившуюся обстановку и довести дело примирения с Польшей до успешного конца.

Попытки возобновить переговоры предпринимались Россией еще в момент вторжения королевской армии на Левобережье. Русский гонец К. Пущин, как было отмечено выше, приезжал к королю во Ржищев в ноябре 1663 г., но не сумел ни предотвратить вторжения польской армии, ни договориться с правительством Речи Посполитой о встрече великих послов. Выехавший вместе с ним в Москву королевский агент С. Венцлавский, хотя и вез царю список 24 сенаторов, выделенных королем для переговоров, фактически, как выяснилось позже, выполнял функции не дипломата, а разведчика³⁸².

Провал панско-католической интервенции изменил положение вещей и сдвинул переговоры с мертвой точки. Ожесточенное сопротивление украинского народа и серьезные удары русской армии охладил агрессивный пыл самых непримиримых врагов России, каким был, например, С. Чарнецкий³⁸³. К февралю 1664 г. в кругах феодалов Польши все настойчивее раздаются голоса в пользу переговоров, за установление мира с Россией³⁸⁴. Прибывший в то время вторично к королю К. Пущин получил заверение о готовности польских комиссаров к переговорам и выяснил, что

³⁸⁰ W. Czermak. Koniec Jerzego Lubomirskiego. — «Kwartalnik historyczny», cz. 4 1890, str. 4, 10; Чермак утверждает, что Ю. Любомирский не думал о короне для себя. Однако есть сведения, что проавстрийская партия не исключала и такой возможности. См. В. Грабенский. История польского народа, стр. 206; Н. И. Павлищев. Указ. соч., т. 2, стр. 328.

³⁸¹ АЮЗР, т. 5, стр. 266; ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 15, л. 200.

³⁸² ЦГАДА, Дела польские, 1663 г., д. 12, лл. 1—2; 1664 г., д. 9, лл. 33, 35, 36.

³⁸³ «Zbiór pamiętników...», т. 4, str. 137.

³⁸⁴ Там же, стр. 155.

С. Венцлавский немедленно выезжает в Москву для организации встречи послов в Белеве или Калуге³⁸⁵.

Но события не оправдали надежд. Новое направление не сумело победить старой традиции в дипломатии Речи Посполитой, и дело переговоров в 1664 г. не увенчалось успехом. Польско-литовская знать даже после поражения на Украине все еще думала о мире на условиях, «что было... государева (русского царя. — И. Г.) сдать, а что было польского короля — то взять»³⁸⁶. Она рекомендовала королю, учитывая тяжелое положение своей армии «z Moskwą na rarięrze mnięmanu uszupić rokó», от которого позже можно было бы легко отказаться³⁸⁷.

Естественно, что при таких условиях посольство Венцлавского не могло дать и действительно не дало реальных результатов, хотя в Москве внимательно отнеслись к предложениям Яна Казимира. Для встречи с польскими комиссарами в марте 1664 г. под Новгород-Северский выехал А. Л. Ордин-Нащокин, которому поручалось, «договорясь о времени и о месте и о вольных съездах и розъездах (великих послов. — И. Г.),... доброе дело начинати и в договоры вступати»³⁸⁸. Русскому дипломату не удалось тогда встретиться с представителями Польши и, простояв бесполезно несколько недель под Брянском, А. Нащокин вынужден был по новому распоряжению из Москвы переехать к Смоленску³⁸⁹. Здесь в деревне Шейнове он встретился с референдарем литовским П. Бростовским и после непродолжительных переговоров заключил 16 (26) апреля соглашение, по которому гарантировалась безопасность работы великих послов³⁹⁰.

Также безрезультатно закончились и переговоры в Дуровичах, где в июле—августе этого года встречались великие послы Н. И. Одоевский с Г. Вербовским и Ю. Глебовичем. Польские комиссары отвергли компромисс при решении главных вопросов, не согласились на раздел Украины по Днепру, на возвращение Смоленска с Чернигово-Северской землей и, потребовав восстановления условий Поляновского мира с компенсацией «за убытки» в размере 10 млн. злотых, предопределили срыв переговоров³⁹¹. Больше того, как бы подчеркивая свое нежелание к миру, они не только не остановили наступления своих войск, разорявших земли Смоленского уезда, но всячески содействовали мобилизации армии на борьбу с князем И. А. Хованским³⁹².

Польский король одобрил поведение своих комиссаров и в разгар переговоров в Дуровичах издал специальный универсал, по которому вся литовская армия сосредоточивалась на границах России. Он намеревался даже создать «посполитое рушение» и одобрительно встретил сообщение

³⁸⁵ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 9, л. 56. С. М. Соловьев считает, что переговоры с Польшей возобновились по инициативе России, направившей под Севск К. Пушина. Он совершенно не упоминает о посольстве К. Пушина во Ржищев и поездке С. Венцлавского в Москву в начале 1664 г. (см. С. М. Соловьев, Указ. соч., кн. 3, стб. 160). Не говорит о переговорах К. Пушина на Украине и Н. Н. Бантыш-Каменский, который, кроме того, ограничивает посольство С. Венцлавского требованием выдачи Новошинского, убийцы В. Гусевского (см. Н. Н. Бантыш-Каменский, Указ. соч., ч. 3, стр. 137).

³⁸⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 5, л. 4.

³⁸⁷ «Zbiór pamiętników...», т. 4, стр. 155.

³⁸⁸ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 10, лл. 39, 51, 55—57; д. 15, л. 177.

³⁸⁹ Там же, д. 10, лл. 91, 92, 127—129. А. Нащокин решительно протестовал против переноса места переговоров к Смоленску, считая, что это лишит русских послов поддержки своей армии. «От Почепы страшать в Могилев не близко», — указывал А. Нащокин в письме к царю.

³⁹⁰ ПСЗ, т. 1, стр. 588—589.

³⁹¹ ЦГАДА, Книги польского двора, д. 101, л. 392; Дела польские, 1664 г., д. 13, лл. 59—61, 196, 319; д. 16, лл. 16, 78.

³⁹² ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 15, лл. 50, 198.

об удачном нападении М. Паца на лагерь И. А. Хованского под Витебском³⁹³.

Итак, в 1664 г. русские послы «за упорством и за несходством королевского величества великих и полномочных комиссаров на тех съездах (в Дуровичах. — И. Г.) вечного миру и перемирья на урочные годы не учили»³⁹⁴. Складывалось впечатление, что ни героическая борьба украинского народа, ни стойкость русской армии, ни тяжелый разгром армии интервентов не образумили крупных магнатов Речи Посполитой и не убедили их в бесплодности попыток восстановить свое господство над Украиной.

Играя решающую роль в политической жизни страны, магнатская группировка настаивала на разрешении споров с Россией только силой оружия. Не замечая опасности, она твердила о «союзе» с крымским ханом и настойчиво привлекала татарские орды на борьбу с Россией и украинским народом³⁹⁵. Ей-то и удалось организовать в 1664—1665 гг. бои польской армии на Правобережной Украине, походы литовских отрядов под Динабург, Витебск и совершить грабительские набеги на смоленские, великолучские, псковские и новгородские земли.

Под прямым давлением магнатов польская дипломатия, преднамеренно затягивая переговоры с Россией, вела одновременно секретные переговоры о союзе со Швецией и авантюрную игру с крымским ханом и турецким султаном³⁹⁶.

Частичные успехи литовской армии в Белоруссии (поражение армии И. А. Хованского в июне 1664 г. под Витебском, осада Полоцка и Динабурга) сделали польских панов еще более несговорчивыми³⁹⁷.

Однако боевые действия на русско-польском фронте не переросли тогда во всеобщее наступление. Основные силы польско-литовской армии, разгромленные в предыдущем походе, не участвовали в войне. Бои на Украине, в Белоруссии и Литве не вышли за рамки боев местного значения. Только на северо-западных границах России, как мы это видели выше, сражения носили более напряженный характер. Здесь польско-литовские войска, при прямом пособничестве Швеции, неоднократно, но безуспешно штурмовали Динабург³⁹⁸.

Летом 1664 г. русское правительство предприняло ряд мер оборонительного характера, которые еще больше сковали действия польского командования и содействовали постепенному затуханию боевых действий на русско-польском фронте. По совету А. Нащокина и прибывшего на посольский съезд в Дуровичи Ю. А. Долгорукого к границам Белоруссии были переброшены значительные силы русской армии³⁹⁹.

³⁹³ АВК, т. 34, стр. 341, 342, 345, 347; W. Czermak. Listy Jana Kazimierza. — «Kwartalnik historyczny», 1891, str. 39.

³⁹⁴ «Памятники дипломатических сношений...», т. 4, стр. 542. 11 июля переговоры были прерваны на три недели, а в августе, когда развернулось наступление польской армии, отложены до июля 1665 г. (ЦГАДА, Книги польского двора, д. 101, л. 440; Новгородский стол, д. 133, л. 278; д. 187, лл. 149, 162, 172). Н. Н. Бантыш-Каменский датирует начало первого перерыва 17 июля (см. его же. Указ. соч., ч. 3, стр. 138).

³⁹⁵ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 13, л. 98, 142.

³⁹⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 15, лл. 92, 93, 113; Новгородский стол, д. 148, л. 31; д. 87, л. 149.

³⁹⁷ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 13, л. 203; д. 14а, лл. 43, 149, 150.

³⁹⁸ А. Нащокин писал царю в октябре 1665 г., что шведы предлагали литовским гетманам помощь для захвата Динабурга (ЦГАДА, Дела польские, 1665 г., д. 15, л. 10). О враждебных замыслах шведов сообщал в Москву и И. А. Хованский (ЦГАДА, Новгородский стол, д. 148, л. 31).

³⁹⁹ ЦГАДА, Дела польские, 1664 г., д. 11, л. 11; д. 13, лл. 41, 70; д. 14а, лл. 10, 186, 190.

Одновременно с этим правительство обязало Я. К. Черкасского пойти к Смоленску, установить связь с послами и по их указанию совместно с И. А. Хованским «над польскими и литовскими людьми чинить промысл, не испустя нынешнего летнего времени»⁴⁰⁰.

13 августа, когда неудача переговоров стала очевидной, русское правительство предприняло очередной шаг, направленный на усиление обороноспособности страны. По распоряжению царя Я. К. Черкасский, не проявивший достаточной расторопности в предшествовавшее время, был заменен на посту воеводы более энергичным Ю. А. Долгоруким, и русская армия перешла в наступление под Могилевом, Шкловом и другими городами Белоруссии⁴⁰¹.

Укреплен был и Динабург. Сюда весной 1665 г. был направлен новый воевода Неклюдов, пополнен гарнизон и переброшены значительные запасы продовольствия и снаряжения⁴⁰².

Успешная оборона Динабурга, героическое сопротивление гарнизонов Полоцка и Витебска, разгром отрядов Чернавского и Соломоновича из войск гетмана М. Паца под Друей в августе 1665 г. и, наконец, самоотверженная борьба народных масс великолуцкой и псковской областей подорвали наступательный дух польско-литовской армии и заставили правительство Речи Посполитой в конце 1665 г. возвратиться к переговорам⁴⁰³. И на этот раз оказалось невозможным разрешить спор между Россией и Польшей силой оружия. Складывалась обстановка, при которой борющиеся стороны вынуждены были искать соглашения и добиваться мира на путях взаимных уступок.

* * *

Итак, польские феодалы, возобновляя в 1658 г. войну, ставили себе целью восстановить свое господство над Украиной и Белоруссией, разгромить Россию и навязать ей новый «поляновский» договор. Ради этого они поступились национальными интересами страны на юге и западе, заключив невыгодную сделку с Австрией, позорный договор с Бранденбургом и Швецией, вступив в опасный союз с крымским ханом.

Их борьбу против России поддержала верхушка украинской старшины, боровшаяся против централизаторских устремлений России и мечтавшая об утверждении на Украине своей неограниченной феодальной власти.

В итоге многолетней борьбы польским панам удалось захватить большую часть Белоруссии и Правобережной Украины. Однако планы завоевания всей Украины и военного разгрома России провалились.

Поход 1663—1664 гг. окончился полной неудачей. Русско-украинская армия, поддержанная народом, нанесла тяжелое поражение интервентам и отбросила их за Днепр. Провал похода ослабил военно-экономический потенциал Польши, начисто опустошил королевскую казну и окончательно расстроил хозяйство страны. Стала очевидной полная несостоятельность Речи Посполитой победить Россию и восстановить границы 1634 г. Правительство Яна Казимира было еще больше дискредитировано. А это привело наряду с интригами французской и австрийской дипломатии

⁴⁰⁰ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, л. 160; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 166.

⁴⁰¹ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, л. 243; АЮЗР, т. 4, стр. 220; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 3, стб. 169.

⁴⁰² ЦГАДА, Новгородский стол, д. 187, лл. 150, 171, 189.

⁴⁰³ ЦГАДА, Новгородский стол, д. 132, л. 269. Хотя бои конца 1664—1665 г. носили местный характер, вряд ли правы авторы «Очерков истории СССР XVII в.», стр. 517.

к усилению межпартийной борьбы, к новому взрыву феодальных междоусобиц в Польше, к усилению национально-освободительного движения на Правобережной Украине и в Полесье.

Военная неудача 1663—1664, гг. подорвала престиж Польши в глазах хана, султана и казачьей знати Правобережья. Часть старшины во главе с П. Дорошенко порвала с Польшей и стала сближаться с Крымом и Турцией. Нависла серьезная опасность поглощения Украины султанской Турцией, чреватая тяжелыми последствиями для всех славянских народов.

Длительные войны с Польшей тяжело отразились и на хозяйстве России. Из-за голода и общего изнурения упала дисциплина в армии, а усиление феодальной эксплуатации и налогового бремени, вызванного войной, возмущало народ, поднимало в нем дух сопротивления. В стране медленно, но неуклонно зрели силы нового социального взрыва.

Следовательно, и внутренняя и международная обстановка требовала прекращения войны. Побеждала идея мирных переговоров. С начала 1665 г. установились регулярные встречи русских и польских дипломатов. Вопросы, выдвинутые А. Нащокиным во Львове, вновь были поставлены на повестку дня. Андрусовский договор 1667 г. юридически оформил территориальный компромисс и стал первым этапом объединения сил против общих врагов России и Польши.

Я. П. Зинчук

БОРЬБА ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ПРОТИВ АГРЕССИИ НЕМЕЦКО-ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ В КОНЦЕ XII В.

В X—XII вв. восточная часть южного побережья Балтийского моря, расположенная между реками Одрой и Вислой, входила в состав Польского государства. В конце XII в. Польша утратила западную часть этого побережья, а в XIII в. и восточная была захвачена немецкими феодалами.

В течение многих столетий польский народ вел упорную борьбу за воссоединение своих земель с основной территорией Польши, за выход к Балтийскому морю. В XV в. после знаменитой битвы при Грюнвальде (1410 г.) только частично была решена эта жизненно важная для польского народа проблема. Польша восстановила свои права на восточную часть побережья Балтики; западная часть, обычно именуемая Западным Поморьем, оставалась за Германией. И только в 1945 г. в результате победы Советской Армии над фашистской Германией польский народ восстановил свои границы по Одре и Нисе и, таким образом, Западное Поморье вошло в состав Польской Народной Республики.

В настоящей работе рассматриваются события, приведшие к потере Польшей Западного Поморья в конце XII в. Главное внимание уделяется при этом изучению внешних факторов, приведших к захвату Западного Поморья германскими феодалами.

В дореволюционной русской и польской историографии проблема потери Польшей своего Поморья не разрабатывалась, хотя и ставился вопрос о причинах подчинения немецкими феодалами полабско-прибалтийских славян вообще. По этому поводу высказывались различные, в большинстве случаев идеалистические, суждения¹. Отличительной чертой всех работ является то, что история Поморья не рассматривается в тесной связи с историей Польши, неотъемлемой частью которой оно было в X—XII вв.

Довоенная польская историография начала изучение истории Западного Поморья в связи с историей континентальных земель Польского государства. Однако политическая обстановка в панской Польше и то обстоятельство, что Западное Поморье в то время входило в состав Германии, ограничивали творческие возможности польских историков. Тем не менее ряд проблем, связанных с землями Западного Поморья, стал предметом исследования. Были высказаны некоторые суждения. Так,

¹ См. А. Гильфердинг. История балтийских славян. Сочинения, т. IV, СПб., 1874; А. Павинский. Полабские славяне. СПб., 1871; W. Bogusławski. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej, tt. I—IV. Poznań, 1892.

историк В. Стельмаховская считала, что причиной потери Польшей ее поморских земель была недостаточная консолидация сил славян, членение на мелкие государства, отсутствие личности, которая могла бы организовать отпор захватчикам². К. Тыменецкий усматривал основную причину потери Польшей Поморья в язычестве, которое, по его мнению, являлось главной преградой на пути политической консолидации всей Польши. Когда же язычество было окончательно побеждено, внутреннее положение Польши исключало возможность восстановления ее власти в Поморье³. Эти высказывания несомненно заслуживают рассмотрения, но нельзя согласиться с мнением, что отсутствие сильной личности и язычество было причиной потери Поморья.

В Польской Народной Республике история поморских земель привлекает к себе особое внимание исследователей. Уже достигнуты значительные успехи в решении некоторых проблем, связанных с историей Западного Поморья. Однако вопрос о потере Польским государством Западного Поморья еще не стал предметом всестороннего изучения. Примером тому может служить мнение историка Ю. Митковского, высказанное в работе «Западное Поморье и его отношение к Польше», который считает, что после превращения Западного Поморья в лен империи (1181) оно еще не отделилось от Польши⁴. Этой же точки зрения придерживаются С. Арнольд, Ю. Бардах и С. Кеневич⁵, тогда как именно с этого времени начинается онемечение польского Поморья и превращение его в немецкое княжество.

Советские историки, уделяя много внимания изучению истории Польши, тем не менее не исследовали вопроса о причинах потери Польшей Западного Поморья.

ПРИЧИНЫ АГРЕССИИ

В XII в. начинается усиленное наступление датских и немецких феодалов на полабские и поморские земли, вызванное не только жадой приобретения земель и крепостных крестьян, но и изменениями, происшедшими в социально-экономической жизни Европы.

По мере развития ремесленного производства и товарного обращения большое значение в Европе приобрели торговые пути. Города, расположенные на выгодных речных и морских путях, быстро развивались, и к XI в. их торговля значительно расширилась, приобретя международное значение. В числе таких городов были не только находившиеся на побережье Средиземного моря (Венеция, Генуя, Марсель, Барселона, Константинополь), но и города западных и восточных славян, расположенные на побережье Балтийского моря или вблизи его (Волин, Щецин, Колобжег, Велегощ, Новгород, Псков, Ладога и др.). Торговля по Балтийскому морю в XII в. приобрела большой по тому времени размах и способствовала экономическому процветанию как восточнославянских, так и западнославянских городов. Купцы этих городов установили экономические связи между западными и восточными славянами и между Восточной и Западной Европой.

² B. Stelmachowska. Z przeszłości Słowian północno-zachodnich. — Sb. «Polskie pomorze», t. II. Toruń, 1931, str. 11.

³ K. Tyminiecki. Rola Pomorza we wszystkich dziejach Polski. — Sb. «Polskie pomorze», t. II. Toruń 1931, str. 19.

⁴ См. J. Mitkowski. Pomorze zachodnie w stosunku do Polski. Poznań, 1946, str. 65.

⁵ См. S. Arnold, Bordach, S. Kieniewicz. Рецензия на «Istoriya Polski», t. I. — «Kwartalnik historyczny», r. LXI, 1954, № 4, str. 228.

Славянские города южного побережья Балтийского моря, обладавшие удобными гаванями и большим морским флотом, имели важное значение для международных торговых связей. Значительную роль в этих связях играли и другие города, примыкающие к Балтийскому бассейну, особенно русские города Новгород и Псков, купцы которых вели оживленную торговлю с Западом⁶. При посредничестве купцов польского Поморья и Новгорода принимали участие купцы и немецких городов⁷. Скандинавские страны — Дания, Швеция и Норвегия, — используя свое выгодное положение на этом пути и большой опыт в мореплавании, также вели торговлю по Балтийскому морю⁸.

Однако в многосторонних торговых связях на Балтике главная роль принадлежала восточным и западным славянам: здесь находились их самые крупные торговые центры, они обладали наибольшим количеством торговых судов и, естественно, имели большие доходы от торговли по Балтийскому морю.

В XII в. города восточной Германии стремились к установлению непосредственных торговых связей с Балтикой путем завоевания славянских земель на побережье Балтийского моря. Купцы датских городов, непосредственно участвовавшие в балтийской торговле, старались вытеснить славян и установить свое господство на этом торговом пути, подчинить себе южное побережье Балтийского моря с его крупными славянскими торговыми центрами.

Заинтересованность иноземных купцов в завоевании славянских торговых городов на южном побережье Балтики отмечает ряд историков в своих исследованиях. Так, М. К. Любавский пишет, что немецкое бюргерство, как только открылась возможность заселения славянских городов, немедленно воспользовалось ею, и города в славянских княжествах заселялись немецкими колонистами скорее, чем села⁹. Шведский историк И. Андерссон говорит, что немецкие купцы, обосновавшись на побережье Балтийского моря, не замедлили использовать новый путь для установления непосредственной связи с Новгородом через Балтийское море¹⁰. Он же подчеркивает, что торговля с Россией была для них чрезвычайно выгодной¹¹. Польский историк К. Перадзкая считает, что борьба датчан и славян начиная с X в. была борьбой за балтийский торговый путь¹².

Однако решающую роль в осуществлении завоеваний играл господствующий класс феодалов. Необходимо выяснить, в какой степени он разделял взгляды горожан и насколько был заинтересован в захвате торговых городов и путей.

В хрониках того времени данных по этому вопросу сравнительно мало. Только Гельмольд, описавший столкновение между саксонским герцогом Генрихом Львом и его вассалом Адольфом Голштинским по вопросу об обладании Любеком, освещает отношение феодального класса к городам и торговле.

В 1143 г. граф Адольф построил недалеко от древнего славянского города Любца г. Любек¹³. Вследствие укрепления позиций немецких

⁶ См. «Очерки истории СССР», т. 1, М., 1953, стр. 347.

⁷ См. Ф. Фортинский. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза. Киев, 1877, стр. 354.

⁸ См. L. Koczi. Polska i Scandinawia za pierwszych Piastów. Poznań, 1934, str. 220.

⁹ См. М. К. Любавский. История западных славян. М., 1918, стр. 82.

¹⁰ См. И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 78.

¹¹ См. там же, стр. 79.

¹² См. K. Pieradzka. Walki słowian na Bałtyku w X—XII w. Warszawa, 1953, стр. 54 i in.

¹³ Helmoldi Presbuteri. Chronica Slavorum, Nannoverae, 1868, L. I, p. 57.

феодалов в Вагрии Любек стал важным портом, через который немецкие купцы вели торговлю с Востоком. Уже в 1147 г. в любекском порту находилось много кораблей, груженных товарами¹⁴. Гельмольд отмечает, что торговля Любека росла и число судов увеличивалось с каждым днем¹⁵. Однажды, пишет он, Генрих Лев заявил графу Адольфу, что его город Бардевик терпит убытки, так как купцы все товары везут в Любек, а его солеварня в Люнебурге уничтожена ввиду того, что граф открыл свою в Тодессло. Генрих потребовал половину Любека и солеварню и грозил в противном случае запретить торговлю в Любеке, а солеварню закрыть¹⁶. Граф Адольф отказался выполнить это требование своего сюзерена. Тогда Генрих закрыл рынок и солеварню¹⁷. Граф Адольф, видимо для того, чтобы компенсировать потерю доходов, построил Плунский замок и заложил там город и рынок¹⁸.

Однако этим борьба двух феодалов за выгодный город-порт не закончилась. Когда Любек в 1157 г. сгорел, Генрих Лев обратился к Адольфу с просьбой уступить ему этот город, но граф отказался. Тогда Генрих заложил город и рынок на р. Багница, назвав его Левенштадтом. Но место оказалось не подходящим для торговли, так как туда могли подходить только мелкие суда¹⁹. Поэтому спор возобновился, и под нажимом Генриха Льва граф Адольф в 1157 г. вынужден был отдать ему Любек²⁰.

Обращает на себя внимание оценка Гельмольдом результатов запрещения торговли в Любеке: «Этот приказ принес большие убытки графу и краю и был преградой для дальнейшего развития»²¹.

Овладев Любеком, Генрих Лев постарался включить город в систему балтийской торговли. «Разослал герцог, — пишет Гельмольд, — гонцов в города и королевства севера, в Данию, Швецию, Норвегию и Русь, обеспечивая купцам мир и свободный въезд в его город Любек»²². По инициативе герцога в Любеке была учреждена пошлинная контора и началась чеканка монеты. Город получил широкие права, и с того времени, отмечает хронист, город рос и увеличивалось его население²³.

Таким образом, современник событий свидетельствует, что обладание Любеком имело важное значение для представителей феодального класса.

¹⁴ *Helmholti Presbuteri. Chronica Slavorum*, l. I, p. 63. «...Naves mesicibus onustas iniectione igni perdidierunt...».

¹⁵ *Ibid.*, p. 71. «Forum quoque Lubicense crescebat in singulos dies, et augebantur naves institutorum eius».

¹⁶ *Ibid.*, l. I, p. 76. «Rogamus igitur, ut detis nobis medietatem civitatis vestre Lubike et sulcie, possimusque tolerabilius ferre desolationem civitatis nostre. Alioquin precipiemus, ne fiant mercationes de cetero in Lubike».

¹⁷ *Ibid.* «Sed cum henueret comes, reputans incautam sibi nuiuscemodi conventionem, mandavit dux, ne de cetego haberetur Forum Lubike, nec esset facultas emendi sive vendendi, nisi ea tantum que ad cibum pertinent... Sed et fontes dalis qui erant Thodeslo ipso tempore obturari fecit».

¹⁸ *Ibid.*, p. 83. «Circa id tempus reedificavit comes castrum Plunen, et fecit illic civitatem et forum».

¹⁹ *Ibid.*, p. 85. «Sed cum locus ille minus esset ydoneus et portu et munimento, nec posset adiri nisi navibus parvis».

²⁰ *Ibid.*, p. 85. «...Dux iterato sermone convenire cepit comitem Adolpum super unsula Lubicensi et portu, multa spondens si voluntati sue parvisset. Tandem victus comes, fecit quod necessitas imperavit et resignavit ei castrum et insulam».

²¹ *Ibid.*, p. 76. «Et factum est verbum istud comiti nostro et terre Wagirensi in offensionem et profectum impedimentum».

²² *Ibid.*, p. 85. «Et transsmisit dux nuncios ad civitates et regna quilonis, Daniam, Svedian, Norvegiani, Ruciam, offerens eis pacem, ut haberent liverum commeatum adeundi civitatem suam Lubike».

²³ *Ibidem*. «Et statuit illic monetam et teloneu et iura civitatis honestissima. Ab eo tempore prosperatum est opus civitatis et multiplicatus est numerus aecblarum eius».

Сообщения Гельмольда позволяют также частично осветить взаимоотношения между жителями Любека и феодальной верхушкой Саксонии. Во всех обращениях к Адольфу по поводу Любека Герих Лев ссылается на то, что не только он терпит убытки, но и жители его городов²⁴. Купцы Любека после пожара просили Генриха Льва определить такое место для постройки нового города, где была бы разрешена торговля, причем строительство они обещали взять на себя²⁵. Генрих пошел навстречу горожанам опального Любека и, когда эксперимент с постройкой Левенштадта не удался, оказал сильный нажим на графа Адольфа и захватил город. Таким образом, саксонский герцог поддерживал торговые интересы горожан.

Какие именно слои городского населения были заинтересованы в развитии торговли с прибалтийскими странами?

Представители Любека заявили герцогу, что они оставались в городе, надеясь на восстановление там рынка; кроме того, здесь удерживали их дома, на возведение которых были истрачены большие средства²⁶. Следовательно, этими горожанами были собственники дорогостоящих строений Любека. Но, по-видимому, их средства были вложены не только в строения Любека, так как после его пожара они смогли построить новый город. Главное значение для них имела торговля, притом именно торговля по Балтийскому морю.

Таким образом, переговоры с саксонским герцогом вели не мелкие торговцы продуктами (такая торговля в Любеке была разрешена²⁷), а богатые купцы.

В развитии торговли были заинтересованы и духовные феодалы. Наряду с пространными описаниями строительства церквей и монастырей у Гельмольда встречаются краткие сообщения о чисто мирских делах духовенства. Так, епископ альденбургский Вицелин не случайно построил церковь возле валов древнего города, куда люди целого края в воскресенье сходились на рынок²⁸. Его преемник епископ Гарольд получил от Генриха Льва в Альденбурге владения, примыкавшие к рынку²⁹. На других подаренных ему землях тот же епископ выстроил г. Утине и учредил рынок³⁰.

В свете этих фактов становится понятным, почему церковь была активнейшим участником в агрессивных мероприятиях светских феодалов, направленных на завоевание славянского Поморья. Католическая церковь, подобно светским феодалам, стремясь к увеличению своих земельных богатств, приобретению новых крепостных, плательщиков десятины и других податей, не чуждалась и торговых доходов. Ее миссионерская деятельность по существу была подчинена сугубо материальным интересам. На корыстный характер деятельности католической церкви указывается в работах советских историков Н. Грацианского, К. Державина и др.

²⁴ Ibid., p. 76.

²⁵ Ibid., p. 85. «Nunc vero consumptis domibus, supervacuum est redificare in loco, ubi non sinitur esse forum. Da igitur nobis locum construendi civitatem in loco qui tibi placuerit».

²⁶ Ibid., p. 85. «Nos autem hastenus detendi sumus in civitate hac spe recuperandi fori in beneplacito gratie vestre, sed nec edificia nostra multo sumptu elaborata nos abire sinebant».

²⁷ Ibid., p. 76.

²⁸ Ibid., p. 69. «Dodit autem episcopus pecuniam cesoribus lignorum ad impensas sanctuarii, et ceptum est opus fabrice prope vallum urbis antique, quo omnis terra die dominica propter mercatum convenire solebat».

²⁹ Ibid., p. 83. «In Aldenburg quoque dedit ei predium satis commodum et adiacens foro».

³⁰ Ibidem. «Et edificavit civitatem et forum Uthine, fecitque sibi domum illie».

Во введении к своей «Славянской хронике» Гельмольд считает, что возвышение Любека, который богатством превысил самые знаменитые города славян, явилось результатом немецкой агрессии³¹.

В XI—XII вв. в Европе наблюдается обострение классовых противоречий, проявляющееся в вооруженных восстаниях закрепощенного и закрепощаемого крестьянства.

В 1037—1038 гг. произошло восстание польских крестьян³². В 1075 г. еще частично свободное крестьянство Саксонии поднялось против введения крепостнических порядков³³. В 1086 г. вспыхнуло восстание датских крестьян, выступивших против введения церковной десятины. Движение, начавшееся в Вендисисселе, перекинулось на острова Зеландию, Фюнию и др. Восставшие убили короля Канута³⁴. Все же со временем десятина была введена, а Канута церковь причислила к лику святых.

Насколько острый характер приняли классовые противоречия в XII в., показывает соглашение между Генрихом Львом и датским королем Вальдемаром I о совместных действиях против восставших крестьян. В частности, как отмечает Гельмольд, они договорились выдавать бежавших повстанцев. Соглашение было не безрезультатным. Так, когда епископ любекский потребовал у поселенцев-гользатов уплаты десятины, гользаты решительно отказались ее платить. Более того, они намеревались убить епископа, графа, всех тех, кто потребует десятину, все сжечь и уйти в Данию, но, узнав о соглашении между саксонским герцогом и датским королем, смирились. «Это помешало, — отмечает Гельмольд, — исполнению этих безбожных намерений»³⁵.

Среди средств подавления крестьянских выступлений не последнее место занимало разжигание религиозного фанатизма — проповедь крестовых походов против язычников-славян.

Все это подтверждает неизбежную связь между войнами и борьбой классов внутри страны³⁶.

Таким образом, причинами вторжения захватчиков на земли славян, помимо постоянного желания увеличить свои земельные владения, было стремление светских и духовных феодалов, а также богатых купцов захватить славянские города на южном побережье Балтики и, вытеснив славянских купцов, наживаться на торговле с Восточной Европой.

Возможно, что путем агрессии господствующий класс пытался решить и проблему социальных отношений: уменьшить остроту классовых противоречий между феодалами и закрепощенным крестьянством.

НАЧАЛО УСИЛЕННОГО НАСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ

С 1147 по 1181 г. датские феодалы провели более 20 походов против славян. В свою очередь саксонские и другие феодалы северо-восточной Германии в тот период, не считая мелких столкновений, пять раз с крупными силами вторгались на славянскую территорию.

³¹ Ibidem. «...Quia post excidum Aldenbourgensis ecclesiae Lubecensium ineluturum civitatem, Domino favente, ad hunc decoris apicem provexerunt, ut inter omnes Sclaverum opinatissimas civitates haec iam caput extulerit tam opulencia quam religione divina» (введение).

³² См. «История Польши», т. I, 1954, стр. 49—50.

³³ См. «История средних веков», т. I. М., 1952, стр. 179.

³⁴ F. Dahm ann. Geschichte von Dänemark, v. I, Hamburg, 1840, S. 205.

³⁵ Helmhöldi, l. I, p. 91. «Sed pravaram molimina rerum ducis nostri regisque Danorum prepedierunt innovata federa laudatum autem fuit, ne quis transfugam alterius reciperet».

³⁶ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 271.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на острые противоречия среди немецких захватчиков и особенно между датскими и саксонскими феодалами, многие их выступления против славян были согласованными. К лагерю агрессоров иногда примыкал маркграф Восточной марки, а на последнем этапе борьбы в события вмешался император Фридрих Барбаросса.

Наступление немецких и датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в рассматриваемый период можно разделить на три этапа.

Первый этап (1147—1157) начался в неблагоприятной для полабско-прибалтийских славян обстановке. После смерти Болеслава Кривоустого (1138) вследствие развития феодального сепаратизма произошло расчленение Польского государства на политически самостоятельные удельные княжества. Польские феодалы, внимание которых было поглощено борьбой за упрочение своих позиций в удельных княжествах, отказались от активной защиты интересов Польского государства на побережье Балтики.

Согласно статуту Болеслава III, юридически оформившему строй феодальной раздробленности, верховная власть в Польском государстве принадлежала старшему сыну и после его смерти передавалась старшему в династии Пястов. Таким образом, установлен был принцип сеньерата. Польские земли были разделены между сыновьями Болеслава Кривоустого, в частности, Поморье было подчинено верховному князю Владиславу II. Однако Владислав II стремился обеспечить своим наследникам великокняжеский престол. Против этого, естественно, выступили младшие братья, владевшие удельными княжествами и опиравшиеся на поддержку сепаратистски настроенной знати.

Началась длительная усобица, в ходе которой произошло расчленение Польского государства.

Вследствие этого связь Поморья с остальными землями Польши ослабла. А после изгнания великого князя Владислава II (1146) оно приобрело политическую независимость³⁷.

В результате феодальной раздробленности Польши, наступившей после временного объединения ее Болеславом Кривоустым, создалась обстановка, значительно облегчившая агрессию немецких и датских феодалов на южное побережье Балтики.

В 30-х годах XII в. делаются первые попытки нарушить установившиеся торговые связи между новгородскими купцами и Западом. «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» фиксирует под 1130 г. нападение на суда новгородских купцов.

На новгородских купцов, возвращавшихся из Дании, напал неизвестный флот, причем было потоплено семь судов противника³⁸.

По мере обострения отношений между Данией и Поморьем ухудшались отношения между датчанами и новгородцами. Дело доходило до серьезных военных столкновений. В 1134 г. купцы Новгорода снова подверглись нападению, теперь уже в самой Дании³⁹. В 1142 г., согласно данным той же летописи, новгородские купцы в Балтийском море сражались со шведским флотом, состоявшим из 60 судов. При этом новгородцы уничтожили три ладьи и 150 человек из экипажа нападавших⁴⁰.

³⁷ См. «История Польши», т. 1, стр. 71.

³⁸ См. «Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов». М.—Л. 1950, стр. 22. «...В 6638 а из Дони придоша сторовы...».

³⁹ См. «Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов», стр. 23. «В лето 6642: Том же лете рубоша новгородць за морем в Дони».

⁴⁰ См. там же, стр. 26. «В лето 6650. В то же лето приходи Свйскен князь с епископом в 60 шнек на гость, иже и заморья шай в 3 лъдях; и ближася, не успеша ничтоше, и отлучиша их 3 лодье избиша их полутораста».

Если рассматривать эти факты в связи с общей борьбой за балтийский торговый путь и, в частности, за южное побережье Балтики, то станет ясно, что уже в 30—40-х годах XII в. началась борьба за господство на этом важном торговом пути. Надо полагать, что такое сильное объединение купцов, каким была одна из трех торговавших со Щецином купеческих общин Новгорода⁴¹ — община купцов — могло обеспечить безопасность передвижения по Балтийскому морю.

Однако в дальнейшем, когда борьба в районе южных берегов Балтики приняла острый характер, нормальные связи по Балтийскому морю между новгородскими и поморскими купцами, очевидно, были нарушены. Именно в то время Дания начинает жаловаться на усиление «пиратских» действий славян. В этих действиях следует усматривать не что иное, как начало борьбы за Балтику.

* * *

Широко задуманным мероприятием, направленным на уничтожение государства бодричей и завоевание южного побережья Балтики, был крестовый поход 1147 г.

В 1147 г. в связи с захватом турками Эдессы в Европе был объявлен сбор крестоносцев. Феодалы северо-восточной части Германии не проявили энтузиазма к планируемому походу, так как были заинтересованы в завоевании славянских земель за Лабой.

Инициатор похода Бернارد Клервосский нашел «надлежащий» выход. Он провозгласил поход против язычников-славян, причем участие в нем было объявлено таким же богоугодным делом, как и в походе в Палестину. 11 апреля 1147 г. поход был санкционирован папой римским.

Официальной целью этого грабительского мероприятия было искоренение язычества. Бернارد Клервосский призывал крестоносцев обратить славян в христианскую веру или уничтожить. По словам Гельмольда, крестоносцы выступили, чтобы наказать славян за издевательства над христианами и особенно датчанами⁴².

В действительности это было связано со стремлением немецких и датских феодалов завоевать полабские и поморские земли.

Н. Грацианский в своей работе «Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты»⁴³ в достаточной мере осветил участие немецких феодалов в этом походе. Меньшее внимание он уделил феодальной Дании. Автор показал грабительскую сущность похода, обратил внимание на стремление крестоносцев в первую очередь подчинить Поморье, хотя и не объяснил, почему крестоносцы были заинтересованы в завоевании славянских торговых городов. Так, он пишет, что две армии крестоносцев направились к поморским городам Щецину и Дымину; к Поморью двинулся датский флот. Участник похода аббат корвейский Вибальт претендовал на остров Руяну и для оправдания своих претензий сочинил версию о принадлежности этого острова в прошлом его монастырю. Магдебургский епископ также стремился к богатому Поморью⁴⁴.

⁴¹ См. «Очерки истории СССР», т. I, стр. 347.

⁴² Helmhöldi, I. I, p. 62. «Tertius signatorum exercitus devotoverunt se ad genem Scavorum, Obotritos scilicet atque Luticius nobis confines, ulturi mortes et exterminia que intulerunt cristicolis precipue vero Danis».

⁴³ См. «Вопросы истории», 1946, № 2—3.

⁴⁴ См. там же, стр. 96, 92.

17 Ученые записки, т. XVIII.

Таким образом, Грацианский правильно отмечает, что «немецкие хищники имели в виду не столько покорение лютичей и соседних с Гевельбергом областей, сколько захват Поморья»⁴⁵.

Вполне понятно, что датские феодалы не могли оставаться в стороне: они надеялись, что крестоносцы разобьют силы славян на суше и это создаст благоприятные условия для их дальнейшего наступления на Поморье. По свидетельству хроник, в походе участвовало 200 тыс. человек, из них датчан было 100 тыс. Можно сомневаться в цифрах, но соотношение сил участников похода не вызывает сомнения. Помимо этого Дания выставила весь свой флот.

Претенденты на королевский престол Канут и Свен заключили перемирие и стали во главе вооруженных сил Дании⁴⁶.

Все это свидетельствует о том, что Дания придавала большое значение этому походу. Поэтому нельзя согласиться с мнением Н. Грацианского, который объясняет участие Дании в походе лишь мстью за набеги славян. «К походу примкнули, — пишет он, — датчане, терпевшие от славянских набегов»⁴⁷. Кстати, на этой же точке зрения стоит и датский хронист Саксон Грамматик⁴⁸.

Нужно подчеркнуть, что это мнение до последнего времени разделяется многими польскими историками⁴⁹.

Но факты противоречат этому. Достаточно отметить, что за 40 лет до крестового похода датчане четыре раза вторгались на территорию славян (1098, 1099, 1134, 1137), тогда как славяне за это же время совершили только два нападения на земли датчан (1135, 1136).

В походе приняли участие и польские феодалы во главе с князем Мешко Старым, которому принадлежала часть Великой Польши. Поморская политика в то время становится делом великопольского князя⁵⁰, поэтому судьба Поморья весьма интересовала Мешко. С 20-тысячным войском он присоединился к крестоносцам. Но цели польского князя были противоположны целям немцев и датчан. Польский князь, официально участвуя в походе, по существу защищал интересы Польши в Поморье⁵¹. Даже в случае поражения славян Мешко, опираясь на свои военные силы, имел возможность отстаивать права Польши на Поморье. Результатом этих действий было укрепление политического влияния Польши на поморского князя⁵². Однако это упрочение позиций Польши ввиду усиления междоусобной борьбы было кратковременным. Гельмольд говорит, что бодричский князь Никлот, узнав о готовящемся походе крестоносцев, отправил посольство к голштинскому графу Адольфу с предложением начать мирные переговоры. Но предложение Никлота было отвергнуто. Уже после того как Никлот направил свой флот против немцев в устье р. Травны, он еще раз обратился с мирным предложением

⁴⁵ «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 96.

⁴⁶ Saxonis Grammatici, Gesta Danorum. Strassburg, 1886, l. XIV, p. 675—676. «Igitur Kanulus ao Svene, invicem obsidibus datis, depositisque immiciciarum exercitiis, rei melius gerende gracia pacem pro tempore statuunt, revocatumque a suis uisceribus ferrum ad sacrorum vendictam convertunt».

⁴⁷ Н. Грацианский. Указ. соч., стр. 91.

⁴⁸ Zało, l. XIV, p. 675.

⁴⁹ Sm. L. Koczu. Polska i Scandinawia..., str. 199.

⁵⁰ См. К. Мыśliński. Polska a Pomorze zachodnie po śmierci Krzywoustego. — «Rocznik historyczny», t. XVII, Poznań, 1948, str. 41.

⁵¹ См. J. Mitkowski. Pomorze zachodnie w stosunku do Polski. Poznań, 1946. str. 61.

⁵² См. «История Польши», т. I, стр. 71.

к графу Адольфу, причем ссылался на мирный договор, который был заключен между ними⁵³. Однако его послы вновь возвратились ни с чем. Все это свидетельствует о том, что политика подричей была мирной.

Никлот, которому были хорошо известны захватнические планы крестоносцев, приготовился к защите страны. Он разработал план, в котором превентивные мероприятия сочетались с оборонительными. Объединив под своим командованием бодричей, лютичей, поморян и руян, Никлон призвал, как пишет Гельмольд, весь народ к обороне и начал строить крепость Добин⁵⁴.

Необходимо отметить, что полабско-прибалтийские славяне в то время имели довольно сильное сухопутное войско и огромный военный флот. Ядро войска состояло из конных дружинников, а основная масса рекрутировалась из свободных крестьян и городского плебса⁵⁵. Вооружение этого войска не уступало вооружению немцев и датчан⁵⁶.

Не дожидаясь нападения захватчиков, Никлот 26 июня 1147 г. приступил к опорному пункту крестоносцев — Любеку. Его войско взяло и разрушило город, одновременно был сожжен немецкий флот, стоявший в гавани Любека⁵⁷. Затем отряды славян прошли всю Вагрию и опустошили ее⁵⁸.

Немецкие колонисты, оказывавшие вооруженное сопротивление, были уничтожены, остальные — пленены. Гельмольд рассказывает, что славянские войска не тронули голштинцев, и ходил слух, будто голштинцы призывали славян, так как были недовольны колонистами⁵⁹.

Эти действия Никлота дали формальный повод к началу агрессии немцев и датчан.

В середине августа 1147 г. армия крестоносцев двинулась на славянские земли. Одна часть ее под командованием Генриха Льва осадила крепость Добин, вторая — Дымин⁶⁰. В это время в Висмарский залив вошел флот датчан и высадил войска, которые направились к Добину на помощь немцам.

Датский флот, как отмечает Н. Грацианский, должен был обеспечить крестоносцев всем необходимым и в первую очередь продовольствием⁶¹. Но надо думать, что, кроме этого, ему поручалось вести и широкие военные действия, рассчитанные на захват ключевых позиций на южном побережье Балтийского моря. Об этом свидетельствует то, что после поражения флота датская армия и флот оставили славянскую территорию⁶².

Разгром датского флота, подробно описанный Саксоном Грамматиком⁶³, видимо, входил в план обороны Никлота. Флот руян неожиданно атаковал датский флот и разбил часть его (сканийцев)⁶⁴. Хотя другая

⁵³ Helmhöldi, I. I, p. 62, 63.

⁵⁴ Ibid., p. 62. «Audiens igitur Niclotus quia congregandus esset in brevi exercitus ad destruendum eum, convocavit universam gentem suam, et cepit edificare castrum Dobin».

⁵⁵ См. К. Pieradzka. Указ. соч., стр. 31.

⁵⁶ См. там же, стр. 38.

⁵⁷ Helmhöldi, I. I, p. 63. «...quosque hostibus circumvallati, naves mercibus onustas iniecto igne perdiderunt».

⁵⁸ Ibidem. «Due quoque equitum turme omnem Wagirensium terram pervagates, quicquid in suburbio Sigeberch reppererunt, demoliti sunt».

⁵⁹ Ibid., p. 63.

⁶⁰ Ibid., p. 65.

⁶¹ Н. Грацианский. Указ. соч., стр. 93.

⁶² Saxo, I. XIV, p. 676.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem. «Primum autem Scani, ne timidioribus fuga suppeteret, communibus vinculis arcius naves in classem cosiant, mox victi; nexus industrie procuratos fortuitis rupecionibus lacerant, parsque ferro periit, pars necem sibi inter udas precipicio maturavit».

часть датского флота еще была в строю, но преимущество на море перешло к славянам, а без флота у датчан не было надежды на успешные военные действия против Поморья. Поэтому датчане без энтузиазма участвовали в осаде Добина. Гельмольд, рассматривая датчан как орудие в руках саксонского герцога и отмечая их неспособность оказать надлежащую помощь немцам, говорит: «Дома они очень храбрые, а вне его теряют воинственный дух»⁶⁵.

В это время Никлот предпринял вылазку, в результате которой датчане понесли большие потери⁶⁶. Это был финал всех усилий датчан, направленных на завоевание Поморья.

Положение крестоносцев у Добина становилось бесперспективным. Эта крепость, несмотря на использование осадных машин, оказалась несокрушимой. Давали себя чувствовать голод и обычный в таких случаях упадок дисциплины в армии. Поэтому начались разговоры о мире, о ненужности дальнейших усилий для взятия крепости⁶⁷. Все попытки другой, южной, армии крестоносцев взять г. Дымин также были тщетными, и они вынуждены были отступить. Неудачно закончился поход и той части крестоносцев, которая, отколовшись от южной группировки, направилась к Щецину. «Конечно, не кресты на стенах, — пишет Н. Грацианский, — а стены Щецина охладили пыл крестоносцев»⁶⁸.

Гельмольд, оценивая результаты похода, говорит: «Итак, это большое предприятие закончилось незначительным успехом»⁶⁹.

Однако о каком-либо успехе крестоносцев не приходится говорить. Источники показывают, что захватчики потерпели поражение.

Переговоры о мире велись в обстановке, благоприятной для славян. Условия, выдвинутые захватчиками, были скромными: славяне должны были принять христианство и освободить пленных датчан. Первое условие не было выполнено, а второе Никлот выполнил только частично, освободив самых немощных пленных⁷⁰.

Затем отдельно был заключен мир с князем Поморья Ратибором.

Н. Грацианский верно объясняет причины поражения крестоносцев: «Поход сорвался благодаря героическому сопротивлению славян»⁷¹. В этой войне славяне защищали свое отечество и были полны решимости отстоять свою независимость и свободу, это была справедливая со стороны славян война.

Однако надо учитывать и другие факторы, сыгравшие большую роль в победе над крестоносцами. Героическое сопротивление славян завершилось успехом потому, что славяне выступили единым фронтом против захватчиков. Никлот объединил вокруг бодричского государства лютичей, поморян, руян, что дало возможность славянам выступить одновременно на суше и на море.

Источники того времени не отразили процесса формирования союза славян против агрессоров. Но несомненно (это подтверждается ходом военных действий), что бодричи, поморяне и руяне накануне вторжения немецко-датских захватчиков вели между собой переговоры и выработали

⁶⁵ Ibid., p. 65. «Una igitur dierum considerantes hii qui tenabantur inclusi, quia Danorum exercitus segnius ageret...».

⁶⁶ Ibid., p. 65.

⁶⁷ Ibidem. «...Ad ultimum nostris iam pertesis...».

⁶⁸ Н. Грацианский. Указ. соч., стр. 97.

⁶⁹ Helmholti, l. I, p. 65. «...Taliter illa grandis expedicio cum modico emolumento soluta est».

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Н. Грацианский. Указ. соч., стр. 97.

совместные оборонительные мероприятия. Западнопоморский князь Ратибор был участником этого союза славян⁷², так как территория Поморья была главным объектом нападения.

Таким образом, во время крестового похода князь Поморья ориентировался на союз с государством бодричей и Рудной. Эта ориентация уже в 1147 г. себя оправдала.

Крестовый поход 1147 г. явился тяжелым испытанием для полабских славян-бодричей, лютичей, менее опустошительным был он для поморян. Ни один из крупных городов Поморья не был взят. Поморье вышло из этого испытания достаточно сильным и способным к продолжению борьбы.

Государство бодричей было в значительной степени разорено. На земли полабских славян вторглись 200 тыс. крестоносцев-захватчиков, которые по пути опустошали незащищенные славянские поселения⁷³.

Надо отметить, что положение на землях саксонских феодалов, тоже подвергшихся нападению славянского войска (Вагрия, Нордалбингия), по свидетельству Гельмольда, было чрезвычайно тяжелым. Эти владения немцев были опустошены, население разбежалось⁷⁴. Гельмольд пишет, что в результате разорения, связанного с походом, в Вагрии начался страшный голод⁷⁵.

Эта обстановка способствовала установлению мирных отношений между бодричами и саксонскими феодалами. По инициативе графа Адольфа Голштинского между ним и Никлотом было заключено соглашение.

Ухудшение экономического положения обострило социальные противоречия в государстве бодричей. Гельмольд рассказывает, что лютичи (хижане и череспеняне) отказались платить обычную дань Никлоту. В связи с этим он обратился к жене отсутствовавшего саксонского герцога за помощью, и к нему, для подавления бунтовщиков, как пишет Гельмольд, направлено было две тысячи воинов во главе с графом Адольфом. Движение было подавлено, лютичи уплатили контрибуцию и начали вновь платить дань⁷⁶.

То обстоятельство, что основной причиной выступления лютичей было их нежелание платить дань, а также обращение Никлота за помощью к немецким феодалам (очевидно, Никлот не вполне рассчитывал на свои силы) указывает на социальный характер этого движения. Однако можно согласиться также с мнением Н. Грацианского, который видит в этом выступлении лютичей политические тенденции — стремление лютичской знати к независимости от государства бодричей, — а действия Никлота оценивает как стремление сохранить единство своего государства⁷⁷.

Мирные отношения установились также между немецкими феодалами и поморской знатью, о чем свидетельствуют переговоры поморского князя Ратибора с немцами в Гевельберге (1148)⁷⁸.

⁷² Helmhöldi, I. I, p. 65.

⁷³ Ibidem. «Nonne terra qua devastamus».

⁷⁴ Ibid., p. 66.

⁷⁵ Ibid., p. 66. «In ea calamitate, qua barbaricus furor multos attriverat et frumentorum penuria famem parturiverat, commibus qui in Faldera et Cuselina fuerunt summopere commendavit, ut pauperum memores essent».

⁷⁶ Ibid., p. 71.

⁷⁷ См. Н. Грацианский. Крестовый поход против славян. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 103.

⁷⁸ См. K. Myśliński. Polska i Pomorze zachodnie po śmierci Krzywoustego. — «Rocznik historyczny», XVII, 1948, str. 45.

* * *

Совсем по-иному развивались после крестового похода 1147 г. славяно-датские отношения.

Никлот, как уже отмечалось, не выполнил всех условий мира, и война между славянами и датчанами не прекратилась⁷⁹. Славяне, особенно поморяне и руяне, перешли в наступление на побережье Дании. Этому способствовали феодальные раздоры между Свеном, Канутом и Вальдемаром — претендентами на датский престол.

Датский хронист Саксон Грамматик расценивает наступление поморян на Данию как нападение пиратов. Однако это мнение опровергают факты, приведенные у самого Саксона.

Наступление полабско-прибалтийских славян на Данию по размаху военных действий и направлению главных ударов славянского флота было по существу продолжением войны, начатой крестоносцами. Нанеся поражение войскам датских феодалов на своей территории, поморяне стремились окончательно закрепить свою победу.

Буржуазная историография вслед за Саксоном Грамматиком рассматривала войну славян 1147—1157 гг. как пиратские нападения славян⁸⁰. Этому взгляда до недавнего времени придерживались и польские историки — известный исследователь славяно-скандинавских отношений эпохи средневековья Л. Кочи в своей работе «Польша и Скандинавия во время первых Пястов»⁸¹ и К. Мыслинский в работе «Богуслав I, князь Западного Поморья», изданной в 1948 г.⁸² Только польский историк К. Перадская в исследовании по истории военного искусства выступила против этого мнения, однако она не вскрыла сущности этой войны⁸³.

В меру своей заинтересованности и возможностей в наступлении на Данию принимали участие поморяне, руяне и бодричи. В 1150 г. сканийцы напали на Руяну, в свою очередь руяне произвели нападение на Сканию. С этого кратко упоминаемого только в датских анналах⁸⁴ столкновения началось наступление поморян, руян и бодричей на Данию.

В 1151 г. славянский флот выступил против двух крепостей, построенных на островах Фионии и Зеландии Свеном, как пишет Саксон, для защиты страны от пиратов⁸⁵. Возле Фионии произошла битва, в которой, по словам Саксона, Свен отомстил славянам⁸⁶. В 1153 г. славянский флот направился к столице Дании Роскильде. Саксон довольно подробно описывает высадку пеших и конных воинов славян, их продвижение к Роскильде и затем их отступление и уход в море славянских кораблей⁸⁷. По описанию Саксона, славянская армия не похожа на пиратов. Она дисциплинирована, не сжигает поселений⁸⁸, упорно продвигается к намеченной цели. Отступление ее идет тоже организовано. В задачи славянской армии входило нанести удар по политическому центру Дании и в то же

⁷⁹ Helmhöldi, I, p. 65. «Statim enim postmodum in deterius caoverunt nam neque baptisma servaverunt, nec cohibuerunt manus a depredatione Danorum».

⁸⁰ См. F. Dahlmann. Geschichte von Dänemark, B. I, S. 263—264.

⁸¹ См. L. Koczy. Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów, str. 199.

⁸² См. K. Myśliński. Bogusław I, książę Pomorza zachodniego. Bydgoszcz—Gdańsk—Szczecin, 1948, str. 15.

⁸³ R. Pieradzka. Указ. соч., стр. 70—71.

⁸⁴ См. там же, стр. 60.

⁸⁵ Saxo, I, XIV, p. 687. «...Bina castra alterum in Fionia, in Sielandia alterum... Sed a Sclavis utrumque convulsum proditur».

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibid., p. 704.

⁸⁸ Ibidem. «Igitur, ne fumi indicio proderentur, incendio pentus obstinebat».

время уничтожить стоянку датских кораблей у Роскильде, но первая задача не была выполнена.

По весьма преувеличенным показаниям Саксона, в результате наступления славян на побережье датских островов и Ютландию вплоть до р. Эйдор все острова на востоке обезлюдели, поля не обрабатывались⁸⁹. Юго-восточное побережье Зеландии было опустошено⁹⁰. На Фионии осталось несколько жителей. Лоландия платила дань, а Фальстрия была ослаблена, хотя и продолжала сопротивляться⁹¹. В 1156 г. славяне вторглись в Фионию и, разгромив силы датчан, взяли г. Одензе⁹². Последним крупным мероприятием славян был трагически закончившийся поход 1500 кораблей. Неизвестно, куда направлялся этот флот, но, по свидетельству Саксона, у берегов Голланда буря уничтожила корабли славян, а спасшихся моряков на берегу истребило население⁹³.

Таким образом, объектом нападения славян было восточное побережье островов Дании, укрепленные пункты в датских проливах, т. е. гавани датского флота.

Необходимо отметить почти полную бездеятельность датского флота, с одной стороны, и большую концентрацию военно-морских сил у славян — с другой. Саксон рассказывает, что для борьбы со славянским флотом в Дании какой-то Витеман создал объединение, которое мобилизовало торговые корабли⁹⁴. Однако успехов на море оно не добилося⁹⁵.

Безуспешная борьба Дании с наступлением славян, а также усобица внутри страны заставили короля Свена искать выхода из сложившейся критической обстановки на дипломатическом поприще.

Перед Свеном, который под натиском Канута и Вальдемара бежал из Дании, стояла задача восстановить свою власть. Решение этой задачи теснейшим образом было связано с установлением мира между Данией и поморскими славянами, что могло обеспечить Свену поддержку со стороны населения датских островов. Это имело для него большое значение. Но он не мог опереться ни на армию, ни на горожан⁹⁶. На непопулярность Свена среди населения Дании указывает и Гельмольд⁹⁷.

При таких обстоятельствах Свен начал переговоры с саксонским герцогом Генрихом Львом, и между ними был заключен договор, согласно которому Генрих получил 1500 марок серебром, обязавшись оказывать Свену военную помощь⁹⁸.

Гельмольд рассказывает, что Генрих Лев, выполняя свои обязательства, взял города Шлезвиг и Рипу, но когда Свен увидел, что население

⁸⁹ Saxo, l. XIV, p. 706. «I isdem temporibus effusis piratice gabenis; a Wandalicis finibus Eidoram usque omnes per Orientem vici incolis vidui ruraque culture expercia iacuere».

⁹⁰ Ibidem. «Sielandia ab ortu et meridie marcido situ vastitate torpebat».

⁹¹ Ibidem. «Falstria, spacio quam virtute contraccior, incolarum fortitudine parvitatit damna pensabat».

⁹² Ibid., p. 716. «Quorum classe translatus in Fioniam, letis civibus ad urbem Othenas se contulit».

⁹³ Ibid., p. 729. Eadem nox Sclavos ad Hollandium mille quingentorum navium classe appulsos, naufragio obruit e quibus quotquot vivi in littus evaserant, ferro pereclimati sunt».

⁹⁴ Ibid., p. 687.

⁹⁵ См. H. Ziolkowska. Pomorze a gandel bałtycki w okresie wczesnohistorycznym. — «Przegląd zachodni», № 1—2, 1951, str. 410.

⁹⁶ Saxo, l. XIV, p. 706—707. «Itaque non armis, non urbibus confisam...».

⁹⁷ Helmhöldi, l. I, p. 83.

⁹⁸ Saxo, l. XIV, p. 707. «Advertens igitur rex, nutantes patrie res et iam pene collapses se propriis viribus a piratica vindicare nequire, Henrici ducis, cuius insignes ea tempestate vires fuere, adversum Sclaves opem pecuniis promerendam putavit. Cui mille quingentas argentii libras mercedis nomine pollicitus, publica collacione summan explevit».

его не поддерживает и бежит за море, он будто бы предложил Генриху Льву повернуть назад, что тот и сделал⁹⁹.

Из свидетельства Саксона Грамматика, который говорит, что «продажность Генриха превышала полезность дружбы»¹⁰⁰, следует, что события происходили не так, как они изображены Гельмольдом. Трудно поверить, что Генрих Лев после взятия двух городов возвратился по просьбе Свена. Надо полагать, что он сам отказался продвигаться дальше. Генрих Лев не был заинтересован в упрочении позиций Свена в Дании и прекращении междоусобной войны претендентов на престол, так как ослабление Дании открывало перспективы подчинения ее Саксонии. Не в его интересах было прекращение войны датчан и славян, потому что она ослабляла обе стороны, а в планы Генриха входило завоевание славянских земель.

Наконец, для Свена стало ясным, что только установив мирные отношения со славянами, он может добиться укрепления своих позиций в Дании. Не случайно Гельмольд отразил этот поворот в политике Свена: «Тогда Свен решил использовать другие средства и пойти другими путями» и в 1157 г. из Любека отправился к князю бодричей Никлоту для переговоров¹⁰¹.

Ни немецкие, ни датские хроники ничего не сообщают о переговорах между Свеном и Никлотом, но дальнейшие события помогают раскрыть их содержание. Саксон Грамматик говорит, что с помощью славян Свен хотел установить свою власть в Дании¹⁰². Далее, он поясняет, что славяне (очевидно, при посредничестве бодричского князя) обещали его сторонникам мир и неприкосновенность¹⁰³.

Важную роль в войне против Дании играли руяне, поэтому Свен одновременно установил мирные отношения и с ними. Об этом свидетельствует такой знаменательный факт, как принятие христианином Свеном даров идолу руян Святовиту в г. Арконе¹⁰⁴.

Надо полагать, что и поморяне прекратили военные действия против Дании.

После заключения мира со славянами отношение населения датских островов к Свену изменилось.

Гельмольд отмечает, что, закончив переговоры с Никлотом, Свен прибыл на остров Лоланд, где был встречен населением довольно хорошо. Оттуда он двинулся на Фионию и другие острова и всюду встречал хороший прием¹⁰⁵. Это дало ему возможность укрепиться на этих островах; значительно улучшилось его военное положение.

Мир со славянами оправдал надежды Свена. Его противники начали склоняться к примирению. Вальдемар, который на протяжении 10 лет вел двойную игру, поддерживая то Свена, то Канута, предложил Свену перемирие для ведения переговоров. Местом переговоров был выбран г. Одензе. Однако, как показали дальнейшие события, обе стороны имели свои тщательно скрываемые планы.

⁹⁹ Helmhöldi, I. I, p. 84.

¹⁰⁰ Saxo, I. XIV, p. 707. «At Henricus, cui venalis magis quam utilis amica esset, pecuniam assecutus vel quia noluit vel quia nequivit, parum stabiliter in promisso se gessit».

¹⁰¹ Helmhöldi, I. I, p. 84. «Tunc Swein alia via et consilio utens statuit transire ad Sclavos et utens duversorio comitis Lubike transiit ad Niclotum principem Obotritorum».

¹⁰² Saxo, I. XIV, p. 716. «At Sweno, non contentus semel Saxonibus sup plicuisse, iterato ad Henricum decurrit, perque Sclavos eius dicioni parentes in patriam se pervegi laborabat».

¹⁰³ Ibidem. «Sed et pax immunitasque per Sclavos eius fautoribus promissa».

¹⁰⁴ Ibid., p. 825—826.

¹⁰⁵ Helmhöldi, I, p. 84.

Борьба за престол, в ходе которой решался вопрос преодоления феодальной раздробленности Дании, могла закончиться только с устранением двух из трех претендентов. Поэтому переговоры, на которые согласились стороны, были лишь свидетельством временного равновесия сил между Свеном, Канутом и Вальдемаром. При этом надо заметить, что Свен, заключив мир со славянами, настолько укрепил свое положение, что выступал как равная сильная сторона против Канута и Вальдемара и, несомненно, надеялся одержать победу над своими противниками.

В ходе переговоров в Одензе Дания была разделена на три части¹⁰⁶, и после торжественных церемоний, сопровождавших переговоры, короли решили съехаться в Роскильде. Но здесь Свен организовал вероломное убийство Канута. Вальдемару удалось бежать в Ютландию, где у него было много сторонников. Решив покончить и с Вальдемаром, Свен с войсками двинулся за ним. 23 октября 1157 г. возле Выборга произошла битва. Свен был разбит и бежал, но в тот же день был убит¹⁰⁷.

Так борьба за королевский престол закончилась победой Вальдемара. После этого усобица в Дании прекратилась.

Таким образом, можно констатировать, что наступление полабско-прибалтийских славян на Данию было продолжением войны, начатой походом крестоносцев в 1147 г. Военные действия были завершены установлением мирных отношений между славянами и датчанами.

Эта война показала огромное значение единого фронта славян (руян, поморян и бодричей) в борьбе за свои интересы. Датские феодалы вынуждены были пойти на мирные переговоры. И Саксон Грамматик и Гельмольд говорят о посреднической роли саксонского герцога¹⁰⁸. Надо думать, что Генрих Лев, который состоял в нормальных дипломатических отношениях с Никлотом, оказал определенное влияние на бодричей. В то время Генрих Лев собирался в поход на Италию и не был заинтересован в том, чтобы проблема Поморья решалась в его отсутствие.

* * *

В 1151 г. маркграф Восточной марки Альбрехт Медведь выступил против лютичей. Этому предшествовала дипломатическая подготовка, целью которой было обеспечить нейтралитет Польши.

В связи с тем, что в 1146 г. великий князь Владислав II был изгнан из Польши и бежал в Германию, Болеслав Кудрявый и поддерживавшая его феодальная группировка, узаконившая расчленение Польского государства, опасались вмешательства немецких феодалов в польские дела под предлогом восстановления власти Владислава II. Поэтому Болеслав Кудрявый и его братья охотно шли на сближение с немецкими феодалами. Этим воспользовался маркграф Альбрехт Медведь. В 1148 г. он заключил соглашение с польскими князьями о браке его сына Оттона и дочери Кривоустого Юдиты¹⁰⁹.

Обеспечив невмешательство Польши, в 1151 г. Альбрехт Медведь обманным путем захватил главный город гаволян Бранибор. Лютичи поднялись с оружием в руках против немецких захватчиков. Во главе

¹⁰⁶ Helmholti, I. I, p. 84.

¹⁰⁷ Ibidem.

¹⁰⁸ Saxo, I. XIV, p. 716. «At Svenon non contentus semel Saxonibus supplicasse, iterato ad Henricum decurrit, perque Sclavos eius dicioni parentes in patriam se perveni laborabat»; Helmholti, I. I, p. 84. «Рецепитке дукс в Altenburg et in terra Obotritorum, ut adiuverent Sucin».

¹⁰⁹ См. K. Myśliński. Polska a Pomorze zachodnie po śmierci Krzywoustego. — «Rocznik historyczny», t. XVIII, 1948, str. 44.

лютичей становится копаницкий князь Яч, который был близким родственником умершего браниборского князя и вассалом Польши¹¹⁰.

Борьба, продолжавшаяся шесть лет, была чрезвычайно упорной. Город Бранибор несколько раз переходил из рук в руки. Яч надеялся на поддержку Польши, однако, будучи связаны дружбой с Альбрехтом, польские феодалы не оказали ему помощи. В 1157 г. немцы окончательно закрепились в Браниборе, и территория лютичей была присоединена к владениям маркграфа Восточной марки¹¹¹.

После этого союз с польскими князьями для Альбрехта стал ненужным, и в том же 1157 г. он стал союзником немецкого императора Фридриха I во время его вторжения в Польшу. Официальной причиной вторжения было восстановление на великокняжеском престоле Владислава II, но в действительности это была очередная попытка империи подчинить Польское государство. Болеслав Кудрявый признал свою зависимость от империи, уплатил большую сумму денег и обязался уплачивать ежегодную дань¹¹².

Одним из результатов этого похода было закрепление за немецкими феодалами захваченной территории лютичей.

Обращает на себя внимание отмеченный в письме Фридриха I к аббату корвейскому Вибальду факт, что во время вторжения Фридриха I Польше помогали поморяне¹¹³.

После захвата земель лютичей Альбрехтом территория полабских славян сократилась. Разумеется, это ослабило силы полабско-прибалтийских славян и приблизило немцев к границам государства бодричей и Поморья.

Таким образом, к концу 50-х годов XII в. полабские и поморские славяне отразили первый натиск немецких и датских феодалов. Но все же в цепи сил, оказывавших сопротивление агрессорам, не стало лютического звена.

ВТОРОЙ ЭТАП В НАСТУПЛЕНИИ АГРЕССОРОВ. ЗАХВАТ ОСТРОВА РУЯНЫ

В конце 50-х годов начался второй этап (1158—1171) наступления агрессоров на южное побережье Балтийского моря. Инициатором его были датские феодалы, возглавляемые королем Дании Вальдемаром и его соратником епископом Абсаломом. К этому наступлению тщательно готовились. Главные усилия дипломатии были направлены на разъединение славян. Поэтому, когда Генрих Лев по призыву Фридриха I¹¹⁴ созвал своих вассалов и пригласил Вальдемара для урегулирования внешнеполитических вопросов, последний использовал благоприятную ситуацию и поднял вопрос о славяно-датских отношениях. При этом Вальдемар, как передает Гельмольд, просил Генриха употребить свое влияние для прекращения славянских вторжений¹¹⁵.

Характерно, что хроники не говорят о конкретных фактах этого вторжения. По-видимому, дипломатический маневр Вальдемара заключался в следующем: он хотел воспользоваться тем, что Генрих, уходя в Италию,

¹¹⁰ См. там же.

¹¹¹ См. там же, стр. 51.

¹¹² См. «История Польши», т. I, стр. 72.

¹¹³ М. К. Myśliński. Указ. соч., стр. 49.

¹¹⁴ Helmhöldt, I, I, p. 86.

¹¹⁵ Ibidem. «Et rogavit rex ducem, ut faceret sibi pacem de Sclavis, qui sine intermissione vastabant regnum eius, et pactus est ei amplius quam mille marcas argenti».

нуждался в его поддержке в период своего отсутствия. Не имея достаточно сил для одновременного выступления против поморян, руян и бодричей, датский король решил использовать влияние Генриха на Никлота, с которым саксонский герцог был в мирных отношениях, добиться нейтралитета бодричского государства. За это он дал Генриху 1000 марок серебром.¹¹⁶ Саксонский герцог согласился удовлетворить просьбу Вальдемара. Он пригласил Никлота и других славянских князей и, как пишет Гельмольд, обязал их присягой придерживаться мира с датчанами и саксонцами¹¹⁷.

Гельмольд постоянно подчеркивает зависимость государства бодричей от Саксонии. Но это опровергают приведенные им же факты. Саксонский герцог вел с Никлотом переговоры как с суверенным правителем государства и достигнутое соглашение скрепил присягой славянского князя. Несомненно, что зависимому от него вассалу герцог мог бы попросту приказать выполнить его волю, чего он не мог сделать по отношению к Никлоту.

Соглашение саксонского герцога и Никлота обязывало последнего, во-первых, не нападать на датчан и саксов, во-вторых, привести в Любек, как пишет Гельмольд, пиратские корабли¹¹⁸. Очевидно, речь шла не о пиратских кораблях (так как пираты могли не подчиниться и Никлоту), а о судах, пригодных к военным действиям на море. Об этом несколько иначе пишет Гельмольд. Последнее условие Никлот не выполнил: он привел в Любек несколько старых, непригодных для морских сражений кораблей¹¹⁹.

Следовательно, Генрих Лев, направляясь в Италию, старался путем переговоров обеспечить границы Саксонии от нападения славян и вместе с тем не допустить объединения военных сил соседних славянских племен. В этом также была заинтересована и Дания, готовившаяся к вторжению на славянское побережье и стремившаяся в первую очередь захватить остров Руяну.

Важное значение для военных действий того времени имел морской флот. Саксон Грамматик достаточно четко определяет значение флота в войне против славян. Он пишет, что в результате одной решительной победы на море Дания могла бы овладеть всей Славией¹²⁰. Поэтому во флот направлялись лучшие силы датчан. Вместе с тем были приняты меры для укрепления восточного побережья Дании от возможных вторжений флота славян¹²¹. Таким образом, Вальдемар и Абсалон все усилия государства направили на укрепление военных сил.

Этот же хронист довольно обстоятельно рисует и ход подготовки к агрессивным действиям. Вначале было созвано узкое совещание сторонников Вальдемара, на котором Вальдемар, следуя благоразумным советам Абсалона, Петрея, Сунона и Гесберна, имевших большое влияние на

¹¹⁶ Helmholti, l. I, p. 86.

¹¹⁷ Ibidem. «Quamobrem precepit dux Sclavos in presentiam suam venire, Niclotum scilicet et ceteros, et strinxit eos precepto et iuramento, ut servarent pacem tam Danis quam Saxonibus usque ad reditum suum».

¹¹⁸ Ibidem. «Et ut pactiones rate essent, iussit omnes piraticas naves Sclavorum perducere Lubice et nuncio suo presentari».

¹¹⁹ Ibidem. «At illi propter solite temeritatis ausum et vicinitatem Italice expeditionis paucas admodum naves et easdem vetustissimas obtulerunt, ceteris que bello apte erant calide retentis».

¹²⁰ Saxo, l. XIV, p. 736. «Preterea in eam classem Danicum penitus coisse robur, quod si periclitari contingeret, profecto Sclavos inius victoriae beneficio Dania potituros».

¹²¹ Ibid., p. 739.

совещаниях короля, принял план нападения¹²². Затем на более широком совещании (о его характере хронист ничего не говорит) был поставлен вопрос о развязывании войны со славянами. Однако большинство присутствовавших на этом совещании выступило против планов Вальдемара и его сторонников. Саксон пишет, что «мнение сильного большинства обыкновенно противится здравым распоряжениям старших..., у него имеет большее значение страх перед силой славянского имени, чем перед королевским постановлением»¹²³. Какие социальные элементы составляли эту оппозицию, датский хронист не сообщает. Только из дальнейших событий можно узнать, что в числе оппозиционных элементов была часть духовенства. В частности, епископ Эскилл во время первого похода на Рюану решительно выступал против продолжения агрессии, и Саксон, идеолог агрессивной группировки феодалов Дании, называет его малодушным человеком, проповедующим измену¹²⁴. Очевидно, среди многочисленной оппозиции было немало и светских феодалов.

Это было одной из главных причин отмены похода на Рюану в 1158 г.

Еще более серьезное сопротивление агрессивным планам короля оказало население острова Фальстрии. Во время нападения славянского флота на ютландское епископство Аргус в 1156 г. жители Фальстрии оказали поддержку славянам, снабжая их оружием и охраняя их пленных¹²⁵.

Это заставило Вальдемара силой оружия подавить оппозицию на острове¹²⁶. Таким образом, между населением Фальстрии и славянами были дружественные отношения. Отмеченные факты заставляют сомневаться в верности сообщений Саксона об опустошениях, произведенных славянами в Дании.

Очевидно, такие же отношения существовали между славянами и жителями острова Лоланда, что подтверждается свидетельством Саксона¹²⁷. В это же время вспыхнул конфликт между населением г. Роскильде и клиром по поводу замещения духовной должности. По-видимому, он был результатом недовольства политикой Вальдемара.

Таким образом, против войны было настроено население островов, поддерживавших в прошлом Свена, который, как отмечено выше, заключил мир со славянами.

Надо думать, что против войны со славянами, затеваемой господствующим классом Дании, выступало эксплуатируемое население датских островов, которое на опыте предыдущей войны (1147—1157) убедилось в том, что она приносит ему лишь тяжелые испытания.

¹²² Ibid., l. XIV, p. 741.

¹²³ Ibidem. «Tune rex Absalonis, Petri Sunonis et Hesberni, qui potissimum consiliis eius pre erant, prudencioribus monitis informati cicioe quam maiore exercitu occultoque magis incursu quam aperta classe expeditionis in hostem agende consilium cepit, cum multo facilioris sit negotii inopinatos quam providos oppugnare, et plurumque prevalde multitudinis sententia salutaribus maiorum iussis obniti, soleat, apud quam plus virium Sclavici nominis terror quam, regium possideret edictum».

¹²⁴ Ibid., p. 746. «Eskyllum virtutis petinacia aliquandiu subsequi conatum, affectumque regis debilitatem navigii sui propensum intuentem, partim regie vocis prohibitio partim referta periculo necessitas reverti compulit. Eo viso complures reversionis occasionem ab erroris simulacione mutuari ignavia docuit».

¹²⁵ Ibid., p. 739. «Alia quoque haud leviori criminatione adversum Falstrenses asperatum regis animum inflammabat, unius precipitis linque vegemenciam universorum excidio mulctare capiens. Siquidem impissimam eis prodicionis noxam affixet, quasi consiliorum omnium adversum Sclaviam conceptorum indicia ad eam transmittere solitis... Nam et captivos a Sclavis sibi commissos in custodia asseruare, et plerumque patria arma, lato hostibus nuncio precurrere consueverant...».

¹²⁶ Ibidem.

¹²⁷ Ibid., p. 741. «Postremi Lalandenses ac Falstrici in classem coire iussi, ne longa prescencia edocti furtim ad Sclavos imperata rei indicia deferrent».

Однако агрессивная политика победила, встретив много сторонников в среде класса феодалов и городской верхушки, заинтересованной в завоевании торговых путей.

* * *

Сломив сопротивление оппозиции, Вальдемар весной 1159 г. организовал экспедицию против Руяны. 260 датских кораблей¹²⁸, по плану короля, должны были незаметно подойти к острову и захватить столицу Руяны г. Аркону. Однако, подойдя к острову, датчане не отважились высадиться на берег и повернули корабли¹²⁹. Затем решено было ограбить плохо защищенную славянскую провинцию Бартам¹³⁰. Но едва датчане высадились на побережье, появился флот руян. Основные силы датчан в панике бежали, оставив своих руководителей. Вальдемару и Абсалону с большим трудом удалось на семи плохих кораблях оторваться от руянского флота¹³¹. Таким образом, датчане боялись встречи в открытом бою с руянским флотом и искали подходящего случая для неожиданного нападения.

Неудача весеннего похода на Руяну не остановила захватчиков. Осенью того же года Вальдемар собрал войско из зеландцев, сканийцев и ютов для нового нападения на Аркону¹³². На этот раз датская армия высадилась на полуострове Витов и, как обычно, начала грабить население. В это время к полуострову подошел флот руян. Руянская пехота отрезала датчан от их судов, и только с большим трудом датчанам удалось провратиться к своим кораблям и уйти в море¹³³.

Так безрезультатно закончился второй поход на Руяну.

Очевидно, сказывалось отрицательное отношение к войне лоландцев и фальстрийцев. Конечно, имело значение и превосходство славянских моряков в флотовождении, о чем не может умолчать даже Саксон Грамматик. Он вынужден признать, что славяне лучше ориентировались в открытом море; далее, он подчеркивает, что славянские моряки во время бури могли снабжать свои войска и пополнять их, чего не в состоянии делать датчане¹³⁴. Нельзя не обратить внимание на то, что по численности славянский флот был больше датского. Как отмечено выше, у берегов Голланда погиб славянский флот в количестве 1500 кораблей, а Вальдемар нападал на Руяну, имея всего 260 судов. Не давала нужных результатов и датская тактика внезапного нападения.

В начале 1160 г. Генрих Лев возвратился из итальянского похода. Его политические планы захватов на востоке вновь выдвигаются на первое место. Между тем опыт крестового похода 1147 г. показал, что Саксония, подобно Дании, даже с помощью других немецких вооруженных сил не в состоянии добиться решающих успехов в борьбе со славянами.

¹²⁸ Saxo, l. XIV, p. 742. «Summa vero contracte classis ordine digesta ducentarum et saxaginta navium numerum reddebat».

¹²⁹ Ibidem. «Absallon exsequende speculacionis gracia cum prope modum ad Rugiam pervenisset, indicantibus nautis cognoscit regiam navem subito remigium velo mutasse».

¹³⁰ Ibid., p. 748. «Ceterum Bartam provinciam... ob parvitatem sui quounque paratu esset, populatu perfacilem fore».

¹³¹ Ibid., p. 751, 752. «Ita semptem solis navigiis ex omni Danorum classe residuis, Sclavi multitudine freti...».

¹³² Ibid., p. 752.

¹³³ Ibidem. «Autumno rex crebra Sialandensium ac Scanorum rara vero Iutensium manu provinciam Arcon urbi confinem adortus, cumingenti preda acta, ad littus reverteretur. Rugiani, repetentem naves exercitum hisdemque scandendis intentum a tergo per insidias circumfundere gestientes, magnis viribus in insulam e continenti traiciunt».

¹³⁴ Ibid., p. 750—751.

Поэтому, когда Вальдемар I прибыл в Саксонию и начал зондировать почву для заключения союза против славян, он встретил полную поддержку со стороны Генриха Льва¹³⁵. Гельмольд пишет, что Вальдемар жаловался на нарушение славянами мирного договора¹³⁶, и Генрих, которому, вероятно, было известно, кто на кого нападал, все же вызвал славянских князей на сейм в Беренфорд для ответа.

Договор между Вальдемаром и Генрихом, подробности которого нам не известны, был, по-видимому, рассчитан на активизацию военных действий против славян.

После того как Генрих потребовал Никлота на сейм, последний перешел к военным действиям, так как другого выхода не было. Как и в 1147 г., Никлот решил провести превентивные мероприятия, напасть на Любек, куда направил своих сыновей, а затем перейти к обороне своей страны. Однако Любек оказал сильное сопротивление, и сыновья Никлота вынуждены были отступить¹³⁷. После этого Генрих Лев начал наступление, как пишет Гельмольд, «опустошая все огнем и мечом»¹³⁸. Тактика Никлота в целом была такой же, как и в 1147 г. Его войска отступали в глубь страны, уничтожая все на своем пути. Города и укрепления Илов, Мекленбург, Зверин и Добин были сожжены¹³⁹. Никлот укрепился в городо-крепости Ворле на р. Варнаве, которая стала как бы линией обороны. Фактически страна бодричей была оставлена войсками Никлота. Под прикрытием крепостей отряды Никлота начали действовать против неприятеля. В это же время датский флот вошел в устье Варнавы.

Как видно из сообщения Гельмольда, славяне ограничивались нападением на немецких фуражиров¹⁴⁰. Очевидно, снабжение войск захватчиков в условиях опустошенной страны представляло серьезные трудности. Сопротивление славян и затруднения с продовольствием заставили саксов прекратить активные военные действия и остановиться у Мекленбурга¹⁴¹.

Саксон Грамматик довольно подробно описывает операции датчан в низовьях Варнавы. Датские корабли, которые могли двигаться мелким фарватером Варнавы, под командованием Абсалона двинулись вверх по реке к тому месту, где она образует озеро. По пути они встретились со сравнительно слабым флотом славян и заставили его отступить. Затем сюда прибыла другая группа датских кораблей. Высадившись на берег, датчане сожгли оставленный славянами г. Росток и разорили ближайшие села. В это время датчане получили сведения, что на помощь ободритам движется руянский и поморский флот, который, по плану, должен закрыть датскому флоту выход из Варнавы¹⁴². По совету Генриха датский флот вышел из реки в море. Вскоре подошел руянский флот, но датчане заставили руян отступить, и они ушли к своим берегам. Преследуя руян, датчане опустошили южные и западные берега Руяны и вынудили руян начать переговоры о мире, для чего к датчанам был направлен Дам-

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Helmholdt, l. I, p. 86. «...Vocavit regem Danorum Waldemarum ad colloquium et iunxit cum eo amicitias».

¹³⁶ Ibidem.

¹³⁷ Ibid., p. 86.

¹³⁸ Ibid., p. 87.

¹⁴⁰ Ibidem. «...Una igitur dierum, dum exercitus moraretur prope Mikilburg egressi sunt ad nocendum filii Nicloti Pribizlavus et Vartizlavus et percusserunt quosdam de castris qui exierant ad frumentandum».

¹⁴¹ Ibid., p. 87.

¹⁴² Saxo, l. XIV, p. 763. «Interea dum hec geruntur subito fama pertulit, Rugianum Pomeranumque classem ex disposito convenisse, Danos amni includere avidam».

бор¹⁴³. Надо заметить, что еще в 1159 г. руяне посылали этого же Дамбора для мирных переговоров, но мир не был заключен¹⁴⁴.

Как сообщает Саксон, на помощь бодричам шел руянский и поморский флот, но на месте боя оказался только флот руян. Видимо, план, о котором упоминает Саксон, не был осуществлен. Характерно, что в столкновении с датским флотом руяне не понесли потерь. Руянская знать, независимо от результатов борьбы полабских славян с немецко-датскими захватчиками, пошла на примирение с Данией, т. е. отказалась поддерживать бодричей. Переговоры завершились соглашением, по которому руяне прекращали враждебные действия, выдавали заложников и обязывались уплачивать дань¹⁴⁵.

После заключения сепаратного мира с руянами соотношение сил изменилось в худшую для полабских славян сторону. Изменив общему делу, руяне дали возможность Вальдемару направлять свои главные силы против бодричей и поморян. Соглашение с руянами усилило позиции Дании в ее борьбе против временного союзника — саксонского герцога.

В это время в одной из мелких операций был убит Никлот¹⁴⁶, и во главе бодричской армии стали его сыновья Прибыслав и Вартислав. Необходимо заметить, что еще задолго до наступления немцев и датчан в семье Никлота произошел раскол. Его младший сын Присклав перешел на сторону датчан, женился на дочери Вальдемара и получил владения и привилегии. Саксон всячески хвалит этого отщепенца и подробно описывает его лицемерное отношение к гибели отца¹⁴⁷. В лагере врагов славян мы встречаем и брата Никлота¹⁴⁸. Итак, в 60-х годах часть славянской знати, стремясь сохранить свое личное благополучие, отказывается от борьбы и переходит на сторону врага.

Под натиском саксонской армии Вартислав и Прибыслав, не вступая в решительное сражение, отходили в глубь страны. Город Ворле был ими сожжен, страна бодричей опустошена Генрихом¹⁴⁹. Положение бодричских князей осложнялось изменой руян и неясной позицией поморских князей. Саксон говорит, что поморский флот должен был вместе с руянским запереть датские корабли в р. Варнаве¹⁵⁰. Но флота поморян в дельте реки не оказалось. Положение бодричей было тяжелым. Однако его нельзя назвать критическим, так как их армия не была уничтожена или разбита. К тому же в лагере врагов славян, несмотря на их временное согласие, назревали противоречия¹⁵¹.

Успехи датчан — занятие г. Росток, заключение соглашения с руянами — начали беспокоить Генриха Льва. Он поспешил к Ростку и здесь встретился с Вальдемаром¹⁵². После встречи, герцог решил заключить мир с бодричскими князьями. Очевидно, его тревожили планы Вальдемара, в лагере которого находился третий сын Никлота — Присклав, возможный претендент на земли добричей, что, видимо, позволило бы датчанам усилить свои позиции в славянских землях.

¹⁴³ Saxo, I. XIV, p. 764. «Sed interim apud hostes pacis non belli studia agitabantur. De qua acturus Damborus ad Danos dirigitur».

¹⁴⁴ Ibid., p. 755.

¹⁴⁵ Ibid., p. 764—765, 773.

¹⁴⁶ Helmhöldi, I. I, p. 87.

¹⁴⁷ Saxo, I. XIV, p. 759.

¹⁴⁸ Helmhöldi, I. I, p. 92.

¹⁴⁹ Ibid., p. 87.

¹⁵⁰ Saxo, I. XIV, p. 764.

¹⁵¹ Ibid., p. 758. «Itaque communibus, sed discretis viribus alterum Slavie latus Dani invaserant, alterum Teutones lacerabant interdumque exercitus alter ab altero invicem spectari poterat».

¹⁵² Ibid., p. 759.

Генрих Лев не мог не учитывать и того, что под командованием Прибыслава и Вартислава находилась вооруженная армия. Поэтому герцог решил заключить мир с бодрическими князьями. Он отдал им г. Ворле и земли хижан и череспенян¹⁵³. Таким образом, вооруженные силы бодрических князей были противопоставлены датчанам, которые разворачивали военные действия в этом районе. Условия мирного договора, конечно, были тяжелыми, но в сложившейся обстановке бодрические князья вынуждены были принять их. Поэтому нельзя согласиться с мнением польского историка В. Богуславского, который вслед за Гельмольдом пишет, что Генрих Лев из сожаления отдал бодрическим князьям земли хижан и череспенян¹⁵⁴.

Итогом наступления агрессоров в 1160 г. была временная потеря славянами территории бодричей, которую захватил саксонский герцог, а также потеря небольшого острова Стрела, уступленного датчанам руянами. Политическим его следствием были временная ликвидация государства бодричей и отход руян от общей борьбы с немецко-датскими агрессорами. Если сравнить успехи саксов и датчан, то станет ясно, что датчане не осуществили своих захватнических планов. Территориальные приобретения их были совсем незначительными (остров Стрела). Соглашение с Руяной еще не было подчинением этого острова. Поэтому Вальдемар стремился создать прочный опорный пункт на славянском побережье Балтийского моря. Саксон Грамматик пишет: «После того как было заключено соглашение с руянами, король выступил против г. Велегош»¹⁵⁵. Официально и на сей раз была выдвинута версия о необходимости борьбы с пиратами, скрывавшимися в устье р. Пены. Операция закончилась мирными переговорами. Велегош дал заложников и обязался не поддерживать «пиратов»¹⁵⁶.

Выступление датского флота против Велегоша было значительным фактом. Велегош находился на границе Западного поморского княжества и контролировал один из трех проходов в Щецинский залив. Это был город, имевший самоуправление¹⁵⁷. Стратегическое и экономическое положение его было чрезвычайно выгодным. Поэтому действия датчан против этого города должны были обратить внимание поморян и саксов. Нападение датчан на Велегош было, по существу, продвижением их к границам Западного Поморья, а это противоречило интересам саксонского герцога. Не случайно Генрих Лев в это время отказался от участия в походе в Италию, несмотря на большие обещания Фридриха I и успехи немцев в ограблении Италии. По-видимому, этот отказ в известной мере был обусловлен и непрочностью положения саксов в захваченных бодрических землях. Не случайно Саксон вслед за описанием похода датчан к Велегошу характеризует отношения Генриха и Вальдемара как скорее вражеские, чем дружеские¹⁵⁸.

Захват бодрических земель саксонским герцогом и нападение датчан на г. Велегош создавали угрозу безопасности Западного Поморья. Новая

¹⁵³ Helmhöldi. «Post hec redierunt filii Nicloti in gratiam ducis et dedit eis dux Wurle et omnem terram» (I. I, p. 87). «Filii enim Nikloti Pribizlavus atque Wartizlavus, non contenti terra Kicinorum et Circipanorum» (I. I, p. 92).

¹⁵⁴ См. W. Bogusławski. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej, t. III. Poznań, 1890, str. 630; cp. Nelmhöldi, I. I, p. 87.

¹⁵⁵ Saxo, I. XIV, p. 773. «Post hec, Rugianis ex pacto comitatum prebentibus, castellum Wologastum obsiditur a rege».

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ Ibid., p. 774.

обстановка не могла не отразиться на позиции поморских князей. В последующих событиях они становятся на сторону бодричских князей.

В 1162 г. Прибыслав и Вартислав начали готовиться к войне против Саксонии. Целью этой войны было возвращение территории государства бодричей. Подготовка бодричских князей стала известна назначенному Генрихом правителю бодричских земель Гунцелину. Зимой 1162 г. Генрих Лев вторгся на территорию славян. По его приказанию Гунцелин осадил превращенный славянами в крепость г. Ворле. Гарнизон города под командованием Вартислава оказывал сильное сопротивление, но под натиском превосходящих сил был вынужден сдаться¹⁵⁹. Условием сохранения жизни сдавшихся была полная капитуляция Прибыслава и его армии. Характерно, что после сдачи крепости немцам Вартиславом правителем Ворле был назначен брат Никлота Любомир¹⁶⁰. Таким образом, часть славянской знати, боясь утратить свое господствующее положение, перешла в лагерь врага. Военные действия прекратились. Прибыслав начал переговоры с саксонским герцогом, которые длились до 1164 г. Генрих Лев не пошел на уступки, а Прибыслав отказался капитулировать. Тем временем Генриха Льва серьезно беспокоило укрепление Дании на острове Руяне. В 1163 г. саксонская армия, перейдя по льду пролива, проникла на Руяну, и Генрих принудил руян признать зависимость от Саксонии¹⁶¹. Этот ход саксонского герцога был явно направлен против Дании. Поэтому отношения между двумя захватчиками обострились, и только события на континенте, угрожавшие обоим агрессорам, толкнули их к новому сближению.

После тщетных попыток Прибыслава мирным путем разрешить конфликт между бодричами и саксами он по совету Вартислава, плененного саксами, перешел в наступление. Его армия штурмом взяла Мекленбург, затем принудила к капитуляции Малахов и Кичин¹⁶² и успешно продвигалась на запад, изгоняя за Лабу немцев и других колонистов. Положение саксонского герцога стало весьма серьезным. Успехи славян в перспективе угрожали и датчанам.

Все силы Генриха Льва были мобилизованы для борьбы со славянами. Помимо этого, на помощь были призваны войска маркграфа Альбрехта Медведя, а также датского короля Вальдемара¹⁶³.

Видимо, для того, чтобы убедить союзников и особенно Вальдемара в том, что он не заключит мира с бодричами, Генрих возле Малахова повесил князя Вартислава¹⁶⁴.

Большое значение в развернувшейся борьбе бодричей против немецко-датских феодалов имело то обстоятельство, что поморские князья на сей раз последовательно поддерживали Прибыслава. Войска последнего из тактических соображений отошли к мощной крепости Дымину. Здесь были сконцентрированы и военные силы поморян во главе с Казимиром и Богуславом¹⁶⁵.

¹⁵⁹ Helmhöldi, I. p. 92.

¹⁶⁰ Ibid., p. 92.

¹⁶¹ См. K. Pieradzka. Указ. соч., стр. 80.

¹⁶² Helmhöldi, I. II, p. 2, 3. «*Scavorum igitur exercitus viris et armis potentior vegementi pugna irrupit munitionem... et succenderunt castrum igne. Post non multum vero tempus Pribizlavres... venit Malacave et Cuscin... et Pribislavis recept castrum*».

¹⁶³ Ibid., p. 4. «*Post hec congregavit exercitum grandem et vocavit cognatum suum Adelbertum, marchionem orientalis Slavie et omnes fortissimos totius Saxonie in auxilium... Sed et Waldemarum regem. Dannorum adduxit cum navali exercitum ut vexare, eos Terra marique*».

¹⁶⁴ Ibidem.

¹⁶⁵ Ibid., p. 4.

18 Ученые записки, т. XVIII

6 июля 1164 г. вблизи Дымина произошло решающее сражение, в котором славянская армия разбила немецкое войско и захватила его лагерь со всем имуществом¹⁶⁶. Во время сражения погибли командовавшие немецким войском граф Адольф Голштинский, граф Рейнгольд и все храбрые другие, как отмечает Гельмольд¹⁶⁷.

Очевидно, по тактическим соображениям Богуслав и Казимир сожгли Дымин и отошли в глубь поморских земель¹⁶⁸. Немецкая армия под командованием Генриха Льва, который прибыл на помощь разбитым войскам, также ушла с поля боя.

О заключительном этапе этой войны Гельмольд говорит, что Генрих Лев оставил славянский край потому, что к саксонскому герцогу прибыли послы из Греции. В противном случае, продолжает Гельмольд, он сломил бы мощь славян и с землями поморян поступил бы так же, как с землями бодричей¹⁶⁹. Все это, конечно, далеко от истины. Герцог не упустил бы шансов на завоевание Поморья, если бы таковые были. И никакие действия послов, тем более из далекой Греции, не помешали осуществлению намерений Генриха Льва. Герцога заставила отступить бесперспективность дальнейшей борьбы, боязнь соединенных сил славян.

Славяне вскоре возвратились к Дымину и начали его отстраивать¹⁷⁰. Прибыслав продолжал военные действия против вассалов герцога Гунцелина и Бернгарда — вплоть до заключения мира.

Датский король Вальдемар в этот период продолжал наступать на славянское побережье Балтики. Город Велегощ и остров Руяна разорвали связи с датчанами и не признавали зависимости от Дании. Надо думать, что этому способствовали успешные действия бодричей и поморян против немцев.

В 1164 г. Вальдемар одну часть флота направил на Руяну¹⁷¹. Остров вынужден был признать прежнее соглашение с датчанами. Другая часть флота под командованием Вальдемара подошла к Велегощу, но население, узнав о приближении датчан, оставило город, и завоевателям достались пустые жилища¹⁷². Так же поступили и жители Узнойма, но предварительно разрушив свой город.

Завоевание Поморья не состоялось. В результате понесенного поражения у Генриха не было сил для продолжения борьбы. По-видимому, положение Вальдемара было не лучшим. Это частично подтверждается тем, что в захваченном Велегоще, как отмечает Саксон, никто из сторонников датского короля, боясь нападения славян, не согласился стать правителем. Вальдемар отдал город с окрестностями Тетиславу Руянскому, Присклаву — сыну Никлота и поморскому князю Казимиру¹⁷³. В свою очередь Казимир, которому до этого принадлежала верховная власть над Велегощем, пошел на сближение с Вальдемаром с целью усилить датско-немецкие трения.

Вскоре после того как датский флот ушел в Данию, сторонниками Казимира Велегощ был освобожден от датского гарнизона¹⁷⁴.

¹⁶⁶ Ibidem. «Et optinuerunt Sclavi castra Saxonum et diripuerunt predas castrorum».

¹⁶⁷ Ibid., p. 4.

¹⁶⁸ Ibidem.

¹⁶⁹ Ibid., p. 5.

¹⁷⁰ Helmholti, l. II, p. 6.

¹⁷¹ Saxo, l. XIV, p. 797—801.

¹⁷² Ibid., p. 798.

¹⁷³ Ibid., p. 799—800. «Wologasti dominio trifarium diviso, pars una Tetislavo, reliqua Kazimaro, tercia Nucleti filio Prislavo vendicaretur».

¹⁷⁴ Ibid., p. 800.

Таким образом, совместное наступление немецких и датских феодалов не принесло им желаемых результатов. Славяне удерживали свои позиции на южном побережье Балтийского моря.

* * *

Дальнейшие стремления датских феодалов создать плацдарм для наступления на Руяну и славянское побережье обострили незатухавшие противоречия между агрессорами. Для ослабления позиции Дании Генрих Лев намеревался использовать военную помощь руян. Он обещал им свои войска в случае их выступления против Дании. Руяне легко пошли на разрыв отношений с Данией, поскольку такие отношения зиждились лишь на принципе подчинения и господства. Саксон Грамматик прямо заявляет, что отложение руян — дело рук Генриха Льва¹⁷⁵.

В 1164—1165 гг. датчане организовали три экспедиции против руян. Эти походы сопровождалось страшным ограблением незащищенных местностей Руяны¹⁷⁶. Попытки Вальдемара и Абсалона взять г. Аркону были безуспешны¹⁷⁷. Поэтому они опустошали отдельные пункты. Датские войска сжигали на корню урожай славян, чтобы сломить их сопротивление¹⁷⁸. Обещанная Генрихом помощь не была оказана, и руяне решили прекратить военные действия. «Тогда, — пишет Саксон, — убедившись на опыте, что надежда на получение помощи от саксонцев их обманула, руяне, давши четырех заложников, у острова Стрела испросили за деньги мира у короля»¹⁷⁹.

Для Саксона Грамматика вполне ясно, на кого надеялись славяне и кто спровоцировал их выступление, но он не хочет видеть истинной причины выступления славян, которые боролись вообще против угнетателей и использовали любые возможности для борьбы. Надо думать, что мир нужен был и Дании, так как война с руянами требовала напряжения всех ее сил. О захватах в Прибалтике не приходилось думать. Больше того, датчане утратили и то, что было завоевано в прошлом. Саксон говорит, что король после заключения мира направил свое войско против отпавших восточных славян¹⁸⁰.

Потерянные позиции Дания могла вернуть только с посторонней помощью. Поэтому датчане стремились к нормализации отношений с Саксонией.

Мир с руянами и установление нормальных отношений с саксонским герцогом дали возможность датчанам бросить свои военно-морские силы на побережье Балтийского моря.

Весной 1166 г. датчане предприняли большой поход против Трибужского края. На славянском побережье высадилось три отряда датчан под командованием Кристофа, Абсалона и Магнуса¹⁸¹. Началось опустошение славянской территории. Результаты этого похода неизвестны.

¹⁷⁵ Saxo, l. XIV, p. 800. «Post modum Rugianis, recepta per Henricum fiducia palam adversum Danos inimicicias profitentibus...».

¹⁷⁶ Ibid., p. 800—804.

¹⁷⁷ Ibid., p. 802—803.

¹⁷⁸ Ibid., 802.

¹⁷⁹ Ibid., p. 804. «Tunc se Rugiani contrahendi a Saxonibus auxilii spe fraudatos experti, quatuor obsidibus prebitis, apud Strelam insulam pacem a rege pecunia questverunt».

¹⁸⁰ Ibid., p. 805.

¹⁸¹ Ibid., p. 806. «Vere appetente Absaloni, Christophoro et Magno particularis adversum Sclavos expeditionis ductus committitur».

После этого датский флот во главе с Вальдемаром двинулся к непокорному Велегощу. Но жители основательно укрепили город, и датчане не решились атаковать его. Они разорили его окрестности и сожгли полуотстроенный город Узноим¹⁸².

В шестилетней войне со славянами (1160—1166) датские феодалы не смогли закрепиться на славянских землях Прибалтики.

Война начала отрицательно сказываться на политическом положении внутри Дании. В это время в Дании появился новый претендент на престол — Борис¹⁸³, и внимание Вальдемара было отвлечено борьбой против него.

Вторжение датского войска в Трибужский край и попытка взять Велегощ свидетельствовали о прежнем стремлении Дании захватить славянское побережье. Вследствие этого отношения с Саксонией, которая преследовала те же цели, обострились. Генрих Лев в этих условиях пошел на сближение с поморскими князьями Богуславом и Казимиром¹⁸⁴, настроенными против Вальдемара. Попытка Вальдемара во время переговоров с Генрихом у р. Креппины урегулировать отношения с Саксонией была безуспешной¹⁸⁵. В это же время Дания находилась во враждебных отношениях с Норвегией.

Саксон Грамматик верно определяет сложившуюся обстановку полной изоляции датских феодалов. «Дания, — пишет он, — пребывала среди труднейших опасностей, она подвергалась частым козням соседей, замышлявших гибель ее; норвежцы, славяне и саксонцы выступали против нее, и поэтому она ни к кому не питала доверия, ожидая нападения»¹⁸⁶.

Все это заставило Данию искать выхода на дипломатическом поприще. Датские феодалы попытались установить мирные отношения с поморско-полабскими славянами.

От имени Дании со славянами начал переговоры какой-то Готшалк — славянин знатного происхождения¹⁸⁷. По описанию Саксона, он рассказывает, какие несчастья принесли немцы славянам, перечисляет преступления, совершенные саксами в Славии, и т. д.¹⁸⁸

Как отмечает Саксон, славяне «свергли господство саксов и возобновили дружбу с датчанами»¹⁸⁹.

Надо думать, что смена политической ориентации поморских князей диктовалась международной обстановкой, которая сложилась в том районе Европы. Поморяне в конце 60-х годов XII в. выступали против саксов и датчан лишь в союзе с бодричами. Непрекращавшиеся военные действия на суше и на море требовали огромного напряжения военных сил и больших материальных ресурсов. Поэтому поморские князья не могли отказаться от дипломатических средств борьбы. Меняя свою ориентацию, они рассчитывали обострить противоречия в лагере своих противников.

Такая политика в значительной степени способствовала восстановлению государства бодричей. Несомненно, что решающее значение в этом имела

¹⁸² Ibid., 817.

¹⁸³ Ibid., p. 807—809.

¹⁸⁴ Ibid., p. 810. «... Teutonico, fidei libricitas effecit. Quippe Henricus, Bugislavi, Danorum metu ad se decurrentis, Obsequium pactus, initam cum rege societatem tanquam ineptum et ignobile vinculum disicere parui habuit».

¹⁸⁵ Ibid., p. 810—811.

¹⁸⁶ Ibid., p. 814. «Eo tempore res Danica, circumquaque difficillimis obfusa periculis, crebris finitimorum insidiis tentabatur hinc Norvegiensibus, inde Sclavis Saxonibusque sibi perniciem machinantibus. Quo evenit, ut nulli hostium audacter obviandi fiduciam haberet, metuens, ne, dum unum repelleret, ab altero premeretur».

¹⁸⁷ Ibid., p. 815.

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ Ibid., p. 814. «Danorum amiciciam, abieta, Saxonum dominacione, repeteret».

последовательная поддержка поморскими князьями бодричского князя Прибыслава. Существенную роль сыграли также военные действия Прибыслава против вассалов герцога — Гунцелина и Бернгарда. Наконец, начавшаяся междоусобная борьба в Саксонском герцогстве ускорила заключение мира с Прибыславом¹⁹⁰.

По мирному договору 1167 г. Прибыславу были возвращены бодричские земли, за исключением Зверинской области¹⁹¹.

Таким образом, шестилетняя война со славянами закончилась отступлением немецких феодалов почти к исходным позициям. В результате войны захвачена была только Зверинская область.

Указанные выше обстоятельства (союз бодричей и поморян, успехи Прибыслава в борьбе с вассалами Генриха и раздоры между ними) заставили Генриха Льва пойти на компромисс и с Вальдемаром.

Гельмольд пишет, что герцог установил мир с Вальдемаром, и на р. Эйдор между ними состоялось соглашение, по которому предполагалось награбленную в будущем у славян добычу делить поровну¹⁹². Договариваясь об этом, агрессоры хотели таким способом ликвидировать противоречия между Данией и Саксонией и осуществить свои планы завоевания славянского Поморья.

Идеологи датско-немецких феодалов — хронисты Саксон Грамматик, сторонник Вальдемара, и Гельмольд, сторонник Генриха Льва — поддерживают политику компромисса между Данией и Саксонией.

Так, Саксон подчеркивает, что благодаря дружбе Генриха с Данией саксонский герцог может удерживать славян в подчинении¹⁹³.

Гельмольд в свою очередь утверждает, что мир и покой Дании обеспечил Генрих Лев¹⁹⁴.

Изучение немецко-датских отношений в этот период показывает, что между датскими и немецкими феодалами не было прочной основы для длительного объединения своих сил.

* * *

Завершающее наступление датских феодалов на Руяну в 1168 г. свидетельствует о том, что связи между славянами в борьбе против общего врага не всегда были прочными.

Урегулирование, хотя и временное, взаимоотношений с саксонским герцогом дало возможность датчанам начать подготовку к завоеванию Руяны.

Внутреннее положение Дании после победы Вальдемара над претендентом на престол Борисом стабилизировалось, и теперь Вальдемар хотел военными успехами доказать правильность своего внешнеполитического курса.

Тот факт, что в завоевании Руяны на стороне датчан участвовали поморские князья Казимир и Богуслав, а также бодричский князь Прибыслав¹⁹⁵, доказывает, что поход был хорошо подготовлен дипломатически. Очевидно, Вальдемар вел какие-то переговоры с Генрихом Львом и

¹⁹⁰ Helmhöldi, I. II, p. 6.

¹⁹¹ Ibid., p. 7.

¹⁹² Ibid., p. 6.

¹⁹³ Saxo, I. XIV, 815. «Igifur Henricus, ut repudiatam regis amicitiam, recuperaret, sine qua Sclavos arcere non posset».

¹⁹⁴ Helmhöldi, I. II, p. 6. «Et dedit rex duci pecuniam magnam, eo quod pacarentur termini eius per ipsum a vastatione Sclavorum». «Et ceperunt inhabitari omnes insule maris que ad regnum pertinent Danorum eo quod pirata defecisset et confracte sint poves predonum».

¹⁹⁵ Ibid., p. 12.

использовал междоусобицу в Саксонском герцогстве в своих интересах. Гельмольд пишет, что Генрих предложил славянам поддержать поход против Руяны¹⁹⁶. Несомненно, что в этом случае Гельмольд хочет показать Генриха Льва, как он это всегда делает, вершителем судеб датчан и славян.

Поморские князья и князь бодричей были независимыми правителями своих земель. Их внешняя политика была вполне самостоятельной. Их участие в походе против Руяны в союзе с датчанами неправильно объяснять только выполнением желания саксонского герцога. Известно, что Генрих Лев в то время сам находился в довольно тяжелом положении. Здесь, видимо, были иные причины: конкретная борьба между славянскими князьями, дипломатические мероприятия датчан.

Дания обещала участникам похода — славянским князьям, помимо трофеев, — часть территории Руяны. Поморян мог также ввести в заблуждение прецедент и с Велегощем; когда часть земель города была отдана поморскому князю Казимиру. Кроме того, у бодричей были свои счеты с Руяной. В самый тяжелый момент, в 1160 г., когда саксонские феодалы наступали на государство бодричей, руяне заключили с саксами, без достаточных для того оснований, мирный договор. Флот руян в составе датского флота участвовал в нападении на Велегощ. С 1160 г. Руяна самостоятельно вела борьбу с агрессорами, даже не делая попытки к возобновлению прежних союзнических отношений с поморянами и бодричами. Можно также допустить, что существовала конкурентная борьба между руянскими и поморскими городами, хотя данных об этом нет.

Однако все это вместе взятое не являлось достаточной причиной для выступления славянских князей в союзе с датскими феодалами.

Официально вторжение мотивировалось, по свидетельству Саксона, нарушением руянами мирного соглашения с Данией¹⁹⁷. Характерно, что Гельмольд не приводит каких-либо оснований для оправдания похода датчан, а лишь говорит, что Вальдемар хотел подчинить Руяну своей власти¹⁹⁸.

19 мая 1168 г. датский флот, усиленный войсками бодрического и поморских князей, высадился на побережье Руяны¹⁹⁹.

Саксон Грамматик подробно описывает операции датчан²⁰⁰. Если раньше датчане ограничивались грабежом сел и окрестностей городов, то на этот раз, располагая большими силами, они осадили столицу Руяны г. Аркону²⁰¹. Славянская армия рассчитывала удержаться в крепостях и, несмотря на то, что враги применяли разнообразные осадные орудия, оказывала отчаянное сопротивление. Осада длилась около месяца. Защитники Арконы, отрезанные от остальной территории превосходящими силами врагов, в числе которых было войско поморян и бодричей, вынуждены были капитулировать. Надо отметить, что, по отзывам Саксона, поморские князья Казимир и Богуслав храбро сражались²⁰².

15 июня 1168 г. Аркона была захвачена датчанами, святилище Святовита было разрушено. Вскоре сдалась неприступная крепость Кореница, находившаяся среди болот. Обращает на себя внимание то обстоятельство,

¹⁹⁶ Ibidem.

¹⁹⁷ Saxo, l. XIV, p. 821.

¹⁹⁸ Helmholdt, l. II, p. 12.

¹⁹⁹ Saxo, l. XIV, p. 822.

²⁰⁰ Ibidem.

²⁰¹ Ibid., p. 822—823.

²⁰² Saxo, l. XIV, p. 833. «Pomerani, quoque sub Kazimiro et Bugizlavo ducibus, spectante rege dimicare egregium rati, audacissima urbis opugnacione singulare virtutis specimem ediderunt».

что г. Кореница капитулировал при посредничестве представителя руянской знати Гранца²⁰³. После падения Арконы руянская знать прекратила сопротивление и выказала полное повиновение датчанам²⁰⁴. По-видимому, вследствие этого условия мира, заключенного между датскими феодалами и Руяной, не задевали интересы знати: жители острова должны были принять христианство, дать заложников и уплачивать ежегодную дань²⁰⁵.

По опыту прежних войн с Руяной Вальдемар знал, что ее подчинение представляет серьезные трудности. Поэтому он стремился упрочить свое положение на острове с помощью руянской знати. С этой целью Вальдемар и Абсалон не применяли каких-либо репрессий по отношению к правящей верхушке, а, наоборот, сохранили ее права и привилегии и, таким образом, превратили ее в послушное орудие своей политики.

Такая политика Вальдемара и Абсалона находилась в явном противоречии с надеждами и планами их союзников — славянских князей, мечтавших о разделе Руяны. Поэтому, узнав, что Тетислав остается правителем Руяны, поморские князья, как пишет Саксон, превратились из друзей в врагов²⁰⁶. Только после завоевания Руяны славянские князья поняли, что они были орудием датских феодалов. Все это, отмечает Саксон, привело к продолжительной войне²⁰⁷. Но, конечно, не руянский конфликт послужил причиной войны между Данией и Западным Поморьем. Завоевание Руяны являлось только этапом в общем наступлении на Поморье.

В цепи славянской обороны южного побережья Балтики после падения Руяны не стало важного звена. Теперь датские феодалы значительно приблизились к Западному Поморью, и только узкий пролив отделял их от побережья. Кроме того, флот руян, успешно сражавшийся в прошлом против датчан, теперь умножал морские силы Дании. Таким образом, датские феодалы были на пути к осуществлению своей основной цели — завоеванию Поморья.

Конфликт, возникший между славянскими князьями и датчанами после завоевания Руяны, послужил поводом к началу военных действий.

Славяне в течение последующих лет несколько раз нападали на датские острова²⁰⁸. По свидетельству Гельмольда, во время этих вторжений было взято много добычи и пленных. Он говорит, что ему рассказывали, будто в Мекленбурге на рынке продавали зараз 700 датских пленных²⁰⁹.

Саксон Грамматик сообщает о сражении между славянским и датским флотом у берегов Зеландии. Сражение происходило ночью, причем славянский флот атаковал датские силы. После некоторого сопротивления датчане отступили²¹⁰.

²⁰³ Saxo, l. XIV, p. 838—841.

²⁰⁴ Ibid., p. 839. «Quam postquam ab Absolone ductari cognovit, Granzam se esse confessus regem Totiszlavum cum Iaromiro fratre et universis Rugiane nobilitatis proceribus advenisse perdocuit».

²⁰⁵ Helmhöldi, l. II, p. 13. «Anno igitur incarnati verbi 1168 fundatum est opus nove plantationis in terra Rigianorum, et edificate sunt ecclesie et presentia sacerdotum illustrate. Serviruntque regi Danorum sub tributo, et excepit filios nobilium obsides et abduxit eos secum in terram suam».

²⁰⁶ Saxo, l. XIV, p. 845. «Quo tempore Pomeranorum duces qui Tetislavum regno exuendum seque Rugiane rei dominium in premium milicie receptures putabant, postulata obeundi licencia amicicia hostilitate mutarunt».

²⁰⁷ Ibidem, «Que res ipsis post modum ae Danis longam belli discordion interiecit».

²⁰⁸ Helmhöldi, l. II, p. 13.

²⁰⁹ Ibidem, «Audivi a referentibus, quod Mikelenburg die fori de captivitate Danorum septingente numerate sint anime, omnes venales, si suffecissent empores».

²¹⁰ Saxo, l. XIV, p. 857. «Interia rex Rugionorum classe auctus, perque ostia amnis Zwine Pomeraniam ingresus, Iulini oppidi ipso i intacto confinia populatur».

В 1170 г. датский флот, усиленный руянским, направился к устью Одры. Через Свину датчане прошли в Щецинский залив и подступили к Волину²¹¹. Здесь они встретили сильное сопротивление населения и направились к г. Каменю. Начать осаду этих городов из-за своей слабости датская армия не могла и поэтому ограничилась ограблением пригородов и ближайших поселений. Затем датчане попытались выйти из Щецинского залива. Однако груженные награбленным добром корабли не могли преодолеть мелкие места пролива²¹².

К этому времени на помощь жителям побережья Щецинского залива прибыло 50 кораблей под командованием Казимира и конница во главе с Богуславом. Саксон говорит, что в составе славянских войск были лучники Генриха²¹³. Датчане очутились в критическом положении. Не случайно Казимир говорил, что их ожидала смерть или пленение²¹⁴. В датском флоте вспыхнул мятеж ютландских моряков против Абсалона²¹⁵. Недовольство его агрессивной политикой проявляла и датская знать²¹⁶. Усмирив мятеж и воспользовавшись беспечностью славянских князей, датчане вырвались из залива и ушли в Данию.

В том же году поморяне организовали экспедицию против Дании. В декабре 1170 г. возле Фальстрии произошло морское сражение между флотом славян и датчан, результаты которого неизвестны²¹⁷.

В 1171 г. датчане напали на плохо защищенную территорию Трибужского края. Но и это нападение было неудачным²¹⁸.

Таким был, согласно источникам, ход военных действий между славянами и датскими феодалами в течение 1168—1171 гг.

Борьба, как мы видели, происходила между поморскими славянами и датчанами, и только однажды Саксон упоминает об участии в обороне славянского побережья лучников Генриха Льва.

Эти же события освещаются (правда, неполно) и в «Славянской хронике» Гельмольда. Однако нужно заметить, что Гельмольд, описывая события тех лет, пытается целиком и полностью поставить их в зависимость от саксонского герцога. Такое мнение, к сожалению, нашло сторонников среди польских и русских историков²¹⁹. По Гельмольду, Генрих Лев потребовал у Вальдемара, согласно договору, половину награбленного на Руяне богатств. Когда же Вальдемар отказался выполнить это, он приказал славянам напасть на Данию²²⁰. Славяне начали опустошать острова Дании, и в конце концов Вальдемар вынужден был просить Генриха прекратить нападение славян, обещая отдать половину добытого на Руяне²²¹. Правда, Гельмольд отмечает, что ленивые и почти всегда нетрезвые короли Дании организовали две экспедиции, опустошили край

²¹¹ Ibidem.

²¹² Saxo, I. XIV, p. 860. «Rugianis solis sex parvulas rates hac arte educere contigit, ceteras vero oneribus ad modum impeditas, disiungi quam abstrahi facilius fuit».

²¹³ Ibid., p. 860—861.

²¹⁴ Ibid., p. 861. «...Ratus, nihil hostium fortune preter mortem aut capcionem residui fore».

²¹⁵ Ibidem. «Que res adeo Iutensium animos metu confecit, ut Absalonem veluti concione circumditum polam conficiis aggredi deforme non ducerent, eius dustui imputantes, quod proprie festinacionis impulsu commizerant».

²¹⁶ Ibid., p. 863.

²¹⁷ См. К. Pieradzka. Указ. соч., стр. 89.

²¹⁸ См. там же, стр. 89.

²¹⁹ См. И. А. Лебедев. Последняя борьба балтийских славян против онемечения. М., 1876, стр. 280; К. Myśliński. Bogusław I. Szczecin, 1948, str. 25.

²²⁰ Helmhöldi, I. II, p. 13.

²²¹ Ibid., p. 14.

череспенян и напали на Альденбург²²². Затем по приказанию Генриха Льва славяне прекратили нападение на Данию²²³.

В действительности борьба 1168—1171 гг. между датскими феодалами и славянами велась почти независимо от Генриха Льва. Выступление славян было вызвано конфликтом, возникшим между славянскими князьями и Вальдемаром после завоевания Руяны.

Убедившись в безуспешности самостоятельного выступления против славян, Дания снова пошла на сближение с Саксонией. В герцогство были отправлены послы. Вслед за этим Вальдемар и Генрих вновь встретились в 1171 г. на р. Эйдор.

Переговоры между ними завершились соглашением, по которому Генрих получил половину руянских трофеев и впредь захватчики еще раз договорились делить все награбленное у славян поровну²²⁴. Договор был скреплен браком дочери Генриха Льва и сына Вальдемара. Снова наступило временное примирение агрессоров — немецких и датских феодалов.

К концу рассматриваемого десятилетия произошло чрезвычайно важное событие, отрицательно сказавшееся на обороне славян южного побережья Балтийского моря. В 1170 г. бодричский князь Прибыслав объявил себя ленником Фридриха I Барбароссы, принял титул мелкенбургского герцога и, таким образом, вместе с феодальной знатью перешел на сторону немцев.

Он получил равные с другими немецкими князьями права, но непосредственным сеньором Прибыслава стал саксонский герцог Генрих Лев.

Итак, борьба бодричей с наступлением немецких феодалов закончилась капитуляцией славянского господствующего класса, который в интересах сохранения своих земельных владений, прав и привилегий перешел на сторону врагов.

Мощный славянский барьер, долгое время защищавший западные границы Польского государства от натиска немецких феодалов, пал²²⁵.

В частности, для Западнопоморского княжества капитуляция правящей верхушки государства бодричей была чревата весьма серьезными последствиями. Во-первых, немецкие феодалы вместе с купцами их городов на большом протяжении береговой линии государства бодричей вышли к Балтийскому морю. Перед ними открылась перспектива использования балтийского торгового пути. Во-вторых, капитуляция бодричей означала для поморян потерю последнего союзника, который играл большую роль в защите западных границ Поморья. В-третьих, вследствие превращения государства бодричей в имперское княжество Поморье вынуждено было само защищать свою территорию от натиска немецко-датских феодалов, силы которых к тому же увеличились за счет бодричей. Опасность непосредственного вторжения на территорию Поморья теперь угрожала не только с моря, но и с суши.

* * *

Итак, усиленное наступление немецко-датских агрессоров в 1160—1171 гг. закончилось сужением фронта славян до территории Западнопоморского княжества. История борьбы полабско-прибалтийских и поморских славян с немецко-датскими захватчиками в рассмотренный период

²²² Ibid., p. 13.

²²³ Ibid., p. 14.

²²⁴ Helmholdt, I. II, p. 6. «Et inierunt pactum rex et dus, ut quascunque gentes terra marique subiugassent tributaacialiter partirentur» (см. 11, 13, 14).

²²⁵ См. «История Польши», т. 1, стр. 72.

показывает, что решающим условием отражения натиска агрессивных сил было объединение славян против их врагов.

В начале этого периода основные силы агрессоров были направлены против государства бодричей. Нейтралитет Западнопоморского княжества и неучастие руян в борьбе против агрессоров вызвали тяжелые последствия — захват в 1160 г. саксонскими феодалами территории бодричского государства. Но вступление поморских князей в борьбу в 1162—1167 гг. и возобновление сопротивления руян датским захватчикам резко изменили обстановку. Славяне добились перелома в борьбе с агрессорами; территория бодричей, за исключением Зверинской области, была возвращена славянам.

Недальновидная политика бодричского и поморских князей, примкнувших к Дании во время ее наступления на Руяну, привела к захвату острова датчанами. Следствием этого была потеря еще одного звена в общей цепи славянской обороны.

Завершающим событием того периода был обусловленный узкоклассовыми интересами переход бодричской знати во главе с Прибыславом на сторону немецких феодалов.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП В БОРЬБЕ ЗА ПОЛЬСКОЕ ПОМОРЬЕ

Третий и последний этап борьбы западных славян за южное побережье Балтики начинается в 1171 г. и заканчивается в 1181 г. В этот период немецко-датские феодалы развернули наступление непосредственно на Западное Поморье.

С Запада двигались на польское Поморье саксонские феодалы, с юга — феодалы Бранденбургской марки, а с моря не прекращались нападения датского флота.

Разумеется, положение удельного поморского княжества, которое вынуждено было защищать свою независимость без какой-либо помощи извне, было чрезвычайно серьезным. Однако мысль о защите родины умножала силы славян, и поэтому ни Дании, ни Саксонии, ни Бранденбургу не удалось добиться успеха. Но, несмотря на это, Западное Поморье в 1181 г. признало зависимость от Германии и стало платить ей дань.

Установившаяся после капитуляции бодричской знати граница между Мекленбургским герцогством с Западным Поморьем протяжением более 150 километров открывала для саксонского герцога возможность непосредственного вторжения на территорию Поморья. На юге поморские земли соприкасались с владениями бранденбургского маркграфа. Дания, обосновавшись на Руяне, обладала удобным плацдармом, который находился на расстоянии 20—100 километров от главных торговых городов-крепостей Западного Поморья. Кроме того, она имела опорные пункты на славянском побережье западнее р. Реки.

С 1171 по 1173 г. происходила подготовка агрессоров к наступлению на Западное Поморье, а поморские славяне усиленно готовились к обороне своей территории.

Соглашение Генриха Льва и Вальдемара I на Эйгоре в 1171 г. было, по существу, заключением договора о совместной агрессии на Поморье. Это было, конечно, известно поморским князьям Богуславу и Казимиру, и в их задачу входило разъединить, хотя бы на время, силы захватчиков. Благоприятным для поморских князей обстоятельством было непрекращавшееся соперничество между Саксонией и Данией, которые стремились к одной цели — завоеванию Поморья. Чтобы разъединить силы своих вра-

гов и обострить противоречия между ними, поморские князья пошли на сближение с саксонским герцогом.

Эта политика дала хотя и кратковременные, но положительные результаты. Поморским князьям удалось посеять рознь в стане врага, и дипломатические усилия датчан, отдавших Генриху Льву половину руянских трофеев, не увенчались успехом: в 1173 г. в наступлении против славян Генрих Лев не поддержал Дании. Понятно, почему Саксон Грамматик, придворный историограф Вальдемара I, с раздражением пишет об этом сближении поморских князей и саксонского герцога и оценивает его чрезвычайно тенденциозно. Он говорит: «Казимир и Богуслав из страха перед датскими силами отдаются Генриху и царство свое, до сих пор свободное, обращают в дар Саксонии»²²⁶.

Видимо, на основании этого свидетельства Саксона польский историк К. Мыслинский, разделив Западное Поморье на зоны влияния Генриха Льва и Вальдемара, высказывает мнение, что Казимир стал ленником саксонского герцога и мог рассчитывать на его помощь, а Богуслав, не будучи ленником герцога, подвергся нападению Вальдемара. Следовательно, союз Генриха и Вальдемара не был нарушен и ленные отношения Генриха с Казимиром продолжались²²⁷.

С этим мнением нельзя согласиться. Во-первых, хроники не говорят ни об одном сражении, в котором участвовал бы один из поморских князей; во всех сообщениях, в том числе и у Саксона, Казимир и Богуслав выступают как правители единого Поморского княжества (с этим согласен и Мыслинский). Таким образом, нет оснований утверждать, что Казимир пошел на установление ленных отношений с саксонским герцогом, а Богуслав остался независимым правителем своей территории. Саксон постоянно пишет о двух князьях, и в данном случае свое заявление о передаче поморского княжества в дар саксонскому герцогу он поясняет следующим образом: «Итак, в то время как одного из неприятелей бояться, другого принимают и желают его помощи и содействия в достижении старинной свободы» (курсив мой. — Я. З.)²²⁸. Саксон понимает, что все дипломатические усилия поморских князей сводятся к достижению старинной свободы.

Если поморские князья стремились разъединить противников, то саксонский герцог, заинтересованный в упрочении своих позиций в бывшем бодричском государстве и ликвидации последствий усобицы, нуждался в установлении на время мирных отношений с западнопоморскими князьями.

Богуслав и Казимир, вступив в мирные отношения с Генрихом Львом, особенно старались укрепить морские границы. Оборонные сооружения Велегоща, который контролировал проход в Щецинский залив, были перестроены. Одновременно в глубоких местах пролива Пены были забиты колья, а другие глубокие места были преграждены камнями²²⁹. Очевидно, два других прохода в Щецинском заливе не были укреплены.

В 1173 г. началось новое наступление датского флота на Западное Поморье, первая экспедиция была неудачной — датские корабли, не дойдя до устья Одры, повернули обратно²³⁰.

²²⁶ Saxo, l. XIV, p. 866. «Interea Kazimarus et Bugiszlavus Danicorum virium metu Henrico se subdunt, regnumque suum hucusque liberum Saxonici muneris faciunt».

²²⁷ См. К. Мыслинский. Boguslaw I, стр. 29—30.

²²⁸ Saxo, l. XIV, p. 866. «Ergo dum et hostibus alterum metunt alterius iugum sumpserunt, auxiliumque petendo atque libertatis beneficium amiserunt».

²²⁹ Ibid., p. 891.

²³⁰ См. К. Pieradzka. Указ. соч., стр. 90.

В том же году датский флот вторично двинулся в устье Одры. Через неукрепленный проход Свины датчане проникли в Щецинский залив и направились к Волину. Его жители, видимо, не надеясь на свои силы, оставили город, и он был сожжен датчанами²³¹. На этом закончились «успехи» датчан и начались безрезультатные попытки овладеть крупными городами Поморья.

Датчане подошли к Каменю, но не отважились осаждать хорошо укрепленный город и ограничились опустошением незащищаемых окрестностей²³². Узнав датское войско дважды пыталось взять, но безуспешно²³³. После этого, как пишет Саксон, «пренебрегая мнением саксонцев и не обращая внимания на противника, датчане продвигаются к старейшему городу Померании Щецину»²³⁴. Щецин был хорошо подготовлен к обороне, и датское войско встретило непреодолимое сопротивление гарнизона и населения города. Но во время осады правитель города Бартислав, родственник Казимира и Богуслава, начал переговоры с противником²³⁵.

Датчане выдвинули сравнительно скромные условия капитуляции города: уплату контрибуции, признание вассальной зависимости от Дании и разрыв всех отношений с Поморьем²³⁶. Бартислав принял условия, но продолжавшееся сопротивление горожан Щецина помешало реализовать соглашение щецинской знати и датчан. Не имея сил для штурма укрепленного города, датчане на этом закончили свои операции в Щецинском заливе, и датский флот оставил пределы Поморья.

Наступление 1173 г. не принесло датским феодалам желаемых результатов. Все укрепленные пункты славян отразили нападение врага. Датчанам вновь не удалось закрепиться в устье Одры. Лишь при посредничестве Прибыслава между датчанами и поморянами был заключен мир²³⁷.

Самостоятельные действия датских феодалов против Поморья показывают, что Поморье, опираясь на свои города-крепости, даже без помощи извне имело достаточно сил для отражения агрессии.

Стремясь любыми средствами осуществить свои завоевательные планы, датские феодалы вновь были вынуждены стать на путь сближения с саксонским герцогом, хотя прекрасно знали, что дружба его неискренняя²³⁸. Генрих Лев также мечтал о захватах славянских земель. Поэтому дипломаты Дании, выдвинувшие план совместных действий против поморян,

²³¹ Saxo, l. XIV, p. 891. «His obstaculis rex optato locorum accessu progibitus, classem postera adversum Sclavos expeditione promotam Zwinensibus ostiis inserit, Iulinique vacuas defensoribus edes incendio adortus, rehatitate urbis novitatem iterato penacium strage consumpsit».

²³² Ibid., p. 891—892. «Nec solum Iulini viciniam, sed et confinia Camini, ipso preterito, populatus est, ut factu celerius, ita quoque hostibus perniciosius ratus, patentem ruris ubertatem diripere quam dubia manimentorum claustra pulsare».

²³³ Ibid., p. 892. «Igitur repetito Ozno, tormentisque propter vallum erectis, obsidio fingitur, cuius specio dedicio obtineretur. Quam simulacionem spernentibus oppodanis, expeditioni finis imponitur».

²³⁴ Ibid., p. 866. «Sed Waldemarum Sacsonicam opem frustra, a Sclavis petitam, judicans utroque, hoste contempto, cum instructa classe Stitinum veterrimum Pomeranie oppidum, petit».

²³⁵ Ibid., p. 868. «Postquam, multo labore edito cassam ac difficilem oppugnatio, nem aspexit, reversus in castra Wartuszlavum admittit».

²³⁶ Ibid., p. 868. «Cuius precibus motus dedendi potestatem oppidanis indulsit, pecuniamque quantam erge universa Sclavia exolvere posset, cum obsidibus pactus, statuit, ut urbem Wartyzlavus a se in beneficio receptam tanquam regium munus consorcio Sclavice dominacionis eriperet».

²³⁷ Ibid., p. 892—893. «...Delegatur Pruszlavus, qui bellum apud Danos deprecaretur».

²³⁸ Ibid., p. 893. «Nam pervicaci euis ingenio nulla boni stabilitas serviebat. Cum gente nostra nunquam diutinas ac constantes amicitias gerere sustinuit».

встретили поддержку у Саксонии²³⁹. К этим захватчикам присоединился маркграф бранденбургский, также мечтавший о завоеваниях в Поморье.

Над Западнопоморским княжеством нависла угроза нападения Саксонии, Дании и Бранденбурга, и поморские князья начали готовиться к отражению агрессии.

Самым важным вопросом в подготовке к обороне Поморья был вопрос о союзниках, так как силы агрессоров были значительными, а надежды на компромиссный мир не было.

Политическое раздробление Польши, вызванное развитием феодальных отношений, дало возможность поморским князьям превратить Западное Поморье в суверенное княжество. Но номинальные связи Поморья с центральными землями Польши продолжали существовать. Поморский епископ принадлежал к Гнезненской епархии, поморские князья изредка посещали съезды польской знати и принимали участие в борьбе феодальных группировок, но до 70-х годов XII в. они ревниво защищали свою удельную независимость.

В центральных землях Польши в то время продолжалась междоусобица среди сыновей Болеслава Кривоустого, в которую были втянуты все или почти все князья Польши и князья соседних стран. Малопольские феодалы стремились захватить Галицкую Русь и искали союза с князьями волинскими. Галицкие князья нашли в Польше поддержку в лице князей Мазовии и Поморья. Таким образом, поморские князья активно участвовали в событиях, происходивших внутри Польского государства. Однако главной проблемой была оборона княжества от внешних врагов. Государственный аппарат, вполне справлявшийся с внутренними задачами, не мог в данных условиях обеспечить оборону княжества.

Угроза объединенного наступления немецко-датских феодалов ослабила сепаратизм поморской знати и вызвала у поморских князей усиление центростремительных тенденций. Теперь поморские князья, естественно, стремились к сближению с остальными землями Польши. Эта тенденция нашла поддержку и великого князя Польши Мешко Старого (1173—1177). Началось обычное для того времени заключение браков с дипломатическими целями. Сын поморского князя Богуслава женился на дочери Мешко, а в 1177 г. овдовевший Богуслав вступил в брак со второй дочерью великого князя²⁴⁰. Сын Мешко Старого женился на поморской княжне²⁴¹.

Поморские князья стали появляться на польских сеймах в Кракове и Гнезно²⁴². Разумеется, на сеймах они поднимали вопрос об обороне Поморья. Слухи о возможности военного союза между Мешко и Западным Поморьем дошли до Дании и отмечены Саксоном Грамматиком.

Характерно, что Дания больше всего боялась осуществления этих слухов. Так, Саксон пишет, что если поляки присоединятся к поморянам, то датчане могут не ожидать победы²⁴³. У него встречается попытка обосновать притязания Дании на Поморье, причем он подчеркивает, что Померания больше склонна к союзу с Данией, чем с Польшей²⁴⁴.

²³⁹ Saxo, l. XIV, p. 920—921.

²⁴⁰ Magistri Vincentii episcopi Cracovienses. Chronica Polonorum, MPH II Cracoviae, 1862, IV, 165.

²⁴¹ См. J. Mitkowski. Pomorze zachodnie w stosunku do Polski, str. 62.

²⁴² См. K. Myśliński. Указ. соч., стр. 31.

²⁴³ Saxo, l. XIV, p. 865. «Ceterum si Polanis ac Sclavis contra Danos, dimicaturis aciam Saxonica accessissent auxiliava, nescire se, quam partem victoria propiore esset auguraturus».

²⁴⁴ Ibidem. «Quod si, Pomeranorum vires Polonensibus sociate ferro cum Danis decernere debuissent, malle se tuciusque posse Danicas partes quam adversas fovere».

Однако политическое сближение не привело к объединению военных усилий центральных княжеств Польши и Поморья против захватчиков. Этому помешали феодальная раздробленность Польши и порожденная ею беспрерывная междоусобная борьба.

Мешко Старому противостояла феодальная группировка во главе с младшим сыном Болеслава III Казимиром. В эту группировку входили духовенство Польши, Болеслав Высокий в Силезии и сын Мешко Одон в Великой Польше.

Воспользовавшись тем, что внимание Мешко было поглощено установлением связей с Поморьем, Казимир овладел Краковом, а Одон захватил Познанскую землю. Мешко Старый вынужден был бежать в Поморье (1177)²⁴⁵.

Пришедшая к власти феодальная группировка отказалась от политики активной защиты Поморья, и, таким образом, все надежды поморских князей на поддержку других польских земель в борьбе с агрессивней немецко-датских феодалов не оправдались. Западное Поморье начало готовиться к обороне. Так, известно, что над Свиной поморяне построили две крепости, защищавшие этот проход от проникновения датского флота в Щецинский залив²⁴⁶.

В 1177 г. силы созданной по инициативе датского короля Вальдемара коалиции вторглись на территорию Западного Поморья. Вновь, как и 30 лет назад, во время крестового похода, против славян выступили феодалы северо-восточной части Германии и Дании. Если в 1147 г. им противостояли объединенные силы бодричей, лютичей, поморян и руян, то теперь защита польского побережья легла на плечи населения Поморья. Перевес сил на стороне агрессоров заставил поморян применить тактику активной обороны, но в пределах укрепленных городов.

Усиленный руянскими морскими судами, датский флот во главе с Вальдемаром через Свино ворвался в Щецинский залив и направился к отстроенному Волину. Жители, как и в путешествующий раз, оставили город, и он был окончательно разрушен (после этого Волин уже не восстанавливался)²⁴⁷. Затем датчане подошли к г. Гжешеву и сожгли его. Вслед за этим датские войска на время прекратили военные действия.

В то время как Вальдемар жег незащищенные города побережья, войска Генриха Льва совместно с войсками бранденбургского маркграфа начали осаду Дымина²⁴⁸. Вначале захватчики пробовали штурмом взять его, но, убедившись в тщетности своих усилий, попытались отвести воду от города и этим заставить население капитулировать. Однако такое мероприятие тоже не удалось из-за разлива вод. Осада затянулась на 10 недель. Как передает Саксон, Вальдемар намеревался оказать помощь своим союзникам, но непроходимые болота остановили его армию, и он повернул назад²⁴⁹. Ввиду затянувшейся осады Дымина Вальдемар попытался встретиться с Генрихом и обсудить положение²⁵⁰, однако встреча не состоялась.

После своих неудачных попыток Вальдемар сжег оставленные жителями города Узноим и Хоцков²⁵¹.

²⁴⁵ Ibid., IV, 177.

²⁴⁶ Saxo, l. XV, p. 953. «Interea Sclavi castello quod propter Zvynensia ostia militi fuerant, ...bina alia iisdem in locis...».

²⁴⁷ Saxo, l. XIV, p. 921, «Iulinum oppidum, incolarum fuga desertum incendio tentat...».

²⁴⁸ Ibidem. «Henrico Diminum obsidione complexo».

²⁴⁹ Ibid., p. 921.

²⁵⁰ Ibid., p. 923. «Post hec rex Henricum, diutina Diminensium obsidione suspensum, alloquio petiturus».

²⁵¹ Ibidem. «... Urbem Cozcoam a nemine defensam igni implicitam reliquit».

Генрих Лев и Оттон Бранденбургский, видя невозможность взять Дымин, пошли на переговоры со славянами. Получив несколько заложников, агрессоры прекратили военные действия и ушли за пределы страны²⁵².

Таким образом, широко задуманное наступление немецко-датских феодалов, целью которого было окончательное подчинение Поморья, провалилось.

Основной причиной этого было героическое сопротивление народных масс Поморья. Полностью оправдала себя тактика славян в обороне. Концентрация сил в главнейших укрепленных пунктах, хотя и требовала принесения в жертву ряда незащищенных городов, дала возможность успешно отразить все атаки врагов.

Значение этой победы поморских славян велико еще и потому, что поморяне выступали одни против объединенных сил трех агрессоров.

Последней попыткой датчан добиться каких-либо успехов в осуществлении завоевания Поморья была экспедиция датского флота против Велегоща. Руководство экспедицией было поручено Абсалону, который к тому времени стал архиепископом, и сыну Вальдемара Кануту.

Саксон Грамматик говорит, что Вальдемар, не удовлетворившись местью грабителям, решил организовать поход против Славии²⁵³. Более веских причин хронист не мог придумать. Однако обращает на себя внимание отмеченная неудовлетворенность Вальдемара результатами своей внешней политики.

Флот датчан подошел к г. Острожно и войско опустошило его окрестности²⁵⁴. Затем датчане вошли в пролив Пену и, высадившись у Велегоща, осадили его. Безуспешная осада сопровождалась грабежом окрестностей города.

Поморские князья Богуслав и Казимир, чтобы предотвратить дальнейшее разорение незащищаемых славянских земель, начали переговоры о мире. Датчане, получив две тысячи марок серебром, прекратили военные действия и возвратились в Данию²⁵⁵. Так закончилось это последнее выступление датчан против поморских славян.

По сообщению Саксона, Поморье было доведено до крайнего истощения. Он пишет, что если мира не будет, то славяне вынуждены будут сдаться²⁵⁶. Однако его мнение не соответствовало действительному положению Поморья. В руках поморских князей находились все главные города-крепости, за исключением сожженного Волина. И сухопутные и морские силы славян, несомненно, могли осуществлять защиту Поморья.

Но нельзя, конечно, не учитывать, что операции датского флота против поморян пагубно отразились на морской торговле поморских городов. Купцы других стран и, по-видимому, новгородские прекратили свои торговые связи с Поморьем (нападения на русские суда, как показано выше, начались еще в 30—40-х годах XII в.).

В результате вторжений датчан Волин, Велегощ, Узноим были разрушены, а пригороды (наиболее торговая часть городов) были опустошены и в ряде других городов Поморья, ввиду чего поток товаров, шедший по Одре и Висле через поморские города и Балтийское море на восток,

²⁵² Saxo, l. XIV, p. 924.

²⁵³ Saxo, l. XV, p. 926. «Post hec rex nondum ulcionis in rerum suarum raptores societatem adeptus, expidicione Sclaviam petere statuit».

²⁵⁴ Ibid., p. 927.

²⁵⁵ Ibid., p. 927—928.

²⁵⁶ Ibid., p. 929. «Iam enim Sclavorum vires eo tenuitatis esse redactas, ut, si pax desit, dielicionem sequi necesse habeant».

изменил свое направление. Главную роль стал играть торговый путь по суше, связывавший восточных и западных славян: Киев—Краков—Прага—Регенсбург.

Итак, начиная с 60-х годов XII в. торговое значение поморских городов упало, а вместе с тем была подорвана основа, на которой зиждилось могущество польского Поморья.

Феодалная раздробленность Польши исключала возможность военной поддержки поморян со стороны остальных польских земель. Это в значительной степени было обусловлено еще и тем, что внимание достаточно сильной малопольской группировки феодалов было отвлечено борьбой за подчинение соседней Галицкой Руси. Таким образом, внешняя политика преобладавшего большинства польских феодалов ничего общего не имела с действительными интересами Польского государства.

С приходом к власти Казимира (1177) малопольская группа феодалов приобрела в Польше большой вес, а после Ленчицкого съезда 1180 г., решения которого усилили феодалное раздробление Польши, влияние малопольских феодалов еще более возросло. Это подтверждается отказом Казимира от активной политики на Западе и в то же время активным участием его в борьбе малопольских феодалов за Галицкую Русь²⁵⁷. Не случайно поморские князья выступали вместе с мазовецкими князьями против малопольских феодалов и поддерживали Галицкую Русь²⁵⁸.

Это направление польской внешней политики окончательно убедило правящие верхи Поморья в том, что ждать помощи от других польских феодалов в будущих столкновениях с захватчиками напрасно. Вероятность же нового натиска на Поморье была очень реальной. Дания хотя и приостановила военные действия, но не отказалась от своих планов завоевания Поморья. Саксонская агрессия лишь временно прекратилась из-за приближавшегося конфликта между императором и саксонским герцогом.

Ввиду этого, оставшись без союзников и без перспектив получить поддержку извне, поморская знать начала склоняться к соглашению с противником.

Завершающий этап в истории защиты славянами южного побережья Балтийского моря от иноземных захватчиков связан с борьбой в Германии Вельфов и Гибеллинов.

Как известно, Генрих Лев, занятый славянскими делами, отказался идти на Италию с Фридрихом I Барбароссой. В битве при Леньяно (1176) горожане северной Италии одержали победу. Фридрих I, подобно Генриху IV, должен был склонить голову перед папой и итальянскими городами. Планы покорения Италии провалились, и в этом косвенно был виноват, по мнению Фридриха, самый могущественный вассал его Генрих Лев.

Не покидавшие Фридриха честолюбивые планы создания общеевропейской империи рухнули, и встал вопрос об укреплении позиций Штауфенов в Германии.

Основным препятствием на этом пути были Вельфы, главой которых был Генрих Лев, создавший на севере Германии независимое государство, расширявшееся за счет славянских земель.

Тогда Фридрих I Барбаросса выступил против этого непокорного вассала с оружием в руках. Генрих вынужден был отступить к Любеку. Фридрих осадил Любек, и союзники Генриха, убедившись в превосходстве сил Фридриха, начали переходить на его сторону. Генрих бежал на

²⁵⁷ См. «История Польши», т. I, стр. 73.

²⁵⁸ Там же, стр. 72.

левый берег Лабы в крепость Штаде. Во время наступления Фридриха Вальдемар перешел на его сторону. То же самое сделали славянские князья, хотя цели у этих новых союзников Фридриха были различные. Двор Вальдемара рассчитывал при помощи Фридриха твердо обосноваться на Балтийском побережье и в первую очередь захватить Западное Поморье, поэтому Вальдемар со своим флотом направился к устью р. Травны и, таким образом, блокировал Любек с севера. Оказывая поддержку Фридриху, Вальдемар надеялся получить Поморье в качестве лена.

Саксон довольно пространно описывает, как Вальдемар помогал Фридриху в борьбе с Генрихом, который до недавнего времени был союзником Дании.

В это же время, т. е. после взятия Любека, пишет Саксон, Казимир и Богуслав послали к императору легатов и получили от него звание сатрапов²⁵⁹ (нужно заметить, что у Саксона ошибочно упоминается имя Казимира, который погиб еще в 1180 г., накануне этих событий).

Совершенно противоположной точки зрения придерживался Фридрих: он не хотел усиления Дании, больше того, в его планы входило иметь таких вассалов на севере Германии, которые противостояли бы Вельфам и датчанам. Поэтому переговоры с Богуславом шли успешно и завершились в 1181 г. переходом Богуслава в вассальную зависимость к Фридриху.

Это было отказом от активной борьбы за независимость, капитуляцией, совершившейся в чрезвычайно сложной и трудной для поморян обстановке. Нет сомнения, что противники поморян превосходили их численностью и с объединенными войсками Фридриха и Вальдемара поморяне вряд ли справились бы. У Богуслава было два пути: или продолжать поддерживать Генриха Льва — врага славян жестокого и близкого, а значит, начать войну с Фридрихом и Вальдемаром, ибо сближение между ними произошло бы тотчас вслед за выступлением славян против Фридриха, — или перейти на сторону Фридриха, уравниваться с его вассалами, в том числе и с Вальдемаром — заклятым врагом поморян, и признать своим сюзереном все-таки далекого императора. Богуслав выбрал последнее — это отвечало интересам господствующего класса, для которого вопрос о подчинении не был проблемой, а Фридрих был наиболее подходящим сюзереном. Последнее свободное Западнопоморское княжество было превращено в имперский лен. Поморяне потеряли независимость. Правда, вначале обстановка на Поморье не изменилась, больше того, установился мир. Однако со временем начался процесс онемечения и превращения этой территории в немецкую.

Переход Богуслава в вассальную зависимость к Фридриху I был сокрушительным ударом по планам Вальдемара. Поморье было навсегда утрачено для Дании. Не случайно Саксон с такой злобой говорит о переходе Богуслава на сторону Фридриха, рассматривая его шаг как обмен свободы отечества на ненужные титулы²⁶⁰. Переход Поморья к немцам не потому возмущает Саксона, что славяне потеряли свободу вообще, а потому, что славяне попали в руки не датчан, а немцев.

²⁵⁹ Saxo, l. XV, p. 948—949. «Qui dum oppidum Lubecum obsidere cepisset Bogiszlavique et Kazimari fratrum vires ad modum suspectas haberet, utrique se potencie et claritatis incrementa daturum, subornata legacione, promittit provincias, quas hastenus obscure et sine honorum insignibus gesserint, satrapam nomine recepturus».

²⁶⁰ Ibid., p. 952. «Annunte rege, posteroque die concionem petente, Bugiszlavum et Kazimirum datis solenniter aquillis, Sclavie duces appellat, veterem atque hereditariam patrie libertatem vanis atque fucosis dignitatum nominibus venditantes».

Для Дании переход Поморья под протекторат Фридриха был катастрофой, завершившей дорогостоящую, продолжительную и истребительную войну за эту территорию.

После 1181 г. на южном побережье Балтийского моря начинается длительный и болезненный процесс онемечения, длившийся вплоть до новых времен.

Третий этап (1171—1181) в обороне Поморья отличается от двух предыдущих тем, что на население Западного Поморья в связи с подчинением Руяны Дании и переходом бодрической знати на сторону немцев легла вся тяжесть обороны южного побережья Балтики.

На данном этапе борьбы поморские князья использовали постоянные противоречия в стане врага и с помощью дипломатии на время изолировали Данию от Саксонии. Это дало возможность добиться невмешательства Саксонии в наступление 1173 г. и успешно отразить нападение датчан.

В это время поморские князья зондировали почву в Польше для установления политических и военных связей и нашли поддержку у некоторых представителей правящих кругов.

Однако усиливавшееся политическое раздробление, междоусобная борьба, а также изменение внешней политики — отказ от защиты северо-западных границ и переход к наступлению на Галицкую Русь — препятствовали осуществлению планов совместной обороны Поморья.

Наступление датских, саксонских и бранденбургских феодалов поморье встретили одни и героически отразили вторжение агрессоров (1177).

Таким образом, и на этом этапе борьбы за славянское побережье Балтики славяне на поле боя не потерпели поражения.

Но непрерывная война поглотила много людских и материальных ресурсов. Война на море с датским флотом, препятствовавшая нормальным торговым операциям поморских городов, подорвала экономическую основу Западного Поморья.

В этих условиях, во время борьбы императора Фридриха I с саксонским герцогом Генрихом Львом, когда у границ Поморья были сконцентрированы силы почти всей империи, поморская знать во главе с Богуславом, спасая свои привилегии и права, в 1181 г. перешла на сторону немцев.

Первой и основной причиной того, что Польша надолго утратила южное побережье Балтийского моря, были прогрессирующее ослабление и распад образовавшегося в ходе борьбы с агрессорами в 1147 г. союза полабских и поморских славян, отход от союза острова Руяны, а затем государства бодричей. Немаловажную роль сыграло прекращение борьбы лютичей, полавших в подчинение к немецким феодалам. Вследствие этого Западное Поморье на последнем этапе вынуждено было без какой-либо помощи извне отражать натиск превосходящих сил Саксонии, Дании, Бранденбурга, а к концу этого этапа в борьбу вмешалась империя.

Вторым важным обстоятельством было ослабление экономической мощи славян в результате непрерывного натиска агрессоров с суши и особенно с моря. Война на море с датчанами нарушила торговые связи поморян с другими странами, в частности по Балтийскому морю с Новгородом и другими городами Киевской Руси, и подорвала экономическую основу западославянских прибалтийских городов. Естественно, что это отразилось и на военной мощи славян.

Третьей причиной был вызванный феодальным расчленением в связи с развитием сепаратизма Польского государства отказ большинства польских феодалов от защиты своих северо-западных границ, в частности Поморья, разрыв дружественных отношений с Русью и переход значительной части польских феодалов в наступление на Галицкую Русь.

Завершающим моментом была капитуляция славянской знати во главе с князьями и переход их на сторону немецких феодалов, несмотря на то, что вооруженные силы славян не были разбиты ни на суше, ни на море.

Все перечисленные обстоятельства и обусловили потерю славянами важных торговых городов-портов на южном побережье Балтийского моря, а это привело к вытеснению славянских купцов с балтийского торгового пути.

Результатом этого был разрыв многосторонних связей западных славян с народами востока и скандинавского севера.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Н. Мельникова.</i> Классовые противоречия в Чехословакии и борьба трудящихся против наступления буржуазии в первые годы частичной стабилизации капитализма (1924—1925)	3
<i>И. И. Костюшко.</i> К истории крестьянского движения в Царстве Польском во второй половине 40-х годов XIX в.	92
<i>И. И. Лециловская.</i> К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в.	114
<i>В. Н. Кондратьева.</i> К вопросу о предпосылках восстания 1858 г. в Боснийской Краине и Посавине	157
<i>И. В. Галактионов.</i> Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове	191
<i>Я. П. Зинчук.</i> Борьба западных славян против агрессии немецко-датских феодалов в конце XII в.	250

Ученые записки Института славяноведения, том XVIII

Утверждено к печати Институтом славяноведения АН СССР

Редактор издательства Н. М. Тихомиров. Технический редактор И. Н. Дорохина.

РИСО АН СССР № 54—75В. Сдано в набор 21/V 1959 г. Подписано к печати 19/VIII 1959 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. 18,25 печ. л. 25 усл.-печ. л. 27,2 уч.-издат. л. Тираж 1500 экз. Т-09166. Изд. № 3676.

Тип. зак. № 217.

Цена 17 руб. 80 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
1-я типография Изд-ва АН СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

